ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ МАРКСИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА
ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Д. РЯЗАНОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МАРКСИЗМА

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ МАРКСИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д Рязанова
выпуск первый

Д. РЯЗАНОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МАРКСИЗМА

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -1928 - ЛЕНИНГРАД

НАБРАНО
в типографии Госиздата «Красный Пролетарий». Москва, Пимен. 16.

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.
Главл. № А-965. Гиз № 22046.
Заказ № 2080. Тираж 5000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В издаваемых теперь «Очерках по истории марксизма» мною собраны работы, в которых я ставил себе целью исследовать мало или совсем не известные стороны практической и теоретической деятельности обоих основоположников научного социализма.

Работы эти можно разделить на несколько групп. В первую из них вошли статьи и исследования, которые дают новые материалы для биографии Маркса и Энгельса. Большинство их написано мною еще до Октябрьской революции, в то время, когда я подготовлял издание статей и памфлетов Маркса и Энгельса за 1850—1862 гг.

Во второй группе собраны мои работы, в которых я впервые привел в известность оставшееся после Маркса и Энгельса литературное наследство. Вновь найденные мною материалы подвергнуты были обработке в ряде исследований, посвященных литературной деятельности Маркса и Энгельса до создания ими «Коммунистического манифеста» и главным образом Энгельса в связи с его работами о диалектике природы.

Третья группа составилась из исследований по истории Первого Интернационала. В них рассматриваются эпизоды, специально связанные с именами Маркса и Энгельса или характеризующие их взгляды на узловые события в истории рабочею движения

60-х годов. Другие работы по истории Интернационала войдут в особый том.

Четвертая группа охватывает работы, в которых исследуется вопрос о взаимоотношениях между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и «русскими людьми сороковых годов» — с другой, а также вопрос о судьбах марксизма в России.

В пятой группе читатель найдет работы, в которых я исследовал развитие взглядов Маркса и Энгельса на различные вопросы внешней политики.

Не имея теперь времени обработать для печати ряд других докладов по истории и теории марксизма, я пока ограничился тем, что в последней, шестой, группе вновь перепечатываю уже опубликованные отдельные доклады: «Военное дело и марксизм» и «Маркс и Энгельс о браке и семье».

Выводы, к которым я пришел в результате моих исследований, основаны не только на критическом пересмотре имевшегося уже печатного материала, ускользнувшего, однако, от внимания различных марксоведов, но и на огромном архивном материале, открытом и разработанном мною впервые. Во многих пунктах мне пришлось резко разойтись не только с историками-немарксистами, но и с такими авторитетными представителями историографии марксизма, как покойный Меринг, с которым я должен был даже вступить в полемику.

На последнем эпизоде я вынужден остановиться. Читателям, которые незнакомы с немецким языком, полемика эта была до сих пор известна только по весьма свирепым, но очень мало убедительным примечаниям, которыми Меринг снабдил свою биографию Маркса. Если в предисловии к своей книге Меринг еще изображает меня только сионским стражем марксизма, ревниво оберегаю-

щим неприкосновенность различных партийных легенд, то в примечаниях он меня уже превращает в злодея, который учинил покушение на убийство его книги, когда она находилась еще в зародышевом состоянии.

Мне нечего уверять читателей, что мне и в голову не приходило совершать такие ужасное злодейство. Речь шла только о различной оценке отношений Маркса к Бакунину и Маркса к Лассалю. Меринг, под сильным впечатлением компиляции Бруп-бахера, принял почти целиком старую анархистскую легенду о злодее Марксе и «невинно убиенном» Бакунине. Именно против этой попытки покрыть марксистским флагом плохонький анархистский товар я и выступил в ряде статей, напечатанных в «Neue Zeit». И когда Меринг отрицает за марксистом право выступить в защиту партийной чести Маркса, когда он называет это попыткой превратить Маркса в «скучного примерного мальчика», то он только забывает следующие слова, в которых он объяснял, почему ему приходится посвятить не мало места защите Маркса от обвинений Руге.

«Маркс обыкновенно проходил мимо таких нападений на его личный характер с презрительным молчанием, если они только не вредили защищаемому им делу. И это было, конечно, *его* право. Но *наше* право, право тех, которые чтут в нем своего учителя,— счищать с его блестящего щита грязь, которую в него бросают люди, не имеющие никакого понятия о том, что собою представляет Маркс как историческая личность».

А обвинения Руге — сущие пустяки в сравнении с той грязью, которою забрасывали Маркса анархисты.

Если можно и должно относиться критически к Марксу и Энгельсу,— и я показал это в нескольких работах, которые Меринг удостоил самых лестных похвал; — если можно опровер-

гать легенды, созданные с легкой руки Маркса и Энгельса, то не менее святое право имеет марксист разрушать и легенды, созданные анархистами. И мне удалось показать, что ряд глупейших инсинуаций и грязнейших клевет, которыми старались запачкать партийную честь Маркса, которые приняты были на веру Бернштейном и Рингом, — просто высосаны из пальца.

Октябрьская революция извлекла теперь из недр старых жандармских архивов много нового материала, который показывает, как наивно превращать Бакунина в, правда, очень путаного, но зато уже несомненно «святого» революционера. А вместе с этим возникает ряд вопросов, на которые очень трудно ответить с точки зрения анархистов и Меринга. Во всяком случае, решение их требует еще внимательного исследования и критического рассмотрения, не останавливающегося ни перед какими легендами — как марксистскими, так и антимарксистскими.

Более того. Пора, и очень пора, пересмотреть критически не только биографию Маркса и Энгельса, в области которой пришлось и придется еще не мало поработать и после Меринга, — необходимо также критически пересмотреть и всю историю рабочего движения и социализма в различных странах. В первую очередь придется подвергнуть критике не официозную, как часто ее называли, но все же слишком официальную, несмотря на все старания автора быть самостоятельным, «Историю германской социал-демократии» Меринга. Достаточно сколько-нибудь внимательно прочитать переписку Маркса и Энгельса, чтобы убедиться сейчас же, в какой большой переработке нуждается работа Меринга даже в тех ее частях, где он, как в вопросе о Лассале и Швейцере, расходится с Либкнехтом и Бебелем. И неудивительно: все главные работы Меринга в области истории марксизма закончены были

чуть ли не четверть века назад. Даже в изданной им в 1918 г. биографии Маркса он лишь в очень недостаточной степени использовал новые, открытые мною и Густавом Майером, материалы. Вполне прав поэтому И. И. Степанов, когда, в своем предисловии к новому русскому изданию «Истории германской социал-демократии», указывает на необходимость основательной переработки многих отделов труда Меринга.

Дополнением к издаваемым мною теперь очеркам могут служить мои лекции о Марксе и Энгельсе, читанные на курсах по марксизму при Социалистической Академии [1]) Я остановился в своих лекциях более подробно на тех моментах, которые, по моему мнению, недостаточно разработаны или неверно освещены у Меринга.

Считаю нужным заметить, что собранные в этих томах очерки и исследования печатаются почти без всяких изменений. Кроме нескольких примечаний, напечатанных в приложении к первому тому, я во втором томе делаю дополнение к статье «Маркс и русские люди сороковых годов». Новые данные заставляют вновь пересмотреть вопрос о том, был ли тем Толстым, письмо которого я нашел в бумагах Маркса, Яков Толстой или какой-нибудь другой Толстой.

[1]) Д. Рязанов, Маркс и Энгельс Госиздат 1928 г.

Д. Рязанов.

Май 1928 г.

I

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ К.МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС В ИХ ПЕРЕПИСКЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

I

Исторический процесс несомненно представляет собою естественно-необходимый процесс. Люди, выступающие всегда в определенном, групповом и классовом одеянии, не могут изменять или направлять его по своему произволу, но все же он остается процессом самих людей, на который оказывают известное влияние так называемые исторические личности.

Правда, можно отвлечься от этой исторической конкретности, можно сказать,— и с теоретической точки зрения это будет правильно,— что этот исторический процесс или определенная часть его, та или иная перемена в жизни народов произошли бы и без содействия данной исторической личности. Или, выражаясь иначе, можно сказать, что если бы выполнителями этого процесса не выступили личности А. и Б., то нашлись бы другие личности В. и Г., которые сделали бы то же самое. Но тем не менее данный исторический процесс во всем его своеобразии, в той форме, как он выступает уже в комплексе данных, имевших место отношений и событий, может быть вполне понят и объяснен нами лишь в том случае, если мы в состоянии правильно понять и его персональные факторы. Это значит, что мы должны понять деятельность людей, бывших активными участниками определенной эпохи, и объяснить ее из их среды как общеисторической, так и индивидуальной. Правда, эти люди выступали при условиях, которые они нашли, данных независимо от их воли, но они поняли их определенным образом и сознательно пытались изменить их в определением направлении.

В отличие от так называемой «культурной» истории, материалистическое понимание истории нисколько не отрицает значения

в национальной и международной жизни великих *политических* поворотных моментов. Также мало оно отрицает значение исторических личностей. Конечно, даже сильная, выдающаяся личность не может изменить направление общественного развития; она может определять его форму и способ проявления лишь в ограниченных пределах, но тем не менее она может оказывать влияние на историческое развитие, накладывая на него печать своей индивидуальности, самостоятельно создавая в той или иной идеологической форме,— хотя при исторически определенных условиях,— «сознание», в котором отражается или проявляется «бытие» определенной эпохи.

Правда, и для осуществления этих идей, для их воплощения в действительность, для распространения их в определенной общественной среде необходим целый ряд факторов, которые не зависят от воли указанных личностей и одни только превращают эти идеи в творческие силы ; но вместе с тем не подлежит сомнению, что именно своими идеями эти исторические личности влияют даже на последующие поколения.

Уже с одной этой точки зрения, биографический элемент сохраняет большое значение для материалистического понимания истории не только в качестве показателя великих исторических перемен. И одним из интереснейших явлений мировой истории является факт, что эта «творческая сила» идей и решающая роль исторических личностей нигде не проявилась так полно, как в жизни обоих основателей материалистического понимания истории, якобы совершенно отрицающего роль «субъективного» элемента в мировой истории. Никто не оказал такого сильного влияния, как Маркс и Энгельс, на величайшее в мировой истории массовое движение, а именно на международное рабочее движение, никто не оплодотворял с такою силою своими идеями сознания нескольких поколений в различных странах, как оба эти великих мыслителя, которых и после их смерти неоднократно уничтожали, но которые всегда возрождались к новой жизни.

С этой точки зрения, одною из важнейших и интереснейших задач современной истории является научная биография Маркса и Энгельса, которая исчерпывающим образом показала бы всю их деятельность — теоретическою и практическую, которая объяснила бы нам их личности как из их индивидуальных особенностей, так и из воздействия исторической среды — понимая под последнею са-

мые различные ее ступени, начиная с непосредственной и кончая всемирно-историческою,— которая нарисовала бы развитие во всех фазах их миросозерцания, одновременно сделавшегося господствующей теорией международного рабочего движения.

Но до последнего времени отсутствовали два главных условия для такой работы: не было, во-первых, научного издания *всех* сочинений Маркса и Энгельса и, во-вторых, издания всей их переписки.

Если значение Маркса и Энгельса заключается в их миросозерцании, в сумме идей, брошенных ими в исторический процесс, то проследить с точностью возникновение и развитие этого миросозерцания мы сможем только тогда, когда перед нами будет вся картина их интеллектуальной деятельности, когда будут выяснены не только все составные элементы великого творения Маркса и Энгельса, но и все результаты их научной,политической, организаторской повседневной работы, которая шла об руку с самой интенсивною теоретической работой.

Правда, в последнее десятилетие в этом направлении сделано немало. Литературное наследство Маркса и Энгельса, изданное Мерингом, бросило новый свет на время до 1850 года. Но, как много остается еще сделать в этом отношении, даже в хронологических рамках работы Меринга, показывают изыскания Майера, раскрывшие совершение неизвестные до сих пор стороны в развитии Энгельса [1]).

Много также пробелов обнаруживает еще до сих пор время первого пребывания Энгельса в Манчестере и брюссельский период 1845—1848 годов, т. е. время подготовки и создания Коммунистического манифеста [2]).

Еще хуже обстояло дело с периодом после 1851 года. Нам была известна только незначительная часть литературных работ обоих друзей в европейских и особенно американских журналах: а между тем, это был период, когда научный социализм мог впервые более интенсивно применять в различнейших областях основные положения и методы, выработанные им еще до 1848 года.

---

[1]) Ср. G. Mayer, Die Anfänge eines politischeben Radikalismus im vormärzlichen Preussen. «Zeitschrift für Politik»; Ein Pseudonym von F. Engels. «Grünbergs Archiv für die Geschichte des Sozialismus»; F. Engels'Jugendbriefe. «Neue Deutsche Rundschau». 1913.

[2]) Моя статья о «Юношеских работах Энгельса» — «Kampf», 1914.

Правда, в настоящее время, благодаря Каутскому, нам известны, в форме «Истории теорий прибавочной стоимости», рукописи, которые Маркс подготовлял как 4-й том «Капитала». Но до сих пор нам остались еще неизвестными «статьи о замечательных экономических событиях в Англии и на континенте», о которых Маркс говорит в предисловии к «Критике политической экономии», а также работы его и Энгельса в «областях науки, казалось бы, совершенно посторонних», каковы их статьи для Американской энциклопедии [1]).

Едва была закончена первая редакция «Капитала», как для Маркса, впервые после нового возрождения европейского рабочего движения, открылась опять возможность принять практическое участие в современной борьбе.

С 1864 по 1873 год его энергия была в большой мере поглощена деятельностью по руководству «Международным товариществом рабочих». Только опубликование протоколов Генерального совета покажет нам, какую разнообразную и интенсивную деятельность Маркс развил в различнейших областях рабочего движения с 1864 по 1870 год; начиная с 1870 года часть этой работы падала также на Энгельса [2]).

Достаточно сказать, что первый том «Капитала» никогда не получил бы известную нам форму, что некоторые существенные части были включены в него под непосредственным влиянием этой деятельности и контакта с наиболее передовыми элементами всего интернационального пролетариата, что еще в большей мере, чем то было в Союзе коммунистов, Маркс немедленно делился результатами своей теоретической работы — когда они еще не были известны ученому миру — со своими коллегами по Генеральному совету и делал их основою своей практической деятельности,— достаточно указать на все это, чтобы понять, как важно для нас

[1]) Уже в 1909 году я предпринял попытку собрать эти статьи. Из американских журналов были мною просмотрены: «Reform», «New York Tribune», «Pulnam's Review»; из английских: «Notes to the People», «Peoples Paper», «Free Press», Manchester Guardian», «Workman's Advocate», «Common wealth», из немецких: «Neue Oder-Zeitung» и лондонский: «Volk». Большая часть статей, особенно в «New York-Tribune» и в «Pulnam's Review», появилась анонимно. Только незначительная часть их была опубликована супругами Эвелинг. Избранные статьи будут изданы в четырех томах у Дитца в Штутгарте. (Два тома вышли в 1917 году.) Полная библиография будет издана мною отдельно.

[2]) Эти протоколы, как и все составленные Марксом адреса и документы будут мною напечатаны в «Летописях Интернационала».

изучить деятельность, которую Маркс и Энгельс развили в рамках Интернационала.

В еще более распыленном состоянии находилась другая часть литературного наследства Маркса-Энгельса, которая также имеет кардинальное значение для того, чтобы представить себе общую картину их теоретической и практической деятельности. Это — бесчисленные письма, написанные ими их друзьям и единомышленникам и вообще всем тем. которые обращались к ним за советом со всех концов земного шара. Уже в период 1845—1852 годов эта переписка была обширна, но после основания Интернационала она приняла такие размеры, что вряд ли можно найти какую-нибудь область интернационального рабочего движения, в которую оба друга не вмешивались бы непосредственно. Не менее богата та часть переписки, которая касается чисто теоретических вопросов.

И все же эти письма собираются только теперь. Конечно, существенная часть этой незаметной, но колоссальной работы потеряна навсегда. Особенно относится это к письмам, адресованным в периоды 1845—1852 годов и 1864—1882 годов лицам, стоявшим во главе революционного рабочего движения.

Но еще важнее была возможность ознакомиться с перепискою, которую Маркс и Энгельс вели друг с другом от 1844 до 1870 года. Без ознакомления с нею ни одна биография их не могла считаться полною. Лишь эта переписка могла заполнить ряд пробелов в их биографии, лишь в ней могли мы надеяться найти такие новые материалы, которые показали бы нам, как складывались их воззрения. Ведь оба друга были всегда очень сдержанными и никогда не занимали общественного мнения своими «я».

Теперь, благодаря Бебелю и Бернштейну, мы имеем эту переписку в 4-х больших томах. Но прежде, чем перейти к оценке ее содержания, мы должны сказать несколько слов о самом издании.

II

Это была смелая мысль — издать интимные письма Маркса и Энгельса в настоящее время, тридцать лет после смерти первого и менее двадцати лет после смерти второго,— в настоящее время, когда живы еще многие лица, упоминаемые в их переписке, когда вокруг имени обоих основателей международной партии пролетариата кипит еще ожесточенная политическая борьба: не значило

ли это открыть доступ в тайную лабораторию, где Маркс и Энгельс ковали свои планы, где они плели сеть своих дьявольских интриг, где они подготовляли свою подпольную деятельность? Можно было с уверенностью ожидать, что противники, как буржуазные, так и анархистские, будут жадно выискивать всякое место, чтобы уличить обоих ненавистных покойников в каком-нибудь новом неблаговидном поступке, чтобы открыть новое доказательство их моральной испорченности.

Ведь не только из писем, но даже из речей и сочинений очень легко выхватить или вырвать отдельные места, которые сами по себе дают совершенно ложные и превратные представления о взглядах автора. Сюда присоединяется еще одно обстоятельство. Мнения, возникающие под влиянием крайне односторонней информации, мысли, которые являются только поспешным рефлексом на только что дошедшие до сведения факты и которые в устной передаче кажутся именно такими проявлениями настроения, принимаются за прочные убеждения, когда они изложены в письмах, никогда не предназначавшихся для печати, а теперь вышедших в свет. Задача редактора еще труднее, когда ему приходится иметь дело с людьми страстного, горячего темперамента, которые никогда не стеснялись, презирали «хороший тон» и всякую вещь называли своим именем. Разумеется, приличный человек постыдится использовать все то. что он узнал в качестве невольного свидетеля обмена мыслей между двумя интимными друзьями; но многие сделают это с величайшим удовольствием и в полном сознании своей добропорядочности, если только появление в свет интимной переписки даст им возможность сделать это безнаказанно.

Конечно, именно эти соображения вынудили обоих редакторов опустить, как говорится в предисловии, «все несущественные и интимные места, не представляющие никакого интереса для более широкого круга читателей». Или, как говорит Бернштейн:

«Пропуски казались нам допустимыми только там, где затрагиваются особенно интимные отношения, не представляющие никакого общего интереса, где рассказываются безразличные вещи о совершенно безразличных лицах».

Старая традиция — печатать письма только ио истечении 50-ти лет после смерти автора — имеет свое оправдание: хотят по возможности щадить находящихся еще в живых людей, о которых

автор писал под влиянием минутного настроения или отзывался слишком резко. Но она имеет и большой недостаток: она лишает заинтересованных лиц, которые могли бы дать разъяснения по поводу того или другого события, возможности сделать это.

Поэтому мы предпочли бы, чтобы, раз уже решаются рвать с обычною традицией, переписка была напечатана без всяких сокращений. Не из-за опасения, что найдутся охотники болтать о том, что издание «фальсифицировано» в *пользу* Маркса и Энгельса. На чужой роток не накинешь платок! Маркс и Энгельс не были ангелами и не нуждаются в подделке под таковых. Не нуждаются они и в пощаде. К ним еще с большим правом применимы слова Герцена в его воспоминаниях о Мадзини: «Таких людей не надо щадить !» Они выносят самую неприкрытую истину, самую беспощадную критику Сказать то, что есть, это — обязанность науки.

Но, как уже сказано, мы вполне понимаем мотивы, побудившие редакторов выбросить все места, где «затрагиваются особенно интимные отношения» или где встречаются «неблагоприятные замечания о третьих лицах». С одним только мы не можем согласиться.

По словам Бернштейна, были пропущены также те места, где «рассказывают безразличные вещи о совершенно безразличних людях».

Конечно, даже самая заядлая архивная крыса согласится, что при опубликовании какого-нибудь документа или письма могут быть опущены совершенно безразличные замечания, встречающиеся во всяком документе. Но совсем другое дело — *факты.* о которых сообщается в письмах. То, что одному исследователю или читателю покажется «безразличной вещью» или совершенно «безразличным лицом», даст другому исследователю или читателю новый факт, новое указание, новое сведение. Можно проследить дальше этот новый факт, можно проверить новое указание при помощи старых, можно из нового сведения почерпнуть новое освещение события, казалось бы, уже прочно установленного

И, с этой точки зрения, в высшей степени важно опубликование документа в том виде, как он есть, без всяких сокращений.

Лучшее доказательство сказанного представляет сама переписка. Большая часть писем периода 1844—1845 годов была уже опубликована Мерингом. По только теперь, когда мы имели

перед собой эти письма со всеми их безразличными вещами и совершенно безразличными лицами, какими они казались Мерингу — причем он был вполне прав с своей точки зрения и принимая во внимание то состояние, в каком находились научные исследования о Марксе в начале XX века,— мы видим, как осторожно следует обходиться с такими историческими документами. Лучше подвергнуться опасности включить дюжину, по видимому «безразличных» мест, чем выбросить один действительно существенный след. Нередко, как мы это покажем в дальнейших статьях, подобное «безразличное» место дает также лучшую точку опоры для критического разбора позднейших показаний Маркса и Энгельса. Ибо и по отношению к творцам материалистической понимания истории необходимо отличать между действительным движением, как оно фактически происходило, и идейными формами, в которых оно отражалось в их сознании спустя 30 или 20 лет. В противном случае мы рискуем не только повторить без критики их суждения об исторических событиях и лицах, но и дать неправильную картину целых отделов истории рабочего движения в их изображении, особенно тогда, когда речь идет о «безразличных» для нас вещах или о «совершенно безразличных лицах».

Но и в той форме, в какой переписка теперь издана, она представляет неисчерпаемый источник новых сведений. Она не только бросает новый свет на взаимные отношения обоих друзей, но и вводит нас в лабораторию мощной работы их мысли. Мы видим, как из конфликтов их внутренней жизни, из соприкосновения с новыми фактами у них рождаются новые идеи, как из результатов, к которым они приходят под первым впечатлением, через выводы и умозаключения, возникающие благодаря новой критике кристаллизуются ясные и прочные линии нового научного воззрения. Кругозор обоих друзей имеет универсальный характер, и наряду с отражением всех важнейших событий современной истории, мы находим интереснейшие экскурсии во все области теоретического мышления. Особенно богаты содержанием письма периода с 1850 до 1870 года, когда друзья проводили вместе только несколько недель в году.

Читатель, который надеется найти в этой переписке какие-нибудь следы самоанализа или душевных излияний, будет разочарован. К 1844 году, когда переписка начинается, оба друга давно уже оставили за собой романтический период неопределенных

желаний и надежд. При всем различии темпераментов и — несмотря на тождество мировоззрения — теоретических склонностей оба они уже давно освободились от всех сомнений в самих себе, в своих силах. Посвятив свою жизнь одному и тому же делу, они отдали все свои силы на служение этой жизненной задаче. Поэтому они не копаются в своей собственной душе, не занимаются самоанализом» и крайне редко изображают свои чисто личные настроения. Но тем более сильное впечатление производят те письма, в которых, сквозь внешнюю холодность и усвоенный «цинизм», проглядывают душевные страдания — как у более общительного Энгельса, так и у более сдержанного, но и более бурного Маркса.

Впервые перед нами раскрывается завеса, скрывавшая до сих пор не только от врагов, но и от друзей личную жизнь Маркса. Все, что Маркс так тщательно замалчивал, что он скрывал даже от своих ближайших единомышленников,— долгие годы горькой нужды, политического одиночества, самоотверженного труда и мучительный путь беспощадных маленьких ударов судьбы, вся обстановка, где было создано одно из высших творений человеческого гения,— эта трагическая картина впервые открывается теперь взору изумленного читателя.

Правда, мы уже знали,— из предисловия Элеоноры Маркс к английскому изданию «Революции и контр-революции в Германии», из писем к Кугельману, из писем к Всйдсмейеру, изданных Мерингом,— какую страшную борьбу с материальною нуждою Марксу приходилось вести. Но лишь теперь мы видим воочию эту несокрушимую, истинно-прометеевскую гордость, эту непоколебимую волю, огромную, титаническую работоспособность, благодаря которым Маркс мог преодолеть страшную нужду. Страшна смерть на виселице, страшны муки тюрьмы и каторги, и перед лицом таких условий только дух героя может сохранить верность своим убеждениям; но не менее геройский дух необходим, чтобы, голодая в течение ряда лет, при виде голодающей семьи и умирающих детей сохранить спокойную настойчивость, при виде врагов сохранить непреклонную решимость, постоянно выдерживать страшные испытания и не уклоняться ни на один шаг от предначертанного себе самому пути!

В жизни гениальнейшего глашатая исторической миссии пролетариата лучше всего отразилось геройское мужество класса, которое не выставляется напоказ, презирает громкие слова и теа-

тральную позу и гордо обращено внутрь себя. И если в истории человеческого духа характер и гений часто плохо соединяются, то в жизни Маркса они соединены так неразрывно, что вряд ли мы можем сказать, что больше восхищает нас в нем — его железная энергия и непоколебимое мужество или же его всеобъемлющий гений.

А рядом с ним, как живое воплощение другой стороны пролетарской классовой борьбы, солидарности и верности, стоит его самоотверженный друг Энгельс, всегда готовый оказать помощь, борющийся за общее дело, плечо к плечу со своим другом.

С правом говорит незабвенный мастер пролетарской классовой борьбы, Бебель, что в переписке читатель найдет пример дружбы, быть может единственной в истории человечества и, во всяком случае, непревзойденной.

Приходится только сожалеть, что размеры этой переписки — четыре тома, всего 1 386 писем — делают ее мало доступною для рабочих масс. Лишь теперь пролетариат получил возможность узнать своих учителей как людей. И настоятельно необходимо издать переписку в сокращенном виде, с комментариями, что сделало бы ее столь же доступною массам, как и появившееся теперь народное издание «Капитала». Нельзя представить себе лучшего памятника обоим основателям современного научного социализма. Ведь вся жизнь обоих друзей была целиком отдана освободительной борьбе пролетариата!

ОЧЕРК ВТОРОЙ

(1844—1845)

I

Переписка отрывается письмом Энгельса. Оно относится к сентябрю 1844 года и писано из Бармена.

Является ли оно действительно первым? Мы считаем это мало вероятным. Если вспомнить, что Маркс и Энгельс, после мимолетной и несколько холодной встречи в редакции «Рейнской газеты», в сущности познакомились ближе только в том же сентябре 1844 года, то приходится удивляться, как быстро это знакомство превратилось в такую тесную и серьезную дружбу. Ведь Энгельс, возвращавшийся из Манчестера на родину, провел в Париже у Маркса, бывшего тогда «соломенным вдовцом», жена его в это время гостила у своей матери,— всего десять дней и за это время так быстро сошелся с ним, что успел даже написать несколько листов для задуманной ими сообща критики братьев Бауэров.

Правда, это быстрое сближение можно объяснить «сродством душ», полным согласием по всем основным взглядам. Но ему несомненно предшествовало тесное идейное общение, деятельный обмен мыслей. Мы имеем указание Маркса, что переписка между ним и Энгельсом началась уже в конце 1843 года и что повод к ней дало сотрудничество Энгельса и «Немецко-французских летописях». Таким образом, десятидневное пребывание в Париже только скрепило и оформило идейное согласие, установившееся уже раньше. Каким образом оно развивалось?

Как ни велики различия между Германией и Россией того времени, все же в развитии немецкой интеллигенции того времени можно заметить, наряду со многими другими признаками сходства с развитием русской интеллигенции, и следующий очень харак-

терный: немецкие люди сороковых годов, в начальной фазе их эволюции, представляют такое же солидарное целое, как и русские люди сороковых годов. Их, правда, после разделили разногласия,— еще в большей степени, чем русских людей сороковых годов,— но вначале они были связаны лично, образуя, как мы сейчас увидим, одну духовную общину, говорили на одном и том же литературном жаргоне. В 1841 году эта группа, центр которой большей частью находился в Берлине, потеряла некоторых своих членов,— в том числе Маркса,— взамен их приобрела новых,— том числе Энгельса,— но известная идейная солидарность сохранялась между всеми ними. Только в конце 1842 года начинается раскол, приводящий уже в 1845 году к полному распадению старого кружка, а за этим следует дальнейшее расщепление или размежевание различных частей когда-то однородного целого.

К этой группе принадлежали учитель и друг Маркса Бруно Бауэр, историк Кёппен, Рутенберг, будущий редактор «Рейнской газеты», Мейен, уже тогда известный публицист, сам Маркс, Науверк, Теодор Альтгауз, известный по мемуарам Мальвиды Мейзенбуг. А с конца 1841 года, уже после того, как Маркс уехал из Берлина, в ней начали играть выдающуюся роль младший брат Бруно Бауэра Эдгар Бауэр, Людвиг Буль и Каспар Шмидт, более известный под именем Макса Штирнера.

Все они были младо-гегельянцами и в большей или меньшей степени принимали участие в борьбе как против религиозной ортодоксии, так и против правого гегельянства. Хотя Арнольд Руте не принадлежал, как и Фейербах, лично к кружку, но он находился с ним в тесном идейном общении, и большинство названных состояли позже такими же деятельными сотрудниками его «Галлеских», а после и «Немецких летописей», тогда главного органа радикальных гегельянцев, как и «Рейнской газеты».

Начатая Штраусом критика евангельских преданий нашла в лице Бруно Бауэра еще более радикального продолжателя, и в начале сороковых годов именно он стоит в центре борьбы, являясь в значительной степени лидером молодых гегельянцев в борьбе с консервативной реакцией. Кульминационным пунктом этой борьбы является протест против лишения Бруно Бауэра кафедры за «Критику евангельской истории синоптиков», в которой он отвергает мифологическую теорию Штрауса, но с тем, чтобы еще

резче выступить против традиционного взгляда на происхождение евангелий [1]).

В юмористической форме весь этот эпизод рассказан в большой поэме, напечатанной в 1842 году в Цюрихе и носящей следующее заглавие:

«Библии чудесное избавление от дерзкого покушения или торжество веры, сиречь ужасная, но правдивая и поучительная повесть о покойном лиценциате Бруно Бауэре, иже, диаволом соблазненный, от чистой веры отпавший, князем тьмы ставший, наконец был уволен в отставку. Христианская героическая поэма в четырех песнях».

Мы не будем подробно излагать содержание этого крайне редкого памфлета. В первой песне — пародии на пролог к «Фаусту» — бог дает чорту позволение соблазнить Бауэра, во второй описывается его полемика с т еологами и его деятельность в Бонне,в третьей описывается п оход всех «свободных», сзываемых манифестом Руге, причем каждый из них характеризуется в нескольких словах. Вот, вслед за Бауэром, «худой злодей в зеленом сюртуке», мчится Маркс, какой-то черный парень из Трира, настоящее чудовище!.. Как бешеный, бросается он на всех и вытягивает свои лапы вверх, точно хочет схватить далекое небо и стащить его на землю». Тут и Штирнер, один из отцов анархии, мнительная осторожность которого известна была его товарищам, хотя она не мешала ему там, где другие провозглашали: «долой королей!» — добавлять: долой также и законы! [2]).

Только один из этих атеистов, отправившихся в поход против благочестивых, оставался до последнего времени неизвестным. Это некий Освальд, которого поэма описывает в следующих выражениях:

«А тот, кто там, на левом фланге, бешено дрыгает своими длинными ногами, это — Освальд, в сером сюртуке и в перечного

---

[1]) Прекрасное изложение всей этой контраверзы читатель найдет в примечаниях Г. Плеханова к его переводу энгельсовского очерка о Фейербахе.

[2]) «Смотрите на Штирнера, смотрите на этого осторожного ненавистника всех обуз. Только что он цедил пиво, а сейчас готов пить кровь, как воду. И когда другие кричат: «долой королей!» — он сейчас же прибавляет: «долой также и законы!» В другом месте Штирнер протестует против всяких уставов: «Вы связываете волю и осмеливаетесь называть себя свободными... Долой устав, долой закон! (Эта поэма теперь переведена на русский язык и напечатана во втором томе собрания сочинений Маркса и Энгельса.— *Примеч. ко второму изданию.)*

цвета штанах, весь проперченный насквозь, Освальд монтаньяр, архирадикал до мозга костей. Он играет только на одном инструменте: это — гильотина, и всегда разыгрывает на ней только одну каватину. Всегда гремит его адская песнь, и громко ревет он ее припев: Formez vos bataillons! Aux armes, citoyens!»

Уже в «Dokumente des Sozialismus» Паппенгейм, впервые обративший внимание на этот памфлет, высказал предположение, что автором его является сам Освальд, но хотя описание наружности совпало с известным описанием наружности Энгельса [1]), хотя в литературе уже имелось случайное указание, что Освальд — это Энгельс, хотя этот Освальд бесследно исчез, автор статьи об этом памфлете не решался делать вывод, что Освальд есть только псевдоним Энгельса. Это слишком мало соответствовало тому, что до сих пор знали об Энгельсе, да и противоречило известному факту, что Энгельс жил в Берлине, когда Маркс уже уехал оттуда, и мог разве только понаслышке так метко характеризовать его отличительные черты.

Теперь, благодаря Густаву Майеру, мы знаем, что Освальд был действительно псевдонимом Энгельса в течение нескольких лет. Таким образом, вероятно, что Энгельс был автором нашего памфлета, становилось сильнее, а недавно мне удалось найти указание, которое устраняет и последнее сомнение. Поэма является коллективным произведением, и уже в 1845 году было известно, что авторами ее являются Фридрих Освальд и Эдгар Бауэр, хорошо знавший Маркса и в Берлине и в Бонне.

Одновременно с вопросом об авторстве этого памфлета, решается и вопрос об авторстве другого памфлета,— на этот раз философского,— имеющего значение и в истории русской идеологии. Речь идет о брошюре, высоко ценившейся левыми гегельянцами и до сих пор, с легкой руки Драгоманова и Неттлау, опиравшихся на письмо Руге, приписываемой Бакунину. В действительности же эта блестящая критика последней фазы в развитии философии Шеллинга принадлежит Энгельсу [2]).

[1]) Так описывает его Анненков в своих воспоминаниях о замечательном десятилетии.

[2]) Ср. *Корнилов, Л.* Бакунин, в четвертом томе Энциклопедического словаря Брокгауза, и биографию Бакунина на немецком языке, написанную *Ю. М. Стекловым.* А между тем, уже в 1902 году названный к тексте Паппенгейм неопровержимо доказал, что брошюра, вышедшая анонимно, принадлежит тому же загадочному Освальду.

Мы еще вернемся к этой брошюре. Пока, мы констатируем, что старое представление об Энгельсе, как молодом любознательном купце, который только в Манчестере заинтересовался социальным вопросом и, в противоположность Марксу, начавшему философией и кончившему экономией, перешел, наоборот, от экономии к философии,— что это представление не соответствует действительности. В 1842 году их уже занимали одни и те же духовные интересы, и если в ноябре этого года, встретившись в первый раз лично, они, так сказать, прошли мимо друг друга, то по совершенно другим причинам. Но у обоих друзей были еще иные точки соприкосновения, хотя индивидуальное развитие каждого из них шло особенным путем.

II

Уже Каутский указал в своей биографии Энгельса на благоприятные условия, в которые поставлена была Рейнская провинция, родина одинаково как Маркса (родился в Трире 5 мая 1818 года), так и Энгельса (родился 28 ноября 1820 года в Бармене).

«Рейнская Пруссия,— говорит Энгельс в статьях «Кампания в защиту имперской конституции»,— уже с 1815 года считалась одной из наиболее прогрессивных областей Германии и она действительно имела право на это название. Она соединяла в себе два преимущества, которые в совокупности не встречаются ни в одной другой части Германии. Вместе с Люксембургом, Рейнским Гессеном и Пфальцем Рейнская Пруссия имеет то преимущество, что, начиная с 1795 года, она испытывала на себе непосредственное влияние французской революции и воспользовалась той социальной, административной и законодательной консолидацией ее результатов, которая совершилась при Наполеоне... Но Рейнская Пруссия — и это представляет ее главное преимущество в сравнении с остальными областями левобережного Рейна — обладает еще самою развитою и разнообразною промышленностью в Германии. В трех округах Аахенском. Дюссельдорфском и Кельнском — представлены почти все отрасли промышленности... Следствием этой — развившейся также под влиянием господства французской революции — промышленности и связанной с ней торговли явилось в Рейнской Пруссии развитие промышленной и торговой буржуазии и, в антагонизме к ней, многочисленного промышленного пролетариата,— двух классов, которые в остальной Германии суще-

ствуют только спорадически и в эмбриональном состоянии, но которые почти исключительно определяют особенное политическое развитие Рейнской провинции».

Понятно, что воссоединение с Пруссией должно было создать в ней такое же сильное оппозиционное настроение, как и в Пфальце, который, в начале тридцатых годов, явился главным очагом революционного движения в южной Германии.

Ненависть к Пруссии в Рейнской провинции была так же сильна, как в Пфальце ненависть к баварцам, которые так же грубо, как пруссаки, реставрировали в присоединенных провинциях феодальные порядки,— правда, с большим успехом, чем пруссаки, имевшие дело с более развитой в промышленном отношении страной, чем Пфальц с его мелким крестьянством и господством ремесла.

На этой ненависти к пруссакам воспитались одинаково и Маркс, и Энгельс, как после Либкнехт и Бебель. Из того же источника объясняются и тяготение к Франции, симпатии к Великой французской революции.

Но общность социально-политической атмосферы не исключает разницы в той обстановке, в которой протекает жизнь данных индивидуумов в детстве и отрочестве. И трудно себе представить две более различные среды, чем социальная и семейная обстановка, в которой протекала жизнь Маркса и Энгельса до 18 лет Крупный исторический конфликт, под влиянием которого складывалась социальная и политическая жизнь Рейнской провинции, дополнялся рядом конфликтов в их индивидуальной жизни.

Маркс родился в еврейской семье. Хотя ему не пришлось лично переживать трагедию отказа от старых верований ни во имя «бюджета», ни во имя избавления от культурного «гетто» или черты оседлости, он имел достаточно случаев наблюдать, какие гнусные формы принимает стремление господствующей нации обеспечить за собой господство или показать свое «национальное лицо».

Дедом Маркса был раввин, носивший еще двойную фамилию Маркс-Леви [1]). Старший сын, Самуил, был тоже раввином Трира

[1]) В одном из писем к Марксу я нашел указание надело о введении в наследство (во Франкфурте), в котором принимали участие все его родственники. С помощью г. Папеннгейма удалось получить все нотариальное делопроизводство. Но родословная Маркса прослежена не так тщательно, как это сделано по отношению к предкам Энгельса.

и сменил на этом посту отца. Младший сын, отец Карла Маркса, Гиршель, пошел по другой дороге. На него (он родился в 1782 году), по всей вероятности, оказала сильное влияние французская культура. Когда в 1815 году Рейнская провинция опять была присоединена к Пруссии и, вместо торжественно обещанной конституции, началось господство прусского капрала, то первой жертвой явились евреи. Отец Маркса, давно уже порвавший с традиционной еврейской религией, предпочел сначала один, а после вместе со своей семьей перейти в протестантизм. Но брат его, да и другие родственники остались правоверными евреями. Марксу было уже одиннадцать лет, когда умер его дядя, раввин еврейской общины в Трире. Что связи его с этой средой не порывались и позже, что ему приходилось много думать о положении своих сородичей, показывает не только его будущая полемика с Бруно Бауэром по еврейскому вопросу, по и обращение старшины кёльнской еврейской общины с просьбой составить для них петицию к ландтагу [1]).

Трир вместе с Кёльном был одним из центров католицизма, стоящего в антагонизме к протестантской Пруссии. Конфликты между католическим духовенством и прусским чиновничеством необходимо учащались и обострялись при всяком усилении пиэтистской реакции в Берлине. Вероятно, воспоминаниями детства объясняется у Маркса крайне характерное для него несравненно более мягкое отношение к католицизму, чем к той религии, в которой он был воспитан, г. е. к протестантизму. К этому влиянию присоединяется новое, проявляющееся уже после смерти отца, индиферентно относившегося к формальной стороне религии. Свободная от всякого религиозного гнета семейная атмосфера, к которой Маркс привык и в доме Вестфаленов, с дочерью которых он так рано связал свою судьбу, сменяется после смерти

[1]) «Только что у меня был старшина здешней еврейской общины и просил меня написать петицию к ландтагу в защиту евреев. Я сделал это. Как ни антипатична мне еврейская религия, взгляд Бауэра кажется мне чересчур абстрактным. Необходимо пробить как можно больше брешей в христианском государстве и сделать его, поскольку это в наших силах, более рациональным. По крайней мере, надо сделать попытку, а озлобление растет с каждой петицией, которую резко отвергают». (Из письма Маркса к Руге, 13 марта 1843 года. Критику взглядов Бауэра Маркс дал через год в «Немецко-французских лето писях». Названный мною Паппенгейм старался найти петицию Маркса, но ее в архиве кёльнский общины не оказалось.)

отца совершенно чуждым для него протестантским ханжеством, жертвой которого становится, под влиянием новых людей, его родная мать. Этот конфликт в родной семье, в котором сторону матери берет его самая любимая сестра Софья, все больше отчуждает его от нее и, наконец, заканчивается полным разрывом.

Когда Маркс окончил Трирскую гимназию, ему пришлось представить две письменные работы. Характерно, что первая из них, на тему из евангелия, не удалась; зато во второй, на тему «Размышление юноши перед выбором профессии», учитель, указав на богатство мыслей и планомерное распределение материала, считает нужным отметить следующее «интересное место»:

«Мы не всегда в состоянии выбрать ту профессию, к которой мы чувствуем призвание; наше положение в обществе до известной степени уже начинает устанавливаться прежде, чем мы в состоянии начать на него влиять».

В этом тезисе слышится явственный отзвук французского материализма [1]).

Вс всяком случае, когда Маркс в сентябре 1835 года получил аттестат зрелости, он менее всего был религиозным человеком. Отказ от верований детства ему дался, вероятно, легко, и когда он попадает, наконец, в университет, он всю свою энергию посвящает выработке определенного миросозерцания. После нескольких лет напряженной работы мысли, мучительных колебаний от одной системы к другой он, наконец, временно успокаивается на гегелевской философии, поскольку она своим методом помогала ему отыскивать идеи в самой действительности, понимать вещи в их саморазвитии.

Попав в университет в эпоху самой свирепой политической реакции, которая едва только успела справиться с влиянием новой, июльской, французской революции и беспощадно задушила все «интеллигентские» организации, причастные к политическому движению, Маркс остается и в области политической оппозиции «теоретиком» и мечтает, вместе с другом своим Бруно Бауэром, об университетской кафедре. Наступившая, после смерти Фридриха-Вильгельма III, в 1840 году кратковременная политическая весна

[1]) Ср. классическую главу о французским материализме в «Святом семействе», в которой Маркс указывает на необходимую связь, существующую между материалистическим учением о влиянии внешних обстоятельств и коммунизмом.

способствовала быстрому росту «бессмысленных мечтаний», но уже в начале 1842 года удаление Бруно Бауэра из Боннского университета заставляет Маркса о тказаться от ученой карьеры. Он становится сотрудником только что основанной «Рейнской газеты», чтобы через несколько месяцев стать ее руководителем.

Новые работы — профессора Ганзена о Мефиссене, принимавшем участие в основании «Рейнской газеты», и Густава Майера — показали, как мало эта газета, сыгравшая такую огромную роль в истории немецкой прессы и культуры, была органом крупной буржуазии. Основанная, действительно, на деньги кёльнских фабрикантов и купцов, она сравнительно легко получила санкцию прусского правительства, потому что в ней желали создать противовес «Кёльнской газете», державшей во время конфликта между прусской короной и католической церковью сторону последней. Во главе нового предприятия стояли Юнг и Оппенгейм, находившиеся под сильным влиянием Гесса и в то же время тесно связанные с берлинским кружком Бруно Бауэра и Маркса, который им рекомендовал, как редактора, своего старого приятеля Рутенберга. Таким образом, младо-гегельянцы получили совершенно неожиданно в свое распоряжение крупную газету, в которой они принимают еще более деятельное участие, чем в «Немецких летописях». С 15 октября 1842 года редактором газеты становится Маркс, до тех пор посылавший в нее статьи из Бонна и Трира, статьи, которые, своей критикой прений в рейнском провинциальном ландтаге, обратили на себя всеобщее внимание. Но уже в ноябре происходит формальный разрыв между Марксом и его старыми друзьями в Берлине, теми самыми «свободными», среди которых мы нашли Энгельса.

В редакции «Рейнской газеты» и произошла первая встреча между ним и Марксом.

III

Хотя Энгельс родился в той же Рейнской провинции, что и Маркс, он все же вырос в совершенно другой обстановке. Отец его принадлежал к истинно-немецкой семье, насчитывавшей среди своих предков не менее фабрикантов, чем семья Маркса — раввинов.

Уже в конце XVI столетия в тщательно прослеженной родословной отмечается почтенный сапожник Иоганн Энгельс. Правда, существует предание, что родоначальником семьи является фран-

цузский гугенот d'Ange, эмигрировавший около 1560 года в Германию и основавший там суконную ф0абрику. Но семья отвергает это предание, настаивая на своем чисто немецком происхождении [1]).

Будущий провозвестник классовой борьбы носит в своем фамильном гербе образ ангела, несущего ветку мира. Отец его принадлежал к старшей линии и был одним из самых богатых фабрикантов города Бармена. Предприимчивый и энергичный, он, кроме большой бумагопрядильной фабрики в Германии, вместе с Эрменом в 1837 году основал еще фабрику в Манчестере. Ему же приписывают настойчивую борьбу с господствовавшим тогда еще в немецкой промышленности принципом: «не обманешь — не продашь», и введение усовершенствованных, англизированных методов эксплоатации и реализации прибавочной стоимости.

Со строго пуританской складкой в характере, Энгельс-отец и в семье высоко держал знамя религии и порядка. В противоположность чиновничьему и католическому Триру, более богатому памятниками римской старины, чем фабриками, с окрестным населением из мелких владельцев-крестьян. Бармен был уже и тогда не только центральным пунктом бумагопрядильной промышленности, но и одним из центров немецкого пиэтизма, воинствующим представителем которого являлся знаменитый проповедник Круммахер. В городе царили религия и «гешефт», и в семье Энгельса страсть к накоплению еще не приходила в конфликт с жаждой наслаждений. Правда, та стадия, когда капиталист живет, как скряга, собиратель сокровищ, была уже превзойдена, но культ накопления господствовал в семье нераздельно. Только мать Энгельса, добродушная и жизнерадостная голландка, вносила некоторый диссонанс и смягчала, поскольку это было в ее силах, пуританский строй жизни. Вероятно, она же, дочь ректора гимназии, хотя и робко, но все же боролась с тем подозрительным отношением к безбожной науке, которое отличало отца Энгельса. Этим объяс-

[1]) Только что (в 1913 году) вышел в генеалогической серии «Deutsches Geschlechterbuch (Genealogisches Handbuch Bürgerlicher Familien, herausgeben von D-r B. Koerner)» 24-й том. посвященный родовитой буржуазии городов Бармен—Эльберфельда. Из него видно, какое почетное место занимала в Бармене семья Энгельса. В этом же издании помещены два до сих пор не известных портрета Энгельса, из которых первый относится к тридцатым годам, а второй — к шестидесятым.

няется, почему, в противоположность Марксу, который сохранил о своем отце-друге хорошие воспоминания, а с матерью, вопреки установившемуся преданию, был всегда в холодных отношениях, превратившихся в открытую вражду, у Энгельса, наоборот, мы замечаем нежную любовь к матери и очень недружелюбные отношения к отцу.

Всего за год до окончания реальной гимназии Энгельса, против его желания, засадили за конторку и после того, как он изучил в 1837—1838 годах торговое дело дома, отправили в купеческую контору консула Лейпольда в Бремене, где он провел почти три года (1838—1841).

Так за Барменом последовал Бремен, другой центр тогдашнего пиэтизма, и молодой Энгельс, рвавшийся в университет, должен был вести торговую корреспонденцию на английском и испанском языках. К счастью, он избавился от деспотического надзора, от которого он так сильно страдал в Бармене. Мечты о поэтической карьере — как и Маркс [1]), Энгельс также писал стихи и тоже мечтал о большом драматическом произведении — он скоро отбросил, но все свободные часы он посвящает литературе и уже в 19 лет становится сотрудником «Телеграфа», журнала, редактором которого был главный представитель «Молодой Германии», Карл Гуцков, автор «Уриэля Акосты». Свою литературную деятельность он начал письмами о Вуппертале, т. е. о своих родных палестинах [2]), а затем перешел к литературной критике.

Из опубликованных Густавом Майером писем молодого Энгельса видно, как он, уже освободившись от духовного гнета пиэтизма, становится сначала рационалистом [3]), чтобы, наконец, под влиянием книги Штрауса «Жизнь Иисуса Христа» окончательно освободиться от традиционного уважения к культу и стать гегельянцем, конечно левым.

Эта метаморфоза давалась ему не легко и стоила мучительной душевной борьбы.

---

[1]) В четвертом номере берлинского «Атенеума» (23 января 1841 года), редактором которого был один из приятелей Маркса — Ридель, помещены его «Неистовые песни».

[2]) Вуппер — приток Рейна. В долине Вуппера (Вупперталь) расположены Бармен. Эльберфельд и другие фабричные города.

[3]) Немецкий рационализм, как известно, старался, вместо отрицания Библии, «рационализировать» ее, провести ее в соответствие с духом времени, а это немыслимо было без своего рода «талмудических» истолкований.

«Я молюсь ежедневно; почти целый день молюсь, чтобы мне дана была истина,— пишет он 27 июля 1839 года своим старым приятелям.— Я делал это всегда с тех пор, как мною овладели сомнения, и все же не могу вернуться к нашей вере... Со слезами на глазах пишу я эти строки, мне трудно справиться со своим волнением, но все же я чувствую, что не погибну, что я найду бога, к которому стремлюсь всем сердцем. И это тоже свидетельство святого духа, я уверен в этом, хотя бы в Библии десять тысяч раз сказано было другое».

А на-ряду с оппозицией в религиозной области растет и оппозиция в других областях. В письмах и статьях все сильнее пробивается влияние «социальных» поэтов Гейне и Бека, и в особенности Берне, которого он, как «человека дела», ставит наряду с Гегелем, как «человеком мысли», чтобы определить задачу времени, как «синтез Гегеля и Берне», «синтез мысли и дела».

Оппозиционное настроение сменяется революционным, и уже в январе 1840 года наш Освальд, которого мы в 1842 году встречаем ярым якобинцем, пишет своему приятелю:

«Нет эпохи, которая была бы более богата преступлениями королей, чем время от 1815 до 1830 года. Почти каждый государь, царствовавший тогда, заслуживал смертной казни. Благочестивый Карл X, коварный Фердинанд VII испанский; Франц австрийский, эта машина, способная только подписывать смертные приговоры и думать о карбонариях, дон Мигуэль,— который большая стерва, чем все герои французской революции, вместе взятые, и которого, однако, признали с радостью Пруссия, Россия и Австрия, когда он выкупался в крови лучших португальцев,— отцеубийца Александр русский и его достойный братец Николай, о чудовищных злодеяниях которого излишне говорить,— о, я мог бы тебе рассказать интересные истории на тему о любви государей к их подданным. Я жду чего-либо хорошего только от того государя, вокруг головы которого свистят пощечины его народа и во дворце которого революцией выбиты стекла».

Давнишнюю свою мечту — поездку в философский Берлин — Энгельсу удалось осуществить только в 1841 году. Предлогом явилась необходимость отбывать воинскую повинность. Поступив вольноопределяющимся, он, как сын очень состоятельных родителей, прослужил свой год в артиллерийской гвардии в Бер-

лине. Как видно, он пользовался значительной свободой и очень скоро сошелся с берлинскими свободными», которым он уже хорошо был знаком, как Освальд. В то же время он усердно посещал университетские лекции.

Как раз в ноябре 1841 года в Берлин был приглашен читать лекции по философии старый Шеллинг. На него возложена была миссия бороться с оказавшейся не ко двору философией Гегеля, которая в истолковании молодых его учен иков, *отрицала* личного бога и личное бессмертие. Новая *положительная, позитивная* философия Шеллинга должна была уничтожить гидру атеизма и восстановить в его правах старый теизм.

Правда, молодые гегельянцы не решались еще открыто признать себя атеистами, и сам Бруно Бауэр в этом же ноябре 1841 года выпустил, анонимно и под маской религиозного ортодокса, брошюрку «Страшный суд над Гегелем, атеистом и анти-Христом», в которой ловко подобранными цитатами доказывалось, что Гегель был атеистом [1]).

Ответ Шеллингу написал Энгельс. Именно против этой попытки поставить на место мышления, науки, интуицию, веру, против этого нового похода реакции направлена была нашумевшая тогда брошюрка «Шеллинг и откровение. Критика новейшего реакционного покушения на свободную философию», которую, как мы выше указали, до последнего времени приписывали Бакунину [2]).

Сам Энгельс еще в 1843 году в одной, недавно мною вновь опубликованной, статье в следующих словах характеризует ее значение. Указав сначала, что немецкий коммунизм, в отличие от французского и английского, носит чисто идеологический харак- тер и ведет свое происхождение от немецкой философии, он переходит к характеристике системы Гегеля.

«Политическая революция во Франции сопровождалась в Германии философской революцией. Кант явился первым: он сверг старую систему метафизики Лейбница, которая в конце XVIII столетия господствовала во всех континентальных университетах,

[1]) Бауэр собирался сделать то же самое с эстетическими, юридическими и другими взглядами Гегеля, чтобы показать, что не старо-гегельянцы, а именно они, младо-гегельянцы, являются верными последователями Гегеля. Маркс, несомненно помогал Бауэру в этой работе, но степень его участии трудно установить.

[2])«Schelling und die Offenbarung. Kritik des neuesten Reactionsversuchs gegen die freie Philosophie». Leipzig. 1842.

Фихте и Шеллинг начали постройку новой системы, Гегель завершил ее. Никогда еще, с того времени, как люди начали мыслить, не было такой всеобъемлющей философии, как система Гегеля. Логика, метафизика, натурфилософия, феноменология духа, философия права, религии, истории — все было объединено в *одну* систему, все было сведено к одному основному принципу. Извне она казалась совершенно неприступной, да оно и в действительности так было. Только *изнутри* она могла быть разрушена и только теми, кто сами были гегельянцами... Развитие немецкой философии от Канта до Гегеля было до такой степени последовательным, логическим, необходимым, если позволено употреблять это выражение, что рядом с названными системами ни одна другая не могла удержаться... Но Гегель, несмотря на свои колоссальные знания и глубокие идеи, был так поглощен абстрактними вопросами, что не успел освободиться от предрассудков своего времени, которое вновь обратилось к старым политическим и религиозным системам. Но ученики его имели совершенно другие взгляды на эти предметы. Гегель умер в 1832 году, а уже в 1835 году появилась «Жизнь Христа» Штрауса, первое сочинение. которое представляет шаг вперед по отношению к ортодоксальному гегельянству. За ним последовали другие, а в 1837 году выступили против этих ново-гегельянцев представители ортодоксии и, окрестив их атеистами, апеллировали к правительству [1]). Но последнее не вмешалось, и спор продолжался дальше. В это время ново- или младо-гегельянцы еще так мало отдавали себе ясный отчет в том, какие выводы вытекают из этих идей, что они отвергали обвинение в атеизме и называли себя христианами и протестантами, хотя они отрицали существование сверхчеловеческого бога и историю евангелий сводили к чистой мифологии. *Только в прошлом году автор этих строк признал упрек в атеизме совершенно правильным*» [2]).

Именно Энгельс «осмелился открыто сделать все выводы» и из учения, которое хотело остаться «эзотерической системой школы» и сохранить свою тайну от народа, сделал «всеобщее» достояние. Характерно и его отношение к Фейербаху, в критике хри-

---

[1]) Энгельс имеет в виду профессора Лео и его поход против «гегелингов».

[2]) Статья Энгельса была написана для журнала «New Moral World», органа английских оуэнистов.

стианства которого он видит только дополнение критики Штрауса. Если Энгельс писал 44 года спустя, что книга Фейербаха «без всяких оговорок провозгласила торжество материализма», если именно этой книге он приписывает свое обращение в реального гуманиста», то ему и на этот раз изменила память [1]). Против него свидетельствует его же книга. Читатель не посетует на нас за следующую длинную цитату из этой мало знакомой брошюры. В восторженном гимне, приписываемом Бакунину, читатель найдет знакомые ему вариации любимых мыслей наших отечественных младо-гегельянцев.

«Наше спасение, наше будущее лежит в другом месте. Гегель есть тот человек, который открыл нам новую эру сознания, потому что он завершил старую. Характерно, что он подвергся теперь нападению с двух сторон: со стороны своего предшественника. Шеллинга, и со стороны своего младшего преемника, Фейербаха. Если последний упрекает Гегеля, что он еще глубоко сидит в прошлом, то он должен был бы принять во внимание, что осознание старого уже есть новое, что старое потому и отходит в область истории, что оно было вполне осознано. Таким образом, Гегель есть новое, как старое, и старое, как новое А фейербаховская критика христианства есть не что иное, как необходимое дополнение к основанному Гегелем спекулятивному учению о религии. Последнее достигло своего завершения в Штраусе, и догма, исследованная в ее собственной истории, *объективны* растворяется в философской мысли. А в то же время Фейербах сводит все религиозные определения к *субъективным* человеческим отношениям, но при этом не только не уничтожает выводов Штрауса, а, наоборот, укрепляет их, так как оба они одинаково признают, что тайной теологии является антропология.

«Занимается новая заря, всемирно-историческая заря, подобная той, когда из сумерек Востока выявилось светлое, свободное эллинское сознание. Взошло солнце, и его со всех горных вершин приветствовали жертвенные огни, и пришествие его возвещено бы ли веселыми трубными звуками. Человечество с тоской ждало его света. Мы проснулись от долгого сна: кошмар, который давил

[1]) «Кто не пережал освободительного влияния этой книги, тот не может и представить его себе. Мы все были в восторге, и все мы стали на время фейербахианцами».

нашу грудь, рассеялся, мы раскрыли глаза и с удивлением осмотрелись кругом. Все изменилось. Мир, который был нам до сих пор так чужд, природа, скрытые силы которой пугали нас, как страшные привидения,— как родственны, как близки стали они нам теперь! Мир. казавшийся тюрьмой, явился нам теперь в истинном свете, как великолепный дворец, доступный для всех, богатых и бедных, знатных и простолюдинов. Природа раскрывается перед нами и кричит нам: не бегите от меня, я не отвержена, я не отреклась от истины, придите и смотрите, ведь именно ваша внутренняя сущность дает мне жизнерадостность и юношескую красоту! Небо спустилось на землю, сокровища его рассеяны, как камни на дороге, и нам стоит только нагнуться, чтобы их поднять [1]). Дисгармония, страх, раздвоение исчезли. Мир опять стал целым, самостоятельным и свободным, он разбил запоры мрачного монастыря, сбросил с себя покаянную одежду и выбрал себе жилищем свободный, чистый эфир. Ему уже нс нужно оправдываться перед тупоумием, которое не могло постичь его; его роскошь и великолепие, его полнота и сила, его жизнь сами служат ему оправданием. И прав был тот, который восемнадцать веков назад, смутно подозревая. что мир. космос, его когда-нибудь вытеснит, заповедал своим ученикам отречься от этого мира.

«И самое любимое дитя природы, человек, возвратившись, после долгой борьбы в юношеском возрасте, к своей матери, как свободный муж. и защищая ее против привидений врагов, побежденных в борьбе, превозмог также свое собственное раздвоение, раздор с самим собой. После томительно долгой борьбы над ним взошел светлый день самосознания. Свободный и сильный, уверенный в себе и гордый, ибо он прошел через битву битв, он победил себя и надел себе на голову венок свободы. Все ему раскрылось, и ничто теперь не имеет силы закрыть ему доступ. Только теперь познал он истинную жизнь. Того, к чему он прежде только смутно стремился, он теперь достигает вполне свободно и сознательно

[1]) «Сколько принял скорбного, страдал, унывал, лил слез и крови дух человечества, пока отрешал мышление от всего временного и одностороннего и начал понимать себя сознательною сущностью мира! Величественную и огромную эпопею истории надобно было прожить человечеству, чтобы великий поэт, опередивший свою эпоху и предузнавший нашу, мог спросить: «Ist nicht der Kern der Natur, Menschen im Herzen?». «Дилетантизм в науке». Та же мысль и в «Письмах об изучении природы». *Герцен, А.* Сочинения, том IV. стр. 79.

То, что, казалось, лежало вне его, он находит в себе, как свою плоть и кровь.

«И эта вера во всемогущество идеи, в победу вечной истины, эта твердая уверенность, что она никогда не поколеблется, никогда не сойдет со своей дороги, хотя бы весь мир обратился против нее.— вот основы настоящей положительной философии, философии всемирной истории. Именно она есть высшее откровение, откровение человека человеку, в котором всякое отрицание критики является положительным. Эта вечная борьба и движение народов и героев, над которыми в вечном мире витает идея, чтобы спуститься в самую гущу этой борьбы и стать ее настоящей, живой, себя сознающей душой.— вот источник всякого спасения и искупления, вот царство, в котором каждый из нас должен бороться и действовать на своем посту. Идея, самосознание человечества и есть тот чудесный феникс, который устраивает себе костер из драгоценнейшего, что есть в этом мире, и, вновь помолодевший, опять восстает из пламени, уничтожающего старину.

«Понесем же на костер этот все, что нам было дорого, все, что было нами любимо, все, что было свято и велико для нас, прежде чем мы стали свободными! Пусть не будет для нас любви, выгоды, богатства, которое мы отказались бы привести в жертву идее — она воздаст нам сторицей! Будем бороться и проливать свою кровь, будем бестрепетно смотреть врагу в его гневные глаза и сражаться до последнего издыхания! Разве вы не видите, как знамена наши развеваются на вершине гор, как сверкают мечи товарищей, как играют лучи на их шлемах? Со всех сторон надвигается их рать, они спешат к нам из долин, они спускаются с гор при звуках песен и музыки. День великого решения, день битвы народов приближается, и победа будет за нами!»

Да, да! Энгельс и Маркс были сухие доктринеры, ибо они были немцы [1]). Мы видим однако, что «немецкий дух» Энгельса прекрасно понимал, что «философия Гегеля — алгебра революции», что «она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от мира христианского, от мира преданий, переживших себя». Мы видели также, что и «натура» Энгельса, по-

[1]) «Исключительно умозрительное направление совершенно противоположно русскому характеру, и мы скоро увидим, как *русский дух* переработал гегелево учение и как *наша* живая натура, несмотря на все постриженья в философские монахи, берет свое». *Герцен,* Былое и думы. Сочинения, том II. стр. 310 — 311.

скольку дело идет о «живости», могла поспорить с *«нашей»*. И все же в течение каких-нибудь пяти лет Маркс и Энгельс, с одной стороны, Бакунин и Герцен — с другой, еще в 1842 году говорившие на одном и том же идейном языке, радикальнейшим образом разошлись и перестали понимать друг друга. О причинах этого явления можно спорить, их нужно искать, но, конечно, не в разнице «духов» и «натур».

Энгельс пробыл в Берлине всего один год и, по окончании службы, вернулся не в Берлин, а уехал в Манчестер, чтобы работать в тамошнем отделении фабрики его отца. Именно по дороге в Англию он заезжал в Кельн, где и встретится впервые с Марксом. Мы уже знаем, что встреча эта была холодная, вернее — официальная. Не потому, как это рассказывает в своих воспоминаниях о Марксе М. Ковалевский, что Энгельс был шеллингианцем а Маркс — гегельянцем [1]). Причины были другие.

Став душой «Рейнской газеты», Маркс скоро вынужден был вступить в конфликт со «свободными». Пока главным редактором был Рутенберг, берлинский кружок «свободных» пользовался неограниченной свободой и заполнял столбцы газеты своими статьями, в особенности Мейен, мало стесняясь цензурными условиями. Когда же правительство, убедившись, что «Рейнская газета» в своем роде гораздо опаснее, чем все же благонамеренная «Кёльнская газета», усилило цензурный надзор и, в ошибочном предположении, что Рутенберг является главным злом, настояло на его удалении, положение изменилось. К статьям, которые вычеркивал присланный из Берлина новый цензор, кстати тоже состоявший в сношениях со «свободными» (Сен-Поль), прибавились статьи отвергавшиеся Марксом. Лучше всего на характер разногласий указывает следующее письмо Маркса к Руге (30 ноября 1842 года).

«Несколько дней тому назад я получил письмо от маленького Мейена, которого любимой категорией является *долг*. В своем письме он меня допрашивает по следующим пунктам: 1) мое отно-

[1]) Наш маститый социолог был хорошо знаком и с Энгельсом. Возможно, что последний, даже Бернштейну и Каутскому не рассказавший о своих философских увлечениях, в беседах с М. Ковалевским, по какому-нибудь поводу вспомнил о своей брошюре. Никаких других указаний на шеллингианство Энгельса нет, и М. Ковалевский, вероятно, уже после, забыв, в чем дело, но продолжая связывать Энгельса и Шеллинга, сконструировал свое объяснение.

шение к Гервегу и Вам [1]), 2) мое отношение к «свободным», 3) мой новый редакционный принцип и отношение к правительству. Я сейчас же ответил и откровенно высказал им свое мнение об их статьях, которые находят свободу больше в распущенной, санкюлотской и притом удобной форме, чем в свободном, т. е. самостоятельном и глубоком, содержании. Я требую от них, чтобы они давали поменьше неопределенных рассуждений, громких фраз, самодовольного самолюбования и побольше проявляли определенности, знакомства с конкретными условиями, знания дела. Я заявил, что считаю недопустимой и даже безнравственной контрабанду коммунистических и социалистических догм, т. е. нового миросозерцания, в случайных театральных рецензиях и требую, раз уже приходится говорить о коммунизме, совершенно другого и более основательного трактования его. Я выразил дальше пожелание, чтобы больше подвергали критике религию в критике политических учреждений, чем, наоборот, политические учреждения в религии: потому, во-первых, что это больше соответствует задачам газеты и уровню образования публики, да и потому, что и религия, сама по себе бессодержательная, живет не небом, а землей, и, вместе с разложением извращенной действительности, *теорией* которой она является, сама собою падает. Наконец, я хотел, чтобы в случае, если будут говорит, о философии, меньше забавлялись фирмой: «атеизм» (что похоже на детей, которые уверяют всех, что они нс боятся больше домового), и больше старались о том, чтобы распространить в народе его содержание. Voilà tout».

Что у Маркса в данном случае говорили не только «оппортунистические» соображения, показывает его дальнейшая жизнь: он никогда не выдвигал на первый план непосредственную борьбу с религией. Вероятно потому, что для него лично это был уже давно überwundener Standpunkt. Наоборот, у Энгельса, который с таким трудом освободился от страха перед «домовым», эта демонстративная борьба, выдвигание фирмы, была естественной реакцией против сковывавшего его прежде гнета. Влиянием той же реакции можно объяснить у Энгельса и другие черты, в особенности легкое отношение к женщинам, следы которого мы встре-

[1]) Речь идет о конфликте с теми «свободными», в котором Маркс (как и Бакунин) стал на сторону Гервега.

чаем еще в его ранних письмах [1]). Этими особенностями Энгельса объясняется и то обстоятельство, что его в молодости считали «легкомысленным» и «распущенным». Немецкие ремесленники, с которыми он столкнулся после в Париже, часто бывали недовольны его поведением, что в свою очередь вызывало и с его стороны нападки на этих «заскорузлых филистеров» или Straubinger'ов, как он их называет в письмах.

Но до 1843 года ни Маркс, ни Энгельс не приходили в соприкосновение с пролетариатом. Первый знал «народ» только в лице крестьян трирского округа, интересы которых он так горячо защищал на страницах «Рейнской газеты», второй — в лице богобоязненных пролетариев Бармена и приказчиков Бремена. В «массе», «народе» они одинаково видели только страдающий элемент, без инициативы, нуждающийся поэтому в заступничестве и руководительстве интеллигенции.

«Устремление» к коммунизму заметно уже у обоих, хотя ни один из них не был еще таким решительным коммунистом, как М. Гесс, также принимавший деятельное участие в «Рейнской газете», был уже в 1842 году.

Поворотным пунктом для обоих является 1843 год. Энгельс в Манчестере приходит в соприкосновение с английским пролетариатом. В высшей степени характерно, что он в этот первый приезд вступает в непосредственные сношения только с английскими коммунистами, т. е. оуэнистами [2]). Уже с ноября 1843 года он становится сотрудником их журнала «New Moral World» («Новый нравственный мир») и, в двух статьях о развитии коммунизма на континенте, выступает в качестве убежденного коммуниста. К старым влияниям присоединяется влияние Прудона и Оуэна; он знает теперь также и Вейтлинга, арест которого в Цюрихе (июнь 1843 года) впервые выявил существование *немецкого* коммунизма и его успехи среди *немецких* рабочих в Швейцарии и Франции. Но Энгельс относится еще отрицательно ко всяким тайным обществам. На первом плане стоит для него

[1]) Указание на это мы находим в воспоминаниях Борна, вообще настроенного враждебно по отношению к Энгельсу. Маркс относился к «грехам» Энгельса так же снисходительно, как я к грехам других своих друзей, но жена Маркса не так легко мирилась с этим и долго не могла привыкнуть к быстрой смене «привязанностей» у молодого Энгельса.

[2]) См. мою статью «Юношеские работы Энгельса».

пропаганда коммунистического идеала и практическое осуществление его путем всяких коммунистических экспериментов. Что же касается Германии, то, выражая надежду, что и в ней рабочие скоро усвоят учение Вейтлинга, он все же придает большее значение «философскому коммунизму», который для него является «необходимым следствием младо-гегельянской философии». Крайне любопытно, что к представителям этого коммунизма он, кроме Гесса, которого он называет первым коммунистом в партии», причисляет также Маркса. Доказательство, что он и в течение 1843 года находился в тесном общении со своими товарищами в Германии.

Каким убежденным «народником» Энгельс является еще в этой *первой* его коммунистической статье, показывает следующая цитата, в которой, несмотря на ее семидесятилетиюю данность, русский читатель узнает сейчас же свое, родное:

Ни в одной стране, кроме Германии, нет более благоприятных условий для образования коммунистической партии среди интеллигенции. Немцы — народ в высшей степени идеалистический, и, если их интересы вступают в конфликт с принципом, они всегда охотно приносят их в жертву принципу... Англичанам может показаться странным, что партия, которая ставит себе целью отмену частной собственности, составляется, главным образом, из лиц, которые сами являются собственниками, но в Германии это действительно так. Мы можем приобретать членов только из таких классов, которые имеют достаточное образование, т. е. из интеллигенции и торговых слоев. И нигде мы не наталкивались на значительные затруднения» [1]).

[1]) «New Moral World», ноябрь. Мы видим, что Энгельс тогда еще целиком разделял взгляды «истинных социалистов». Бельтов поэтому ошибается, *противопоставляя* взгляды Энгельса взглядам Гесса. Достаточно сравнить опубликованную мною теперь статью с передовицей, на которую ссылается Бельтов, чтобы заметить не только тождество взглядов, но и выражений. Более того. Журнал был основан Гессом и Энгельсом, и первые книги его редактировались ими сообща. Признано, что и редакционная передовица является *общей* работой. Именно потому, что Маркс *никогда* не разделял увлечений «истинного социализма», у него и реакция против первой стадии этого миросозерцания не принимала таких резких форм, как у Энгельса. В борьбе же против Грюна, классического представителя «пережившего» себя «истинного социализма» с его декламациями против либерализма, Маркс, Энгельс и Гесс были солидарны, хотя последний только в 1846 году решительно перешел на строку Маркса — правда, чтобы после опять пережать новую метаморфозу.

Правда, коммунистические увлечения немецкой интеллигенции быстро остыли, но мы еще встретим в письмах Энгельса, относящихся к 1844 и 1845 годам, тот же «чисто русский» оптимизм. Пока отметим, что даже в конце 1843 года Энгельс меньше всего был «марксистом», и обратимся опять к Марксу.

IV

Уже в январе 1843 года ясно стало, что дни «Рейнской газеты» сочтены. Издатели хотели спасти ее, умерив тон. Но Маркс не мог на это согласиться. «Даже во имя свободы негоже брать на себя обязанности раба, негоже сражаться иголкой вместо дубины. Я не могу уже выносить больше это лицемерие, эту глупость, мне противна эта необходимость извиваться, гнуться, кланяться, скрывая свои мысли». Он выходит из состава редакции «Рейнской газеты» и собирается переехать в Цюрих, чтобы принять участие в журнале, который проектировался Гервегом. Но в это время закрыты были также «Немецкие летописи» Руге, и последний предлагает Марксу издавать с ним совместно их продолжение за границей.

Так возник еще в марте 1843 года план издавать Немецко-французские летописи», название которых предложено Марксом: «это было бы принципом, крупным событием, чреватым последствиями; предприятием, которое вызвало бы энтузиазм».

Но прошел еще год, прежде чем вышла первая и последняя книга нового журнала. Много времени отняли хлопоты по организации нового дела. Вмешались также и личные дела Маркса, который к тому времени окончательно порвал все связи с семьей и потерял права на свое личное имущество. Одним из поводов была его женитьба на Женни Вестфален. В письме от 13 марта 1843 года он пишет Руге:

«Без всякой романтики я могу вас уверить, что всей душой люблю свою невесту. Мы обручены уже больше семи лет, и невеста моя вынесла из-за меня жестокую борьбу, почти подточившую ее здоровье, частью со своими пиэтистически-арестократическими родственниками, для которых «господь в небе» и «господин в Берлине» одинаково являются объектом культа, частью с моей собственной семьей, в которую вкрались всякие попы и другие мои враги. Я и невеста моя пережили поэтому в течение нескольких

лет больше всяких ненужных и тяжелых конфликтов, чем многие другие, которые втрое старше нас и постоянно говорят о своем опыте жизни».

К сожалению, так же мало, как эта полоса в жизни Маркса, известен нам и период от оставления им «Рейнской газеты» до его переезда в Париж [1]). Бо́льшую часть этого времени он провел в Крейцнахе, где жила мать его невесты [2]). В Париж они попали только в ноябре 1843 года, и если принять во внимание, что «Немецко-французские летописи» вышли в свет в конце февраля 1844 года, то само собой напрашивается предположение, что статьи Маркса, «К критике философии права Гегеля» и «К еврейскому вопросу», если не были уже написаны в Крейцнахе, то во всяком случае только в Париже получили последнюю обработку.

К счастью, сохранились от этого времени многие записные тетради Маркса, из которых видно, что его интенсивные занятия по французской истории, глубокие следы которых мы видим в его работах, начались еще к Крейцнахе [3]). Наряду с этими занятиями он продолжает занятия по государственному праву и философии.

Можно только гипотетически указать на те события и умственные импульсы, которые дали новый толчок выработке миросозерцания Маркса. Что именно борьба за интересы мозельских крестьян, необходимость внимательного анализа причин их разорения — падение цен и уменьшение сбыта вина, влияние нового таможенного законодательства, постоянные неурожаи, неравномерное распределение налогов — натолкнули его на изучение экономических отношении [4]),— об этом Маркс нам рассказал еще в предисловии к «Критике политической экономии».

Новый умственный импульс был дан Фейербахом. Уже Меринг совершенно верно отметил, что, хотя «Сущность христиан ства» вышла еще в 1841 году, в работах Маркса до статей в «Немецко-французских летописях» трудно заметить особенное влияние Фейербаха. Мы это видели также на примере Энгельса, который, в своей критике Шеллинга, также упоминает имя Фейербаха без особенного энтузиазма. Только в «Немецко-француз-

[1]) См. плисть мою статью «От «Рейнской газеты» до «Святого семейства».

[2]) Маркс женился 19 июня 1843 года.

[3]) Анализ и описание этих тетрадей я дам в другом месте.

[4]) К сожалению, Меринг в своем издании статей Маркса из «Рейнской газеты» без достаточных оснований пропустил его статью о мозельских крестьянах.

ских летописях» оба они являются «фейербахистами» и уже начинают отмежевываться от Бруно Бауэра, в особенности Маркс.

И Меринг опять-таки совершенно прав, когда указывает, что, в промежутке между этими датами, лежит опубликование новой работы Фейербаха, в которой он делает последние выводы из своей философии и развертывает во всей своей полноте антропологический принцип в философии [1]). Это — знаменитые «Предварительные тезисы для реформы философии», напечатанные в тех самых «Anekdota», в которых появилась большая статья Маркса о свободе печати [2]).

Решительная критика спекулятивной философии Гегеля, которая содержится в тезисах Фейербаха, произвела большое впечатление на Маркса, хотя он уже при первом чтении указал в ней крупный недостаток. «Афоризмы Фейербаха,— пишет он Руге в уже цитированном нами письме от 13 марта 1843 года, не удовлетворяют меня только в том отношении, что он чересчур много обращает внимания на природу и слишком мало на политику. А это единственный союз, путем которого современная философия может стать истиной».

Мы знаем, что в своей критике философии права Гегеля Маркс пошел дальше. Он свел «политику» к «экономике» и, подвергнув анализу все классы современного буржуазного общества, в «анатомии» которого он искал объяснения «политики» государства, пришел к заключению, что коренную причину общественных условий, которые делают из человека угнетенное, порабощенное существо, представляет частная собственность, что классом, который осуществит социалистический строй, является пролетариат; что, следовательно, «философия» может стать истиной, воплотиться в действительность, если «сердцем» всего освободительного движения станет именно этот пролетариат, который не может освободиться, не уничтожив общественных условий, обесчеловечивающих человека.

Но не только в области «политики» Маркс уже в 1844 году оставляет за собой Фейербаха. Достаточно сравнить определение «человека» в тезисах Фейербаха с определением, которое дает

[1]) В том же году выходит второе издание «Сущности христианства», исправленное и дополненное резкой критикой Шеллинга.

[2]) «Vorläufige Thesen zur Reform der Philosophie», pp. 62—86. «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Zürich, 1843.

Маркс уже в «Немецко-французских летописях», чтобы узнать в последнем исходный пункт того миросозерцания, которое Маркс формулировал в 1845 году в своих тезисах о Фейербахе.

Если мы сравним статьи Маркса в «Немецко-французских летописях» со статьями Энгельса не только в «Новом нравственном мире», но и с теми, которые появились одновременно в тех же «Летописях», то мы сразу заметим огромное различие. Мы поймем тогда, почему Энгельс всегда утверждал, что основная мысль научного социализма принадлежит «единственно и исключительно» Марксу, который *первый* развил *пролетарскую* точку зрения и показал, что коммунизм не может быть осуществлен *для* пролетариата, но только *через* пролетариат, достигший классового самосознания. Внимательное сравнение первых английских статей Энгельса и его статьи о Карлейле в «Летописях», с одной стороны, и его «Положения рабочего класса в Англии» — с другой, показывает нам, что без Маркса книга Энгельса носила бы еще более «идеалистический» характер. Достаточно указать на его отношение к чартизму в 1843 и в 1845 годах. Читатель сейчас увидит из писем Энгельса к Марксу, с каким трудом он освобождался от своих старых иллюзий насчет преимущества «философского коммунизма».

Мы не будем подробно останавливаться на причинах прекращения «Немецко-французских летописей». Главной из них является раскол Руге с Марксом. Решающую роль играло все же принципиальное расхождение. Маркс продолжал свои занятия по истории французской революции и коммунизма, но рядом с ними он теперь занимался не менее усердно историей политических и экономических учений.

Когда Энгельс приехал в сентябре 1844 года в Париж,— мы сказали выше, что этой встрече, по всей вероятности, предшествовал обмен письмами,— Маркс уже носился с планом написать *критическую историю политических и экономических учений* [1]).

В течение десяти дней, которые они провели вместе, Маркс и Энгельс успели о многом перетолковать. Вполне естественно, что оба они, уже прежде идейно связанные через посредство Бруно

[1]) А не «Капитал», как думает Меринг Именно переписка Маркса с Энгельсом показывает, что и «Капитал» имеет свою «диалектическую» историю.

Бауэра, не могли не коснуться новой фазы в развитии берлинских «свободных».

Оба друга были еще слишком тесно связаны идейно с Бруно Бауэром, чтобы обрушиться на него только за его «философию самосознания». Правда, в «Немецко-французских летописях» Маркс разошелся с Бруно Бауэром в понимании еврейского вопроса, и уже в критике абстрактных построений своего старого друга он намечает основные пункты разногласия. Но Энгельс в тех же «Летописях» в своей критике Карлейля еще противопоставляет ему одинаково Бруно Бауэра и Фейербаха.

Почему же Маркс и Энгельс вдруг так решительно обратились против братьев Бауэров? По той простой причине, что их друзья уже в конце 1843 года повернули на новую дорогу, а во «Всеобщей литературной газете», которую они начали издавать, новая фаза в развитии Бауэра и его друзей приняла совершенно определенные формы.

Дело в том, что если Маркс и Энгельс, после крушения иллюзий 1842 года, решили обратиться к «массе», к «народу», то братья Бауэры, наоборот, усмотрели причину этого краха именно в том, что философия — в том же 1842 году — «вышла из своего резерва и апеллировала к массе», которая — и это доказывалось равнодушием последней при запрещении «Рейнской газеты» и «Не мецких летописей» — «позорным образом изменила своим вождям». Поэтому и популярное у нас сравнение братьев Бауэров с «субъективистами» семидесятых годов основано на недоразумении. Маркс и Энгельс негодовали на своих бывших друзей за то, что, никогда в сущности не апеллировав еще к «массе» и имея до тех пор дело только с массовидными литераторами из берлинского кафе Штегели (нечто вроде нашей «Вены»), они, после первого поражения в борьбе с прусским государством, не нашли ничего лучшего, как доказывать, что «мы» были побеждены, потому что «они», эта «масса», заинтересовались нашими идеями. Именно против этого сваливания с больной головы на здоровую, именно против этих «веховских» настроений, указывавших на готовность укрыться под сень прусского жандарма от «массы», восстали с такой горячностью Маркс и Энгельс [1]).

[1]) Аналогический метод в общественной науке влечет за собой такие же опасности, как и «теория заимствований» в истории литературы. Блестящая характеристика Бруно Бауэра данная Бельтовым, страдает тем, что вырывает

Поэтому наши друзья решили выступить сейчас же с критикой этой реакционной идеологии, которая видела свое превосходство над «массой» не в том, что «критическая мысль» дает ей возможность внести «сознание», «голову» в движение «массы», в «сердце» этой философии, «критической мысли», а, наоборот, в том, что их критика «абсолютна», что она может подвергать «критике» решительно *все,* не останавливаясь даже пред самооплеванием в лице «суверенной», «абсолютной» личности, car tel est notre bon plaisir!

Энгельс успел еще написать с Марксом предисловие и листа полтора. Мы сейчас, увидим, что, благодаря «основательному» Марксу, брошюра выросла в целую книгу.

Совершенно случайно я нашел маленькое письмецо Энгельса, посланное им в «Новый нравственный мир», которое дает новое указание на их сношения с русскими людьми сороковых годов [1]). Он пишет, что «в Париже, по дороге на родину, посетил один коммунистический клуб. Меня ввел туда русский, который прекрасно говорит по-французски и по-немецки и очень искусно развивал взгляды Фейербаха».

Не подлежит никакому сомнению, что этот русский — Бакунин [2]). Но не только он один причисляется в этом письме к коммунистам. Энгельс пишет дальше: «Мы делаем большие успехи среди живущих в Париже русских. Тут имеется трое или четверо русских дворян и помещиков, которые являются радикальными коммунистами и атеистами» [3]). Кто они?

Нам остается еще сказать несколько слов о Марксе. После отъезда Энгельса он пишет критику Бауэров. Едва он успел ее окончить, как, по настоянию прусского правительства, был выслан из Парижа и должен был переехать в Брюссель. В газете

его из специфических условий данного исторического момента и просматривает коренную разницу между Бауэром до 1842 года и Бауэром с 1843 года. Поэтому нуждается в исправлении и параллель между Бауэрами, с одной стороны, и Лавровым-Михайловским — с другой. К вопросу о родстве взглядов Бакунина со взглядами братьев Бауэров и Штирнера мы еще вернемся.

[1]) Оно было мне неизвестно, когда я писал свои статьи о «Карле Марксе и русских людях сороковых годов». См. «Современный мир». 1912, август, октябрь, ноябрь, декабрь. (Перепечатаны в этом собрании.)

[2]) Известно, что он в октябре 1844 года работал над статьей «Изложение развития идей Фейербаха». Неттлау говорит, что она не была напечатана.

[3]) «New Moral World». 5 October 1844.

«Vorwärts», за сотрудничество в которой он пострадал, он написал всего одну статью еще до приезда Энгельса в Париж. И в этой статье мы можем опять видеть, как Маркс против Руге защищает рабочее движение, хотя его бывший соредактор в своем скептицизме руководился совершенно другими соображениями, чем братья Бауэры. Во всяком случае, рабочее движение, наличность пролетариата, как нового класса, которая до тех пор отрицалась для Германии, со времени восстания силезских ткачей стала и для страны философов злобой дня. И в далекой России Герцен, на которого отчет об успехах Вейтлинга среди немецких рабочих произвел сильное впечатление, отмечает в своем дневнике:

«В Силезии бунтуют работники, ломают машины, бросают изделия etc. etc. Семья вырабатывает там в неделю 16 gute Groschen, из которых в последнее время уменьшили еще 2! И после этого фурьеристы неправы, что обличили меркантилизм и современную индустриальность, как сифилитический шанкр, заражающий кровь и кость общества! Купец сказал просившим прибавки работникам: если хлеб дорог, ешьте сено! Месть бунтовавших очевидна, они жгли векселя, выбрасывали бумаги, деньги, портили товар и не крали» [1]).

1. ЭНГЕЛЬС - МАРКСУ

Бармен. Начало октября 1844 года.

Дорогой Маркс! Ты наверное удивлен, что я до сих пор не написал еще ни строчки, и ты совершенно прав. Однако я и теперь не могу сказать определенно, когда приеду. Вот уже три недели, как я в Бармене, и наслаждаюсь, поскольку это возможно, обществом немногих друзей и многочисленной семьи, среди которой, к счастью, имеется несколько милых дам. О серьезной работе здесь нельзя думать, тем менее, что сестра моя обручилась с лондонским коммунистом Эмилем Бланком [2]) (Эвербек [3])

[1]) Писано 17 июня 1844. Интересно сравнить с этим отзывом слова Маркса в его ответе Руге, писанном в июле 1844.

[2]) Умер в 1893 году. Один из многочисленных «отставших».

[3]) Эвербек, Август Герман. Один из лидеров «Союза Справедливых». После стал членом «Союза Коммунистов», но никогда не был «марксистом». В литературе играл роль, как посредник между Францией и Германией, знакомя французов с немецкой философией и немцев с французским коммунизмом. Автор большой книги «L'Allemagne et les Allemande». Paris. 1851.

с ним знаком), и у нас поэтому в доме большая беготня и суета. Впрочем, я хорошо понимаю, что моему возвращению в Париж будут мешать значительные препятствия и что мне, вероятно, придется еще пробыть в Германии полгода, а то и целый год. Я, конечно, пущу в ход все, чтобы избежать этого, но ты не имеешь никакого представления о том, какие мелочные соображения и суеверные страхи выдвигают тут против меня.

В Кёльне я провел три дня и был поражен при виде невероятных успехов, которые там сделала наша пропаганда. Наши люди там очень деятельны, но чувствуется недостаток в надлежащей опоре. Пока наши принципы не будут развиты — в двух, трех книгах — и не будут выведены, политически и исторически, из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории, как их необходимое продолжение, вся эта работа остается половинчатой, и большинство наших будут блуждать, как в темноте.

Затем я был в Дюссельдорфе, где мы тоже имеем дельных людей. Больше всего, однако, нравятся мне мои эльберфельдцы. у которых гуманистическое мировоззрение действительно вошло в плоть и кровь. Они серьезно взялись за революционизирование своих семей и читают своим родителям проповеди, если те осмеливаются обращаться с прислугой или рабочими как аристократы. А это в нашем патриархальном Эльберфельде много значит. Кроме этой группы, имеется еще одна, которая недурна, но недостаточно еще определилась. В Бармене сам полицейский комиссар считает себя коммунистом. Третьего дня был у меня старый школьный товарищ, который теперь стал учителем гимназии: он тоже сильно заражен, хотя не встречался с коммунистами. Если бы можно было воздействовать непосредственно на народ, то мы скоро заняли бы господствующее положение. Но это невозможно, так как мы, литераторы, должны держать себя тихо, чтобы не попасть сейчас в кутузку. Впрочем, тут пока совершенно безопасно, на нас мало обращают внимания, пока мы сидим тихо, и я думаю, что Гесс с его опасениями видит лишь призраки. По крайней мере, меня нисколько не беспокоят, и только прокурор раз справлялся обо мне у родных. Это все, что мне до сих пор известно стало.

В здешней газете было сообщено, что прусское правительство потребовало, чтобы Бернайс [1]) явился к суду. Напиши мне, прав-

[1]) Бернайс, Фердинанд Целестин, он же Лазарус, он же Карл Людвиг — Редактор «Маннгеймской Вечерней Газеты», вел остроумную борьбу с цензурой.

да ли это, и в каком положении брошюра [1]): она, вероятно, уже готова. О Бауэрах тут ничего не слышно, никто о них ничего не знает. Напротив, на «Летописи» до сих пор большой спрос. Моя статья о Карлейле имеет большой успех у «массы» — курьез! — тогда как статьи о политической экономии читали только немногие. Да это и понятно.

И в Эльберфельде господа пасторы обрушились на нас в своих проповедях, но пока, повторяя Круммахера [2]), свирепствуют только против атеизма молодых людей. Я надеюсь, что за этим скоро последует филиппика против коммунизма. Прошлым летом весь Эльберфельд говорил об этих безбожниках. Вообще тут происходит замечательное движение. С тех пор, как я уехал, Вупперталь проделал во всех отношениях больший прогресс, чем в течение пятидесяти лет. Весь тон общественной жизни стал гораздо цивилизованнее, участие в политике и оппозиционное настроение охватывают все слои населения, промышленность сделала огромные успехи, построены новые кварталы, вырублены целые леса, вся область теперь стоит скорее выше среднего уровня немецкой цивилизации, тогда как еще четыре года назад она стояла ниже этого уровня.— одним словом, тут вырабатывается прекрасная почва для наших принципов, и если нам удастся вовлечь в движение наших диких, горячих красильщиков и белильщиков. то наш Вупперталь тебя еще удивит. Рабочие года два уже как достигли последней ступени старой цивилизации и протестуют против старого общественного строя путем быстрого роста преступлений, грабежей и убийств. Улицы вечером небезопасны, буржуазию колотят, подкалывают и грабят, и если здешние пролетарии будут развиваться по тому же закону, что и английские, то они скоро поймут, что этот способ *индивидуального* протеста против старого общества, путем насилий, бесполезен, и будут протестовать про-

---

Эмигрировал за границу и в Париже принимал деятельное участие в редакции «Vorwärts». Один из сотрудников «Немецко-Французских Летописей». После уехал в Америку и порвал все связи с коммунистами.

[1]) Против Бауэров.

[2]) Известная пасторская семья. Круммахер, Готфрид (1774—1837) — с 1816 г. пастор в Эльберфельде. Его брат, Фридрих Адольф (1768—1845), тоже известный проповедник и еще более известный дидактический писатель. Сын последнего — Фридрих Вильгельм Круммахер (1796—1868), знаменитый проповедник, был в описываемое время лидером пиэтистов в Вуппертале.

тив него, как *люди,* путем коммунизма. Если бы только можно были указать им путь! Но именно это невозможно.

Брат мой теперь солдатом в Кёльне, и, пока он вне подозрений, можно пользоваться его адресом для п исем Гессу и К°. Однако я сам не знаю его адреса и не могу тебе послать его.

С тех пор, как я написал предыдущие строки, я был опять в Эльберфельде и вновь натолкнулся на некоторых, прежде мне совершенно неизвестных, коммунистов. Куда ни кинь, куда ни повернись, всюду натыкаешься на коммуниста. Через два месяца направляется в Париж пылкий коммунист, карикатурист и будущий историк-живописец Зеель; я дам ему ваши адреса. Парень вам всем поправится как своим энтузиазмом, так и талантом, и вы можете его использовать как хорошего карикатуриста. Возможно, что к тому времени я и сам приеду к вам, но это все же сомнительно.

«Vorwärts» получается здесь в нескольких экземплярах, я позаботился, чтобы и другие подписались. Пошли пробные номера (следуют адреса.—*Д Р.)* в закрытых конвертах через посредство коммунистического книгоиздательства Бедекера [1]). Когда эти парни увидят, что газета доходит, они станут постоянными абонентами.

Постарайся только, чтобы собранные тобой материалы скорее увидели свет. Давно уже пора сделать это. Я тоже возьмусь как следует за работу. Сегодня начинаю. Немцы имеют еще очень не ясные представления о практической осуществимости коммунизма. Чтобы устранить это препятствие, я напишу маленькую брошюру, чтобы показать, что коммунизм осуществим, и изложу популярно его практику в Англии и Америке. Эту работу я сделаю в три дня. Она окажет большую помощь нашим людям. Я уже видел это из моих бесед с ними.

Итак, прилежно работать и сейчас же печатать. Поклонись Эвербуку, Бакунину, Герье и другим, а также и твоей жене, и напиши мне скорее обо всем. Пиши, если это письмо придет нераспечатанным, по адресу: И. В. Штрюккер и К°, Эльберфельд, по возможности коммерческим почерком на конверте, если же нет, по одному из других адресов, оставленных мною Эвербеку. Мне очень

[1]) Издатель «Зеркала общества», выходившего после под редакцией Энгельса и Гесса.

хочется знать, обманет ли почтовых ищеек чисто дамская внешность моего письма.

Ну, будь здоров, мой дорогой, и пиши сейчас же. С того времени, как мы расстались, я не был еще ни разу в таком хорошем настроении и не чувствовал себя в такой степени человеком, как влечение тех десяти дней, что я провел у тебя.

Что касается затеваемого предприятия, то я не имел еще случая сделать в этом направлении какие-нибудь шаги.

2. *ЭНГЕЛЬС - МАРКСУ*

Бармен, 19 ноября 1844 года.

Дорогой Маркс!

Дней четырнадцать назад я получил от тебя и Бернайса несколько строк, датированных 8 октября и с почтовым штемпелем: Брюсель. 27 октября. Почти в то самое время, когда ты писал мне, я послал тебе письмо, адресованное на имя твоей жены. Надеюсь, что ты получил его. Чтобы впредь быть на этот счет спокойным, я предлагаю наши письма номеровать. Мое теперешнее письмо — второе, и когда ты будешь мне писать, отмечай, до какого номера ты получил и не не хватает ли какого-нибудь письма.

Несколько дней назад я был в Кёльне и Бонне. В Кёльне все идет хорошо. Грюн [1]) наверное рассказал тебе о тамошней работе. Гесс тоже собирается через две или три недели переехать в Париж, если он получит необходимые для этого деньги. Бюргерса [2]) вы тоже имеете там, таким образом у вас настоящий собор. Тем меньше вы нуждаетесь во мне, и тем более нужен я здесь. Что я теперь не могу приехать — понятно, иначе я должен буду поссориться со своей семьей. Кроме того, у меня тут роман, с которым я должен покончить. Да один из нас во всяком случае должен быть здесь, так как наши люди нуждаются в руководстве, чтобы заниматься надлежащей деятельностью и не делать ошибок. Так, например, Юнг [3]) и многие другие не хотят понять, что между

---

[1]) Грюн Карл. Немецкий публицист, один из типичных представителей «истинного социализма». 1817— 1887.

[2]) Бюргерс Генрих, член «Союза Коммунистов», сотрудник «Neue Rheinische Zeitung», перешел в шестидесятых годах в лагерь прогрессистов.

[3]) Юнг Георг, один из редакторов «Рейнской Газеты», кончил свою карьеру в рядах национал-либералов.

нами и Руге существуют принципиальные разногласия, и все еще думают, что это только личные дрязги. Когда, им говорят, что Руге вовсе не коммунист, то они этому не верят и думают, что мы поступаем опрометчиво, отталкивая от себя такой «литературный авторитет», как Руге! Что прикажешь с ними делать? Приходится ждать, пока Руге опять разрешится какой-нибудь колоссальной глупостью, которую можно будет этим людям демонстрировать ad oculos. Мне кажется, что на Юнга надежда плоха: он недостаточно решителен.

Мы устраиваем теперь повсюду собрания, чтобы основать союзы для улучшения положения рабочего класса. Это вносит большое оживление в ряды германцев и привлекает внимание филистеров к социальным вопросам. Собрания созываются без оповещения полиции. В Кёльне комитет для составления устава наполовину избрали из наших людей: в Эльберфельде в комитете тоже сидел наш человек, и, с помощью рационалистов, мы в двух собраниях нанесли поражение пиэтистам: огромным большинством нам удалось выкинуть из уставов все христианское. Особенно радовало меня, как основательно садились в лужу эти рационалисты с их теоретическим христианством и критическим атеизмом. В принципе они вполне признавали христианскую религию, на практике, однако, это христианство, которое, по их же словам, составляло основу союза, не должно было быть упомянуто в уставах: последние должны были все содержать, только не основной принцип союза! Они так упорно держались на своей смешной позиции, что мое вмешательство оказалось совершенно ненужным. Мы получили такие уставы, лучше которых, при настоящих условиях, трудно желать. В ближайшее воскресенье опять назначено собрание, но я не смогу присутствовать на нем, так как завтра уезжаю в Вестфалию.

Я влез с головой в английские газеты и книги, из которых составляю свою книгу о положении английских пролетариев. К середине или концу февраля я надеюсь кончить ее, так как с наиболее трудной работой, с приведением в порядок материала, я уже около двух недель как справился. Я составлю господам англичанам славный перечень их грехов. Перед лицом всего мира я обвиняю английскую буржуазию в массовых убийствах, грабежах и других преступлениях. Я пишу особое английское предисловие к книге, которое напечатаю отдельно и разошлю английским партийным

лидерам, литераторам и членам парламента. Пусть они помнят обо мне. Впрочем, само собой разумеется, что я хотя и бью по мешку, но имею в виду осла (den Sack schlage und den Esel meine [1]), а именно немецкую буржуазию, которой я достаточно ясно говорю, что она так же плоха, как английская, но далеко не так смела, последовательна и искусна в области живодерства. Как только я кончу с этой книгой, я возьмусь за историю социального развития англичан, которая будет стоить мне еще меньше труда, так как материал для нее у меня уже готов и в голове приведен в порядок, да и предмет мне вполне ясен. В промежутке я напишу еще несколько брошюр, а именно против Листа, как только найду свободное время [2]).

Ты, вероятно, уже слышал о книге Штирнера «Der Einzige und sein Eigentum» [3]), а, может быть, даже имеешь ее. Виганд [4]) прислал мне корректурные листы. Я взял их с собою в Кёльн и оставил у Гесса. Принцип благородного Штирнера — ты помнишь берлинца Шмидта, который в сборнике Буля [5]) писал о «Парижских тайнах»,— это тот же эгоизм Бентама, в одном отношении проведенный более последовательно, в другом — менее. Последовательнее потому, что Штирнер, как атеист, ставит личность выше бога или, вернее, видит в ней наиболее крайнее звено, тогда как Бентам оставляет над ней в туманной дали бога, одним словом потому, что Штирнер стоит на плечах немецкого идеализма, является идеалистом, обращенным в материалиста и эмпирика, тогда как Бентам — простой эмпирик. Менее последователен Штирнер потому, что он желал бы, но не может, избежать рекон-

[1]) Кошку бьют, а невестке наветки дают.

[2]) Книги о социальном развитии Англии Энгельс не написал, хотя уже в парижском «Vorwärts» поместил несколько статей на эту тему. Брошюра против Листа тоже не увидела света, но против отца немецкого протекционизма Энгельс высказался в большой речи, которая в дополненном виде была после напечатана.

[3]) Переведена теперь на русский под названием «Единственный и его собственность». Штирнер, Макс (Каспар Шмидт). 1806—1856.

[4]) Виганд, Отто — известный немецкий издатель, прозванный «Блюхером младо-гегельянства». Издал между прочим и книгу Энгельса о «Положении рабочего класса в Англии». После разошелся с Марксом и Энгельсом.

[5]) Речь идет о «Berliner Monatsschrift», Mannheim 1843. Буль после высказался против «политики», но по другим соображениям, чем «истинные социалисты». Ср. Бельтов — «К вопросу» и т. д., стр. 269—272.

струкции разложенного на отдельные атомы общества, операции, которую Бентам производит. Этот эгоизм есть только осознавшая себя сущность современного общества и современного человека, последнее, что современное общество может сказать против нас, кульминационный пункт всякой теории внутри существующей глупости.

Поэтому теория (Штирнера) имеет гораздо большее значение, чем думает Гесс. Мы пе должны отбросить ее в сторону, а, наоборот, использовать как современное выражение существующей глупости и, *перевернув ее,* строить на ней дальше. Этот эгоизм доведен до такой крайности, до того нелеп и в то же время самонадеян, что в своей односторонности он не может удержаться ни одного мгновения и должен сейчас же превратиться в коммунизм. Во-первых, нет ничего легче доказать Штирнеру, что его эгоистические люди уже из одного эгоизма должны стать коммунистами. Это необходимо ему доказать. Во-вторых, нужно ему сказать, что человеческое сердце прежде всего, непосредственно, является именно в своем эгоизме неэгоистичным и способным на жертвы и что он, таким образом, возвращается к тому, на что он нападает. Этими общими местами можно опровергнуть его *односторонность.* Но мы должны воспринять то, что в этом принципе является истиной. А верно в нем во всяком случае то, что если мы хотим сделать что-нибудь для какого-нибудь дела, то мы это дело должны превратить в свое собственное, в эгоистическое дело,— что мы в этом смысле, даже помимо каких-либо материальных ожиданий, просто в силу эгоизма, являемся коммунистами и именно из эгоизма хотим быть *людьми,* а не только индивидуумами. Или, чтобы иначе выразиться: Штирнер прав, когда он отвергает «человека» Фейербаха, по крайней мере человека из «Сущности христианства». Фейербаховский «человек» есть производное от бога, и потому его «человек» еще увенчан теологическим сиянием абстракции. Настоящий же путь, которым мы можем притти к человеку»,— путь совершенно обратный. Мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивидуума, но не для того, чтобы застрять на нем, как Штирнер, а чтобы от него подняться к «человеку». Этот «человек» всегда остается фантастическим призраком, если он не имеет своей основы в эмпирическом человеке. Одним словом, мы должны исходить из эмпиризма или материализма, если мы хотим, чтобы наши идеи и в особенности наш

«человек» были чем-нибудь реальным; мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из себя или из воздуха, как Гегель [1]).

Все это — общие места, которые сами собою разумеются и которые уже сказаны были Фейербахом. Я не повторил бы их, если бы Гесс — как мне кажется, в силу своей старой привязанности к идеализму — не подверг такой жестокой критике эмпиризм, в особенности Фейербаха, а теперь Штирнера. Во многом, что он говорит о Фейербахе, Гесс прав, но, с другой стороны, он сохранил еще некоторые идеалистические повадки — когда он начинает говорить о теоретических вещах, то он выражается категориями. Поэтому он не умеет писать популярно, он для этого чересчур абстрактен. По той же причине он ненавидит также всякий к всяческий эгоизм и проповедует любовь к людям и т. д., что опять сводится к христианскому самопожертвованию. Но если телесный индивидуум представляет истинную основу, истинный исходный пункт для наших «людей», то. само собой разумеется, эгоизм — конечно, не *один только* штирнеровский, рассудочный, эгоизм, но и *эгоизм сердца* — должен быть также исходным пунктом для нашей любви к людям, иначе последняя висела бы в воздухе. Так как Гесс к вам скоро приедет, то ты можешь с ним сам побеседовать на эту тему. Впрочем, вся эта теоретическая болтовня мне с каждым днем все больше надоедает, и всякое слово, которое приходится сказать о «человеке», всякая строка, которую приходится писать или читать против теологии и абстракции, а равно и против грубого материализма, раздражают меня. Совсем другое дело, когда, вместо всех этих призраков,— ведь и нереализовавшийся еще человек остается до своей реализации таким призраком,— занимаешься действительными, живыми предметами, историческим развитием и его результатами. Это, по крайней мере,

[1]) Как логически вытекала эта критика штирнеровского эгоизма из фейербаховской этики, видно и из аналогичных взглядов Добролюбова и Чернышевского. Ср. *Добролюбов* в статье о Станкевиче, «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» и др. и *Чернышевский.* Антропологический принцип в философии. Из следующего письма Энгельса мы у видим, как, под впечатлением письма Маркса, он отказывается от этой, по существу не менее «отвлеченной» этики, игнорирующей те социальные условия, которые объясняют диалектический процесс превращения «эгоизма» в фейербаховский «туизм» или контовский «альтруизм».

лучшее, что нам остается, пока мы вынуждены пользоваться еще пером и не можем воплощать наши идеи в действительность непосредственно руками или, если это необходимо, кулаками.

Книга Штирнера показывает опять, как глубоко лежит в берлинском характере абстракция. Из всех «свободных» Штирнер. несомненно, наиболее талантливый, самостоятельный и прилежный. Несмотря на все это, он перескакивает только из идеалистической абстракции в материалистическую и, таким образом, не приходит ни к чему. Мы слышим об успехах социализма во всех частях Германии, только в Берлине никаких признаков. Эти сверхумные берлинцы устроят себе еще «мирную демократию» (democratie pacifique [1]), когда вся Германия уже отменит собственность,— дальше они. наверное, не пойдут. Вот увидишь, скоро среди них восстанет новый мессия, который переделает Фурье на гегелевский лад, сконструирует фаланстеры из вечных категорий и докажет, в форме вечного закона к себе вернувшейся идеи, что капитал, талант и труд должны получать определенную долю дохода. Это станет новым заветом гегельянства, старый Гегель станет ветхим заветом, «государство», закон станет «смотрителем за Христом», и фаланстер, в котором отхожие места будут размещены в порядке логической необходимости, станет новым небом», «новой землей», новым Иерусалимом, который спускается с неба. А когда все это будет закончено, тогда придет критическая критика, заявит, что опа все во всем, что опа объединяет в своей голове капитал, талант и труд, что все, что произведено, существует через нее, а не через бессильную массу — и захватит все для себя. Таков будет конец берлинской «мирной демократии».

Если «Критическая критика» готова, то пришли мне несколько экземпляров...

Пиши мне скорее — вот уже два месяца, как я ничего не слышу о тебе. Что поделывает «Vorwärts»? Кланяйся всем.

---

[1]) «Démocratie Pacifique». — Так назывался выходивший с 1843 года орган фурьеристов под редакцией Консидерана. Главной целью он ставил себе доказать практическую осуществимость фурьеризма. Отсюда старание приспособиться к вкусам буржуазии и настойчивое подчеркивание, что фурьеризм не преследует никаких «разрушительных» задач и ничего не имеет общего с грубым коммунизмом. Энгельс всегда отделяет «мирную демократию» от Фурье, к которому относился с большим уважением.

3. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Бармен, 20 января 1845 года.

Дорогой Маркс!

Если я не ответил тебе раньше, то главным образом потому что ждал обещанных тобою номеров «Vorwärts». Но так как их до сих пор нет, то я перестал их ждать, а также «Критической критики», о которой я ничего больше не слышу. Что касается Штирнера, то я с тобою совершенно согласен. Когда я писал тебе о нем, я находился еще слишком сильно под непосредственным впечатлением книги, а с тех пор, как я отложил ее и больше обдумал, я прихожу к тем же выводам, что и ты. Гесс, который все еще тут и с которым я говорил две недели назад в Бонне, после некоторых колебаний пришел к тому же заключению, что и ты. Он прочитал мне свою статью о книге, которую он скоро опубликует и в которой он, еще до ознакомления с твоим письмом, говорит то же самое. Я оставил ему твое письмо, потому что он хотел из него кое-что использовать, и поэтому отвечаю тебе на память [1]).

Что касается моего приезда, то не подлежит никакому сомнению, что через два года я буду у вас и, во всяком случае, ближайшей осенью приеду на четыре-шесть недель. Если полиция лишит меня возможности работать, то я наверное приеду, а при теперешнем положении дел эти негодяи могут каждый день нас потревожить. Мы увидим на примере журнала Пюттмана [2]), как далеко можно зайти, без риска быть арестованными или прихлопнутыми.— Мой роман закончился печально. Избавь меня от скучных объяснений, теперь ничем не поможешь, да мне эта история и без того уже много огорчений причинила. Я рад, что могу, по крайней мере, опять работать, и если бы я тебе опять обо всем написал, то я испортил бы себе весь вечер.

---

[1]) Критика Гесса появилась в форме отдельной брошюры под названием «Последние философы» (Die lezten Philosophen von *M. Hess*. Darmstadt 1845). Как ошибался Энгельс, отожествляя взгляды Маркса и Гесса на Штирнера, показывает сравнение этой брошюры с известной нам теперь критикой «Святого Макса», в которой после принимал участие и Гесс. Эти статьи переведены теперь по-русски. *Маркс* и *Энгельс* — «Критика учения Штирнера». Изд. «Степи», Одесса. 1913.

[2]) Пюттман, Герман, публицист и поэт на социальные темы. Речь идет о журнале «Deutsches Bürgerbuch».

Последняя новость: начиная с 1 апреля, я и Гесс будем издавать. у Тиме и Буца в Гагене журнал «Зеркало общества», в котором мы будем давать картины социальной нищеты и буржуазного режима. Проспект и т. д.— в ближайшем времени. А пока будет хорошо, если поэтический «Ремесленник» даст себе труд прислать нам несколько картин *тамошней* нищеты. В особенности, отдельные случаи, так как это подходит для филистера, которого еще только нужно подготовлять к воспитанию коммунизма. Редактирование журнала отнимает не много времени, материал, чтобы заполнить ежемесячно четыре листа, сотрудники легко доставят, таким образом, у нас мало работы и большое поле действия. Кроме того, Пюттман будет издавать у Леске трехмесячник «Рейнские летописи», во внецензурном размере, посвященный специально коммунизму. Ты мог бы также принять в нем участие. Да и без того было бы невредно, если бы мы часть наших работ публиковали два раза. Сначала в журнале, а после отдельно и вместе: запрещенные книги обращаются менее свободно, и мы имеем, таким образом, двойной шанс, чтобы воздействовать на читателей. Ты видишь, мы имеем тут в Германии достаточно работы, чтобы заполнить все эти журналы и еще, кроме того, подготовлять более крупные труды. Но приходится корпеть, если хочешь что-нибудь путное сделать, и хорошо, что тебя условия сами запрягают. Моя книга об английских рабочих будет через две-три недели готова, затем я недели четыре посвящу мелким вещам, а после примусь за работу об историческом развитии Англии и английского социализма.

Что мне доставляет особенное удовольствие, так это вторжение коммунистической литературы в Германию, которое теперь представляет fall accompli. Всего только год, как она начала завоевывать себе место вне Германии, в Париже, и, в сущности, только возникла, а теперь она даже немецкому Михелю села на шею. Газеты, еженедельники, ежемесячники и трехмесячники, надвигающаяся тяжелая артиллерия — все как следует. Чертовски быстро все это развивалось! Подпольная пропаганда тоже принесла свои плоды — всякий раз, когда я попадаю в Кёльн или здесь в наш кабачок, — новые успехи, новые прозелиты. Кёльнское собрание произвело чудеса — мало-по-малу открываются отдельные коммунистические группы, которые развились втихомолку и без нашего прямого содействия.

«Общеполезный еженедельник», который прежде издавался вместе с «Рейнской газетой», теперь также в наших руках. Д'Эстер [1]) взял его в свои руки и уже постарается сделать из него наш орган. Что теперь нам более всего нужно, так это несколько крупных работ, которые создали бы опорный пункт для всех полузнаек, охотно желавших бы, но не умеющих справиться с задачей. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии, хотя бы ты ею был не совсем удовлетворен. Все равно, головы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо. Мои английские вещи, конечно, тоже произведут свое действие, факты говорят слишком красноречиво, но все же я хотел бы иметь более свободные руки, чтобы сделать нечто, что в настоящий момент и для немецкой буржуазии было бы действительнее и убедительнее. Мы, теоретические немцы,— хотя и смешно, но это знамение времени и разложения национальной мерзости,— не можем приняться за развитие теории, мы все еще не могли даже опубликовать критику нелепости. Но теперь пора сделать это. Постарайся поэтому, чтобы ты был готов до апреля. Делай, как я. Назначь себе срок, к которому ты обязательно должен быть готов, и позаботься, чтобы это было скорее напечатано. Если ты не сможешь сделать это там, то печатай в Маннгейме, Дармштадте или другом месте. Но появиться оно должно поскорее.

Что ты растянул «Критическую критику» на двадцать листов, меня, конечно, не мало удивило. Но это очень хорошо, так как кое-что появляется на свете, что иначе еще долго лежало бы в твоем письменном ящике Но если ты оставил мое имя на книге, то это не малый курьез, так как я едва полтора листа в ней написал. Как я уже сказал, я ничего не слышал о Левентале, а также о выходе книги, которой, конечно, жду с большим нетерпением.

Вчера я получил «Vorwärts», которого не видел со времени моего отъезда. Некоторые шутки Бернайса доставили мне большое удовольствие, этот парень умеет вызывать смех, что со мной редко случается при чтении. В общем же, газета плоха и недостаточно интересна и поучительна, чтобы многие немцы хотели иметь ее постоянно. Каково ее положение, и правда ли, что, как я слышал в Кёльне, ее собираются превратить в ежемесячник? Мы тут так

[1]) Карл Людвиг, врач в Кёльне (1811—1858), один из лидеров демократов. Умер в изгнании.

завалены работой, что от нас можно надеяться только на случайные статьи. Вам придется тоже понатужиться. Пиши раз в четыре-шесть недель статью и не поддавайся твоему «настроению». Почему не пишет ничего Бакунин, и почему нельзя заставить Эвербека писать хотя бы тривиально? Бедный Бернайс сидит теперь, вероятно, в кутузке, поклонись ему от меня и скажи ему, чтобы он не принимал этого слишком близко к сердцу [1]). Два месяца пройдут скоро, хотя это изрядно скучно. Что вообще поделывают наши ребята? Ты ничего не пишешь об этом. Приехал ли опять Герье, пишет ли Бакунин по-французски? Чем занимается теперь вся банда, которая в августе каждый вечер посещала Quai Voltaire? Что собираешься ты сделать? Каково твое положение? Живет ли еще под тобою Fouine? [2]). Он недавно опять разразился статьей в «Телеграфе». Само собою разумеется, опять о патриотизме. Курьезно, как усердно он выезжает на этом коньке: ему на все плевать, если ему только удастся уничтожить патриотизм. Вероятно, это была та статья, которую он не хотел дать Фребелю [3]). Немецкие газеты недавно сообщили, что Fouine возвращается в Германию Если это правда, я поздравляю его, но это слишком невероятно, иначе ему пришлось бы опять приобрести себе омнибус с нужником, а это невозможно.

Я говорил недавно с одним человеком, приехавшим из Берлина. Разложение остатков кружка «свободных», по видимому, вполне закончено. Кроме Бауэров, с ними прекратил, кажется, сношения и Штирнер. Только Мейен и Рутенберг с товарищами продолжают, ничто же сумняшеся, как и шесть лет назад, ходить ежедневно в два часа после обеда к Штегели и переливать из пустого в порожнее. Теперь они добрались до «организации труда» и на этом застрянут. По видимому, даже Науверк осмелился сделать этот шаг, так как он усердно выступает на собраниях. Я ведь уже писал тебе, что они все еще станут «мирными демократами». Впрочем, все они «признают» ясность и т. д. наших статей в «Летописях». Если меня скоро опять бес укусит, то я

[1]) За нарушение законов о печати, как редактор «Vorwärts», Бернайс получил два месяца тюрьмы.

[2]) Под этим насмешливым прозвищем подразумевается Руге. Значат «трус».

[3])Фребель, Юлий (1805—1893). Сначала профессор минералогии, после издатель и публицист. В 1848 году член Национального собрания. Кончил карьеру немецким генеральным консулом в Алжире.

завяжу корреспонденцию с маленьким Мейеном, ибо если нельзя иметь с *ними* удовольствия, то, может быть, можно получить удовольствие *от них*. А то здесь нет случая с кем-нибудь как следует поругаться. Я веду ту жизнь, какую может пожелать самый отчаянный филистер, тихую и спокойную жизнь, благочестивую и почтенную, сижу в комнате и работаю, почти не выхожу, стал солиден, как немец. Если это будет так продолжаться, то я даже боюсь, что господь простит мне мои писания и пустит на небо. Уверяю тебя, я тут, в Бармене, начинаю пользоваться хорошей репутацией. Но я не выдержу дальше и на пасху хочу уехать отсюда, вероятно, в Бонн. Уступая настояниям моего зятя и не желая огорчать моих стариков, я опять попытался взяться за коммерцию, и вот уже две недели захаживаю в контору. Отчасти меня побудил к этому и мой роман. Но это мне надоело раньше, чем я начал как следует работать. Коммерция противна. Бармен противен, трата времени противна, и в особенности противно оставаться не только буржуем, но и фабрикантом, активно выступающим против пролетариата буржуем. Несколько дней на фабрике моего старика опять показали мне воочию всю эту противность. Я, конечно, рассчитывал остаться в деле, пока мне это удобно будет, а там написать что-нибудь противополицейское, чтобы мало-мальски прилично перебраться за границу, но я не выдержу так долго. Если бы я не был вынужден ежедневно регистрировать в моей книге отвратительнейшие картины из жизни Англии, я, вероятно, уже успел бы прокиснуть, но именно эта работа давала новую пищу моему бешенству. Если еще можно, будучи коммунистом, оставаться, по своему внешнему положению, буржуа и дельцом, *если не пишешь*, то заниматься одновременно коммунистической пропагандой и фабрикантством вовсе негоже. Баста, на пасху я уезжаю. Ко всему этому усыпляющая жизнь в христианско-прусской семье — вести ее дальше нельзя, ибо, в конце концов, я стану немецким филистером и внесу еще это филистерство в коммунизм. Не заставляй меня так долго ждать твоего письма, как я тебя. Привет твоей жене, хотя я с нею все еще незнаком, и всем, кто этого заслуживает. Пока пиши еще сюда: если я уеду, мне твои письма перешлют.

Твой *Ф. Энгельс.*

4. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Бармен, 22 февраля 1845 года.

Дорогой Маркс!

Наконец, после долгой переписки с Кёльном, я получил твой адрес и сейчас же сажусь тебе писать. Как только пришло известие о твоей высылке, я счел необходимым открыть сейчас же подписку, чтобы коммунистически распределить между нами все причиненные тебе лишние расходы. Она пошла хорошо, и недели три назад я послал 50 слишком талеров Юнгу; я написал также дюссельдорфцам, которые собрали столько же, а и Вестфалии я поручил агитировать Гессу. Подписка там еще не закончена, живописец Кетгген затянул дело, и я еще не имею всех денег. Я надеюсь, однако, через несколько дней получить все деньги, и тогда я тебе вышлю в Брюссель вексель. Так как я не знаю, хватит ли этого, чтобы ты мог устроиться в Брюсселе, то, само собой разумеется, мой гонорар за первую английскую статью, который я скоро получу хотя бы частью и без которого я могу обойтись, так как займу у отца, я предоставляю с величайшим удовольствием в твое распоряжение. Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что поставили тебя в затруднительное денежное положение. Верх мерзости, что тебя заставили еще заплатить за квартиру вперед. Боюсь, впрочем, что тебя не оставят в покое и в Бельгии и что тебе придется, в конце концов, переехать в Англию.

Но довольно об этой подлой истории. Криге [1]) наверное уже был у тебя. Он великолепный агитатор. Он расскажет тебе много о Фейербахе. На другой день после его отъезда я получил письмо от Фейербаха, которому мы писали. Он говорит, что должен сначала основательно покончить с религией, прежде чем сможет настолько заняться коммунизмом, чтобы представлять его в литературе. Кроме того, он в Баварии находится чересчур далеко от всей жизни, чтобы взяться за это. Впрочем, он коммунист, и его занимает лишь вопрос, как осуществить коммунизм. Если возможно, он летом приедет на Рейн, и тогда он должен поехать в Брюссель. Мы уже поможем ему.

---

[1]) Тогда известный коммунист. В Америке издавал «Народный трибун», в котором проповедывал коммунизм «любви», жестоко раскритикованный после Марксом.

Тут, в Эльберфельде, происходят чудеса. Вчера мы устроили в самой большой зале и первом ресторане всего города наше третье коммунистическое собрание. На первом присутствовало 40, на втором — 130, на третьем, по меньшей мере.— 200 человек. Весь Эльберфельд и Бармен, от денежной аристократии до лавочников, за исключением лишь пролетариата, был там представлен. Гесс читал реферат. Читали стихотворения Мюллера, Пюттмана и отрывки из Шелли, а также статью о существующих коммунистических колониях, опубликованную в «Bürgerbuch» [1]). Потом дискутировали до часу. Успех колоссальный. Коммунизм является главной темой разговоров, и каждый день приносит нам новых приверженцев. Вуппертальский коммунизм представляет уже факт и почти силу. Ты не имеешь никакого представления, насколько здесь благоприятна для этого почва. Самые глупые, беззаботные, проникнутые филистерством люди, ничем в мире не интересовавшиеся, начинают увлекаться коммунизмом. Как долго нас оставят в покое, я не знаю. Полиция во всяком случае в большом затруднении: она не знает, что ей делать, а главная скотина, ландрат, как раз теперь в Берлине. Но, если наши собрания запретят, мы обойдем это, а если не удастся, то мы уже настолько всех расшевелили, что все литературные произведения в нашем духе здесь читаются нарасхват. Так как я на пасху уезжаю, то тем лучше, что Гесс думает здесь поселиться и издавать у Бедекера в Эльберфельде ежемесячник, проспект которого, мне кажется, имеется уже у Криге. Я, как писал, переезжаю во всяком случае в Бонн. Мое предполагавшееся путешествие в Париж отпадает, так как мне теперь там нечего делать, зато я наверное приеду в Брюссель, тем более, что мать моя и обе сестры летом поедут в Остенде. Кроме того, я должен еще раз посетить коммунистов в Билефельде, и, если Фейербах не приедет, заехать к нему, а после, если буду иметь время и деньги, я хочу еще раз съездить в Англию. Ты видишь, планов у меня много. Бергенрот говорил мне, что он. вероятно, через несколько дней будет в Брюсселе. Вместе с другими дюссельдорфцами он был на нашем втором собрании и говорил. Это совсем другое дело — стоять перед живыми, настоящими людьми и проповедывать им непосредственно, физически, открыто, чем заниматься проклятым абстрактным писательством, имея перед умственным взором» такую же абстрактную публику.

[1]) Эта статья написана Энгельсом.

Я должен опять от имени Гесса — и от моего также — просить тебя послать что-нибудь Пюттману для его трехмесячника. Мы должны все вместе появиться уже в первом выпуске, чтобы журнал получил определенный характер. Да и все разно без нас он лопнет.

25 февраля. Вчера пришло известие, что наше ближайшее собрание будет разогнано при помощи жандармов и что ораторы будут арестованы.

26 февраля. Вчера утром обер-бургомистр запретил госпоже Обермейер отдавать ее помещение для собраний, а мне было официально передано, что если, несмотря на это запрещение, собрание будет устроено, то последует арест и суд. Мы, конечно, не обратили на это внимания и должны ждать, привлекут ли нас, что, впрочем, мало вероятно, так как мы были настолько умны, чтобы не давать им для этого никакого повода, и вся история кончилась бы только большим позором для правительства. На собрании ведь были прокуроры и члены суда, а обер-прокурор принимал участие в прениях.

7 марта. С того времени, как я писал предыдущие строки, я провел неделю в Бонне и Кёльне. Кёльнцы могут устраивать сорания благодаря союзу. По нашему делу пришел указ из Дюссельдорфа, которым запрещаются дальнейшие собрания. Гесс и Кеттген протестовали. Это, конечно, не поможет, но правительство из топа протеста увидит, что оно с нами ничего не может поделать. Гесс опять в очень сангвиническом настроении, так как все удачно идет, и наши успехи действительно огромны: добрый малый всегда строит воздушные замки.

Наше «Зеркало общества» будет великолепно, первый лист уже цензурован, и все прошло. Статей масса. Гесс живет в Бармене в гостинице «Город Лондон». Бергенрот, по всей вероятности, к вам не так скоро попадет, зато приедет другой, которого я не хочу назвать, так как это письмо наверное будет вскрыто. Если возможно, то я в апреле приеду. Денежный вопрос для меня теперь наиболее важный, так как я, вследствие собрания, имел семейную склоку, и старик заявил мне, что он готов давать мне деньги для моих «научных занятий», но не на какие-либо коммунистические цели.

Я написал бы тебе еще о многом, если бы имел безопасный адрес о Брюсселе. Ты должен мне достать такой. Многое, что

здесь случилось, могло бы повредить кое-кому, если бы письмо было прочтено в черном кабинете. Я остаюсь еще четыре недели и в начале апреля еду в Бонн. Напиши мне еще раз сюда, чтобы мы знали, как твои дела. Деньги почти уже все собраны, не знаю, сколько, но сейчас же будут отосланы. Мой манускрипт будет отослан на-днях.

«Критическая критика» *все еще не получена.* Новое название *«Святое семейство»* меня еще больше поссорит с моим благочестивым и без того уже сильно раздраженным стариком. Ты, конечно, не мог этого знать. Как видно из объявления, ты мое имя поставил первым. Почему? Я ведь почти ничего не написал, и твой стиль ведь все узнают.

Пиши мне сейчас, нужны ли тебе еще деньги. Виганд недели через две должен выслать мне кое-что, и тогда ты можешь располагать ими. Я боюсь, что по подписке получится всего 120—150 франков.

A propos. Мы собираемся перевести Фурье и, если возможно, вообще издавать «Библиотеку выдающихся заграничных социалистов». Лучше всего будет начать с Фурье. Переводчиков мы уже нашли. Гесс сообщил мне о вышедшем во Франции словаре к произведениям Фурье, составленном каким-то фурьеристом. Ты наверное знаешь эту книгу. Напиши мне о ней и, если возможно, пошли мне один экземпляр по почте. Рекомендуй также сочинения французов, которые, по твоему мнению, годятся для библиотеки. Поскорее, так как нужно торопиться, ибо мы уже ведем переговоры с одним издателем. Как подвигается твоя книга? Я должен взяться теперь за мой манускрипт. Будь потому здоров и отвечай сейчас же по всем пунктам.

Кланяйся Криге и Бюргерсу. Где Бернайс?

Твой *Фридрих Энгельс.*

5. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Бармен, 17 марта 1845 года

Дорогой Маркс!

Вчера Гесс передал мне твое письмо. Что касается переводов, то они еще совсем неорганизованы. В Бонне я хотел дать тамошним знакомым Фурье для перевода под моим надзором и руководством, конечно — с пропуском космогонической нелепицы, и,

если издатель был бы согласен, выпустить эту вещь, как первую часть библиотеки. Я говорил об этом с Буцем, издателем «Зеркала общества», и он, повидимому, был не прочь взяться за это, но для большой библиотеки у него нет достаточно средств. Если мы издадим ее в этом виде, то лучше обратиться к Леске или кому-нибудь другому, кто имеет достаточно средств. Взять на *себя лично* перевод я в это лето не могу, так как должен спешить с английскими вещами. Первая работа отправлена на этой неделе Виганду, и так как я с ним договорился, что, при получении манускрипта, он должен выслать мне 100 талеров, то дней через 8—12 я надеюсь получить деньги и послать тебе. Пока для тебя имеется 122,22 франка.

С этим письмом ты получишь остаток собранных денег. Если бы эльберфельдцы не затянули так сильно все дело, а они могли бы собрать еще среди их буржуазных друзей двадцать талеров, то ты получил бы деньги и раньше, и в большем количестве.

Возвращаюсь к библиотеке. Не знаю, будет ли *исторический* порядок наилучшим. Так как французы и англичане должны смепяться, то историческая последовательность все равно будет нарушаться. Кроме того, я думаю, что лучше было бы пожертвовать *теоретическим* интересом практическим соображениям и начать теми вещами, которые дадут немцам больше всего материала и которые ближе всего к нашим принципам. Следовательно, лучшие вещи Фурье, Оуэна, сенсимонистов и т. д. Морелли можно было бы дать раньше. Очерк исторического развития можно было бы дать во введении к библиотеке, так что читатель мог бы легко ориентироваться. Это введение мы могли бы сделать вместе — ты взял бы Францию, я — Англию. Это не трудно будет сделать, если я. как предполагаю, приеду к вам на три недели. Во всяком случае, мы могли бы обсудить этот план. Но необходимо начать с таких вещей, которые имели бы практическое, назидательное значение для немцев и избавили бы нас от необходимости еще раз повторять то, что другие сказали до нас. Если бы мы хотели дать собрание источников по истории социализма или, скорее, историк) социализма в документах и по источникам, то мы, боюсь, не скоро справились бы с этой работой, да и наскучили бы читателю. Поэтому я за то, чтобы мы давали только такие вещи, которые, по своему содержанию, и теперь еще имеют положительный интерес «Политическая справедливость» Годвина могла бы тогда,

как критика политики с политической и гражданско-социальной точки зрения, несмотря на многие прекрасные вещи, в которых Годвин граничит с коммунизмом, совершенно отпасть, так как ты ведь дашь *полную* критику политики. Тем больше, что Годвин в заключении приходит к результату, что человек по возможности должен эмансипироваться от общества и пользоваться им лишь как предметом роскоши («Political Justice», II, книга 8, приложение к 8 главе), да и вообще в своих выводах решительно антисоциален. Впрочем, я книгу эту читал уже давно, когда мне самому многое было неясно, и должен ее еще раз прочитать. Возможно, что она дает больше, чем я тогда нашел. Если мы включим Годвина, то мы не можем не дать его дополнения. Бентама, хотя последний крайне скучен и теоретичен.— Напиши мне об этом, и мы увидим, что можно сделать. Так как эта идея нам обоим пришла в голову, то ее нужно осуществить — я подразумеваю библиотеку. Гесс наверное примет в ней участие с удовольствием, я — тоже, как только найду время. У Гесса времени достаточно, так как он теперь, кроме редакции «Зеркала», ничем незанят. Если мы сойдемся в главном, то мы сможем после, когда, я приеду к вам,— а я теперь еще больше об этом буду хлопотать,— выработать весь план в деталях и приступить к делу.

«Критическая критика» — я, кажется, уже писал тебе, что она получена здесь — просто великолепна. Твои рассуждения об еврейском вопросе, истории материализма, и «тайнах» [1]) превосходны и произведут большое впечатление. Но, при всем том, книга слишком велика. Суверенное презрение, с которым мы оба выступаем против «Литературной газеты», очень мало гармонирует с 22 листами, которые мы ей посвящаем. Кроме того, значительная часть критики спекуляции и абстрактного существа вообще останется непонятной большой публике и не всех будет интересовать. Но вообще вся книга, прекрасно написана и заставляет читателя смеяться до упаду. Бауэры не смогут ничего ответить. Бюргерс мог бы, если он напишет о книге в первом выпуске журнала Пюттмана, упомянуть причину, по которой я написал так мало и обработал только те части, которые не требовали особого труда,— мое короткое, всего лишь десятидневное пребывание в Париже. И без того

[1]) Речь идет о «Парижские тайнах» *Эжена Сю.*

производит комическое впечатление, что я написал едва полтора листа, а ты больше двадцати. Абзац о «проституции» ты лучше мог бы выпустить. Слишком мало, да и не имеет никакого значения.

Удивительно, что, кроме библиотеки, я сошелся с тобой еще в другом плане. Я тоже хотел написать для Пюттмана критику Листа — к счастью, он мне во-время об этом сообщил. Так как я хотел заняться Листом *практически,* развить *практические* последствия его системы, то одну из моих эльберфельдских речей (отчет будет напечатан в журнале Пюттмана), в которой я сделал это вкратце, я разработаю подробнее. Кроме того, я предполагаю — на основании письма Бюргерса к Гессу, да и зная твои личные наклонности,— что ты обратишь большее внимание на его теоретические *предпосылки,* чем на результаты.

Я веду тут поистине собачью жизнь. История с собраниями и «легкомыслие» некоторых здешних коммунистов, с которыми я встречаюсь, опять разбудили весь религиозный фанатизм моего старика. Мое заявление, что я окончательно отказываюсь от гешефтмахерства, его еще более рассердило, а мое открытое выступление в качестве коммуниста развило в нем к тому же и настоящий буржуазный фанатизм. Ты можешь себе представить теперь мое положение. Так как недели через две я уезжаю, то не хочу начинать скандала и все покорно сношу. Они к этому не привыкли и потому становятся храбрее. Когда я получаю письмо, то его обнюхивают со всех сторон прежде, чем передают мне. А так как они знают, что все эти письма от коммунистов, то они приэтом строят такие печальные физиономии, что хоть с ума сходи. Выхожу я, все та же физиономия. Сижу я у себя в комнате и работаю — конечно, над коммунизмом, это прекрасно знают — все та же физиономия. Я не могу ни есть, ни пить, ни спать без того, чтобы предо мною не стояла все та же плачевно-жалобная физиономия. Остаюсь ли я дома, ухожу ли, молчу ли я или говорю, читаю ли я или пишу, смеюсь или нет,— отец мой строит все то же уныло-скорбное лицо. К тому же старик мой так плохо разбирается во всем, что считает одинаково «революционным» коммунизм и либерализм и, несмотря на все мои возражения, делает меня ответственным за все гнусности английской буржуазии в парламенте. А тут еще у нас в доме царит пора благочестия. Восемь дней назад были у конфирмации

брат и сестра, сегодня вся родня собирается к ужину — и лица моих стариков еще более печальны, чем всегда.

А, к довершению несчастия, вчера вечером я был вместе с Гессом в Эльберфельде, где мы до двух часов проповедывали коммунизм. Сегодня, конечно, опять вытянувшиеся физиономии, намеки, догадки. Наконец, они собрались с мужеством, чтобы спросить, где я был.— «У Гесса».— «У Гесса! О, боже!» — Большая пауза, христианское отчаяние на лице.— «Что за общество ты выбираешь себе?!»— Вздохи и т. д. Просто с ума сойти можно. Ты не имеешь никакого представления, сколько коварства в этой христианской охоте на мою «душу». А если мой отец еще откроет, что существует «Критическая критика», то он в состоянии выбросить меня из дому. Кроме того, постоянное раздражение при виде своей полной беспомощности. Ведь они находят наслаждение в том, что терзают себя и мучат всякими фантазиями об аде, и в то же время им нельзя объяснить даже самые элементарные принципы справедливости.

Если бы не мать,— она воистину прекрасный человек и только по отношению к отцу несамостоятельна,— которую я действительно люблю, то я никогда бы не сделал моему фанатическому и деспотическому отцу ни малейшей уступки. А теперь мать моя каждый раз огорчается до болезни и из-за меня страдает жестокими головными болями. Я не могу больше этого выдержать, я должен уехать и с трудом представляю, как я еще выдержу здесь две недели. Но, так или иначе, я уже устроюсь.

Что касается всего прочего, то нового ничего нет. Буржуазия политизирует и ходит в церковь, а что делает пролетариат — мы не знаем, да и вряд ли можем знать. Адрес, по которому вы отправили последнее письмо, пока еще надежен. Сегодня вечером я надеюсь получить деньги, и только что Кеттген уверял меня, что он через пару дней достанет еще. Я ему, однако, не особенно верю; Кеттген только там под рукой, где он может фигурировать на первом плане, иначе же он никуда не годится м ничего не делает. Addio!

Твой *Энгельс.*

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

(1846 — 1847)

Маркс попал в Брюссель в феврале 1845 года, а Энгельс в апреле. Последний только что отправил издателю рукопись своей книги о «Положении рабочего класса в Англии», а первый, отказавшись от намерения писать историю Конвента, принимается теперь вплотную за критическую историю политических и экономических учений.

К сожалению, мы слишком мало знаем об этом периоде. Между последним письмом Энгельса из Бармена от 17 марта 1845 года до первого опубликованного за 1846 г. письма (19 августа 1846 года) прошло полтора года [1]). Видно, что Энгельс за это время пережил очень много, что его миросозерцание в коренных пунктах изменилось. От старого энтузиазма, возлагавшего такие надежды на мирное распространение коммунизма под эгидой прусских прокуроров, не осталось и следа. В одном из писем он жестоко смеется над Гессом, который в не менее восторженных письмах, чем прежде сам Энгельс, описывает новые успехи коммунистов в Кёльне, где им, в ряде собраний, удаюсь провести программу, по своему радикализму, мол, нисколько не уступающую программе английских и французских коммунистов.

Мы уже видели, что Энгельс, еще в начале 1845 года, не совсем освободился от иллюзий немецкого социализма. Следующая цитата из оставшейся до сих пор неизвестной статьи Энгельса покажет нам, как наивен был его коммунизм, как много родственного в нем с тем социализмом, который дебатировался в русских

---

[1]) Сохранилось еще письмо Энгельса из Остенде от 27 июля 1846 г. в котором он сообщает Марксу, что нашел для него квартиру.

революционных кружках самообразования еще в восьмидесятых годах:

«Когда, вы вступаете в беседу о социализме или коммунизме, то вам приходится часто наблюдать, что многие люди готовы согласиться с вами по существу и объявить коммунизм прекрасным делом. «Но,— прибавляют они,— нет никакой возможности осуществить его на практике». Это возражение встречается так часто, что пишущий эти строки считает необходимым и полезным ответить на него изложением фактов, которые в Германии слишком мало известны и которые, по его мнению, совершенно уничтожают это возражение. Коммунизм, социальная жизнь на основе общности имущества, не только возможен, но уже осуществлен во многих общинах в Америке и в одном месте в Англии и, как мы сейчас увидим, с блестящим успехом.

«Если мы внимательно рассмотрим указанное возражение, то мы увидим, что оно распадается на два. Во-первых, нельзя будет найти рабочих для унизительных и неприятных родов труда, во-вторых, при одинаковом праве на общее владение, участники будут ссориться из-за него, и коммунистическая община неизбежно распадется. Первое возражение устраняется очень просто: раз они выполняются для общины, все эти работы перестают быть унизительными, и, кроме того, посредством улучшенных методов, машин и т. д. они легко могут быть сведены на нет. Так, в Нью-Йорке, в одном большом отеле, сапоги чистят при помощи пара, а в коммунистическом поселении «Гармония» в Англии отхожие места не только очищаются автоматически, но, при посредстве особых труб, нечистоты отводятся непосредственно в большой резервуар для хранения удобрительных веществ. Что же касается второго возражения, то до сих пор все коммунистические колонии после десятипятнадцати лет достигли такого богатства, что имеют все необходимое в избытке, и потому им нет никакого повода ссориться» [1]).

Как не вспомнить при этом жаркие дебаты о чистке сапогов и отхожих мест,— вопросы, которые всегда сильно занимали социалистов из «буржуазной интеллигенции», когда обсуждались подробности устройства «будущего общества»?

[1]) См. «Beschreibung der in neuerer Zeit entstandenen und noch bestehenden communistischen Ansiedlungen» в сборнике «Deutsches Bürgerbuch für 1845». Herausgegeben von H. Püttmann. Darmstadt, 1845. Как видно из корреспонденций Энгельса в «New Moral World», этот сборник вышел в начале 1845 г.

А между тем цитируемая мною статья и есть тот самый доклад, который Энгельс читал на одном из собраний в Эльберфельде, так восторженно описываемых им в своих письмах к Марксу.

Как велика была разница между взглядами обоих друзей, насколько интенсивна была работа Маркса в деле создания основ их общего мировоззрения, насколько решающей являлась критика, которой Маркс подверг братьев Бауэров, лучше всего показывает «Святое семейство».

«Когда Энгельс расстался в Париже с Марксом, речь шла о маленьком памфлете против Бруно Бауэра и его последователей. В действительности же получился большой трактат, в котором Маркс не только развил более подробно взгляды, уже высказанные им в «Немецко-Французских летописях», но затронул и совершенно новые области. Коммунизм, еврейский вопрос, французская революция, история материализма, критика спекулятивной философии, сатира на все буржуазные рецепты по части облагодетельствования «низших» классов, под видом критики «Парижских тайн» Эжена Сю,— по каждому из этих вопросов Маркс высказывает ряд мыслей, которые после органически входят в систему научного коммунизма. Когда Энгельс приехал в Брюссель, Маркс уже успел сделать шаг дальше.

Вслед за «идеей рабочего сословия», которая, по общему признанию всех современников, принадлежит исключительно ему, он еще весной 1845 года, формулирует основные положения материалистического понимания истории. Если в «Немецко-французских летописях» и в «Святом семействе» он фактически оставляет за собой Фейербаха, то в ряде тезисов, направленных им против последнего и формулированных впервые в Брюсселе, он теперь так же решительно сосчитывается с материализмом Фейербаха, как прежде с «философией самосознания» Бруно Бауэра.

В том виде, как эти тезисы напечатаны сорок лет спустя Энгельсом, они представляют некоторые отступления от оригинала. Так, третий тезис гласит:

«Материалистическое учение об изменении обстоятельств и воспитании забывает, что обстоятельства изменяются людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно поэтому должно делить общество на две части, из которых одна стоит над обществом. Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности

или *самоизменение* может быть постигнуто и правильно понято только как *революционная практика*» [1]).

Кроме мелких изменений и вставок, Энгельс прибавляет: *«например, у Роберта Оуэна»*. Эта прибавка лишний раз указывает, как даже фейербаховский материализм логически приводил к тем же выводам, что и материализм XVIII века в его французской форме или в том его видоизменении, которое он получил у Оуэна. В статьях Добролюбова и Чернышевского легко найти целый ряд мест, устанавливающих близкое идейное родство их миросозерцания с тем «реальным гуманизмом», на почве которого стоял Маркс еще в конце 1844 года. И для них промежуточным звеном между Фейербахом и коммунизмом служили Фурье и Оуэн, точно так же, как можно отметить сходство и в том отношении, что Сен-Симон и Леру, оказавшие большое влияние на умственное развитие многих людей сороковых годов, сыграли в духовной жизни Чернышевского и Добролюбова такую же незначительную роль, как и в умственной эволюции Маркса и Энгельса.

Можно было бы указать на одного коммунистического мыслителя, сочинения которого Маркс изучал очень внимательно — в «Святом семействе» он его причисляет к «научным коммунистам»,— но которого он уже в 1845 году так же далеко оставляет за собой, как Вейтлинга и Прудона. Это — теперь совершенно забытый Теодор Дезами. Крайний коммунист, высоко ценивший Морелли. Бабефа и Буонаротти, он, как и Вейтлинг, обращается непосредственно к пролетариям, но, в отличие от немецкого коммуниста, он является последовательным материалистом. С утопистами его роднили стремление выдвинуть на первый план особый проект коммунистического устройства будущего общества, разработанный им так же детально, как у Оуэна и Фурье, и убеждение, которое, как мы видели, разделял еще в 1844—1845 годах и Энгельс,

[1]) Тезисы найдены мною водной из записных книжек Маркса. Хотя Энгельс пишет, что они формулированы весной 1845, хотя это предположение весьма вероятно, однако, в самой записной книжке трудно найти какие-либо точные указания. Во всяком случае, из других заметок видно, что огромное большинство их относится к первому году пребывания Маркса в Брюсселе. Обращаю внимание русских исследователей истории деятелей 40-х годов, что в этой же книжке имеется адрес некоего «Mr. Egoroff, Rue de Canette 13, au 1 ét.». Действительно ли это какой-нибудь Егоров, или только «инкогнито»? Не Огарев ли это?

что путем пропаганды этого проекта можно подготовить все необходимые условия для перевода современного общества в высший класс коммунистический. Но его критика буржуазного общества, в которую вошли некоторые элементы фурьеризма и оуэнизма, несомненно, оказала известное влияние на Маркса: отголосок ее мы находим в критике буржуазного общества, данной в «Коммунистическом манифесте». Надо прибавить, что Дезами и его последователям удалось привлечь на свою сторону многих рабочих, и «коммунисты-материалисты» с их различными разветвлениями играли большую роль в подпольном движении, предшествовавшем революции 1848 года. Из этих элементов организовалась во время второй республики и второй империи партия бланкистов [1]).

Но, чем детальнее мы изучаем все эти влияния, тем более выявляется для нас то новое, то оригинальное, что Маркс внес в коммунизм в течение своего пребывания в Брюсселе. Начав свою публицистическую карьеру «политиком», радикалом, натолкнувшись уже в 1843 году на противоречие между «политической» и «социальной» революцией, он теперь, наконец, находит решение вопроса о соотношениях между социализмом и политикой. То, что прежде было сектой, у него превращается в партию. Между «современностью» и «будущим» строится мост в виде сознательного участия партии «*будущего*» во всех битвах *современности*. Вместе с этим на очередь ставился вопрос об орг анизации коммунистов в особую партию и об отношениях этой партии к различным демократическим организациям.

Мы считаем в высшей степени вероятным, что Энгельс, при правке корректур своей книги о «Положении рабочего класса в Англии», уже пользовался указаниями своего друга. Только таким

[1]) Кроме мелких полемических сочинений против Ламеннэ и Кабэ, *Дезами* принадлежат два крупных сочинения: «Code de la Communuté» Paris 1843. и «Le jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme ou les constitutions des jésuites et leurs instructions secrètes en par allèle avec un projet d'organisation du travail». Paris. 1845. Им же был издан специально для рабочих «Almanach de la Communauté. 1843 Дезами и его группе мы предполагаем посвятить особую статью. Вопрос этот представляет для русских читателей особый интерес, ибо уже среди петрашевцев (Тимковский и Спешнев) можно заметить следы влияния этого наиболее крайнего из фр анцузских коммунистических учений. Ср. богатые новыми данными статьи В. И. Семевского о М. В. Буташевиче-Петрашевском. Напомним, что Дезами был известен также Чернышевскому и Добролюбову.

путем можно объяснить, что в самой книге мы не находим почти никаких следов того умонастроения, какое отмечено нами в письмах. написанных в период подготовления этой книги к печати.

К этому времени — лето 1845 года — относится поездка Маркса и Энгельса в Англию, где они пробыли — главным образом, в Манчестере — шесть недель. Маркс собирал материалы для своей истории экономических и политических учений, Энгельс — для истории социального движения в Англии. Весьма вероятно, что именно во время этой поездки Маркс и Энгельс — который уже и прежде, в 1843—1844 годах, имел случай встречаться с немецкими и английскими революционными деятелями — завязали более тесные сношения не только с бывшими членами «Союза справедливых», жившими в Лондоне, но и с теми чартистами, которые, как Гарни,— тогда уже один из редакторов центрального органа чартистов — «Полярной звезды»,— склонялись к коммунизму. В силу условий, на изложении которых мы не можем теперь остановиться подробнее, между оуэнистами, относившимися совершенно отрицательно к политической борьбе, и некоторыми чартистами в 1844—1845 годах произошло сближение. Одним из поводов послужило чествование немецкого коммуниста Вейтлинга. приехавшего, после долгих мытарств по швейцарским и прусским тюрьмам и этапам, в конце лета 1844 года в Лондон.

Со стороны немцев деятельное участие в организации этого торжества принял Шаппер, старый член «Союза справедливых», замешанный в неудавшейся попытке восстания 12 мая 1839 года (Бланки и его друзья) и вынужденный вследствие этого оставить Францию. В Лондоне он, в феврале 1840 года, основал общество самообразования для рабочих, более известное под именем «Коммунистического рабочего клуба». Около него скоро сгруппировался кружок выдающихся рабочих — Эккариус, Бауэр, Молль. Пфендер,— которые вели коммунистическую пропаганду среди многочисленной немецкой рабочей эмиграции.

По инициативе Шаппера, уже в октябре 1844 года было организовано интернациональное общество под названием «Демократические друзья всех народов» («Democratic friends of all Nations»), ставившее себе целью сближение между революционерами всех национальностей, укрепление братства между различными народами, завоевание политических и социальных прав.

По возвращении в Брюссель Маркс и Энгельс продолжали свои теоретические работы. План, о котором Энгельс писал еще в письме из Бармена,— критический разбор протекционизма Листа,— остался невыполненным, хотя Энгельс, как видно из одного неопубликованного его письма к издателю Кампе, обращался еще в октябре 1845 года с определенным предложением по этому поводу. В области проектов остался и план Библиотеки социалистических писателей».

Не удалось обоим друзьям опубликовать и крупный труд, посвященный немецкой идеологии. Не только вся послегегелевская философия — Бауэр, Фейербах, Штирнер,— но и различные оттенки немецкого «истинного» социализма были подвергнуты резкой критике. Только отдельные главы этой работы увидели свет отчасти еще в сороковых годах, отчасти в наше время.

Это была последняя работа, в которой Маркс и Энгельс сводили счеты со своим философским прошлым, в которой они решительно порывали связь со всеми старыми друзьями. Начиная с 1846 года, оба они посвящают себя другой работе, которая до сих пор оставалась малоизвестной, хотя совершенно изменила характер и направление их литературной деятельности.

В специальной работе, посвященной этому периоду в жизни Маркса и Энгельса, закончившемуся организацией «Союза коммунистов» и «Коммунистическим манифестом», мы покажем, какая сеть легенд сплелась вокруг истории этой первой «марксистской» организации. Если не считать полицейской истории немецкого социализма до 1848 года, написанной Штибером и Вермутом, то единственным источником до сих пор являлось введение, написанное Энгельсом почти сорок лет спустя после основания Союза, к брошюре Маркса о кельнском процессе коммунистов. Детальный критический анализ этого введения и сопоставление этих воспоминаний Энгельса с более ранними данными, приведенными Марксом в его книге «Господин Фогт», привели нас к заключению, что вся история «Союза коммунистов» до 1848 года, как она повторяется со слов Энгельса, представляет не что иное, как дидактический рассказ, написанный в поучение немецким социал-демократам, которые попали в восьмидесятых годах в положение, сходное с положением немецких коммунистов в 1846—1848 годах, т. е. вынуждены были опять перейти на нелегальное положение». Под влиянием той же дидактической тенденции Энгельс

совершенно неверно изображает позицию, которую он занимал вместе с Марксом.

Если верить Энгельсу, то он и Маркс, чуть не до 1847 года, стояли совершенно в стороне от рабочего движения и являлись по отношению к «Союзу справедливых» чем-то вроде «посторонних зрителей», пока, наконец, лидеры этого союза, убедившись в превосходстве взглядов Маркса и Энгельса, не обратились к ним с предложением вступить в союз и внести теоретическую ясность и стройность туда, где прежде господствовали путаница и эклектизм.

В действительности дело происходило совершенно иначе. Маркс и Энгельс очень рано выступили в качестве «практиков», но до 1846 года деятельность их проходила главным образом в среде «буржуазной интеллигенции». Организационная работа в среде рабочего класса была им еще почти совершенно чужда.

Мы уже видели, что в Лондоне была крупная коммунистическая организация, в которой преобладали рабочие. В Париже, где немецкая колония была еще многочисленнее, среди рабочих — вернее, квалифицированных ремесленников — было также не мало коммунистических групп, находившихся под влиянием Вейтлинга и позже Кабэ (через посредство уже знакомого нам Эвербека). Еще более многочисленны были группы в Швейцарии, где лидерами являлись Вейтлинг и Август Беккер.

На основании все того же рассказа Энгельса дело изображается так, как будто после краха восстания 12 мая 1839 года в Париже, вместе с переселением Шаппера и его товарищей в Лондон и центральная организация «Союза справедливых» была перенесена в Лондон. В действительности же, после 1839 года *мы не находим никаких следов существования этой организации.* Верно только то, что бывшие члены «Союза справедливых», разъехавшись из Парижа, продолжали как в Англии, так и в Швейцарии, свою революционную пропаганду.

Но между этими отдельными группами не было никаких регулярных сношений, как не было никакого общего органа. Не в лучшем положении находились и коммунистические одиночки или кружки из среды «буржуазной интеллигенции», рассеянные в Германии (главным образом в Вестфалии, Рейнской провинции, Силезии и в Берлине). Правда, эти «литераторы», «интеллигенты», в противоположность рабочим, имели в своем распоряжении ряд

литературных органов, в которых велась коммунистическая пропаганда. Но, пока последняя сводилась к различным философским упражнениям на социалистические темы, пока она обращалась исключительно к «образованным классам» и чуралась всякой политической деятельности, не чувствовалось никакой потребности ни в общей организации, ни в устройстве тесных сношений с уже существовавшими в разных местах рабочими группами.

Иначе сложились обстоятельства, когда Маркс, который никогда не отрицал значения политической деятельности, и вслед за ним Энгельс, разделявший вместе с «истинными социалистами» их предрассудки против «политики», нашли, наконец, синтез между последней и социализмом и, вместе с тем, ответ на вопрос, как слить рабочее движение и социализм, до того времени шедшие разными дорогами. Оказалось, что социализм или коммунизм есть высшая форма рабочего движения, что коммунизм предполагает самую совершенную демократию, что коммунизм может быть осуществлен только рабочим движением, что единственный класс, который может и должен, по своему положению, взять на себя осуществление коммунизма — это пролетариат. Отсюда сама собою вытекала задача — внесение в классовую борьбу пролетариата света сознания ее целей и организация пролетариата в особую политическую партию. Не отчуждение от задачи современности, не стремление уйти в сектантскую келью, а вмешательство во все явления общественной жизни, внимательное изучение действительности и активное участие во всех сферах современной жизни!

Понятно, что всякая попытка соединить «интеллигентские» и «рабочие» коммунистические группы не могла не натолкнуться на ряд препятствий. С одной стороны, приходилось вступить в борьбу со староверами «истинного социализма», с другой — пришлось считаться с предрассудками рабочих и их недоверием к «литераторам».

Необходимо было, поэтому, создать организационный центр, который, преследуя сначала чисто пропагандистские задачи, постепенно подготовлял бы условия для более тесной организации. Более легкой и выполнимой казалась задача объединения немецких коммунистических групп, находившихся тогда в положении, очень сходном — в организационном отношении — с положением русских социал-демократических групп до 1898 года.

Необходимость созвать съезд представителей всех коммунистических групп обсуждалась уже в конце 1845 и начале 1846 года

Мне удалось найти циркуляр, в котором мотивируется значение этого съезда и, как наиболее удобный пункт для делегатов из Германии, указывается Вервье, где тогда, жил Гесс, и наиболее подходящий для Маркса и Вейтлинга, присутствие которых считается безусловно необходимым.

К сожалению, нет никакой возможности точно установить, состоялся ли этот съезд, предполагавшийся летом 1846 г. По всей вероятности, план этот расстроился, так как попытка соглашения между Марксом и Вейтлингом кончилась неудачей. (На одном из этих заседаний присутствовал Анненков.) И еще более резко выступили Маркс и его друзья в мае 1846 года против Криге, одного из влиятельнейших представителей немецкого «истинного» социализма.

К этому времени относится план Маркса и Энгельса, организовать особые группы из тех коммунистов, которые разделяли их взгляды. В Брюсселе вокруг них сгруппировалась значительная община, в которую входили Вильгельм Вольф,— ему Маркс после посвятил первый том «Капитала»,— Себастиан Зейлер. Иосиф Вейдемейер, Филипп Жиго, бельгиец, позже Тедеско, тоже бельгиец, несколько рабочих. Гесс после некоторых колебаний присоединился к Марксу.

Брюссельская группа должна была служить главным ядром новой коммунистической организации, которая *с самого начала должна была быть интернациональной.* Маркс и Энгельс надеялись привлечь на свою сторону Прудона и выдающихся английских чартистов. Исходя из убеждения, что Европа стоит накануне новой революции, которая доставит всюду власть буржуазии, но в то же время подготовит условия для организации политической партии пролетариата, они приглашали Прудона присоединиться к ним, чтобы подготовиться к тому времени, когда наступит «момент действия», т.-е. революция. Напечатанное в переписке Прудона письмо его к Марксу, толковавшееся до сих пор вкривь и вкось, приобретает совершенно другой смысл, если перестать считать его ответом на предложение Маркса принимать участие в каком-то чисто литературном предприятии.

Если Прудон ответил отказом, то Гарни отнесся только скептически к новому плану, но изъявил согласие, если в организацию будут посвящены его лондонские друзья из немецкой эмиграции, главным образом Шаппер.

Трудно сказать, почему Маркс и Энгельс для своей новой организации приняли название «Kommunistisches Korrespondenz Komitee», т. е. коммунистический комитет сношений. Быть может, тут играли роль реминисценции из истории французской революции или из истории старых английских революционных обществ (французские Comités de correspondances или английские Corresponding societies). Но, наряду с брюссельским, очень скоро возник такой же комитет в Лондоне, в который вошли наиболее выдающиеся члены «коммунистического рабочего клуба» и Гарни. А осенью 1846 года Энгельс переезжает из Брюсселя в Париж, чтобы и там организовать такой же комитет, что ему удается при помощи Юнге, наборщика, жившего прежде в Брюсселе. Ему пришлось при этом встретиться с сильной оппозицией, часть которой находилась под сильным влиянием учений Прудона, в той их форме, в которой их «германизировал» Карл Грюн, другая же — под влиянием Кабэ.

К лету 1847 года новые организации настолько уже окрепли, что явилось возможным созвать предварительный съезд всех этих комитетов в Лондоне. На этом съезде решено было объединиться в «Союз коммунистов». Принят был временным организационный устав, который решено было предложить на обсуждение отдельным комитетам, с тем, чтобы на следующем съезде принять его с необходимыми поправками в окончательной форме. К этому же съезду должен был быть приставлен проект коммунистического «Исповедания веры».

Что борьба внутри комитетов и после первого конгресса продолжалась, видно особенно ясно из писем Энгельса. И не только в парижской общине, в которой сильны были старые традиции. Лондонцам тоже пришлось бороться как с приверженцами Кабэ, отстаивавшими план эмиграции в Америку, так и с приверженцами Гейнцена. которым, в качестве буржуазного демократа, вел жестокую войну с коммунистами.

Некоторый свет на эту внутреннюю борьбу проливает изданный лондонскими членами «Союза коммунистов» пробный номер первого рабочего *марксистского* журнала. Он назывался «Коммунистический журнал» и вышел в свет в *сентябре* 1847 года. Под заголовком — за шесть месяцев до появления «Коммунистического манифеста» — мы читаем: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Все статьи анонимны. Программная статья, написанная,

вероятно, коллективно, кончается призывом к «пролетариям всех стран» объединиться — «открыто там, где это разрешается законом, ибо наши действия не боятся света, *тайно* там, где произвол тиранов вынуждает нас к этому».

Вторая статья подробно разбирает и отвергает эмиграционный план Кабэ. Третья статья, написанная, по всей вероятности, Энгельсом, дает характеристику Пруссии. Журнал заканчивается «Политическим и социальным обозрением», в котором нетрудно узнать манеру Вильгельма Вольфа [1]).

Второй съезд, как известно, состоялся в ноябре—декабре 1847 года. После долгих дебатов принят был новый устав, и решено было вместо предполагавшегося «исповедания веры», по предложению Энгельса, опубликовать от имени союза «Манифест коммунистической партии». Составление этой программы поручено было конгрессом *Марксу,* хотя съезду были представлены и другие проекты «исповедания веры», в том числе один — Энгельсом. Само собою разумеется, что Маркс при составлении «Манифеста» пользовался помощью своего друга, но сравнение этого документа с тем проектом, который принадлежит Энгельсу и в 1913 году опубликован Бернштейном, показывает нам, почему Энгельс, в предисловии к вышедшему после смерти Маркса изданию «Манифеста», категорически утверждает, что главные идеи этого «Манифеста» принадлежат исключительно Марксу.

Едва только манифест был написан — понадобилось не одно напоминание со стороны центрального комитета в Лондоне, чтобы Маркс отказался от дальнейшей обработки [2]) — и отправлен в

---

[1]) Перевод этого журнала помещен теперь к приложении к моему изданию «Коммунистического манифеста».

[2]) «Центральный комитет областному комитету в Брюсселе. Лондон, 26 января 1848 года. Резолюция, принятая 24 января 1848 года:

«Центральный комитет поручает сим областному комитету в Брюсселе сообщать гражданину Марксу, что если «Манифест коммунистической партии», составление которого он взял на себя на последнем конгрессе, не будет доставлен в Лондон до вторника, 1 февраля сего года, то против него будут приняты дальнейшие меры. В случае, ежели гражданин Маркс не исполнит работы, центральный комитет требует немедленной отсылки предоставленных в распоряжение Маркса документов.

«От имени и по поручению центрального комитета: *Шаппер, Бауэр, Молль*».

Лондон, чтобы быть напечатанным, как уже послышались раскаты приближающейся исторической грозы. Манифест еще брошюровался, когда в Париже началась февральская революция. В Германию первые экземпляры его попали уже после мартовской революции. Ему предшествовали «требования коммунистической партии», формулированные новым центральным комитетом. Как только началась революция, лондонский комитет, который, по уставу, выполнял функции центрального комитета, передал свои полномочия брюссельскому. Но главные члены последнего вынуждены были переехать в Париж, чтобы оттуда, после крупного конфликта с немецкой демократической эмиграцией, замышлявшей вооруженное вторжение в Германию, направиться на родину.

Только при свете этих фактов нам становится вполне понятна литературная деятельность обоих друзей в 1846—1847 годах. Каждое выступление вызывается или объясняется потребностями пропаганды или размежевания с группами, которые старались «вовлечь» возникавшие в различных концах Западной Европы коммунистические организации в русло той или иной доктрины. Эту цель преследовала полемика с Криге, с Грюном, с Гейнценом. Так как основанная ими организация с самого начала носила интернациональный характер, то им пришлось считаться не только с чисто немецкими течениями, но и с чужеземными, тем более, что они, как, например, учение Прудона, оказывали сильное влияние и на немецких рабочих. Отсюда и стремление завязать сношения со всеми демократическими и социалистическими органами во Франции и Англии, чтобы иметь возможность литературным путем влиять на читателей этих органов. Эта работа выпадала, главным образом, на долю Энгельса, который, начиная с 1845 года, пишет в главном органе чартистов — «Полярной звезде», как он прежде работал в органе оуэнистов «Новом нравственном мире», а с 1847 года работает во французской «Réforme» и «Atelier»

Вся эта кипучая деятельность нашла себе, правда, слабое отражение в письмах 1846—1847 годов. К сожалению, мы не можем дать полный перевод всех этих писем, так как многие из них носят слишком специальный характер и изобилуют мелочами, требующими очень подробного комментария. Мы выбрали только наиболее характерные для Энгельса и той эпохи.

1. ЭНГЕЛЬС — БРЮССЕЛЬСКОМУ КОМИТЕТУ

Париж, 21 августа 1846 года.

Carissimi!

Наше предприятие пойдет здесь прекрасно. Эвербек в восторге от него и желает только, чтобы мы не торопились с официальной организацией комитета, так как в ближайшем будущем предстоит раскол. Остаток вейтлингианцев, маленькая группа портных, будет, вероятно, скоро вышвырнута из организации, и Эвербек считает более удобным подождать, пока это будет сделано. Он, однако, думает, что вряд ли можно будет привлечь к «корреспонденции» [1]) более четырех или пяти человек, но этого вполне достаточно. Надеюсь, что в ближайшем письме я уже извещу вас о ее конституировании.

Эти портные, право, удивительные парни. Недавно они серьезно дискутировали вопрос о том, не удобнее ли прикреплять ножи и вилки к столам посредством цепочек. Их, однако, немного. На последнее, очень грубое письмо парижан, которое мы ему переслали. Вейтлинг не ответил. Он потребовал, чтобы ему выслали 300 франков для его экспериментов, но прибавлял, что вряд ли из этого выйдет что-либо. Вы можете себе представить, как они ему ответили.

Зато столяры и кожевники, должно быть, славные парни. Я их не видел еще, так как Эвербек ведет свое дело с известной вам осторожностью...

Париж глубоко пал. Дантон продает на бульваре Бурдон дрова, Барбару продает на улице St-Honoré ситцы. «Реформа» не имеет уже достаточно сил, чтобы требовать для Франции Рейна, оппозиция ищет способных людей, но не находит их, господа буржуи ложатся так рано спать, что к двенадцати часам все должно быть закрыто, и молодая Франция мирится с этим спокойно.

2. ЭНГЕЛЬС — БРЮССЕЛЬСКОМУ КОМИТЕТУ

Париж, 19 сентября 1846 года.

Дорогие друзья!

Ваши сообщения о Бельгии, Лондоне и Бреславле были очень интересны. Я рассказал обо всем Эвербеку и Бернайсу. Держите

---

[1]) Сокращенное название организованных в Лондоне и Париже коммунистических комитетов сношений» («Kommunistisches Korrespondenz-Komitee»).

меня au courant всего, что касается успеха нашего дела и более или менее усердного участия различных мест, чтобы я мог сообщить кое-что здешним рабочим. Что поделывают кёльнцы? Отсюда я могу доложить следующее:

1) Со здешними рабочими, т. е. столярами из Сен-Антуанского предместья, я уже несколько раз имел собеседования. Они организованы очень своеобразно. Если не считать прежнего союза, который, вследствие больших разногласий с вейтлинговскими портными, почти распался, то они — от двенадцати до двадцати человек — собираются раз в неделю для дискуссий. Так как в силу вполне понятных причин материал скоро иссяк, то Эвербек был вынужден читать им лекции по немецкой истории — ab ovo — и преподавать им в высшей степени путаную политическую экономию, которую он позаимствовал из «Немецко-французских летописей». Затем появился я. Чтобы поддержать с ними связи, я им изложил в двух беседах историю Германии со времени французской революции, взяв за исходный пункт экономические условия. Все, что они получают на этих еженедельных собраниях, они по воскресеньям пускают в ход на собраниях, которые происходят на окраине города и в которых принимают участие самые разнообразные элементы. На них, отбросив в сторону всякие политические материи, дискутируют главным образом социальный вопрос. Эти собрания очень полезны, чтобы втянуть новых людей, так как они вполне открыты. Недели две назад нагрянула полиция, хотела наложить свое veto, но, в конце концов, дала себя утихомирить. Часто собирается свыше 200 человек.

Но дальше в таком положении дело оставаться не может. Среди рабочих замечается известная апатия, вызванная тем, что им наскучили дискуссии. Все, что они могут противопоставить портняжному коммунизму, в сущности, сводится к фразам Грюна о «человеке» и к грюиированному Прудону, которых им преподносят сам Грюн и его последователь Эйзерман, старый напыщенный столяр, а частью и наш друг Эвербек. Все это им скоро надоело. Начались вечные повторения, и, чтобы сдержать их от засыпания (буквально, так как эта эпидемия начала свирепствовать на собраниях), Эвербек терзал их разными схоластическими рассуждениями об «истинной стоимости» (которая отчасти и на моей совести лежит) и наводил на них тоску германскими

первобытными лесами, херусками и старо-немецкой грамматической ерундой по Аделунгу.

Впрочем, действительным лидером этих рабочих является не Эвербек, а Юнге, который жил прежде в Брюсселе и хорошо понимает, что следовало бы изменить. Он мог бы многое сделать, так как он всех держит в своих руках и в десять раз умнее всей клики. Но он чересчур непостоянен и каждый раз выдумывает новые проекты. Если до сих пор так мало сделано, то только потому, что я в течение трех недель не могу его никак поймать...

2) Теперь нечто забавное. В своей новой, не напечатанной еще книге, которую Грюн переводит теперь на немецкий, Прудон выдумал способ делать деньги из ничего и сделать рабочих счастливыми. Никто не знал, в чем дело. Грюн тщательно хранил эту тайну, но всюду хвастался, что ему известен новый философский камень. Всеобщее напряженное ожидание. Наконец, на прошлой неделе к столярам, у которых я был, является Эйзерман и наивно выбалтывает великую тайну. Грюн сообщил ему весь план. И что же оказалось? Ни больше, ни меньше, как уже давно известные в Англии «базары труда», не раз уже обанкротившиеся, ассоциации разнородных ремесленников, большой склад, все продукты, доставленные членами ассоциаций, оцениваются по стоимости сырого материала и затраченного на них труда и оплачиваются другими продуктами, оцениваемыми таким же способом. Все количество продуктов, превышающее потребность в них ассоциации, продается на всемирном рынке, и выручка идет в пользу производителей. Таким образом, думает хитрый Прудон, можно отменить прибыль, которую получает торговый посредник. Что он таким путем отменяет и прибыль на ассоциационный капитал, что этот капитал и эта прибыль должны быть точно так же велики, как капитал и прибыль вытесненных посредников, что он, следовательно, правой рукой отдает то, что получает левой,— обо всем этом наш мудрец не догадывается. Что его рабочие никогда не в состоянии будут достать необходимый капитал, так как они в этом случае могли бы устроиться самостоятельно, что всякие сбережения в издержках, достигаемые посредством ассоциации, уйдут на покрытие всяких рисков, что вся история сводится к желанию убрать из этого мира контрабандой прибыль, что все это — мещанская идиллия, с самого начала исключающая всю крупную промышленность, строительных рабочих, сельское

хозяйство, и то, что на их долю придутся только *убытки* буржуев все это и другие возражения, навязывающиеся сами собой, он, увлеченный своими иллюзиями, совершенно забывает. Преуморительная история!.. Но Прудон навсегда скомпрометирует себя и французских социалистов перед буржуазными экономистами, если выступит публично с этим планом. Потому он и полемизирует против революции, что нашел, как ему кажется, мирное средство. Прудон похож на Джона Уоттса [1]). Этот видит свое призвание в том, чтобы, несмотря на свой нереспектабельный атеизм и социализм, оставаться для буржуазии респектабельным человеком; Прудон изо всех сил хлопочет, чтобы, несмотря на свою полемику против экономистов, стать признанным великим экономистом. *Таковы все сектанты.* И к тому же такая старая история!

3) А теперь еще одна в высшей степени любопытная история. «Augsburger Allgemeine Zeitung» (21 июля 1846 года) в корреспонденции из Парижа от 16 июля пишет о русском посольстве в Париже:

«Это — официальное посольство; но вне его или, скорее, над ним стоит некий Толстой, он не занимает определенной должности, но известен как доверенное лицо двора. Прежде чиновник в министерстве народного просвещения, он явился в Париж с литературной миссией, написал здесь несколько мемуаров для своего министерства и доставил несколько обзоров французской прессы. Затем он перестал писать, но тем больше делал. Он живет на широкую ногу, встречается со всеми, принимает всех, занимается всем, все знает и очень многое устраивает. Мне кажется, что именно он является действительным русским посланником в Париже... Его заступничество производит чудеса (все поляки, которые просили помилования, обращались к нему) в посольстве все склоняется перед ним, и в Петербурге он пользуется большим влиянием».

Этот Толстой и есть не кто иной, как наш Толстой, наврaвший нам, что он хочет продать в России свои имения. Кроме квар-

[1]) John Watts, 1818—1887. В «Капитале» Маркс цитирует одну его брошюру и прибавляет: «Я цитирую это сочиненьице, потому что оно представляет собою настоящую сточную канаву всяких давно прогнивших апологетических общих мест. Прежде этот господин увлекался оуэнизмом и в 1842 году опубликовал другое сочиненьице — «Факты и выдумки политической экономии», в котором он, между прочим, называет собственность грабежом. Но с того времени уже много воды утекло».

тиры, в которой он нас принимал, он имел еще блестящее помещение на rue Mathurin, где он принимал дипломатов. Поляки и многие французы давно уже знали это, только немецкие радикалы, среди которых он считал более удобным играть роль радикала, ничего не знали. Цитируемая мною статья написана одним поляком, которого знает Бернайс, и сейчас же была перепечатана в «Corsaire Satan» и «National». Когда Толстой прочитал статью, он рассмеялся и пошутил над тем, что он, наконец, открыт. Он теперь в Лондоне и, так как роль его тут сыграна, попытает свое счастье там. Жаль, что он не вернется, иначе я сыграл бы с ним шутку да представил бы свою визитную карточку в rue Mathurin. Что после всего этого рекомендованный им Анненков — тоже русский шпион, c'est clair. Даже Бакунин, который *должен был знать* всю историю, как другие русские знали ее, тоже очень подозрителен. Я, конечно, не дам ему этого заметить, но постараюсь отплатить русским. Как ни мало опасны для нас эти шпионы, им, однако, не следует ничего спускать. Они очень удобны для того, чтобы производить над ними эксперименты по части интриги in corpore vili. На это они годятся [1]).

Так как я уже расписался, то я в заключение еще сообщу вам, что Гейне опять здесь и что третьего дня я был у него вместе с Эвербеком. Бедный парень ужасно осунулся. Он худ, как скелет. Размягчение мозга распространяется дальше, паралич лица также. Эвербек говорит, что Гейне может внезапно умереть от паралича легких или удара, но может также протянуть еще года три или четыре. Он, конечно, немного в угнетенном состоянии и, что всего замечательнее, очень мягок (и всерьез) в своих приговорах.— Только по поводу Мейрера [2]) он непрерывно острит. В общем, он сохранил всю свою духовную энергию, но физиономия его — седая бородка, которую он запустил, потому что не может бриться, придает ему еще более курьезный вид — способна привести в уныние всякого, кто его видит. Страшно жалко наблюдать, как такой славный малый отмирает кусок за куском.

Отвечайте скорее. Ваш *Энгельс.*

[1]) Эта часть письма уже цитирована мною в статьях «К. Маркс и русские люди сороковых годов».

[2]) Мейрер, Герман,— второстепенный немецкий поэт. Был вынужден оставить в тридцатых годах Германию я жил сначала в Швейцарии, после и Париже. Сотрудничал в «Vorwärts» и в 1843 году издавал свой журнал «Horen».

3. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Париж. 18 сентября 1846 года.

Дорогой Маркс!

Масса вещей, о которых я тебе хотел писать отдельно, попали в деловом письме, которое я написал сначала. На этот раз не имеет никакого значения, если другие тоже прочтут всю эту чепуху,— Я все еще не мог собраться с духом, чтобы сделать для тебя извлечения из Фейербаха. Здесь, в Париже, эта материя кажется очень скучной. Но я имею теперь эту книгу дома и скоро возьмусь за работу...

В деловом письме я был крайне несправедлив по отношению к Прудону. Я должен поэтому внести в свое изложение поправку. Я было полагал, что он выдумал маленькую нелепость, нелепость в пределах смысла. Вчера, однако, опять дискутировали этот план, и я узнал, что эта новая нелепость действительно *совершенно беспредельная нелепость*. Представь себе только: пролетарии должны на *сбережения* обзавестись маленькими акциями. На эти деньги (конечно, таких рабочих будет не меньше 100 000 или 200 000) устраивается одна или несколько мастерских в одном или нескольких ремеслах, часть акционеров работает на них, и продукты продаются по цене сырого материала, плюс работа, акционерам (которые, таким образом, не платят прибыли), что же касается возможного избытка, то он продается по рыночным ценам на всемирном рынке. По мере того как капитал ассоциации, при помощи взносов вновь поступающих членов или новых сбережений старых членов, увеличивается, он идет на устройство новых мастерских и фабрик и т. д. и т. д.. пока все пролетарии найдут в них занятия и все в стране находящиеся производительные силы будут выкуплены. Таким образом, принадлежащие буржуазии капиталы потеряют присущую им способность командовать над трудом и приносить прибыль. Эти милые люди замышляют не более, не менее, как *скупить* на пролетарские сбережения,— отказавшись к тому же от прибыли и процентов на свой капитал,— сначала *всю Францию,* а после, пожалуй, и весь мир. Придуман ли был еще когда-нибудь более хитрый план, и не было ли бы гораздо короче, раз уже хотят выкинуть tour de force, чеканить пятифранковики прямо из серебряного сияния луны? И глупые рабочие — я говорю о немцах — верят в этот план:

они, которые с трудом могут найти шесть су, чтобы вечером собраться в кабачке, хотят на свои сбережения скупить всю Францию. Ротшильд и его компаньоны — настоящие крохоборы в сравнении с этими гигантскими скупщиками. Право, лопнуть можно от досады. Самая бессмысленная фраза имеет для них больше смысла, чем простой факт, использованный в экономической аргументации. Не позор ли это, что еще приходится выступать против такой варварской нелепицы.

Но надо вооружиться терпением. Я не брошу их, пока мне не удастся прогнать Грюна и очистить им их засоренные головы.

Единственная ясная голова, которая понимала всю нелепость этого плана, это — наш Юнге, который был в Брюсселе...

Вопрос: не сообщить ли историю с Толстым, которая *вполне верна,* лондонцам? Немцы могли бы еще, если он у них будет продолжать играть свою роль, скомпрометировать каких-нибудь поляков. А вдруг он еще на тебя сошлется.

Твой *Энгельс.*

4. ЭНГЕЛЬС- МАРКСУ

Париж, 26 октября 1847 года.

Дорогой Варфоломей!

Я могу тебе написать только сегодня, потому что только сегодня — после жестокой борьбы с консьержкой — мне удалось поймать Луи Блана [1]). Результат моих долгих переговоров с ним сводится к тому, что маленький человек теперь на все готов. Он был сама вежливость и дружба и, поводимому, ничего не желает так сильно, как вступить с нами в близкие отношения В нем не видно никакой склонности к национально-французскому желанию покровительствовать. Я писал ему, что я являюсь к нему с мандатом от лондонской, брюссельской и рейнской демократии, что я, кроме того, чартистский агент. Он расспрашивал меня подробно обо всем; я изобразил ему положение нашей партии, как блестящее, говорил о Швейцарии, Якоби [2]), баденцах как о союз-

[1]) Луи Блан (1813—1882), тогда уже известный автор «Организация труда» и «Истории десяти лет», только что приступил к изданию своей «Истории французской революции». Он был одним из влиятельнейших сотрудников «социал-демократической», вернее, радикал-социалистической «Реформы».

[2]) Иоанн Якоби (1805—1877), знаменитый германский демократ, опубликовавший в 1841 г. брошюру «Четыре вопроса», навлекшую на него судебный процесс. Во время революции 1848—1849 и в шестидесятых годах — лидер немецких демократов. В 1872 перешел в ряды социал-демократии.

никах и т. д.— Ты являешься шефом: «Вы можете рассматривать Маркса как шефа нашей партии (т. е. наиболее передовой части немецкой демократии) и его недавнюю книгу против Прудона — как нашу программу». Все это он отметил себе. В заключение он обещал высказаться о твоей книге [1]) в «Réforme». Он рассказал мне много всячины о подпольном движении, которое развивается теперь у рабочих: они выпустили в 3 000 экземплярах дешевое издание его «Организации труда», и уже через две недели понадобилось новое издание в таком же количестве экземпляров. Он говорит, что рабочие в более революционном настроении, чем когда-либо, но что они, мол, научились выжидать более благоприятного момента, не устраивать никаких бунтов, а наносить решительные удары с расчетом на успех и т. д. Он, повидимому, отучился от желания покровительствовать и по отношению к рабочим. «Когда я читаю такие вещи, как новая программа Ламартина,— сказал он,— я только смеюсь. Чтобы верно судить о современном положении французского общества, нужно иметь возможность встречаться со всеми: утром — с министром, после обеда — с деловыми людьми, вечером — с рабочими. Грядущая революция будет совершенно другой и гораздо более радикальной, чем ее предшественницы. Нужна большая глупость, чтобы все время декламировать против королей», и т. д. Вообще, он был очень мил и любезен. Ты видишь, что с ним можно иметь дело, у него лучшие намерения. О тебе он говорит с большим сочувствием: ему жаль, что вы немного холодно расстались друг с другом, и т. д. Он и теперь еще симпатизирует идее издания в Париже немецко-французского журнала. Авось в будущем можно использовать.— На счет Руге, о котором он меня спросил, я ехидно прошелся. «Он стал панегиристом прусского ландтага, и это после того, как он разошелся без всяких результатов».— «Значит, он сделал шаг назад?» — «Да».— С папашей Флоконом [2]) у меня также прекрасно идут дела. С ним я говорил сначала, как англичанин, и спросил от имени Гарни, почему он игнорирует «Звезду». Да,— сказал он,— мне

[1]) Речь идет о «Нищете Философии».

[2]) Флокон, один из главных редакторов «Réforme». После февральской революции член временного правительства, от имени которого он пригласил Маркса вернуться в Париж: «Вас изгнала тирания; свободная Франция открывает вам вновь ворота, вам и всем, кто борется за святое дело, за дело братства всех народов». Флокон умер в изгнании в 1865 году.

это очень жаль, он бы поместил что-нибудь о нем, но в редакции нет ни одного человека, который понимал бы по-английски!». Я предложил ему доставлять каждую неделю статью. Принял мое предложение с большой охотой. Когда я ему сказал, что я корреспондент «Звезды», он был очень тронут. Если все будет итти дальше так же хорошо, то в четыре недели мы будем все это направление иметь на своей стороне. Флокон хочет иметь от меня статью о чартизме, о котором он не имеет ни малейшего представления. Я скоро опять к нему пойду, чтобы еще больше запутать его в наши сети. Я скажу ему, что издатели «Atelier» [1]) предлагают мне сотрудничать (сегодня вечером я иду к ним) и что я откажусь от этого предложения, если он поведет себя прилично. Это тронет его честное сердце.— Когда я покончу с ним и научусь лучше писать по-французски, я поведу атаку на «Revue Indépendante»...[2]).

Ты видишь, все тут так хорошо расположены, что трудно желать чего-нибудь лучшего. Я с ними теперь нахожусь в несравненно лучших отношениях, чем когда-либо находился с ними Эвербек. Ему я безусловно запрещу писать в «Réforme»...

Впрочем, мне не пришлось делать никаких уступок всем им. Луи Блану я сказал, что мы с ними соглашаемся во всех практических и злободневных вопросах и что в вопросах чисто теоретических мы идем к одной и той же цели, что принципы, развитые им в первом томе, во многих пунктах совпадают с нашими и что в твоей книге он найдет более полное изложение остальных. Что касается религиозного вопроса, то мы смотрим на него, как на совершенно подчиненный, как на вопрос, который никогда не дол-

[1]) «Atelier» («Мастерская») — орган рабочих, последователей Вюшеза; пропагандировал производительные ассоциации и полемизировал с атеизмом коммунистов-материалистов. Наиболее выдающимися из них являлись Леневэ, во время второй империи много работавший для народного просвещения, и Корбон, кончивший сенатором.

[2]) Издателем этого журнала был Пьер Леру (1797—1871) вместе с Жорж Занд, на которую он имел большое влияние. Известно, что Петр Рыжий, как его у нас называли, пользовался в России в сороковых годах больший популярностью. Один из самых талантливых представителей этического социализма. После революции 1848 года издавал в Jersey журнал «Espérance» (1858—1859). Для будущих биографов Энгельсонов интересно отметить, что он был с ними хорошо знаком и что жена Энгельсона оказывала Леру большую помощь при издании «Espérance».

жен служить поводом к расколу среди членов одной и той же партии. При всем этом дружественная дискуссия по теоретическим вопросам вполне возможна и даже желательна, с чем он совершенно согласен...

У наших филистеров невероятная путаница. За несколько дней до моего приезда были вышвырнуты последние грюнианцы, целая община, из которой половина, однако, вернулась назад. Нас теперь всего-на-всего 30 человек. Я сейчас же организовал пропагандистский кружок, бегаю целый день и накачиваю. В районный комитет я был выбран сейчас же и назначен секретарем. Мы имеем около 20—30 кандидатов, ждущих приема. Мы скоро будем еще сильнее. Мозесу (Гессу) я,— пусть это остается между нами,— устроил большую пакость. Ему удалось провести исправленное «Исповедание веры». В прошлую пятницу я в районе разобрал его пункт за пунктом и не успел еще добраться до половины, как все со мной согласились. Мне предложили составить другое исповедание веры, которое будет дискутироваться в ближайшую пятницу и отправлено будет непосредственно в Лондон помимо здешних общин. Об этом, конечно, не должен знать никто, иначе нас всех сместят, и выйдет страшный скандал.

Борн заедет к вам в Брюссель, он направляется в Лондон. Возможно, что он будет у вас еще раньше этого письма. Он настолько безрассуден, что хочет ехать по Рейну через Пруссию, как бы его только не поймали. Накачай его, когда он приедет. Из всех здешних он лучше всего усваивает наши взгляды и окажет также в Лондоне большие услуги, если его еще немного обработать [1]).

Ах, мой бог! Чуть было не забыл о той грязной лавине, которую на меня спустил с альпийских высот великий Гейнцен. Просто счастье, что все это напечатано в одном номере. Никто не одолеет этого за один раз, я сам должен был несколько раз отдыхать. Такая скотина! Если прежде я утверждал, что он не умеет писать, то теперь должен прибавить, что он читать не умеет... Ты уже ответишь ему как следует. Хорошо, что ты

[1]) Борн, Стефан, по профессии наборщик. Один из наиболее выдающихся членов «Союза коммунистов». Уже в 1847 голу написал брошюру против Гейнцена. Во время революции 1848—1849 годов играл большую роль. Кончил жизнь профессором базельского университета. Как показал уже Меринг, в своей оценке Борна Энгельс был не совсем беспристрастен.

ответишь ему коротко. Я лично не мог бы ответить на такое нападение, это абсолютно невозможно — разве только пощечинами [1]).

5. ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ

Париж, 15 ноября 1847 года.

Дорогой Маркс!

...По дороге в Лондон я не смогу заехать в Брюссель. Слишком мало денег. Нам придется назначить свидание в Остенде 27-го (суббота) вечером и переехать канал в воскресенье, чтобы можно было начать работу в понедельник. Возможно, что в понедельник будут праздновать годовщину польского восстания, возможно также, что «братские демократы» устроят какое-нибудь собрание, на котором мы должны будем выступить. Это было бы нам вполне наруку. Ты произнес бы в Лондоне французскую речь, и мы сейчас же поместили бы в «Реформе». Немцы безусловно должны что-нибудь *сделать*, чтобы импонировать французам. Одна такая речь поможет больше, чем десять статей и сто визитов.

Ты, наверное, читал в «Полярной звезде» (2 октября) предложение Гарни и «братских демократов» созвать международный демократический конгресс. Поддержи это предложение. Я поддержу его у французов. Его можно было бы устроить в будущем году в Лондоне, одновременно с нашим. Если это удастся, то произведет спасительное действие на французов и собьет у них немного спеси. Не удастся, то виноваты будут французы, и они, по крайней мере, вынуждены будут объясниться. Если бы удалось устроить съезд в Брюсселе, то еще лучше: в Лондоне О'Коннор мог бы учинить какую-нибудь глупость [2]).

---

[1]) Карл Гейнцен (1809—1880) — типичный представитель вульгарной демократии, прославившийся своей полемикой с коммунистами. Смешав Маркса и Энгельса с «истинными социалистами», он на них обрушился полемикой, которая била мимо цели и делала его поэтому смешной фигурой. Но его слепая ненависть к коммунизму не мешала ему быть честным демократом и в Америке, куда он эмигрировал после революции, принимать деятельное участие в борьбе против рабства.

[2]) Фергюс О'Коннор, самый блестящий оратор и агитатор чартистского движения. Был сначала исключительным «политиком», после увлекся планом «аграрной реформы». Умер в 1855 году в доме для сумасшедших.

6. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Париж. 24 ноября 1847 года.

Дорогой Маркс!

...Вторник вечером. Обдумай немного «Исповедание веры». Мне кажется, что было бы лучше отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь: «Коммунистический *манифест*». Так как в нем придется более или менее коснуться истории, то теперешняя форма не годится. Я привезу то, что написал тут. Форма повествовательная, но скверно редактировано, так как наспех написано. Я начинаю: «Что такое коммунизм?». Затем следует пролетариат — история его возникновения, отличие от прежних рабочих, развитие антагонизма между пролетариатом и буржуазией, кризисы, следствия. Кроме того, всякие второстепенные вещи, и в заключение — партийная политика коммунистов, поскольку о ней можно говорить публично. Моя работа еще не подвергалась обсуждению, но я надеюсь провести ее хотя бы с маленькими изменениями, но так, чтобы там не было ничего, противоречащего нашим взглядам.

ЮНОШЕСКИЕ РАБОТЫ ЭНГЕЛЬСА

До недавнего времени первыми литературными работами Энгельса считались его «Очерки критики политической экономии» и «Положение рабочего класса в Англии». Могло поэтому казаться, что, в отличие от Маркса, дебютировавшего философскими работами, у Энгельса преобладал и его занятия направлял интерес к практической и теоретической экономии. Но уже из маленькой биографии Энгельса, напечатанной Карлом Каутским в «Австрийском рабочем календаре 1888 года», мы знали, что параллельно с этими социально-экономическими работами Энгельс усиленно занимался и философией.

Георг Адлер, ссылаясь на одну заметку в «Berliner Volksblatt» (теперешний «Vorwärts»), уже указывал на другие работы Энгельса [1]). Обратимся поэтому к первоисточнику, к юбилейному номеру «Барменской газеты». Он сообщает нам следующее [2]):

«Когда Фрейлигрaт жил в Бармене, Энгельс служил в одном торговом доме в Бремене. Впервые он обратил на себя внимание своими «Письмами из Вупперталя», анонимно напечатанными в «Телеграфе» Гуцкова и беспощадно бичевавшими язвы Вупперталя и отдельных лиц (а именно духовных). После этого Энгельс отдался со всем пылом изучению философии Гегеля и, во время своей военной службы в Берлине, в должности вольноопределяющегося, опубликовал брошюру против Шеллинга: «Шеллинг и откровение, критика новейшего реакционного покушения на свободную философию». Также приписывается ему сатирическое стихотворение в стиле XVII века, высмеивающее боннских профессоров теологии, которые добились удаления Бруно Бауэра. Эта

---

[1]) *Adler, G.,* Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland. 1885, p. 141. Заметка, на которую он ссылается, напечатана в номере не от 1 апреля, а от 4 июля 1884 года. Она дает извлечение из юбилейного номера «Барменской газеты».

[2]) Копия этой статьи сделана была для меня Артуром Молькенбуром.

книжка имела своеобразное заглавие: «Библии чудесное избавление или торжество веры»... и т. д.

Эта заметка «Барменской газеты» содержит немало ошибочных сведений; но факт тот, что, уже за несколько лет до появления в «Немецко-французских летописях» статьи «Очерки критики политической экономии», Энгельс выступал на литературном поприще и был действительно автором брошюры против Шеллинга, которая до сих пор, на основании неправильного указания А. Руге, приписывалась Бакунину; этот факт неопровержимо установлен известным биографом Швейцера — Густавом Майером, раскрывшим также псевдоним, под которым Энгельс печатал свои первые литературные работы: Фридрих Освальд.

В настоящее время мы знаем, что, так сказать, историческому Энгельсу предшествует «доисторический», духовное развитие которого станет нам понятным только тогда, когда мы поставим его в связь с эволюцией германской литературы и философии, с образованием буржуазной интеллигенции, приходившей к определенным коммунистическим и республиканским взглядам преимущественно из идеологических соображений.

Наряду с молодыми годами Энгельса до сих пор нам не был известен и переходный период, когда он сделался коммунистом. Не подлежит никакому сомнению, что уже в Германии он имел возможность ознакомиться с учениями французского социализма из гораздо более чистых источников, чем появившаяся в 1842 г. книга Лоренца Штейна. Эта книга салонного, с политической точки зрения по меньшей мере «подозрительного», ученого послужила для тогдашней радикальной интеллигенции только поводом к критическому обсуждению учений и более широкому их распространению. Все элементы «истинного социализма» были готовы уже к 1842 году, и под их сильным влиянием находился Энгельс,— более сильным, чем Маркс.

Не случайно поэтому, что не чартисты, но оуэнисты интересовали Энгельса в первое его пребывание в Манчестере на фабрике, где отец его был компаньоном, и что сперва он вступил в более тесные сношения именно с оуэнистами,— вероятно, через Уоттса. Таким образом, он стал сотрудником главного тогда органа оуэнистов «New Moral World» («Новый нравственный мир»).

Уже 4 и 18 ноября 1843 года Энгельс напечатал там две большие статьи о развитии социализма на континенте. Они были вы-

званы тем, что большинство английских социалистов, с которыми встречался Энгельс, очень мало были знакомы с социальным движением, происходившим в различных частях континента. В этих статьях Энгельс выступает последовательным коммунистом, для которого решительная революция, основывающаяся на общности имущества, представляет неотложную и непредотвратимую необходимость. Коммунизм для него — не следствие каких-нибудь специфических английских или других национальных отношений, но необходимый результат всех явлений, созданных современной цивилизацией.

Подобно Гессу, Энгельс подчеркивает важность соглашения между тремя величайшими культурными нациями Европы: Англией, Францией и Германией; он рисует различное происхождение коммунистического учения в этих трех странах: у англичан его источник преимущественно *практический, у* французов — *политический,* у немцев — *философский.*

Энгельс начинает с истории социализма во Франции, так как на долю этой страны выпала задача проделать все формы политического развития, чтобы в конце концов пристать туда, куда должны притти различными путями все народы, а именно, к коммунизму.

За очерком коммунизма Бабефа, еще «очень неразработанного и поверхностного», следует критика уже «ныне забытого Сен-Симона». Гораздо благоприятнее отзыв о Фурье, система которого, в качестве *социальной философии,*— по мнению Энгельса,— стоит выше системы Сен-Симона,— этой, в лучшем случае, *«социальной поэзии»;* но и система Фурье страдает внутренними противоречиями, а именно тем, что она не думает об уничтожении частной собственности.

Далее Энгельс рассказывает об успехах, коммунистической пропаганды — особенно под влиянием уроков июльской революции — среди рабочих фабричных городов Франции.

Как глубоко Энгельс был еще заражен предрассудками немецкого «истинного социализма», совершенно не понимавшего значения политической борьбы в процессе освобождения пролетариата, показывает конец первой главы:

«Но французским коммунистам можно было бы сделать другой упрек, а именно, что они хотят силою свергнуть теперешнее правительство своей страны и подтверждают это своей неустан-

ной организацией тайных обществ. Это верно. Даже икарийцы, которые в своих изданиях отвергают физические революции и тайные общества,— даже они имеют такие же общества и с радостью ухватились бы за всякую возможность насильственным путем установить республику. В этом их будут упрекать и, по-моему, основательно, ибо тайные общества являются, во всяком случае, преступлением против здравого человеческого смысла, подвергая партии ненужным преследованиям со стороны закона. Я нисколько не склонен защищать подобную политику, но ее необходимо объяснить и понять; а для этого достаточно обратить внимание на различия в национальном характере и в правительстве у французов и у англичан. Английская конституция вот уже приблизительно 150 лет непрерывно представляет закон страны; всякое изменение ее совершалось законным путем, в формах конституции. Отсюда глубокое уважение англичан к своим законам. Во Франции же в течение последних 50-ти лет одна насильственная перемена следовала за другою. Все конституции, от радикальной демократии до неприкрытого деспотизма, все виды законов были на глазах одного поколения уничтожены и заменены другими. Какое же уважение может народ питать к своим законам? И результатом всех этих конвульсий, как он запечатлен теперь в конституциях и законах Франции, является угнетение бедных богатыми, поддерживаемое силою,— можно ли ожидать, чтобы угнетенные любили свои государственные учреждения, чтобы они не прибегли опять к старым средствам 1792 года? Они знают: если они значат что-нибудь, то только в прямой борьбе; а так как они не имеют в настоящее время никакого другого оружия, почему же им медлить с его применением хотя бы один момент?

«Далее могут сказать: почему же коммунисты не основывают общин, подобно английским? Я отвечаю: потому что они не осмеливаются делать это. Первая же попытка была бы сокрушена при помощи солдат. И если бы даже им позволили сделать это, это не принесло бы им никакой пользы. Я сам всегда приводил в виде примера поселение «Гармония» только для того, чтобы доказать осуществимость планов г. Оуэна и дружественно расположить общественное мнение к социалистическим идеям, которые стремятся к устранению всеобщем нищеты А если так, то подобный эксперимент не имел бы во Франции никакого значения. Не доказывайте французам, что ваши планы практичны, что оставит их

холодными и равнодушными. Но докажите им, что ваша община не подчинит человечество «бронированному деспотизму», как заявил недавно чартист м-р Берстов в полемике с м-ром Уоттсом. Докажите, что действительная свобода и равенство возможны только при коммунистических учреждениях, что *справедливость* требует этих учреждений,— и все они будут на вашей стороне.

«Вернемся обратно к социальным учениям икарийских коммунистов. Их «священный завет» — это «Voyage on Icarie» («Путешествие в Икарию») батюшки Кабэ, который раньше, впрочем, был генеральным прокурором и членом палаты депутатов. Общие учреждения икарийской общины почти такие же, как у г. Оуэна. Они приняли в свои планы то, что нашли разумного у Сен-Симона и Фурье, и благодаря этому значительно превосходят старых французских коммунистов. К браку они относятся совершенно так же, как англичане. О свободе индивидуума они всячески заботятся. Наказания отменены; место их занимают воспитание молодежи и планомерное культурное воздействие на взрослых.

«Вообще замечательно следующее. В то время как английские социалисты в общем враждебны христианству и вынуждены переносить все религиозные предрассудки истинно-христианского народа, французские коммунисты, члены нации, знаменитой своим неверием, сами лично считают себя христианами. Одно из их любимых словечек, гласит: «le christianisme est communisme», и они пытаются доказать это при помощи Библии, на примере коммунизма первых христиан. Но все это доказывает, что эти добрые люди не совсем хорошие христиане, ибо иначе они лучше знали бы Библию и увидели бы, что хотя некоторые места Библии могут быть истолкованы в пользу коммунизма, но общий дух ее учений совершенно чужд ему, как и вообще всякому рационалистическому воззрению.

«Самые выдающиеся умы Франции приветствовали рост коммунизма. Метафизик Пьер Леру; смелая защитница прав женщин Жорж Занд: автор «Речей верующего» аббат Ламеннэ и многие другие более или менее склоняются к коммунистическим учениям. Конечно, наиболее выдающимся писателем этого направления является Прудон, молодой человек, напечатавший года два-три тому назад свое сочинение «Что такое собственность?» («Qu'est ce que la propriété?») и давший следующий ответ: «La propriété, c'est le vol» («собственность — это кража»). Это — самое

глубокое философское произведение, написанное коммунистом на французском языке; и я желал бы видеть переведенною на английский язык прежде всего именно эту книгу. Право частной собственности, следствия этого учреждения — конкуренция, безнравственность, нищета — изображены здесь с таким душевным подъемом и истинно-научным методом, соединения которых я не встречал в какой-нибудь другой книге. Кроме того, интересны его замечания о государственном строе: доказав, что все правительства одинаково негодны, безразлично — аристократия, демократия или монархия, ибо все они господствуют при помощи насилия, и что, в лучшем случае, сильное большинство подавляет слабое меньшинство, он приходит к выводу: «Nous voulons l'anarchie!» («Нам нужна анархия!»). Никаких законов, ответственность каждого перед самим собою.

«Об этом мне придется еще подробнее говорить, когда я перейду к немецким коммунистам. Здесь я хочу только прибавить, что икарийских коммунистов насчитывается около полумиллиона, не считая женщин и детей. Великоленая армия, не правда ли? Батюшка Кабэ издает ежемесячник «Populaire», а Пьер Леру — «Revue Indépendante» защищающую с философской точки зрения основы коммунизма».

Высокую оценку Прудона мы находим и в позднейшем совместном труде Маркса и Энгельса, в «Святом семействе», где пролетарская точка зрения выступает вполне ясно. В этой статье еще заметна в Энгельсе «анархическая жилка», неразрывно связанная в «истинном социализме» с ложною оценкою политической борьбы в рамках современного государства.

Вторая статья «Германия и Швейцария» излагает успехи коммунизма в этих двух странах. В ней прежде всего бросается в глаза резкое различие, проводимое Энгельсом между коммунизмом рабочего класса и философским коммунизмом буржуазной интеллигенции в Германии. Он, правда, называет Вейтлинга создателем германского коммунизма», но видно, что этому движению, которое вербует своих сторонников только среди ремесленников, он придает небольшое значение, так как «в Германии фабричная промышленность сравнительно мала». Тенденция выводить коммунизм из христианства является в глазах Энгельса доказательством теоретической слабости учения Вейтлинга, подобно таким же тенденциям во французском коммунизме.

Гораздо подробнее останавливается Энгельс на философском коммунизме. Он доказывает, что этот коммунизм есть логическое следствие всего развития немецкой философии, в той форме, которая была ей придана Кантом, Фихте и особенно Гегелем. В связи с этим он отмечает также значение своего памфлета против Шеллинга, в котором он. делал все выводы из нового молодого гегельянства, смело порывает всякую связь с христианством, чтобы открыто заявить себя атеистом [1]).

Мы видим также, что Энгельс в начальной стадии своего коммунизма гораздо более находился под влиянием Гесса, этого «первого коммуниста» в партии, чем Маркс, обращение которого к коммунизму было тогда Энгельсу уже известно.

Это доказывается иллюзией Энгельса, что «в Германии более, чем где-либо, можно надеяться на учреждение коммунистической партии среди образованных классов», и особенно теоретическим обоснованием этой иллюзии.

Сравнив эту статью с почти одновременно написанною статьею Маркса о философии Гегеля, мы поймем, почему Энгельс утверждал всегда, что основная идея научного социализма принадлежит «единственно и исключительно» Марксу; последний впервые развил в «Немецко-французских летописях», а потом подробнее в «Святом семействе», *пролетарскую* точку зрения, согласно которой борьба эксплоатпруемых против эксплоатации не может вестись, как думал философский коммунизм, в союзе с «образованными» эксплоататорами, но представляет борьбу против самих эксплоататоров, классовую борьбу, уже достигшую ныне той ступени, когда эксплоатируемый и угнетенный класс, пролетариат, не может освободиться от эксплоатирующего и угнетающего класса, буржуазии, не уничтожая одновременно всех условий существования этого эксплоатирующего класса.

---

[1]) «Но пока еще не осмеливались делать все выводы. Это поколение гегельянцев, уже после Штрауса, считало себя еще стоящим внутри христианства и даже чванилось своим христианством перед евреями. Вопросы личности бога и индивидуального бессмертия самому ему были еще недостаточно ясны, чтобы оно могло откровенно высказаться по поводу их. Больше того, когда представители этого поколения почувствовали, что неизбежные выводы скоро будут сделаны, у них возникло сомнение в том, не должно ли новое учение остаться эксотерической собственностью школы и тайной для жизни». Schelling und die Offenbarung, 1842, стр. 6—9.

Только эта основная идея, эта «фанатическая догма», впервые провела резкую разграничительную черту между буржуазною и пролетарскою демократией, вырыла непроходимую пропасть между немецким пролетарским коммунизмом и буржуазной идеологией, в которой он вырос и из которой черпал свое духовное оружие.

Немецкий коммунизм «денационализировался» только под прямым влиянием французских и английских уроков.

Это сделало из него первую сознательную идеологию интернационального рабочего движения.

Но если Маркс находился до 1845 года под более сильным влиянием французской истории и практики, то Энгельс, напротив, подвергался более сильному влиянию английского опыта.

Полный синтез совершился позже, в Брюсселе, а после путешествия обоих друзей в Англию летом 1845 года наступает также новый поворот в их отношениях к английским социалистам.

На место оуэнистов, для которых Энгельс еще в 1844—1845 годах писал из Германии корреспонденции, подчеркивавшие «стремительный успех» коммунизма среди образованных классов Германии [1]), выступают теперь чартисты, особенно их крайнее левое крыло, во главе с Харни и Джонсом, приближавшееся к континентальному социализму. Решающую роль в этой новой фазе играл Энгельс, ставший усердным сотрудником чартистского органа «Northern Star» («Полярная звезда»). Из этой деятельности возникло первое интернациональное объединение рабочих, а именно — Союз коммунистов.

---

[1]) Кроме ответа на перепечатанную из «Таймса» статью о немецком коммунизме — в номере от 20 января 1844 г.,— мне удалось установить принадлежность Энгельсу следующих заметок и корреспонденций в «New Moral World»: 3-го февраля 1844 г. (отчет об успехе «Парижских тайн» Евгения Сю и о «Немецко-Французских Летописях»); 5 октября 1844 г. (выдержка из письма Энгельса об успехах коммунизма в Париже и об его русских знакомствах); 13 декабря 1844 г. (об успехах коммунизма в Германии). Эти статьи подписаны. В 1845 г.— подробная корреспонденция из Бармена, датированная 2-го февраля 1845 г., в № 37, от 8-го марта, и еще более подробная — в № от 10 мая, в которых Энгельс сообщает ряд интересных подробностей о немецком коммунизме.

СТРАНИЧКА ИЗ ЖИЗНИ МАРКСА

Смешно делать из Маркса кабинетного мыслителя или ученого анахорета. Вся жизнь его была целиком посвящена делу революции, он знал одной лишь, думы власть — мысли об освобождении пролетариата от ига капиталистического рабства. Но все же жизнь его нельзя сравнить с жизнью таких революционеров, как Иоганн Филипп Беккер или Огюст Бланки. Маркс не был, подобно им, революционным бойцом, и в жизни его мы не найдем событий, которые могли бы послужить благодарным материалом для романиста или драматурга.

Но мы хорошо знаем,— и каждый день с того времени, когда открылись архивы старого прусского режима, когда становятся доступными для исследования прежде скрытые материалы, приносит нам новые доказательства,— что Маркс до последней капли испил всю горечь, которую буржуазное общество так щедро припасает для своих классовых врагов, что, не будучи никогда ожесточенным фанатиком, он с удивительным стоицизмом переносил самые жестокие удары судьбы — долгие годы изгнания, тяжелую, временами невыносимую нужду, преждевременную смерть своих детей.

Мы знаем также, что Маркс — и он это великолепно показал в годы революции — обладал непоколебимым мужеством, бесстрашием капитана, спокойно стоящего на своем посту на борту корабля и уверенно ведущего борьбу с бушующим ураганом, чтобы вывести его из опасности, а если это невозможно, то последним покинуть свой корабль или погибнуть вместе с ним.

Не мало, однако, было в жизни Маркса и тех преследований, которым правящие классы подвергают своих врагов.— преследований, которые не убивают своей жертвы, но гоняют ее с места на место, как затравленное животное, не давая ей ни отдыха, ни срока.

Сам он никогда не рассказывал об этих «мелких деталях»,

хотя ему и часто представлялся случая напомнить о них тем, которые так любили нападать на «мирного» теоретика. Маркс не выносил никакой рекламы и еще больше той кричащей саморекламы, которую так охотно пускают в ход революционные матадоры, рядящиеся в красные перья, точно они боятся, что без этой рекламной шумихи история о них так же скоро забудет, как она забыла о многих революционных героях на час. С презрительным молчанием перенося все направленные лично против него нападки, он никогда не распространялся по поводу преследований, мишенью которых он являлся со стороны буржуазных правительств, и по поводу лишений, которые он терпел из-за них. Всякая попытка задрапироваться в плащ политического мученичества казалась ему недостойной, всякая поза казалась ему всегда заслуживающей лишь презрения.

Выдающаяся роль Маркса, как самого деятельного и талантливого редактора «Рейнской газеты» (1842—1843), в которой он последовательно и решительно разоблачал всю несостоятельность абсолютного режима, охраняемого прусскими Плеве того времени и ограждаемого бюрократией, саблей и кадилом,— эта роль сосредоточила на нем пристальное внимание всех прусских полицейских ищеек. Они не оставляли Маркса своим вниманием даже тогда, когда он уехал в Париж.

Сейчас же после появления «Немецко-французских летописей», в которых Маркс впервые формулировал историческую миссию пролетариата, вообще и немецкого в особенности, был издан приказ об его аресте. И, хотя сотрудничество Маркса в немецкой газете «Вперед», которая выходила в Париже, было только случайным, прусское правительство бомбардировало министерство Гизо своими доносами и просьбами, пока ему не удалось добиться изгнания Маркса из Франции.

«Прием, оказанный изгнанному Марксу Бельгией, был очень суров,— пишет Меринг.— Когда он приехал в Брюссель, он должен был подписать в департаменте полиции обязательство не печатать в Бельгии ничего по вопросам текущей политики, или, точнее, не принимать участия в общественной жизни Бельгии и не входить в нее открыто».

Власть тогда находилась в руках смешанного католико-либерального министерства, которое должно было считаться с сильной радикальной оппозицией.

Но обстоятельства изменились, когда, после июньских выборов 1847 года, король был вынужден уже в августе передать управление делами министерству, составленному исключительно из либералов. Во главе нового кабинета стал Шарль Рожье, который недавно кокетничал с фурьеристами и хотел теперь доказать, что либералы тоже способны создать «сильную» власть и быстро справиться с радикалами.

Маркс, который в 1845 и 1846 годах сосредоточил все свои силы на выработке нового мировоззрения и со второй половины 1846 года развернул, совместно с Энгельсом, интенсивную организационную деятельность, чтобы объединить коммунистов в международной организации, использовал политическую обстановку, которая казалась тогда благоприятной, и основал в Брюсселе две легальные демократические ассоциации: одну — немецкую, состоявшую из рабочих, другую — интернациональную, названную «Демократическим обществом», в которой членами были бельгийцы, французы, поляки, швейцарцы и немцы.

«Если ты остановишься здесь на один день,— писал Маркс Гервегу 26 октября 1847 года,— ты убедишься, что в маленькой Бельгии можно сделать гораздо больше для непосредственной пропаганды, чем в большой Франции. Впрочем, я думаю, что общественная деятельность, как бы минимальна она ни была, производит на человека бесконечно укрепляющее влияние».

Но, несмотря на это оптимистическое настроение, Маркс не мог скрыть своих предубеждений против нового министерства Рожье.

«Возможно, что именно теперь, когда государством правит *либеральное* министерство, нам грозит ряд полицейских каверз, ибо либералы никогда не откажутся от своих излюбленных приемов. Но мы с ними справимся. Здесь не так, как в Париже, где иностранцы не находят никакой защиты перед правительством.

Маркс ошибся только в последнем пункте. Либералы действительно не отказались от своих приемов, и он же явился первой их жертвой.

Министерство надеялось удовлетворить демократическую оппозицию кое-какими крохами реформ. Но внезапно приходит известие. что в Париже разразилась революция и что там провозглашена республика. Тот самый тесть Леопольда 1, короля Бельгии, храбрый Луи-Филипп, который несколько месяцев тому назад

советовал своему зятю сохранить старое министерство и раздавить демократов, с трудом успел спастись в Англию, переодевшись в дамский салоп.

Не нужно было быть сверхлукавым Кобургом,— как говорит Стефан Борн в своих «Воспоминаниях»,— чтобы верно понять положение. Министры короля, с Шарлем Рожье во главе, не были настолько глупы, что ему нужно было бы еще накачивать их, чтобы грубо и неожиданно обрушиться на демократические элементы бельгийской столицы.

Боязнь, что Французская республика снова, как в 1792—94 годах напишет на своих знаменах принципы революционной пропаганды, сразу объединила всех имевшихся в Бельгии «друзей порядка» — от клерикалов до либералов — вокруг министерства Рожье, спасителя общества и порядка.

А тут еще в Брюсселе имелась организация, где все демократичсские элементы больших городов встречались с «иностранцами».

Так вот эта самая организация уже 28 февраля послала французскому временному правительству адрес, подписанный, между прочим, и Марксом в качестве вице-президента,— адрес, в котором выражалось убеждение, что «страны, которые окружают непосредственно Францию, будут первыми, которые последуют за ней по новому пути».

Министерство Рожье поспешило составить новую программу, в которой фигурировали ряд реформ, объявленных за несколько недель пред этим чем-то в роде конечной цели, осуществимой только после основательной разработки и не менее основательной подготовки всей страны. Теперь эти реформы внезапно оказались совершенно практичными и сейчас же осуществимыми.

А в заседании палат 1-го марта, министр иностранных дел мог прочитать телегамму Ламартина, в которой временное правительство новой республики принимало на себя торжественное обязательство оставаться безусловно «лойяльным».

После «исторического заседания» парламента для Маркса и его друзей стало ясно, что уже не могло быть больше речи о продолжении их деятельности в Брюсселе.

Принять необходимые меры было для них тем более неотложным что центральный комитет Союза Коммунистов, находившийся в Лондоне, сейчас же после получения известия о февральской

революции передал свои полномочия брюссельскому окружному комитету.

3 марта состоялось заседание нового центрального комитета в Брюсселе.

Учитывая создавшееся положение, когда, члены комитета были уже высланы бельгийским правительством, или арестованы, как Вильгельм Вольф, или могли с часа на час ожидать высылки или ареста,— комитет решил распуститься и передать «временно центральное руководство всеми делами Союза» Карлу Марксу, которому в то же время поручалось организовать новый центральный комитет в Париже.

Маркс уже собирался переехать в Париж, куда приглашал его Флокон, старый редактор «Реформы», теперь член временного правительства, следующим письмом:

Французская республика.
Свобода. Равенство. Братство.

Временное правительство
Именем французского народа.

«Смелый и честный Маркс.

«Почва Французской республики является убежищем для всех друзей Свободы. Тирания вас изгнала. Свободная Франция открывает двери вам и всем, кто сражается за священное братское дело всех народов. Все агенты французского правительства должны истолковывать свою миссию именно в этом смысле.

«С братским приветом

Фердинанд Флакон,

Член временного правительства».

Но Маркс рассчитывал без хозяина, без Рожье. В тот же день к пяти часам он получил приказ покинуть Бельгию в течение 24 часов. Не удовлетворившись этим, полиция ночью нагрянула на ею квартиру и обьявила ею арестованным.

Что произошло дальше, расскажет сам Маркс. Он это сделал в письме, адресованном редакции газеты «Реформа», которое мы нашли в комплекте этой газеты (номер от 8 марта 1848 года):

«Господин редактор !

«В этот момент бельгийское правительство целиком перешло на сторону политики Священного союза. Его реакционные неистов-

ства падают с неслыханной жесткостью на немецких демократов. Если бы мы не были так возмущены преследованиями, специальным объектом которых мы являемся, мы весело рассмеялись бы над глупостями, которые выделывает министерство Рожье, обвиняя нескольких немцев в желании учредить в Бельгии республику, вопреки желанию бельгийского населения. Но при тех особенных обстоятельствах, о которых мы говорим, гнусное берет верх над смешным.

«Прежде всего, господин редактор, необходимо знать, что все брюссельские газеты редактируются французами, которые в своем большинстве спаслись из Франции, чтобы избежать позорного наказания, угрожавшего им на родине. Эти французы сейчас очень заинтересованы в том, чтобы защищать независимость Бельгии, которую они предали в 1833 году. Король, министры и их приближенные пользуются подобного рода листками, чтобы создать впечатление, что бельгийская революция в республиканском смысле будет полной противоположностью «Francequillerie» [1]) и что вся демократическая агитация, которая наблюдается сейчас в Бельгии, провоцируется только экзальтированными немцами.

«Немцы абсолютно не отрицают, что они открыто объединены с бельгийскими демократами, но они это сделали без всякой экзальтации. В глазах королевского прокурора это, однако, было возбуждением рабочих против буржуа, эю было выражением не доверия немцев королю бельгийцев, которого они так любят, это было открытием дверей Бельгии для французского завоевания.

«После того как я получил 4 марта, в пять часов вечера, приказ покинуть Бельгийское королевство в 24 часа, я в ту же ночь занялся приготовлением к отъезду, как вдруг комиссар полиции, сопровождаемый десятком муниципальных гвардейцев, проник в мою квартиру, обыскал весь дом и закончил моим арестом под предлогом, что я не имею документов. Не говоря уже о находившихся в полном порядке документах, которые г. Дюшатель мне вручил, высылая меня из Франции, я держал в руке паспорт для выезда, предоставленный мне Бельгией всего только несколько часов тому назад.

«Я не стал бы вам говорить о моем аресте и о грубостях, кото-

[1]) Это слово означает на фламандском жаргоне французов.

рым я подвергся, если бы они не были связаны с обстоятельством, которое с трудом можно понять даже в Австрии.

Непосредственно после моего ареста жена моя отправилась к г. Жотрану, председателю Бельгийского демократического союза, чтобы попросить его принять необходимые меры. Вернувшись домой, она встретила у своей двери муниципального сержанта, который ей сказал с изысканной вежливостью, что если она хочет говорить с г. Марксом, то может следовать за ним. Моя жена охотно приняла это предложение. Ее провели в полицейское бюро, и комиссар объявил ей прежде всего, что Маркса здесь не было; после он грубо спросил ее, кто она, что она собиралась делать у г. Жотрана и имеет ли она о собой документы. Бельгийский демократ Жиго, который провожал мою жену в полицейское бюро вместе с муниципальным сержантом, возмущаясь глупыми и грубыми вопросами этого комиссара, был вынужден к молчанию гвардейцами, которые схватили его и бросили в тюрьму. Под предлогом бродяжничества моя жена была уведена в тюрьму «Hôtel de ville» и заперта вместе с проститутками в темной комнате. В 11 часов утра она была переведена среди белого дня под конвоем жандармов в камеру судебного следователя. В течение 2-х часов она была заключена в карцере, несмотря на настоятельные протесты, которые раздавались со всех сторон. Она оставалась там, терпя суровый холод и, кроме того, возмутительнейшее обращение жандармов.

«Наконец, она была отведена к следователю, который был очень удивлен, что полиция в своем усердии не арестовала также и маленьких детей. Допрос был только формальным. Вся вина моей жены состояла лишь в том, что, хотя и принадлежа к прусской аристократии, она разделяет демократические убеждения своего мужа.

Я не вхожу в детали этого возмутительного дела. Скажу только, что когда мы были выпущены на свободу, 24-часовой срок уже кончился, и мы были вынуждены уехать, не забрав самых необходимых вещей.

Карл Маркс

Вице-президент Брюссельской демократической ассоциации».

Достаточно сравнить это письмо с рассказом Борна в его «Воспоминаниях», чтобы еще раз убедиться, как сдержан Маркс

в описании этого случая. И, однако, рассказ Борна, в живых красках рисующий над отчаяние г-жи Марке, подтверждается во всех существенных пунктах тогдашними газетами.

В бельгийской палате специальный запрос по этому делу был сделан Брикуром. Он произнес очень резкую речь и требовал судебного преследования против всех виновных.

Министр юстиции Росси и после него Рожье оправдывали высылку Маркса. Ответственность за все грубости против него и его жены министры свалили на муниципальную полицию и обещали произвести расследование по этому делу.

31 марта адвокат Маркса Виктор Фэдер подал в палату соответствующее заявление, и Брикур доказал, что полиция в своем докладе извратила факты. Напрасный труд: дело было положено под сукно.

Маркс имел на руках более важное дело, чем ведение малой войны против бельгийской юстиции. Как только мартовская революция открыла ему доступ в Германию, он уехал на родину и основал в Кёльне «Новую рейнскую газету», которая в продолжение всей революции служила знаменем пролетарской демократии.

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ МАРКСОМ И БЛАНКИ

I

Маркса и Энгельса уже давно обвиняют в бланкизме. Бернштейн идет еще дальше. Уже в 1898 г. он утверждал, что «в Германии Маркс и Энгельс на основе радикальной гегелевской диалектики пришли к учению, находящемуся с бланкизмом в самом тесном родстве». Если исключить постоянно подчеркиваемое ими отвержение бунта, то «все заявления их, относящиеся ко времени Союза коммунистов, дышат всегда бланкистским или бабувистским духом».

Лучшим доказательством служит, по мнению Бернштейна, отношение Маркса к событиям февральской революции. В то время как Бернштейн «собственно пролетарской партией» считает партию Луи Блана и Люксембургской комиссии, Маркс, наоборот, считает таковой только бланкистов.

Бернштейн ссылается на циркуляр Союза коммунистов (июнь 1850 г.), но он мог бы с еще большим правом сослаться на следующее место из «Классовой борьбы во Франции», место, которое он просто проморгал, как проглядел его и Каутский, считающий теперь «диктатуру пролетариата» простым «словечком», которым Маркс случайно обмолвился, а не сущностью революционной стратегии марксизма.

В то время как «доктринерский социализм (т. е. социализм Луи Блана и ему подобных,— *Д. Р.)* подчиняет все историческое движение одному из его факторов, заменяет весь общественный процесс, творящий историю, измышлениями отдельного педанта, а главное — устраняет своей фантазией революционную борьбу классов со всеми ее необходимыми проявлениями посредством мелких кунстштюков или крупных сентиментальностей, пролетариат, наоборот, все больше группируется вокруг *революционного со-*

циализма, коммунизма, который сама буржуазии окрестила именем Бланки».

В чем же заключается этот социализм? «Этот социализм есть не что иное, как перманентная революция, классовая диктатура пролетариата, как необходимая переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений».

Но у Бернштейна в руках было еще более убийственное доказательство, которое он, однако, так же мало использовал, как имевшиеся у него рукописи Энгельса о «Диалектике природы», чтобы ни у кого не осталось сомнения насчет «губительного» влияния гегелевской диалектики на Маркса и Энгельса. Оказывается, что среди бумаг, полученных им в наследство от старого учителя, тридцать лет благополучно пролежал не больше, не меньше, как подписанный собственноручно Марксом и Энгельсом договор с бланкистами, в силу которого немецкие, французские и английские коммунисты организуют Всемирное общество коммунистов-революционеров». Мы приводим текст его полностью:

Всемирное общество коммунистов-революционеров

Ст. 1. Целью общества является низложение привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания перманентной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой организации (constitution) человеческого рода (famille humaine).

Ст. 2. Для содействия осуществлению этой цели общество образует узы солидарности между всеми фракциями партии коммунистов-революционеров, уничтожая согласно принципу республиканского братства национальные разделения.

Ст. 3. Учредительный комитет общества образует собою центральный комитет; всюду, где для проведения дела встретится в том надобность, он учредит комитеты, стоящие в связи с центральным комитетом.

Ст. 4. Число членов общества не ограничено, но ни один член не может быть принят иначе, как единогласно. Выборы ни в коем случае не могут состояться путем тайной подачи голосов.

Ст. 5. Все члены общества клятвенно обязуются поддерживать статью первую настоящего регламента в точности так, как она в нем выражена. Изменение, могущее иметь последствием ослабление выраженных в статье первой заданий, освобождает членов общества от их обязательств.

Ст. 6. Все постановления общества принимаются большинством дух третей голосов.

Подписи:

Ж. Видаль. *Адам.*
Август Виллих. *К. Маркс.*
Дж. Юлиан Гарни. *Ф. Энгельс.*

Напомним теперь текст первой статьи устава Союза коммунистов:

«Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов, буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности».

Разница бросается в глаза. «Господство пролетариата» заменено «диктатурой пролетариата». Революция объявляется перманентной — Revolution in Permanenz — La révolution en permanente.

Если первая поправка может быть названа редакционной, хотя и она принята под влиянием опыта революции 1848 г., в особенности парижских событий от 24 февраля до июльских дней, то вторая поправка является дополнением, которое, как я уже говорил в другом месте, внесено только после 1848—49 гг., хотя эта «перманентная революция» намечается уже в ранних произведениях Маркса под влиянием опыта Великой французской революции, в особенности опыта якобинцев.

Опубликованный нами теперь договор составлен в духе известних циркуляров Союза коммунистов. Он, правда, оказался не-

долговечен. Уже в сентябре 1850 г. произошел раскол в Союзе коммунистов на фракцию Маркса и фракцию Виллиха-Шаппера. Из подписавших договор бланкистов Видиль стал на сторону Виллиха. Адам — на сторону Маркса. Расколу в Союзе коммунистов соответствовал раскол в среде французских «демократов-социалистов», из которых значительная часть присоединилась к Луи Блану, искавшему тогда соглашения с буржуазными радикалами. Примкнувшие к нему бланкисты были вынуждены во время банкета равных, устроенного в 1851 г. в день третьей годовщины 24 февраля, скрыть полученный ими от сидевшего в тюрьме Бланки манифест, в котором он подвергал уничтожающей критике поведение Ледрю-Роллена и в особенности Луи Блана. В другом месте мы остановимся подробнее на этом интересном эпизоде из истории эмиграции. А пока мы обращаем внимание читателей на многочисленные черты сходства между критикой, которой подвергает Маркс временное правительство — Ламартина, Ледрю-Роллена, Луи Блана,— и критикой Бланки.

II

После неудачной попытки побега в 1853 г. из тюрьмы на «Прекрасном острове» Бланки провел в заключении еще шесть лет. Только осенью 1859 г. он был, наконец, освобожден и вернулся в Париж. К этому времени относится его поездка в Лондон.

Встретился ли Бланки с Марксом?— Мы не знаем. Многие бланкисты после 1851 г. уехали из Лондона в Америку или Австралию. Мы теряем после 1853 г. всякий след Адама. Видиль попал в тюрьму. Из наиболее известных бланкистов в Лондоне в 1859 г. оставался врач Лакамбр, у которого часто бывал Бланки. К сожалению, мы не знаем, был ли этот врач знаком с Марксом. Это весьма вероятно, и во всяком случае, как мы сейчас увидим, Лакамбр имел общих знакомых с Марксом.

В письме Маркса (от 9 июля 1861 г.) к Энгельсу мы читаем следующие строки:

«По делу Бланки я послал тебе письмо из Брюсселя (от Денонвилля). В первую очередь речь идет о напечатании памфлета Денонвилля о гнусном процессе против Бланки (прения и т. п. и комментарии). Что касается Бланки, то он через Денонвилля просил горячо благодарить меня и немецкую пролетарскую партию (in

partibus) за наше сочувствие. Я считаю очень важным, что мы опять завязали сношения с самой революционной партией во Франции».

Дело в том, что Бланки был вновь арестован в Париже 10 марта 1861 г. После трехмесячного заключения в Мазасе он был 14 июня осужден на четыре года. Из тюрьмы Консьержери, в которую он был переведен после приговора, он написал уже известному нам Лакамбру письмо о своем процессе. Каким образом это письмо попало к Денонвиллю, а от него к Марксу, мы пока не знаем. Но это то самое письмо, о котором Маркс пишет Энгельсу. Оно написано мельчайшим почерком на папиросной бумаге — типичное тюремное письмо [1]).

Весьма вероятно, что Маркс хотел помочь бланкистам издать брошюру о процессе. С этой целью он обратился к графине Гацфельдт и Лассалю.

«Кстати. Бланки все еще находится,— пишет Маркс Лассалю 8 мая 1861 г.,— в Мазасе, где по приказанию следователя жандармы подвергают его физическим истязаниям. Без всяких заговорщических планов Бланки, как агент одного делового человека, использовал всеобщую амнистию и направился отсюда в Париж. Собачья пресса в Англии, как и в остальной Европе, старается замолчать это дело. Я условился в следующую субботу встретиться с Симоном Бернаром [2]), посвященным в детали дела, чтобы сговориться с ним. Мы предполагаем вместе с Эрнестом Джонсом организовать публичный митинг по поводу этой мерзости. После того как я побеседую с Бернаром и ближе познакомлюсь с делом, я напишу графине отчет. А пока прошу тебя сейчас, же тем или иным путем, пустить об этом заметку в бреславльских газетах.

К сожалению, письмо, в котором Маркс подробно написал графине Гацфельдт о деле Бланки,— он упоминает об этом в другом письме к Лассалю, 29 мая 1861 г., не нашлось архиве Гацфельдтов.

Кассация Бланки была отвергнута. Приговор — «один из самых позорных, когда-либо вынесенных», как пишет Маркс Лас-

[1]) Мы печатаем полный перевод его в приложении к этому тому «Очерков».

[2]) Французский эмигрант, который был замешан в дело о покушении на Наполеона III.

салю 22 июля 1861 г.— был утвержден во второй инстанции, и Бланки переведен был в тюрьму Сент-Пелажи, где он и отсидел свой новый четырехлетний срок. Произвольное удлинение срока и опасение, что он опять будет сослан по окончании тюремного заключения, побудили Бланки бежать, не дожидаясь окончания срока. После недолгого пребывания в Швейцарии он переезжает в Бельгию. В нашей работе об Интернационале мы подробнее остановимся на отношениях Бланки к этой новой форме международного объединения пролетариата.

К. МАРКС И «НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ТРИБУНА»

I

С прекращением «Политико-экономического обозрения», которое Маркс и Энгельс, поселившись после долгих странствий осенью 1849 года в Лондоне, основали под старым названием: «Новая рейнская газета», для обоих друзей надолго исчезла возможность развивать свои взгляды в собственном органе. Невозможною оказалась и всякая другая литературная деятельность для Германии. Все попытки побудить немецких издателей издать более крупные работы Маркса и Энгельса остались безуспешными. Не было также ни одной газеты, для которой Маркс и Энгельс могли бы работать в качестве корреспондентов. Даже немецкая пресса в Америке была для них закрыта.

При таких обстоятельствах Энгельс уже в конце 1850 года был вынужден вернуться к «собачьей коммерции» и вступить в качестве доверенного в филиальное отделение фабрики отца в Манчестере.

Маркс остался в Лондоне. А так как в первое время Энгельс мог оказывать ему лишь очень незначительную поддержку, то ему пришлось испытать все муки эмигрантской нищеты, влезая в неоплатные долги и голодая вместе со своей семьею.

Но даже величайшая личная нужда не могла отвлечь его от научных работ. Много времени отнимала у него еще партайная работа, ложившаяся всей своей тяжестью на него одного.

В «Союзе коммунистов» произошел раскол, и борьба фракций между собой, как и борьба со всеми другими направлениями эмиграции, приняла крайне резкие формы.

Вскоре, в мае и июне 1851 года, произошли аресты коммунистов в Германии, и старания Маркса спасти по возможности остатки организации и притти на помощь своим партийным друзьям ухудшили еще больше его материальное положение. Как раз в это время, летом 1851 года, он совершенно неожиданно полу-

чил приглашение написать несколько статей для одной англо-американской газеты.

«Нью-йоркская трибуна», писал Маркс Энгельсу 8 августа 1851 года,— пригласила меня и Фрейлиграта сотрудничать за определенный гонорар. Это самая распространенная газета в Северной Америке. Если бы ты мог доставить мне к пятнице утром, 15 августа, написанную по-английски статью о положения дел в Германии — это было бы отличное начало».

Как состоялось это приглашение? Элеонора Маркс-Эвелинг высказала предположение, что это произошло через посредство Фрейлиграта; но неправильность этого предположения обнаружилась уже после опубликования писем Маркса к Вейдемейеру. Из них стало ясно, что Маркс еще в Германии познакомился с одним из редакторов «Нью-йоркской трибуны» — Чарльзом Андерсоном Дана.

Газета была основана в апреле 1841 года Горасом Грили, наборщиком, который поднялся до ранга журналиста и политика, очень известного в Северной Америке. Начало газеты было весьма скромным. В политическом отношении она поддержала левое крыло американских вигов, боролась против дальнейшего распространения рабства и выступала в защиту таможенных пошлин, как единственного средства развить в Северной Америке промышленность.

«Трибуна» завоевала себе среди американских газет своеобразное положение после того, как Грили примкнул к Альберту Брисбену, апостолу фурьеризма в Соединенных штатах, и с марта 1842 года предоставил свою газету в распоряжение фурьеристов. «Трибуна» сделалась любимою газетою буржуазной интеллигенции, которая сочувствовала страданиям трудящихся масс и видела в устройстве коммунистических колоний, по планам Фурье, панацею для устранения нужды на земле. В газете принял участие целый ряд талантливейших писателей, увлеченных новым движением.

Вскоре газета приобрела известность также в Европе, особенно в социалистических кругах, как наиболее прогрессивный орган в Америке. Известные представители фурьеристской школы были привлечены в качестве корреспондентов.

Но настоящим центром теоретической и практической пропаганды фурьеризма была колония Брук-Фарм, недалеко от Бостона.

Она была основана в 1841 году группою идеалистически на-

строенных интеллигентов: все они были сторонниками так называемого трансцендентализма, видевшего свою цель в освобождении индивидуума от всех оков традиции. Многие из них принадлежали к талантливейшим представителям американской литературы (Чаннинг, Эмерсон, Маргарита Фуллер, Натанаил Хоутори); под влиянием Джорджа Рипли они с 1844 года объявили себя сторонниками фурьеризма. Члены колонии, по большей части — тоже сотрудники «Нью-йоркской трибуны», издавали журнал «Harbinger» и организовали в различных городах фурьеристские курсы. Одним из наиболее ревностных и знающих пропагандистов общины был Чарльз А. Дана, подвизавшийся одинаково усердно как в качестве писателя, так и в качестве странствующего проповедника. В этой колонии он подружился с Д. Рипли и познакомился с А. Брисбеном и Г. Грили, которые часто посещали Брук-Фарм в качестве гостей. Вероятно, уже там пробудился в нем постоянно отличавший его интерес к немецкой культуре; тут, несомненно, сказалось влияние Маргариты Фуллер и Д. Рипли, которые более всех других американских писателей содействовали ознакомлению янки с сокровищами немецкой литературы.

После большого пожара, который в 1846 году почти совершенно разрушил колонию и повлек за собою финансовые затруднения, с которыми она не могла справиться, некоторые ее члены переселились в Нью-Йорк и вступили в редакционный штаб «Трибуны», в том числе Д. Рипли, в качестве критика, и Чарльз А. Дана, получивший должность редактора местного отдела с еженедельным жалованьем в 10 долларов.

Хотя Грили вступил в компанию с Томасом Мак-Эльратом, настоящим купцом, обладавшим всеми качествами, недоставшими основателю газеты, тем не менее «Трибуна» еще долгое время являлась не особенно доходным предприятием. Конкуренция была велика, а фурьеристские традиции еще очень сильны, и издателям для того, чтобы продержаться, приходилось нагонять величайшую экономию. Так, Грили, главный редактор и вдохновитель газеты, получал не более 15 долларов в неделю.

Когда революция 1848 года, мощно воздействовав на умы и в Америке, вызвала сильную потребность в подробной информации о революционных событиях, увеличился и тираж «Трибуны», которая, еще до революции, больше всех других американских газет заботилась о хороших корреспонденциях из Европы. Как раз в

это время Дана решил предпринять путешествие в Европу. Но «Трибуна» не была в состоянии гарантировать ему более 10 долларов в неделю. Договор с другими газетами дал ему еще 25 долларов. Обеспеченным этой суммой, он отправился в Европу. Как Дана сам сообщает с гордостью истого янки, он не только провел там около восьми месяцев, повидав множество революций, не только покрыл свои собственные расходы и расходы своей семьи в Нью-Йорке, но сверх того привез еще обратно домой 63 доллара в качестве чистого дохода от всего этого путешествия [1]).

Свое первое письмо из Парижа он послал 29 июня 1848 года, то есть сейчас же после июньского поражения парижского пролетариата.

Он пробыл в Париже три месяца и в октябре поехал дальше в Берлин. Здесь ему оказал содействие его старый учитель — А. Брисбен, который раньше изучал в Берлине философию, был хорошо знаком с младо-гегельянцами и еще летом 1848 года совершил путешествие по Германии. Возможно, что это он посоветовал Дана съездить в Кёльн, где Брисбен в свое время тоже познакомился с Марксом.

Из Берлина Дана поехал во Франкфурт, оттуда в Кёльн, где посетил Маркса. Это было, вероятно, в ноябре 1848 года. Энгельс незадолго до этого был вынужден оставить Кёльн и тосковал в Швейцарии; Фрейлиграт, с которым Дана познакомился в доме Маркса, переселился в Кёльн лишь 21 октября 1848 года, немедленно после своего вступления в редакцию «Новой рейнской газеты».

В начале декабря мы находим Дана опять в Париже, а в марте 1849 года он возвратился обратно в Нью-Йорк.

О самом визите его к Марксу мы имеем только сообщение Дана. Летом 1850 года он написал Марксу, прося его переслать письмо Фрейлиграту. Этим случаем он пользуется для того, чтобы напомнить Марксу о своем визите [2]):

«С тех пор как мы встретились в Кёльне, свет во многом переменился, в результате этого процесса многие из наших друзей

[1]) J. H. Wilson. The life of Charles A. Dana, New-York, 1907, pp. 62—63. До сих пор нет ни одной истории «Нью-Йоркской Трибуны». Источником нам служила сама газета и биографии Дана, Грили и Рипли, а также история колонии Брук-Фарм. написанная Линдсей Свифтом.

[2]) Письма Дана мы нашли среди бумаг Лафарга. К сожалению, некоторые из них пропали.

унесены с поверхности мира. Но, слава богу, игра еще не окончена и тем, которые сегодня вынуждены выжидать сложа руки, завтра быть может, придется еще выполнять большую работу. Хотя в продолжение этого времени я не имел счастья получать известия непосредственно от вас, но, тем не менее, я все время был хорошо информирован о вашей жизни и, поскольку то было возможно, также о перспективах революции, как вы их предвидели еще раньше при помощи вашего метода, но я лично ожидал другого конца для более радикальных из моих друзей. Побеждать всегда лучше, чем быть побежденным — voila mon opinion (таково мое мнение). Правда, я не думаю, что взрыв вулкана произойдет в близком будущем. Предварительно должна быть проделана изрядная агитационная работа, и лишь тогда из хаоса возникнет новый мир. Нельзя ли надеяться приветствовать вас здесь, в Америке? Я охотно повторил бы восхитительный вечер, который мы провели вместе в Дейтце» (в окрестностях Кёльна).

Хотя для Дана Франция была воплощением революционной демократии, а Россия — абсолютизма, и хотя вся современная история казалась ему, как и европейской буржуазной демократии, борьбою между революцией и абсолютизмом, тем не менее, он ожидал — и развивал этот взгляд в своих письмах,— что главнейший вопрос девятнадцатого века, вопрос социальный, найдет свое разрешение в Германии. (The Question of this age, I begin to think, must be decided in Germany.— Письмо из Берлина, 10 октября 1848 года.)

Когда он вернулся в Нью-Йорк, в Соединенных штатах, несмотря на усиление реакции, еще не улегся интерес к революционным движениям в Европе. Попытки американского правительства вмешаться в европейские дела в пользу Венгрии, боровшейся за свою независимость, вызванный этим резкий дипломатический конфликт с Австрией, поддержка, которая оказывалась венгерским и польским эмигрантам в Турции — все это еще долго волновало умы в Северной Америке. И в продолжение этого периода самую выдающуюся роль играла «Нью-йоркская трибуна» как газета, наиболее осведомленная во всех этих злободневных вопросах, находившаяся в постоянных сношениях с европейской эмиграцией и горячо отстаивавшая независимость Венгрии. Но, что сильно отличало «Трибуну» от всех других газет и сообщало ей особый характер, так это то место, которое она отводила на своих столбцах Германии. Инициатива этого принадлежала Дана, кото-

рый по своем возвращении принял на себя иностранный отдел. Это принесло газете и материальный успех, обеспечив «Трибуне» большой круг читателей из рядов немецкой эмиграции, усилившейся после революции 1848 года (за 1851—1860 годы эмигрировали 951 667 человек, за годы 1852—1854 более 500 000). Обратно, этот успех среди немецкой эмиграции побуждал уделять еще большее внимание запросам этого круга читателей [1]).

Но, как ни влиятельно было положение Дана в «Трибуне» после 1849 года, он, во всяком случае, не был главным редактором. Роль последнего исполнял по прежнему Грили, почти диктаторски определявший оппозицию газеты во всех вопросах внутренней политики, в которой он принимал и практическое участие в качестве агитатора и политика. Не меньше должен был Дана считаться с влиянием второго владельца газеты — Мак-Эльрата. Правда, последний очень мало беспокоился о политике и литературе, но тем более заботился он о том, чтобы Дана и его коллеги не обременяли газеты «бесполезным балластом», увеличивающим издержки, и не сделали ее слишком серьезною: он заботился, чтобы «Трибуна» не уступала другим газетам также в удовлетворении запросов тех читателей, которые ищут «сенсаций». Не только такие события, как выборы президента и другие происшествия внутренней политики, но даже всякий скандал в мире верхних десяти тысяч или всякий сенсационный судебный процесс автоматически урезывали именно тот отдел газеты, который посвящен был иностранным делам и литературе: вследствие этого он подчас сокращался до минимума. Так, «Нью-йоркская трибуна» еще в лучшее свое время указывала с гордостью на то, что однажды она посвятила какому-то сенсационному убийству в Нью-Йорке не менее 150 столбцов, больше всех своих конкурентов. И в конце 1855 года контора газеты могла заявить, что во всем мире нет такой газеты, которая имела бы больший тираж. По числу объявлений «Трибуна» заняла тогда первое место.

Грили и Мак-Ильрат оставались собственниками газеты. Правда, была сделана попытка — слабая дань фурьеристскому прошлому — внести в предприятие принцип товарищества. Грили и Мак-Эльрат, в качестве капиталистов, добровольно передали некоторое количество паев представителям труда и таланта, но пода-

[1]) A. B. Faust, The german element in the United States. New-York. 1909.

вляющее большинство их они оставили в своих руках; благодаря этому они, и после «реформы», сохранили за собой решающий голос в вопросах хозяйственного характера...

Но не только в вопросах хозяйственного характера,— даже в редакционных делах Дана ничего не мог предпринять на свой страх и риск без разрешения обоих владельцев газеты. Его положение отличалось от положения других редакторов только тем, что во время частых путешествий Грили Дана постоянно замещал его в должности главного редактора. Будучи столь же убежденным протекционистом, как и Грили, он был гораздо радикальнее его в борьбе против рабства. Но ему никогда не удавалось преодолеть поссибилистскую тактику своего главного редактора, который, подобно его прообразу — Генри Клею, герою компромисса, из страха перед отделением рабовладельческих штатов гораздо энергичнее выступал против расширения рабства, чем за его отмену. Внести свою собственную ноту Дана удалось только в борьбу, которую «Трибуна» действительно очень энергично вела против истинно-американской партии, так называемой партии «незнаек», ратовавшей против иностранцев.

Вообще же «Трибуна» в продолжение 50-х годов по прежнему оставалась органом левого крыла американских вигов, а с 1856 года стала органом новообразовавшейся республиканской партии, программа которой включала протекционизм, развитие торгового оборота и запрещение рабства на новых территориях.

Гораздо самостоятельнее был Дана в отделе иностранной политики, который находился в его исключительном ведении. Но и в нем он был сильно связан изменениями, наступившими в отношениях между Соединенными штатами и европейскими державами. Со времени крымской войны в Америке самым радикальным образом изменились принципы иностранной политики, поскольку они отстаивались различными партиями — преимущественно демократическою, которая защищала рабство, и республиканскою, которая боролась против рабства.

Ни Грили, ни Мак-Эльрат не позволили бы «Трибуне» занять в этих вопросах позицию, которая могла бы повредить их положению в партии и оттолкнуть главный контингент их американских читателей.

Вообще, Дана никогда не был «хозяином» в «Трибуне». В продолжение всего периода его участия в газете (1847—1862 годы)

он хотя и получал к концу более высокое жалованье, но всегда оставался только служащим, не имеющим никаких прав. Его собственное жалованье а, по всем известным нам данным, он был наиболее прилежным работником в редакции — лишь постепенно повышалось до 25, 40 и, наконец, 50 долларов в неделю. Необходимо также иметь в виду очень умеренное в то время в Соединенних штатах вознаграждение «квалифицированного» литературного труда. Его коллега и друг Д. Рипли получал еще в 1861 году, когда «Трибуна» была уже богатою газетою, только 25 долларов в неделю. В своих письмах к Марксу Дана мог подчас разыгрывать из себя «хозяина в доме». Но на самом деле он, несмотря на оказанные им газете услуги, был только наемным сотрудником, которого Грили и Мак-Эльрат, в результате конфликта по вопросу о борьбе против рабства, буквально выбросили из редакции в марте 1862 года.

Обстоятельства, при которых Дана оставил редакцию, роль одного из наиболее верных и энергичных сотрудников Линкольна, которую он играл во время американской гражданской войны [1], показывают, что он еще не был тогда тем ловким купцом и циничным скептиком, каким изображает его историк колонии Брук-Фарм, Линдсей Свифт. Лишь позднее он становится издателем самой обыкновенной капиталистической газеты, без всяких литературных претензий, и в своих лекциях об «Искусстве издавать газету» провозглашает высшим заветом редактора: «Давать сведения, все сведения, ничего, кроме сведений».

«В Нью-йоркской трибуне» он еще боролся против этого принципа, защищавшегося Мак-Эльратом. Дана настаивал на том, что газета должна не только сообщать одни сведения, но обязана действовать в качестве орган пропагандирующего и поучающего. Если, благодаря его коллеге Джорджу Рипли, «Трибуна», пользовалась в Америке репутацией первой газеты в области литературы и критики, то самому Дана та была обязана тем, что, вопреки Мак-Эльрату, она все-таки стояла на гораздо более высоком интеллектуальном уровне, чем другие американские газеты, и, вопреки Грили посвящала так много места иностранным событиям. В ка-

[1]) В своих «Recollections of the civil war» (New-York, 1898) он рассказывает о причинах своего конфликта с Грили, который стоял за мир с южными штатами. Дана же, в качестве младшего секретаря военного министра, был решительным сторонником войны.

честве образца ему служили тогда лучшие немецкие газеты, которые Дана впоследствии находил слишком «серьезными»; многочисленные немецкие сотрудники, которых мы встречаем на столбцах «Трибуны» в продолжение пятидесятых годов, были все приглашены им. При этом Дана, не руководился определенными политическими симпатиями к одному из направлении немецкой революционной эмиграции: это видно уже из того, что он старался привлечь к газете все известные имена немецкой левой партии Руге, Людвига фон Симона, Фребеля, Бруно Бауэра, Фрейлиграта.

К Марксу Дана обратился лишь позднее. Поэтому в письме уже цитированном нами, нет еще ни одного слова о сотрудничестве в «Трибуне». Возможно, что он вообще сомневался, будет ли его предложение принято Марксом, радикальные взгляды которого были ему известны. Возможно, что Дана решился пригласить Маркса в сотрудники только после того, как в 1851 году узнал от его друзей, что бывший главный редактор «Новой рейнской газеты»,— которого он, но выражению госпожи Маркс в письме к Вейдемейеру, знал в Кёльне «в совершенно другом положении»,— не откажется даже от такого мизерного источника доходов, каким являлась «Трибуна» для своих заграничных сотрудников. Открытым остается вопрос, играло ли при этом какую-либо роль его желание оказать гостеприимство Марксу, отвергнутому всеми немецкими издателями и газетами. Во всяком случае, своим приглашением сотрудничать в «Трибуне» Маркс был обязан доброжелательной инициативе одного только Дана, и опять-таки только последний, в продолжение десяти лет защищал интересы Маркса, хотя и не всегда так, как последнему хотелось бы. против Грили и Мак-Эльрата.

Но вначале никто из них не предполагал, что они будут связаны друг с другом так долго и, в конце концов оставят «Трибуну» одновременно. Приглашая Маркса написать несколько статей, Дана преследовал определенную цель. Он хотел лишь, чтобы сам Маркс подробно изложил читателям «Трибуны» свои взгляды на германские события, которые он развивал ему в Кёльне и которые произвели на него сильное впечатление. Эта тема имела для Америки злободневный интерес уже благодаря тому шуму, который был поднят вокруг Кошута. Отпущенный Турцией на свободу, вождь венгерской революции 11 ноября 1851 года приехал в Америку, как триумфатор, и оставался там до июля 1852 года. Тогда

очень горячо обсуждались шансы нового революционного взрыва в Европе, и не только Кошут, но и представители немецкой эмиграции, как Гейнцен и Кинкель, делали попытки привлечь великую республику на свою сторону и даже заключить в Соединенных штатах заем за счет будущей революции. Правда, государственный переворот 2 декабря 1851 года, ознаменовавший окончательное поражение революции в Европе, нанес и в Америке смертельный удар энтузиазму, кигирый вызывали гам Kuuiyi и европейская революция. Но еще в продолжение многих месяцев общественное мнение Соединенных штатов занималось вопросами, связанными с этою революцией».

II

Этим можно объяснить, почему Дана предложил Марксу избрать в качестве первой темы революцию и контр-революцию. «Что же касается «Нью-йоркской трибуны»,— писал Маркс Энгельсу 14 августа 1851 года,— то теперь, когда я по горло занят политическою экономиею, ты должен притти мне на помощь. Напиши ряд статей о Германии 1848 года. Живо и непринужденно. В иностранном отделе эти господа очень либеральны».

Мы теперь знаем, что Энгельс блестящим образом справился с этою задачею. Все статьи, хотя и подписаны Марксом, написаны Энгельсом. Но в основном они представляют их совместный труд. Единственным источником Энгельсу служила «Новая Рейнская Газета». Кроме того, Маркс доставлял ему заметки, которые Энгельс использовал для своих статей. Поэтому он сам говорит о «наших статьях»; поэтому же все их друзья в Северной Америке были убеждены, что статьи написаны самим Марксом [1]).

21 августа Энгельс доставил первое письмо, которое Маркс отослал в неизмененном виде. В «Трибуне» оно появилось через два

[1]) То обстоятельство, что Энгельс, при изображении австрийской революции, воспользовался венскими корреспонденциями «Новой Рейнской Газеты», вызвало в американской прессе оживленную полемику. Теллеринг, который посылал корреспонденции из Вены в Кельн, утверждал, что напечатанные в «Трибуне» статьи, поскольку они касаются Австрии, представляют плагиат из его писем. В предисловии к первому изданию «18-го брюмера» Вейдемейер отвечает ему: «Даже противники Карла Маркса не отрицали того, что он далеко превосходил подавляющее большинство политических писателей как оригинальностью своих статей.— результатом глубоких и обширных занятий, так и своим классическим стилем».

месяца, в номере от 25 октября 1851 года, в виде первой статьи серии под общим заглавием: «Germany, Revolution and Counter-revolution» («Германия, революция и контр-революция»). Последняя статья, двенадцатая, была напечатана 25 октября 1852 года, т. е. через год [1]). Один раз печатание статей было прервано из-за президентских выборов, а несколько раз оно прерывалось потому, что Энгельс не всегда находил время писать [2]).

Сам Маркс, до августа 1852 года не написал для «Трибуны» ни одной строчки. Поскольку он не работал над своим большим сочинением, которое он хотел издать в виде критической истории политико-экономических теории, он очень много времени посвящал партийной деятельности. Когда Вейдемейер переселился в Нью-Йорк, для Маркса и его друзей снова блеснула надежда основать на этот раз в Америке свой партийный орган. Большую часть работы для этого проектировавшегося журнала выполнил Маркс. Но в свет вышел всего-на-всего один номер журнала, и статья Маркса о государственном перевороте 2 декабря 1851 года появились в мае 1852 года в виде первой книжки «непериодического журнала» «Революция». За эту работу Маркс не получил ни гроша.

Как раз в это время материальная нужда Маркса достигла наибольшей остроты. Потерпели крушение и в Германии последние надежды найти издателя для его политико-экономического сочинения. Только тогда ему стало ясно, что у него нет никаких других литературных возможностей, кроме «Трибуны». Но сотрудничество в газете, предложенное ему Дана, не могло служить достаточным источником заработка, так как для этого ему недоставало двух существенных условий: постоянства и достаточного размера гонорара. Когда Маркс, по прошествии семи месяцев, получил деньги за напечатанные статьи, о казалось, что «Трибуна» платала за каждую статью только 1 фунт стерлингов. На запрос Мар-

---

[1]) По-английски изданы отдельной книгой Элеонорою Маркс-Эвелинг в 1896 г. В том же году появились по-немецки в переводе Карла Каутского. Существует несколько русских переводов.

[2]) До первого перерыва редакция, т.-е. Дана, очень часто обращала внимание читателей на «очень интересные» статьи: например, в номере от 6-го ноября 1851 г. четвертая глава рекомендовалась, как «в высшей степени интересная», так как «в ней идет речь об Австрии, этом центре разложения и подлости в Германии». О пятой главе в номере от 12 ноября 1851 года Дана замечает, что она написана с необычайным остроумием.

кса по этому поводу Дана ответил, что это обычный гонорар за корреспонденции подобного рода и что владельцами газеты ему разрешено платить двойной гонорар, т. е. 2 фунта, или десять долларов, лишь за корреспонденции о «текущих событиях, имеющих характер интересного революционного кризиса». Такой двойной гонорар получал сам Дана за свои корреспонденции о европейской революции.

При этом не было никакой речи о приглашении Маркса в качестве постоянного корреспондента, не говоря уже — в качестве европейского редактора». Ему было предоставлено писать на свой страх и риск, и все зависело от того, сумеет ли он сделать себя незаменимым для газеты.

Маркс имел очень много конкурентов как в своих корреспонденциях о Германии, в том числе такого плодовитого писателя, как Бруно Бауэр, так и в своих корреспонденциях об Англии.

Во-первых, для «Трибуны» писал Дохерти, старый английский фурьерист, который редко касался чистой политики, но посылал корреспонденции очень часто; во-вторых, об Англии и Франции корреспондировал и французский фурьерист Жюль Лешевалье. Но наиболее опасным конкурентом был некто «А. П. К.» Маркс называет его однажды янки [1]), и, действительно, в сфере собственно корреспонденции он наиболее подходил к американским условиям. Своею задачею он считал доставлять сведения как можно больше и как можно быстрее, и для этой цели широко пользовался своим положением корреспондента известной американской газеты. Он находился в дружеских отношениях не только с английскими радикалами, но и с представителями европейской эмиграции — особенно французской, итальянской, венгерской. Не вникал в текущие вопросы слишком глубоко, он прилежно списывал радикальную прессу и немедленно пересылал в Ньо Йорк все, что узнавал от своих друзей из эмигрантских кругов.

Маркс ни в малейшей степени не обладал этими качествами настоящего корреспондента. Далеко не человек общества, где обращают внимание на внешность, к тому же часто испытывая «не-

[1]) Теперь мы знаем, что это был известный венгерский эмигрант, близко стоявший к Кошуту, граф Пульский. (примечание ко второму изданию).

достаток в некоторых необходимых принадлежностях костюма и обуви», он, даже по прошествии нескольких лет жизни в Лондоне, избегал показываться где-нибудь, кроме тесного круга своих политических единомышленников. А этот круг суживался с каждым годом по мере обострения борьбы в среде эмиграции. Что может быть характернее для Маркса того обстоятельства, что он никогда не делал попыток познакомиться со своими коллегами из «Трибуны» и вообще не завязывал никаких сношений с миром журналистов?

На пути Маркса стояли и другие затруднения. Так, в первое время он был вынужден писать свои статьи по-немецки и сначала отсылать их в Манчестер, где Энгельс переводил их на английский язык. Понятно, что этим вызывалось значительное опоздание, особенно еще благодаря тому, что в то время почта из Лондона в Нью-Йорк уходила только два раза в неделю [1]). Но уже через несколько месяцев Маркс справился с этим затруднением. С февраля 1853 года он писал свои статьи прямо по-английски. Гораздо сильнее было другое затруднение. Если Маркс хотел писать о «текущих событиях», ему необходимо было в известном отношении приспособиться к читателям «Трибуны». У такого человека, как Маркс, не могло быть и речи об изменении или даже смягчении его точки зрения. Но, с другой стороны, «Трибуна» занимала во многих вопросах такую принципиальную позицию, с которою Маркс никак ни мог согласиться. Ввиду этого ему приходилось выбирать такие темы, которые давали ему возможность свободно развивать свою собственную точку зрения, не вступая в конфликт с редакцией. Мы скоро увидим, что это ему не всегда удавалось.

Когда Маркс принял предложение Дана, «Трибуна» представляла для него «неведомую страну». Разумеется, он знал, что имеет дело с демократическою газетою в европейском смысле этого слова, но он никогда не получал «Трибуны» аккуратно, а вначале и плохо следил за нею. Только из самой газеты узнал он, что в «Трибуне» фигурируют в качестве его коллег те же демократы, с которыми он в политическом отношении давно порвал. Прошел почти целый год после появления первой подписанной им статьи, когда он

[1]) По вторникам и пятницам; поэтому все статьи Маркса датированы этими двумя днями.

сделал не слишком приятное для него открытие, что «Трибуна», «к великому несчастью, защищает протекционизм». Энгельс старался рассеять его сомнения, указывая на специфически американский характер этого протекционизма. Но, тем не менее, Маркс был связан различными соображениями, не существовавшими для его конкурентов. Как ни своеобразна была форма, в которой «Трибуна» защищала протекционистскую буржуазию — сам Маркс впоследствии очень правильно определил ее. как форму сисмондистски-филантропическо-социалистического антииндустриализма,— редакция никогда не допустила бы прямой критики протекционизма.

Таким образом Маркс подвергался опасности,— которая, действительно, постоянно существовала,— что его критика экономического состояния Англии будет понята американскими читателями только как критика свободной торговли. При этом он долгое время не имел ни малейшего представления о действительной роли Дана в газете, и поэтому был склонен считать «Трибуну» политическим органом Дана; из его переписки видно, что Дана и «Трибуна» были для него одно и то же. Благодаря этому он довольно долго пребывал в уверенности, что в своих письмах может совершенно свободно выбирать, по крайней мере, все политические темы, в отличие от вопросов экономических. Только опыт научил его, что и здесь дело обстоит не так, что и в этом отношении приходится считаться с местными условиями.

III

Еще прежде, чем была закончена серия статей о Германии, Маркс сделал попытку написать на злободневную тему. Повод к этому дали ему английские выборы, происходившие в июле 1852 года. Хотя его статьи получены были с большим запозданием — его конкурент А. П. К. послал свой отчет несколькими неделями раньше, так как Маркс дожидался общего результата выборов,— редакция приняла их немедленно. Блестящая характеристика английских партий, меткая картина избирательной борьбы, интересные исторические отступления — все это сообщало его статьям своеобразную и непреходящую ценность. Они цитировались не только в американской, но и в английской прессе.

Начало было очень трудно. Но вскоре кёльнский процесс коммунистов снова оторвал Маркса от этой работы. Судебные за-

седания продолжались шесть недель, с 7 октября до 12 ноября 1852 года. Дни и ночи «партия Маркса» работала, чтобы оказать обвиняемым помощь в их борьбе против *махинаций* штиберовской полиции и прокуратуры. Немедленно после окончания процесса, 17 ноября. Союз коммунистов был, по предложению Маркса, распущен. Но Маркс должен был выполнить для партии еще одну ответственную работу. Он написал «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» с целью публично реабилитировать осужденных членов Союза и заклеймить позором прусскую полицейскую систему. Роль, которую он играл во время процесса и после него, по его собственному выражению, «окончательно отпугнула от него немецких издателей, с которыми он надеялся притти к соглашению насчет своей экономии».

Начиная с января 1853 года, Маркс мог уже гораздо интенсивнее посвящать себя работе для «Трибуны». Он сосредоточился главным образом на изображении социального состояния Англии и в своих письмах бичевал лицемерие господствовавшей олигархии. Особенную сенсацию, как в Америке, так и в Англин, вызвало его письмо о герцогине Сутерландской и рабстве.

Политика коалиционного министерства представляла очень мало «интересного» материала, и Маркс старался отмечать все симптомы приближавшегося кризиса. Наступления его он ожидал в 1853 году, ибо исходил из предположения, что промышленный цикл проходит свой кругооборот в период времени от пяти до семи лет. Его ожидание оказалось ошибочным, и, как он сам впоследствии признал, 1853 год, несмотря на многочисленные банкротства в отдельных отраслях промышленности, был годом «конвульсивного оживления».

После марта 1853 года наступили события, которые снова взволновали Европу, казалось, совсем успокоенную. Сильно ослабевший в Америке интерес к европейской политике пробудился с новою силою. Особенно значительное место «Трибуна» стала уделять иностранной политике, против того, как выяснилось, что новое осложнение в восточном вопросе может повести к европейской войне.

И среди всех ее европейских сотрудников не было ни одного, который был бы таким мастером во всех вопросах «высокой политики», как Маркс и Энгельс. Впрочем, ни редакции в целом, ни

Дана никогда не узнали, что под и менем Маркса для газеты писали оба друга.

Уже в журнале «Новая рейнская газета» мы находим, наряду с историческими работами, серию обзоров международной политики; в них Маркс и Энгельс рассматривали внутреннюю связь текущих событий с точки зрении материалистического понимания истории. В них они указывали, что контр-революция. превратившая Россию в Третейского судью Европы, неизбежно приведет также к новому кризису в иностранной политике.

«Вследствие движений 1848—1849 годов,— читаем мы в политическом обзоре второго номера [1]),— Россия так глубоко вовлечена в европейскую политику, что она должна теперь возможно скорее осуществить свои старые планы относительно Турции и Константинополя, этого «ключа к своему дому», если этим планам не суждено остаться навсегда несбыточными. Успехи контр-революции и усиление с каждым днем революционной партии в Западной Европе, внутреннее положение самой России и плохое состояние ее финансов толкают ее к быстрым действиям. Недавно мы видели дипломатическую прелюдию к этому новому восточному действию, через несколько месяцев мы переживем и самую драму.

«Война против Турции необходимо превратится в европейскую войну. Тем лучше для святой «Руси», которая благодаря этому получит возможность прочно водвориться в Германии, довести там до конца контр-революцию, помочь Пруссии завоевать Невшатель и, в конце концов, пойти походом на центр революции — на Париж.

«В такой европейской войне Англия не может остаться нейтральною. Она должна выступить против России. И для России Англия — наиболее опасный противник. Если сухопутные армии континентальных государств, по мере своего продвижения и проникновения вглубь России, будут все больше и больше ослабевать, если их продвижение должно будет почти совершенно приостановиться у восточных границ старой Польши, под страхом повторения 1812 года, то Англия имеет средство воздействовать на Россию с самой слабой ее стороны. Не говоря уже о том, что она может при-

[1]) «Neue Rheinische Zeitung». Zweites Heft, Februar 1850, стр. 71—72. Этот абзац в меринговском издании «Литературного Наследства» выпущен.

нудить Швецию к обратному завоеванию Финляндии,— для ее флота открыты Петербург и Одесса. Как известно, русский флот — самый плохой в мире, и Кронштадт и Шлиссельбург так же легко могут быть взяты, как Сен-Жан д'Акр и Сан-Хуан-де-Улоа. По без Петербурга и Одессы Россия — великан с отрубленными руками. Кроме того, Россия не может обходиться, хотя бы всего полгода, без сбыта своего сырья и без покупки продуктов английской промышленности; это ясно обнаружилось уже во время наполеоновской континентальной блокады, а теперь это имеет силу еще в большей степени. Отрезанная от английского рынка, Россия через несколько месяцев переживет величайшее напряжение; напротив того, Англия не только может некоторое время обходиться без русского рынка, но она сможет также получить на других рынках все русское сырье. Итак, страшная Россия совсем не так опасна. Но немецкому бюргеру она должна казаться очень страшной, ибо она непосредственно господствует над его государством, над его государями и уверена, что ее варварские орды в скором времени наводнят Германию и там сыграют в некотором роде мессианскую роль».

Но под влиянием событий, разыгравшихся в 1850—1852 годах, Маркс изменил свой взгляд. Все споры между Англией и Россией по поводу Ближнего Востока, как и вопрос о выдаче польских и венгерских эмигрантов или так называемый вопрос о *«Пацифико»* [1]), в котором Пальмерстон бросил на весы всю мощь Англии против маленькой Греции, привели только к борьбе при помощи дипломатических нот. Точно так же и вопрос о «святых местах», неожиданно выдвинутый Наполеоном в мае 1850 года с целью привлечь на свою сторону клерикалов, долго оставался в неопределенном положении, и еще в начале 1853 года можно было думать, что и он будет разрешен дипломатическим путем. И, когда «отвратительный» восточный вопрос вновь приобрел остроту, Маркс и на этот раз предполагал, что он не приведет к войне. Вынужденный писать об этом вопросе, он обратился к Энгельсу, как «это прежде всего вопрос военный и географический, то есть не по его специальности». Но вместе с тем он послал ему небольшую заметку с изложением своей основной точки зрения.

[1]) Пацифико — еврей, британский подданный, пострадавший от погрома. Пальмерстон требовал, немедленной уплаты вознаграждения, которое было вычислено с большим запросом.

Редакция «Трибуны» предпослала этой статье о восточном вопросе, написанной им и Энгельсом, следующие строки («Нью-йоркская трибуна», 7 апреля 1853 года): «Господин Маркс имеет свои собственные определенные взгляды, которые мы далеко не во всем склонны разделять, но те, кто не прочтут его писем, лишат себя одного из наиболее поучительных источников осведомления о великих вопросах современной европейской политики».

Если статьи о восточном вопросе представляли общий труд Маркса и Энгельса, то обратившие на себя не меньшее внимание статьи о бюджете Гладстона, о господстве англичан в Индии, о политической карьере Пальмерстона принадлежали исключительно перу Маркса.

Можно сказать, что в 1853 году он был одним из наиболее известных в Соединенных штатах сотрудников «Трибуны». Всецело предоставив теперь область «настоящей газетной корреспонденции» своему конкуренту А. П. К., он в своих письмах освещал все важнейшие вопросы экономические, финансовые, политические, дипломатические — и, не довольствуясь одним только регистрированием их или сопоставлением материала, часто давал мастерски написанные этюды.

Таким образом, его статьи почти совершенно потеряли характер корреспонденций, и естественно, что Дана пришла в голову мысль использовать письма Маркса в качестве передовых статей. Эта практика, хотя и весьма «лестная» для Маркса, имела одну неприятную сторону. Без некоторых «манипуляций», необходимых для приспособления статей Маркса ко вкусам американский публики, без указаний на «местные условия» эта метаморфоза была невозможна; Дана часто вставлял фразы.— не говоря уже о нескольких вступительных или заключительных словах,— с целью затереть все следы, которые могли бы возбудить в читателе подозрение, что статьи написаны не в самой редакции. Еще неприятнее было для Маркса то, что оставшуюся после этой операции часть статьи Дана нередко печатал за его подписью в виде корреспонденции.

Таким образом, лучшая и наиболее интересная часть статьи появлялась в виде редакционной передовицы, а подпись Маркса, как он жаловался, оказывалась только под «совершенно незначительными» вещами. Эта «аннексионистская политика», которая началась со статей о восточном вопросе и вначале представляла

исключение, уже через несколько месяцев превратилась в постоянное правило.

Когда в октябре 1853 года началась русско-турецкая война, Маркс послал несколько писем на военные темы, написанных Энгельсом, которые редакция использовала в качестве передовых статей. При этом случилось то же, что повторилось и впоследствии, при появлении брошюры «По и Рейн» и анонимных статей Энгельса о прусско-французской войне в «Pall-Mall Gazelle». Живо написанные статьи привлекли общее внимание не только своим тоном, но и основательностью изложенных в них военных суждений. Публика решила, что автором является какой-либо генерал, который держится в тени; высказывали предположение — для Америки тогда наиболее вероятное,— что этот генерал — не кто иной, как Винфильд Скотт, знаменитейший американский генерал, кандидат в президенты от левых вигов в 1853 году и заведомый друг Гораса Грили. Лондонская пресса тоже часто приводила отрывки из этих статей.

Для редакции это послужило лишь новым поводом для того, чтобы печатать дальнейшие военные письма в виде передовых статей. На протесты Маркса против этих аннексий Дана ответил, что теперь они уже не могут отказаться от этой практики, ибо в противном случае они вынуждены были бы открыть, что эти статьи присылались из-за границы, а это сильно уронило бы престиж газеты. Этим объясняется, что за время с 1853 до 1855 года почти все письма, обсуждавшие вопросы войны с военной точки зрения, появлялись в «Трибуне» в виде передовых статей. Насколько газета гордилась этими статьями, лучше всего показывает редакционная заметка «Трибуна и война» («Нью-йоркская трибуна» 3 февраля 1855 года). С гордостью редакция пишет, что, насколько ей известно, «Трибуна» единственная газета в Америке и Европе, которая регулярно дает критическое освещение военных событии с точки зрения принципов военной науки и дает читателю возможность осмыслить все эти события как с военной, так и с политической точки зрения.

В результате этого зимою 1853—1854 годов, по шутливому выражению Маркса в письме к Энгельсу, все редакционные статьи, обсуждавшие европейскую политику, на протяжении целых недель доставлялись обоими друзьями. Энгельс заведывал «военным министерством», Маркс — «министерством иностранных дел и

финансов». Но, чем интенсивнее становилось участие Маркса и Энгельса в «Трибуне», тем реже появлялось в ней его имя. Маркс дважды потребовал, чтобы его статьи печатались либо все за его подписью, либо все без подписи; редакция избрала последнее, и с апреля 1855 года его имя вообще исчезает со столбцов «Трибуны».

Таким образом Маркс был фактически европейским редактором «Трибуны», который «лишь в виде исключения занимался настоящею газетною корреспонденциею», но зато писал о важнейших вопросах международной политики и мирового хозяйства.

Однако это не означало, что Маркс был членом редакции на определенном жалованье. Наоборот, что касается материальной стороны, то он имел лишь все невыгоды этого положения. Правда, как писал Дана в известном письме, напечатанном в «Господине Фогте» и относившемся к тому времени, когда Маркс работал для «Трибуны» столь же интенсивно, как в 1853—1854 годах, он был «не только одним из наиболее уважаемых, но и одним из наилучше оплачиваемых сотрудников», но он никогда не получал точно определенного содержания. К нему относились так, как ко всякому другому обыкновенному корреспонденту. Никогда не удавалось ему добиться договора, по которому оплачивались бы обязательно все присылаемые им статьи. Владельцы «Трибуны» платили только за напечатанные статьи, в лучшем случае они брали на себя временное обязательство оплачивать не менее одной статьи в неделю. Так, Маркс в продолжение многих лет выполнял в высшей степени интенсивную сдельную работу, не получая за нее «справедливого» сдельного вознаграждения. Сравнивая его статьи, в которые всегда было вложено так много труда — не только потому, что этот труд был высоко-квалифицированным, но и потому, что Маркс выполнял большую подготовительную работу для своих писем,— с корреспонденциями его коллег, нельзя не удивляться тому, что почтенные владельцы «Трибуны» ни разу не почувствовали всего неприличия такого вознаграждения, которым не удовлетворился бы даже неквалифицированный рабочий.

Поскольку речь идет о вознаграждении, его многолетнее сотрудничество в «Трибуне» уподоблялось циклу, который периодически проходил все фазы от высокого давления — впрочем, весьма умеренного — до полного затишья. Когда в Америке усиливался интерес к европейской политике,— а только войны, политический

или экономический кризис, в Англии или на континенте, восстание в Индии или мятеж в Италии, конфликт Соединенных штатов с каким-нибудь европейским государством делали для американцев «интересными» европейские события,— увеличивалось и число напечатанных писем. Нужно отдать Марксу справедливость: с течением времени он приспособился к этим условиям, и, не отказываясь от своей привычки сопровождать изложение событий комментарием в форме небольших исторических или социально-экономических очерков, он часто давал именно то, что редакции было нужно. Кроме того, ни один из европейских сотрудников «Трибуны» не поддерживал с таким знанием дела и страстью ту борьбу, которую она вела — хотя не очень последовательно и подчас весьма вяло — против рабства. При всем том эти борцы против эксплоатации несвободного труда были столь наивно-циничны, что при всякой перемене конъюнктуры, отражавшейся на тираже «Трибуны», они немедленно переводили своих заграничных сотрудников на «пониженный рацион». Как ни горьки следующие строки, написанные Марксом, когда почтенные владельцы «Трибуны» дали ему на некоторое время «отпуск» ввиду наступивших финансовых затруднений, но они представляют лишь верное, изображение его положения в «Трибуне»:

«Воистину гнусно быть осужденным на то, чтобы считать счастьем, если подобные писаки берут тебя в свою ладью. Толочь кости, перемалывать их и варить из них суп, как то делают пауперы в работном доме,— такова та политическая работа, на которую я осужден в этой компании. Вместе с тем я чувствую себя ослом за то, что,— правда, не в последнее время, но в продолжение многих лет, давал этим молодцам слишком много за их деньги».

Хотя вскоре наступила перемена к лучшему, но она ничего не изменила в действительном положении вещей. При ближайшей перемене конъюнктуры Маркс снова получил в грубой форме отказ, и на этот раз — навсегда.

IV

Мы уже упомянули о том, что в известном отношении и самому Дана жилось не лучше. Маркс часто сердился на него, но иногда несправедливо, ибо без Дана, который отстаивал перед владельцами газеты его интересы, его сотрудничество в «Трибуне» не про-

длилось бы так долго. Его сношения с газетою постоянно происходили через посредство Дана, и можно с уверенностью сказать, что, несмотря на все, Дана относился к Марксу корректно. Поскольку то было в его власти, он старался смягчить для Маркса горечь его положения. Он выступил из «Трибуны» одновременно с Марксом, который лишь впоследствии узнал, что для Грили и Мак-Эльрата Дана был только литературным «чернорабочим».

Но в одном отношении Маркс, был вполне прав в своих жалобах на Дана. Последний, будучи редактором «иностранного отдела» в «Трибуне», с течением времени пережил процесс линяния и очень радикально изменил свою позицию в некоторых вопросах иностранной политики. Так, например, по отношению к России.

Решающее влияние оказало положение дел в самих Соединенных штатах. Ободренные своим большим успехом на президентских выборах 1852 года, рабовладельцы сделали в 1853 году новую попытку уничтожить еще существовавшие стеснения для распространения рабства и увеличить число рабовладельческих штатов. С помощью демократов Севера, вождем которых был сенатор Стифен Дуглас, им удалось провести так называемый билль Канзас-Небраска (30 мая 1854 года), отменивший все географические и установленные законом ограничения для рабства. Этой внутренней политике демократов вполне соответствовала их иностранная политика, ближайшею целью которой была аннексия Кубы. Для этой завоевательной политики они, естественно, решили воспользоваться осложнениями в Европе.

Послы Соединенных штатов в Мадриде. Париже и Лондоне (Суле, Мезон и Бьюкенен — все трое убежденные сторонники рабства) формулировали эту программу в так называемом остендском манифесте 13 октября 1854 года. Для достижения этой цели они заигрывали как с итальянскою, французскою и венгерскою эмиграциею, по своему обыкновению не слишком строго относившеюся к тем кругам, из которых исходили «освободительные» проекты, так и с русским правительством, которое охотно готово было пойти навстречу аннексионистским стремлениям демократов, лишь бы иметь Соединенные штаты на своей стороне в войне против Англии. Суле, наиболее неразборчивого в средствах из всех трех послов, обвиняли даже в том, что он хотел втянуть республику в войну с Англией и Францией и ослабить западные державы, уже и без того находившиеся в затруднительном положении, еще вну-

тренними потрясениями, чтобы после этого без всякой помехи справиться с сопротивлением Испании. Сенатор Дуглас, с своей стороны, выступил с апологией абсолютистской России и предсказывал блестящую будущность этой стране рабов. А американское правительство, чтобы сохранить свой нейтралитет в войне западных держав с Россией, не отступало ни перед какими дипломатическими конфликтами с Англией.

Принятие билля Канзас-Небраска означало уничтожение того компромисса, который был состряпан в 1850 году Генри Клеем и отстаивался Грили, как лучший барьер против дальнейшего распространения рабства; после этого «Трибуна» заявила, что теперь, когда демократы нарушили даже присягу, начинается борьба на жизнь и на смерть между рабством и свободою, между деспотизмом и демократией. Этим она высказалась также против иностранной политики, которую защищали Дуглас и его единомышленники. Она горячо ратовала против величайшего рабовладельца и деспота Николая, она разоблачала сделанные Россиею Соединенный штатам предложения территориальных уступок, она саркастически хвалила Николая и Дугласа за то, что они одновременно открыли борьбу между абсолютизмом и революцией в Европе и Америке [1]). Однако даже в такое время «Трибуна» не могла удержаться от того, чтобы не подчеркнуть, что российское правительство,— «правительство отвратительнейшего абсолютизма, правительство в высшей степени враждебное всякой форме политической свободы»,— тем не менее является застрельщиком самой прогрессивной тарифной политики.

Смерть Николая изменила положение дел. Выставленное в «Трибуне» утверждение, что наследник русского престола — явный враг рабства и друг либеральных реформ, как будто стало оправдываться. «Трибуна» немедленно использовала это оружие против рабовладельцев в Америке. Если столь деспотическая страна, как Россия, ставит на очередь дня отмену крепостного права, то тем более должны это сделать Соединенные штаты Америки, эта страна революции. Из врага России «Трибуна» превратилась в ее апологета, который при всяком удобном и неудобном случае ставил

[1]) Ср. статью, проводившую параллель между европейскою войною и войною в Америке и кончавшуюся словами: «Царь Николай! Сенатор Дуглас! Мы выражаем вам благодарность» («The two wars», «Нью-йоркская трибуна» 28 января 1854 года.)

Россию, возрождавшуюся и — что еще важнее — протекционистскую, в пример американским демократам, сторонникам рабства и свободной торговли. Ни малейшего следа не осталось от старых идей, которые Дана развивал еще в своих прежних статьях: на одной стороне — Россия, на другой — Западная Европа; на одной стороне — абсолютизм, на другой — демократия. С весны 1855 года «Трибуна» становится с каждым годом все более «руссофильскою».

Маркс был бессилен что-либо сделать против этого нового направления, тем более, что «Трибуна» приобрела нового сотрудника, отличнейшего знатока России, который по всему своему мировоззрению стоял гораздо ближе не только к Дана, но — что имело решающее значение — также к Грили. По сравнению с Дана этот сотрудник имел то преимущество, что был личным другом Грили, а по сравнению с Марксом — то, что жил в Нью-Йорке и, начиная с 1854 г., состоял постоянным членом редакционного штаба.

V

То был «пресловутый», как однажды назвал его в своих «Парижских письмах» Г. Гейне, граф Адам Гуровский, в свое время действительно очень известный публицист, первый глашатай русского панславизма в Европе [1]).

Видный представитель польской аристократии, он с ранней молодости принимал участие в революционном движении. От 1820 до 1825 года он учился в берлинском и других германских университетах и был одним из наиболее активных участников восстания 1830—1831 годов; посланный революционным правительством в Париж для переговоров с республиканцами, он остался там, когда смертный приговор сделал для него невозможным возвращение в Польшу.

Через несколько лет он порвал с польскою эмиграциею. Вначале он находился в близких сношениях с сенсимонистами, потом

[1]) Ныне совершенно забытый, он в политической литературе мимоходом упоминается в связи с восстанием 1831 года. О судьбе его после его ренегатства, то-есть начиная с тридцатых годов, мы ничего не находим, даже в польских сочинениях, специально посвященных польской эмиграции. А, между тем, никто не сделал больше этого польского ренегата для пропаганды в Западной Европе истинно-русского, царистского панславизма, в противоположность демократическому панславизму Бакунина или Герцена.

был сторонником Фурье, с которым был также лично хорошо знаком. Но уже в 1833 году в его голове зарождается новый план, и он делает попытку вступить в сношения с Паскевичем, наместником русской Польши. Он приглашает его последовать примеру Мегмета-Али, освободившего Египет от турецкого ига, и стать во главе польского народа. Само собою разумеется, что из этого плана ничего не вышло. Но Паскевич продолжал сношения со своим парижским поклонником. В 1835 году Гуровский опубликовал книгу «La vérité sur la Russie» («Правда о России»). Основные ее мысли: полный отказ от всяких революционных планов; признание того, что вся вина за последнее восстание ложится на самих поляков, и убеждение, что Польше нечего ожидать от западных держав и что для нее гораздо выгоднее полное примирение с Россией; далее — апология русского племени, как единственного славянского народа, достаточно великого и сильного, чтобы союз с ним обеспечил не только полякам, но и всем другим славянским племенам спасение от гибели, которая в противном случае неотвратима.— Эта книга побудила Николая отменить смертный приговор. Еще некоторое время Гуровский остается за границей, занимаясь составлением различных записок для русского правительства. Затем он возвращается в Россию, где поступает на государственную службу, сперва в собственную его величества канцелярию, впоследствии — в министерство народного просвещения. Сделавшись горячим почитателем русского языка и православной веры, он принял деятельное участие во всех мероприятиях, направленных к расширению преподавания на русском языке в Польше, как и во всех мероприятиях против католического духовенства [1]). В 1841 году он опубликовал новую книгу «La civilisation et la Russie», первый манифест официального панславизма, появившийся в Западной Европе; в своих «Pensées sur l'avenir des Polonais» («Мысли о будущем поляков») он доказывает необходимость уничтожить обособленное положение Польши, отделенной от всей остальной России внутреннею русско-польскою таможенною линиею.

Несмотря на то, что Гуровский поддерживал хорошие отноше-

[1]) «Таким образом, революционный демагог превратился в аристократа, гордого своим происхождением, и ненавистника буржуазии; республиканец — в автократа; католик — в защитника православной церкви; поляк — в русского, европеец — в панслависта». Этот отзыв о Туровском мы находим в немецком энциклопедическом словаре Брокгауза. (десятое издание).

ния с вождями так называемой «русской» партии, он был вынужден в 1844 году опять скрыться за границу: о причинах этого он умалчивает. Судя по его ненависти к «немецкой» бюрократии, можно думать, что он слишком сильно вмешался в борьбу и интриги придворных клик и уже не чувствовал себя в Петербурге в полной безопасности. После нового пребывания в Берлине, Гейдельберге и Мюнхене он отправился в Швейцарию, где в течение двух лет занимал в Берником университете кафедру политической экономии. Страшные погромы, инсценированные австрийским правительством в 1846 году в Галиции с целью подавить краковское восстание, укрепили его веру в то, что только в более тесном союзе с Россией Польша может надеяться на лучшее будущее [1]). Незадолго до взрыва февральской революции (в январе 1848 года) он опубликовал во Флоренции на французском языке первый том большого труда о панславизме: в нем он излагает его историю, как и его составные элементы: религиозные, социальные, философские и политические [2]). В философской и религиозной части Гуровский находится под сильным влиянием русских славянофилов, особенно Хомякова; но в обоснование панславизма он вносит свою собственную ноту. В его книге мы впервые находим ясное выражение экономических тенденций панславизма, которые в конце концов сделали из него политическую программу молодой российской промышленной буржуазии.

В отличие от первых славянофилов, настроенных еще крайне идеалистически, и еще более от Бакунина и Герцена, открывших в русской общине всеисцеляющее средство против западно-европейского капитала, Гуровский вполне сознательно видит главную цель в развитии промышленности в России и Польше. Основой нации он считает ее промышленные классы. При этом его декламации против «аргирократии», власти денег, против «финансового феодализма», против паразитической торговли являются лишь отрыжкой его прежних сенсимонистских и фурьеристских увлечений. Единственным здоровым элементом, созидающим новые ценности, являются, по его мнению, представители труда. Россию он так сильно превозносит только потому, что она больше всех других сла-

[1]) «Die letzten Ereignisse in den drei Teilen des alten Polen». München, 1846.

[2]) «Le Panslavismo, son histoire, ses véritables éléments: religieux, sociaux, philosophiques et politiques». Tome I. Florence, 1848.

вянских стран способна развить сильную промышленность. Нужно только, чтобы она, последовательно применяла систему протекционизма. Свободная торговля годится только в качестве крайнего средства для тех стран, которые, подобно Англии, нуждаются в дешевом хлебе; но внешняя торговля никогда не может заменить внутреннего рынка, который играет решающую роль. Россия, подобно Америке, имеет все необходимые условия — многочисленное население и громадную территорию — для осуществления своей промышленной самостоятельности. Кроме того, у нее неограниченные возможности дальнейшего распространения в Азии. Миссия России — нести цивилизацию на Восток. Но предварительно она должна отменить крепостное право и предоставить буржуазным классам право приобретать землю. Дворянство же будет вознаграждено ростом торговли и развитием капиталистического сельского хозяйства. А для Польши, упадок которой Гуровский объясняет недостаточным промышленным развитием и которая не получает никаких выгод от своего присоединения к России, откроются блестящие перспективы, как только отмена таможенной линии обеспечит польским фабрикам сбыт их продуктов на их «естественном рынке» [1]).

Но, если Россия хочет спокойно развиваться, она должна отказаться от всякой агрессивной политики по отношению к Западу и порвать с Священным союзом. Пусть она предоставит своей участи шатающиеся европейские троны, спокойно взирая на революционный пожар в Западной Европе и заботясь только о самой себе. Книга заканчивается резким выпадом против «антирусской» дипломатии многочисленных немецких «фонов», угнетающих славянский гений.

О деятельности Гуровского в годы революции мы не имеем более подробных сведений. Политическая программа России в продолжение этого периода представляла прямую противоположность той, которую он рекомендовал в своей книге. В ноябре 1849 года он навсегда покидает Европу и переселяется в Северную Америку где вскоре натурализуется в качестве гражданина трансатлантической республики.

---

[1]) Известно, что эта отмена, последовавшая только через два года (в 1850 году), действительно явилась одним из главных стимулов развития промышленности в русской Польше.

Его связи с фурьеристами могут объяснять нам, каким образом он сделался сотрудником «Трибуны». В номере от 13 мая 1852 года редакция называет его одним из «наиболее философских и просвещенных умов, которых подарила нам славянская раса». Под псевдонимом «Панславист» и без подписи он печатает в газете большую серию статей «Russia as it is» («Россия какова она есть»); впоследствии они вышли отдельной книгой, под его именем и выдержали несколько изданий.

При усиливавшемся интересе к России Гуровский был для «Трибуны» незаменим. С его помощью она, благодаря русским «разоблачениям» и прекрасной информации из Петербурга, могла побить конкуренцию всех других газет. И действительно, польский граф и «бывший камергер его величества» был превосходно знаком с лицами и скандальной хроникой петербургского высшего света. Он был также достаточно умен для того, чтобы не шокировать республиканских чувств новых сограждан слишком розовым изображением русского деспотизма.

Но Гуровский был для «Трибуны» не только специалистом по части России и Польши. Бывший профессор политической экономии, он писал много и по вопросам историческим, политическим и в особенности экономическим. Его неутомимая пропаганда протекционизма, в которой Россия постоянно служила ему в качестве иллюстрации, доставляла Грили и Дана новое оружие в их борьбе против фритредеров, сторонников рабства. Его влияние в газете еще усилилось после обострения политического положения, вызванного новым натиском рабовладельцев. Таким образом, ему удалось радикально изменить позицию «Трибуны» в восточном вопросе.

Если годом раньше редакция печатала в качестве передовых статей письма Маркса, антирусские, но отнюдь не туркофильские, то сама редакция гораздо более склонялась к мнению другого своего лондонского корреспондента А. Н. К., который во всех своих корреспонденциях отражает туркофильские взгляды Уркарта. Еще в октябре 1853 года «Трибуна» заявляет, что в войне, которую Турция объявила России, все симпатии культурного человечества находятся не на стороне христиан, а на стороне турок. И только в марте 1854 года, когда Англия стала на сторону Турции и объявила России войну. «Трибуна» делает неожиданное открытие, что Турция — рабовладельческое государство, положение которого безна-

дежно; главную вину за это несет не Россия, действующая открыто, хотя и насильственно, но лицемерная Англия, разоряющая Турцию при помощи свободной торговли. В статье «Наше отношение к войне» (5 января 1855 года), представляющей ответ на корреспонденцию долголетнего сотрудника. «Трибуны», фурьериста Гута Догерти, редакция резюмирует свои взгляды в следующих словах: «Мы уже давно объяснили нашим читателям, почему мы считаем сомнительным, чтобы оккупация Турции укрепила могущество России в Европе... Благодаря свободной торговле Турция приведена на край гибели, и, несмотря на это, Франция и Англия посылают свои армии, чтобы сохранить и впредь эту свободную торговлю. Включение Турции в состав Российской империи имело бы своим первым следствием установление истинно цивилизаторской торговой и промышленной политики». Так как редакции приходится полемизировать с фурьеристами, которым Англия и Франция в их войне против России казались защитниками цивилизации, она прибегает к старой фурьеристской терминологии. «Ничто не представляет более яркой иллюстрации порочного круга (circulas vitiosus) и дисгармонии, характеризующих современное состояние цивилизации, чем то обстоятельство, что правительство отвратительнейшего деспотизма, враждебное всякой форме политической свободы, выступает в роли единственного защитника прогресса». Еще яснее выражается редакция через несколько недель («The regeneration of Turkey», 29 января 1855 года): «Протекционизм может спасти страну и развить ее производительные силы независимо от ее формы правления; английская свободная торговля будет всегда держать народ в состоянии приниженности и слабости, несмотря на все политические и религиозные реформы».

В номере от 26 мая 1855 года «Трибуна» защищается от обвинений в руссофильстве. Она забыла все, что сама раньше писала и печатала. Оказывается, что Россия в своей внешней политике гораздо более гуманна, чем Британия. Английская свободная торговля приносит гибель всем, с кем приходит в соприкосновение; Россия же, с тех пор как она восприняла протекционизм, удивительно развила свои промышленные силы, и теперь прогресс ее цивилизации виден всему миру. Самое лучшее для Турции — это быть аннектированной Россиею. С развитием промышленности Турция станет цветущей страной. «Что касается опасности, якобы

угрожающей Европе от расширения России, то мы уже дважды доказывали, что эта опасность химерична. Более того. Поскольку Соединенные штаты вообще имеют во всем этом споре свой собственный интерес, для них важно, чтобы Франция и Англия не получили такой позиции, которая даст им возможность диктовать свою волю всему миру. Нам нужна Россия как противовес этим державам».

5 июня 1855 года в статье «European imbroglio» редакция утверждает, что упрочение России в Константинополе скорее, чем что-либо другое, положит конец системе «дешевого труда» в Англии.

В статье «Раздел Турции» (22 июня 1855 года) редакция, иначе говоря — Гуровский, доказывает, что оккупация Турции Россией желательна в интересах всего человечества. «Это не значит, что русская политическая система непредосудительна. Нет, Россия — деспотическая держава, но в промышленном и торговом отношении она создает единственную прочную основу для свободы» [1]).

Нападки против Англии и Франции становятся с каждым днем все яростнее, а симпатии к России все сильнее [2]). «Трибуну» обвиняли в том, что она служит деспотизму. В статье «Война и свобода» (1 августа 1855 года) она доказывает, что, напротив, победа Наполеона была бы победою реакции. «Что касается тех органов, кото-

[1]) Читатель, знакомый с «Капиталом», легко узнает в этом ходе мыслей цитированные Марксом идеи американского экономиста Кэри, также сотрудника «Трибуны». «Но вот является Кэри и обвиняет Англию, конечно, не без основания, в том, что она стремится превратить все другие страны в простые земледельческие народы, для которых фабрикантом будет Англия. Он утверждает, что Турция была таким образом разорена, ибо землевладельцам и земледельцам не дано было (Англией) возможности укрепить свое собственное положение при помощи естественного союза между плугом и ткацким станком, между молотом и бороною». («The slave trade», стр. 125). По его мнению, даже Уркарт является одним из главных агентов разорения Турции, ибо вел там в английских интересах пропаганду свободной торговли. Интереснее всего то, что Кэри, усердный холоп России, хочет, при помощи протекционизма, остановить тот процесс разделения, который он на самом деле ускоряет». («Капитал», т. I, стр. 678). Пример Кэри показывает, что холопское отношение «Трибуны» к России было тесно связано с ее пристрастием к протекционизму.

[2]) Летом 1855 г., «Трибуна» беспрестанно конфискуется в Париже, а Грили, посетивший тогда Англию и Францию, был немедленно в Париже арестован и выслан.

рые порицают наши «русские симпатии», «защиту России» и т. д. и сплетничают о том, будто в нашей газете пишут или пользуются влиянием русские или агенты России, то мы считаем излишним отвечать им».

И, действительно, позиция «Трибуны» объясняется не только влиянием Гуровского, хотя нет сомнения, что он вместе с Грили и Кэри создал для нее главную аргументацию [1]). Развитие внутренних партийных отношений в Соединенных штатах сделало «демократов», защитников рабства и свободной торговли, врагами новой «либеральной» России. Кроме того, официальная Франция и фритредерская Англия не скрывали своих симпатий к южным штатам. Эти противоречия определили внешнюю политику новообразовавшейся в 1854 году республиканской партии. Грядущая гражданская война уже бросила наперед свою тень, и «Трибуна» могла впоследствии лишь поздравить себя с тем, что она так рано выступила против будущих врагов. И в своей программе — отмена рабства, как конечная цель, а протекционизм — движение к этой цели — она сохранила в своем роде «принципиальность» и «последовательность».

Несмотря на все старания редакции держать в секрете сотрудничество Гуровского, в литературных кругах Нью-Норка уже в 1855 году было известно, что он один из руководящих редакторов. Известный русский эмигрант И. Головин, посетивший тогда Северную Америку и тоже сотрудничавший в «Трибуне», пишет в своих путевых очерках об Америке следующее: «Трибуна» Грили — утопическая газета, но Дана один из наиболее ученых и любезных американцев, а граф Гуровский венчает триумвират («Stars and Stripes or American impressions», London. 1856, p. 28).

Все это было Марксу неизвестно, но, как ни плохо следил он за «Трибуною», статьи о России немедленно обратили на себя его внимание. Они сейчас же возбудили в нем подозрение, что их автор — русский. Так, 7 сентября 1853 года он пишет Энгельсу:

[1]) Его статьи о крымской войне были изданы также отдельно — под заглавием «The turkish question», 1854, и «A year of the war», New-York, 1855 г. Об Австрии он пишет: «Габсбурги — это несчастный случай в истории, а Австрия — вампир, тяготеющий над нею. Она не представляет никакого великого идеала, принципа или элемента, ни определенной расы. Ни гармонического единства различных национальностей. Все в ней есть аномалия» (стр. 106). Напротив. «Россия не может погибнуть. На ее стороне гений истории, будущность расы». (Стр. 102).

«Эти жалкие русские как в «Трибуне», так и в «Лондон Адвертайзер» (хотя различные лица и в различной форме) оседлали теперь своего любимого конька, что русский народ глубоко демократичен, а официальная Россия (царь и бюрократия) и дворянство — это только немцы. Поэтому надо бороться с Германией в России, а не с Россией в Германии. Ты знаешь Россию лучше, чем я, и, если найдешь время, чтобы выступить против этой нелепости (они ючь-в-ючь похожи на наших тевтонских ослов, которые сваливают вину за деспотизм с своей головы на голову французов, как будто отставшие рабы не нуждаются в более цивилизованных рабах для того, чтобы самим стать цивилизованными), ты меня очень обяжешь. Разумеется, в «Трибуне».

Энгельс, напротив, полагал, что автор — немец из Восточной Пруссии или наполовину поляк; у этого молодчика, видимо, много материала, поэтому надо быть осторожным, но у него достаточно слабых мест» [1]). Он обещал написать статью, но от этого намерения его отвлекла необходимость продолжать статьи о военных событиях. Он и Маркс удовольствовались тем, что в своих статьях продолжали свои нападки на Россию. Только в конце 1854 года Энгельс возвращается к своему прежнему намерению и собирается написать брошюру о «Германстве и славянстве», которая должна появиться в Германии как ответ на памфлет Бруно Бауэра «Россия и германство». Но еще прежде, чем он выполнил этот план,— трудно было найти издателя,— «Трибуна» выступила в столь руссофильском духе, что Маркс счел безусловно необходимым ответить подробною критикою панславизма в самой газете.

18 марта 1855 года он пишет об этом Энгельсу: Чорт побери эту «Трибуну». Разумеется, теперь совершенно необходимо, чтобы она выступила также в *анти-панславистском* духе. В противном случае придется, пожалуй, порвать с этой газеткой, что было бы фатально».

Энгельс принял это предложение и немедленно принялся за серию статей о панславизме.

Но первую статью из серии «Трибуна» напечатала с такими

[1]) Именно то «обстоятельство, что Гуровский был не русским, а наполовину поляком», дало «Трибуне» возможность на первое разоблачение в одной нью-йоркской газете дать уклончивый ответ, что ни один русский не написал для редакционного отдела газеты ни одной строчки, а равно не состоял и не состоит членом ее редакционного штаба.

«исправлениями», что она совершенно не достигла своей цели. Возможно, что Маркс никогда не видел в глаза этого номера [1]).

В противном случае, он лишь с величайшим изумлением и досадою прочел бы следующую вставку в статью Энгельса:

«Панславизм, как политическая теория, нашел себе наиболее ясное и философское выражение в сочинениях графа Гуровского. Этот ученый и выдающийся публицист видит в России естественный центр тяжести, вокруг которого может развиваться история этой многочисленной и крепкой ветви рода человеческого; но он никогда не рассматривал панславизм как союз против Европы и европейской цивилизации. По его мнению, законным полем развития для стремящихся к экспансии сил славянской энергии является именно Азия. В сравнении с безнадежностью старого континента, этого стоячего болота, Россия является цивилизаторскою силою, соприкосновение с которой может быть только благодетельным. Но маленькие умы, воспринявшие его основную идею, не могли понять эту смелую и заслуживающую внимания формулировку. Панславизм выступает в различных формах, и теперь мы встречаем его в новой форме, которая кажется очень эффектною : в форме угрозы войною. В этой форме он, конечно, делает честь смелости и решительности нового царя Александра II».

Если эти строки вставлены не самим Гуровским, они показывают, как сильно было его влияние на Дана и Грили.

Легко представить себе, какой вид приняли бы дальнейшие статьи Энгельса, если бы редакция «исправляла», их таким образом.

Пока, однако, продолжения статей по различным причинам не появлялось. Мы имеем основание предполагать, что перерыв продолжался много месяцев.

Новый оборот дел на театре военных действий снова оживил «интерес» к войне, которая становилась уже «скучною», и Энгельс был вынужден писать только о военных делах. Кроме писем для «Трибуны», он должен был вскоре принять на себя и другую работу для своего друга.

---

[1]) Даже еще в 1855 году Маркс получал «Трибуну», выходившую ежедневно, нерегулярно и не непосредственно от редакции. 16 мая 1855 года Маркс пишет: «Получил, наконец, от Клуса несколько (номеров) «Трибуны» и пару строчек, в которых он сообщает, что напишет».

В начале июня 1855 года Маркс получил из Америки предложение написать для одного большого американского ежемесячника «Pulnam Review» («Путнэмское обозрение») статью о европейских армиях. Он получил его не прямо из редакции, а опять-таки через посредство Дана.

Следующее место из письма последнего бросает яркий свет на своеобразное положение Маркса в «Трибуне» и на необычайную развязность почтенной редакции: «Издатель «Путнэмского ежемесячника» просит меня заказать у вас для него тщательно обработанный очерк обо всех европейских армиях. Разумеется, он не знает, кто вы такой, и я не вижу необходимости в том, чтобы он знал это. Я ответил ему, что могу получить требуемый очерк *от автора наших военных статей... Не пишите только на тонкой бумаге* [1]), так как я не хочу возбудить в нем подозрение, что статья присылается из Европы».

Эго предложение поставило Маркса в величайшее затруднение. Подобно тому как Дана тщательно хранил тайны редакции, так и Маркс скрывал от редакции, кто был настоящим «автором наших военных статей». Отклонить предложение он не мог, но столь же мало он был в состоянии выполнить эту работу. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как передать это предложение Энгельсу. «Если отсутствие времени не позволит тебе написать ее (статью), ты должен прислать мне материал, и я напишу сам. Конечно, в последнем случае, при моем незнакомстве с предметом, статья выйдет весьма жалкой». Не желая компрометировать «фирму», Энгельс взялся за это дело и поэтому был вынужден прервать свою работу о панславизме [2]).

VI

Приглядевшись ближе к участию Маркса в «Трибуне» в течение 1855 года, мы находим, что в отличие от 1853 и 1854 годов

---

[1]) Курсив оригинала.

[2]) Вместо одного печатного листа, Энгельс прислал два с половиною. Его статья под заглавием «The Armies of Europe» появилась без подписи в «Putnam's Monthly Magazine of American Literature, Science and Art»; август, сентябрь и декабрь 1855. Она излагает организацию и вооружение всех европейских армий. Местами она носит характер крайне сжатой статьи из энциклопедического словаря.

оно менее интенсивно и ограничивается небольшим числом корреспонденций. В продолжение этих лет между ним и его лондонским конкурентом само собою создалось разделение труда, налагавшее на него известные ограничения. Информация в точном смысле этого слова лежала на обязанности А. П. К. Помимо военных событий, 1855 год не представлял почти никаких тем, которые Маркс мог бы разработать, не вступая в конфликт с А. П. К. Только в области военных вопросов ему принадлежала монополия. Вследствие этого большая часть работы для «Трибуны» и, как мы видели выше, для «Путнэмского обозрения» была сделана Энгельсом.

Но это не значит, что в продолжение этого года Маркс занимался только своим экономическим сочинением. Не говоря уже о многонедельном перерыве в работе в марте и апреле,— время болезни и смерти его маленького сына, сильно потрясших его и его жену,— он, начиная с января 1855 года, очень много работал для «Новой одерской газеты» («Neue Oder-Zeitung»). Здесь он имел возможность писать также в качестве настоящего корреспондента, не будучи ограничен в выборе тем, как в «Трибуне». За мизерную плату в 30 талеров в месяц он долгое время доставлял ежемесячно три корреспонденции, в том числе немало наспех набросанных заметок, но, наряду с ними, и серьезные экономические, политические и исторические статьи. Для своих военных корреспонденций он пользовался письмами Энгельса. Начиная с октября 1855 года он пишет значительно меньше, а с декабря его работа для «Новой одерской газеты» совсем прекращается.

Подробное сравнение его немецких корреспонденций со статьями, появившимися в то же время в «Трибуне», приводит к весьма поучительным выводам. Мы видим, что большое число статей, в том числе даже не относящихся к области настоящей корреспонденции, было напечатано только в Новой одерской газете»: другие работы, более значительного размера, как, например, подробная биография Росселя, были в «Трибуне» значительно сокращены, а некоторые искажены до неузнаваемости. Примером последнего рода является статья о панславизме. Одновременно посланная в обе газеты, она появилась в «Новой одерской газете», конечно, гораздо раньше (21 п 24 апреля, а в «Трибуне» — 5 и 7 мая 1855 года), но в какой различной форме! Из статьи о «Германии и панславизме» редакция «Трибуны» сделала две

передовых статьи: в одной — «Борьба в Европе» — половина была написана самим Дана или Гуровским, другая — «Слабость Австрии» — содержит, между прочим, цитированное выше место о Гуровском [1]). То обстоятельство, что и в «Новой одерской газете» продолжения не появлялось, подтверждает наше предположение, что сам Энгельс прервал начатую им серию статей по причинам, изложенным нами выше.

Только после падения Севастополя, в сентябре, и Карса — в ноябре 1855 года, когда военные события уже не давали более интересных тем, Энгельс мог снова приняться за прерванную работу.

«Трибуна» к этому времени сделалась еще более руссофильскою. В обзоре событий за год, напечатанном в номере от 1 января 1856 года, она указывает на огромные выгоды протекционизма, особенно ярко обнаружившиеся на примере России; в номере от 10 января мы находим передовую статью об отмене крепостного права, в которой подчеркиваются различные преимущества деспотизма..

Если Маркс намерен был еще раз сделать попытку выступить против этой «панславистской» позиции «Трибуны» и привлечь редакцию на свою сторону, то на этот раз это было более необходимо, чем когда бы то ни было раньше.

Ввиду этого он сосредоточил свои занятия на изучении истории Швеции и придунайских княжеств. Сами события влекли его в эту новую область.

Национальные надежды, возлагавшиеся шведами на мнимую освободительную войну западных держав с русским деспотизмом, особенно усилились осенью и зимою 1855 года. Но, едва только был окончательно заключен оборонительный союз между западными державами и Швецией в ноябре 1855 года, как уже стало ясно, что бедные шведы так же обмануты, как поляки, которых заставили пожертвовать своей кровью и своим гениальнейшим поэтом, чтобы вознаградить несколькими пустыми обещаниями. На очереди стояло также создание единого румынского государства путем объединения обоих придунайских княжеств. Все эти вопросы,

[1]) Обе статьи включены Эвелингами в их издание. Издатели не заметили, что в статьях хозяйничала чужая рука и что вставленные в них места стоят в резком противоречии со взглядами Маркса и Энгельса. Также не подозревали они, что ряд других статей, приписанных ими Марксу, исходил от Дана или — в большинстве случаев — от Гуровского.

тогда очень злободневные, горячо дебатировались в руссофильском и антирусском духе. Необходимо было поэтому, путем тщательного изучения конкретных отношений и истории этих обеих стран, отдать себе ясный отчет в их положении. И если Маркс в шведском и румынском вопросах одинаково сильно бичевал и бонапартистское лицемерно и разбойничью политику Россия, то Энгельс прекрасно вторил ему, подробно вскрывая исторические корни русского панславизма и его опасность для Европы.

Но этот труд пропал даром. Насколько нам удалось установить, из всех этих работ в «Трибуне» не появилось абсолютно ничего.

Какую большую работу проделал Энгельс, можно видеть из того, что серия состояла из пятнадцати статей. Еще 20 ноября 1855 года Дана писал Марксу: «Мы очень охотно будем принимать от вас еженедельно две статьи, по два фунта за каждую. Это составит 200 фунтов стерлингов, которые вам желательно иметь. Мы предоставляем вам самим решать, будут ли они касаться военных тем или каких-нибудь других». Правда, это письмо было написано еще до окончания военных действий: «Трибуна» естественно не хотела потерять свою руководящую роль в области военной информации.

Как бы то ни было, но Маркс очень скоро мог убедиться в том, что «Трибуна» не напечатала ни его статей о придунайских княжествах, ни статей Энгельса о панславизме. Более того. Даже статьи его о падении Карса не были напечатаны.

А из самом «Трибуны» он мог бы легко усмотреть, что редакция систематически развивала в своих передовых статьях взгляды, прямо противоположные его собственным. «Русское влияние» было очевидным.

Но дело объяснялось еще и другой причиной. Маркс чересчур мало следил за американскими отношениями. Слишком сильно погруженный в европейскую политику, он не замечал, что напряженное внимание, с каким раньше в Соединенных штатах следили за европейскими событиями, упало до нуля. Собственные внутренние события приобрели теперь для янки гораздо больший интерес и, даже с точки зрения сенсации, давали гораздо больше интересных тем, чем европейская политика, снова ставшая «скучною».

Действительно, в 1855—1856 годах между рабовладельцами и

аболиционистами разгорелась в Канзасе борьба, принявшая вскоре форму жесточайшей гражданской войны, с настоящими сражениями и осадами. К этому же времени относилось и первое выступление Джона Броуна, будущего мученика борьбы против рабства. Гнусное покушение на Чарльза Сомнера, резко выступившего в сенате против рабовладельцев [1]), покушение на самого Грили — все это давало обильный материал и заполняло все столбцы «Трибуны». Вскоре окончательно сорганизовалась республиканская партия,— дело, в котором приняла выдающееся участие «Трибуна», т. е. прежде всего Грили, а потом и Дана; они подвизались в роли агитаторов не меньше, чем в роли журналистов, и были очень довольны, что нашли в лице Гуровского интеллигентного сотрудника, которому могли на время своего отсутствия доверить руководство иностранным отделом. Далее последовал созыв республиканского конвента для выставления кандидатов в президенты; затем началась избирательная кампания, по своей страстности и интенсивности превзошедшая все, что имело место в этом отношении до тех пор в истории Соединенных штатов. Можно ли удивляться, что перед лицом всех этих событий «Три буна» и во втором полугодии 1856 года уделяла так мало места европейской политике, которая теперь, после парижского мира, снова потекла по спокойному руслу.

Еще в июне 1856 года Дана, возвратившись из Вашингтона к своей работе, сделал попытку объяснить Марксу положение дел. После перерыва, продолжавшегося почти семь месяцев, он писал:

«Мой дорогой Маркс, я уже давно собирался написать вам, но в этом мне помешали мои профессиональные и политические обязанности, не оставлявшие мне свободного времени. Дело обстоит так. С окончанием войны европейские события, и сами по себе уже достаточно монотонные, совсем вытеснены с нашего горизонта более интересными, важными событиями в нашей собственной стране. Здесь определяем мы теперь ход истории, бог знает, надолго ли, и мы находимся в состоянии такого возбуждения, как никогда еще о самого начала истории американского народа. При таких обстоятельствах я был вынужден уволить различных на-

[1]) См. мою статью «Борьба за свободу речи и против рабства» в сборнике «Международный пролетариат и война». Москва, 1919.

[2]) В продолжение первого полугодия 1855 г. Дана провел не один месяц в Вашингтоне.

ших европейских корреспондентов и сотрудников и теперь должен написать вам, дабы выяснить возможную судьбу ваших статей. В течение последних шести месяцев я мог использовать лишь очень незначительную часть присланных вами статей. Так, например, я не мог напечатать ни одной из четырнадцати или пятнадцати статей о панславизме, так как эта тема не настолько интересна для нашей публики, чтобы мы имели право выкинуть другие вещи и очистить место для нее. Статьи о «Crédit Mobilier» я напечатал, как трактующие очень [1]) важную теперь тему, но в своем письменном столе я имею около двадцати статей, которых мы не могли напечатать.

«Я, конечно, ничего не буду иметь против той или другой статьи, если она не подойдет для нас, ибо при дальности расстояния этого вряд ли можно избежать, но если таких статей будет очень много, то дело нешуточное и убыточное. Я никоим образом не хочу поставить вас в затруднительное положение, а потому предоставляю вам самому решить, как нам лучше всего урегулировать ваше сотрудничество, которое я очень высоко ценю».

Несмотря на дружественный тон письма Дана. Маркс, которым вообще был очень чувствителен во всех вопросах, касавшихся Энгельса,— а ведь его друг, по его просьбе, потратил много недель на работу, которая попала в буквальном смысле слова в редакционную корзину,— был слишком сильно раздражен, чтобы принять всерьез эти уверения, в которых он усматривал только отговорку.

И вскоре после того, когда Дана отослал ему все ненапечатанные статьи (август 1856 года), он, как ему казалось, нашел правильное объяснение:

«От сотрудника «Путнэма» Ольмстеда [2]) и от одного американского туриста, который был у него,— так писал он Энгельсу 30-го октября 1856 года,— я узнал, что некий Гуровский (поляк) при-

---

[1]) О чем Дана молчал и что стало ясно Марксу впоследствии, когда Дана отослал ему обратно ненапечатанные статьи, так это то обстоятельство, что как раз эти статьи попали — вероятно, вследствие отсутствия Дана — непосредственно в руки Гуровского: рукописи носили явные следы сделанных им исправлений.

[2]) Известный американский агроном и техник, сотрудник «Путнэмского обозрения». В «Капитале» Маркс цитирует его рассуждения об отсталости производства, основанного на рабстве (стр. 151).

обрел большое влияние на Дана; они же рассказали мне, что этот господин регулярно получает вознаграждение от русского посольства в Вашингтоне. Этот Туровский защищал панславизм против нас, и в нем — единственная причина того, что твоя статья была отвергнута. Господин Дана, отославши мне обратно мою рукопись о придунайских княжествах, забыл стереть пометку на полях, сделанную по французски тем же Гуровским. А именно, к моим статистическим данным о румынском населении он делает замечание: «Tous ces chiffres sont exagérés pour faire mousser l'idée de nationalité roumaine. Ils sont démentis par les faits, l'histoire, la logique» («Все эти цифры преувеличены с целью муссировать идею румынской национальности. Они опровергнуты фактами, историей и логикой»). Итак, мы имеем ту честь, что наши статьи просматриваются и цензуруются или, вернее, цензуровались непосредственно русским посольством. Дана все же в конце концов раскусил Гуровского».

Когда зимою 1856 года дело пошло еще хуже и «Трибуна» целыми неделями не печатала ни одной статьи Маркса, он объяснял эту перемену в «Трибуне» прямым вмешательством Гуровского, состоявшего на жалованьи у русского посольства, и готовился порвать с «Трибуною».

Мы предоставляем будущему историку российской охранки, внутренней и заграничной, исследовать вопрос о том, действительно ли Туровский работал по поручению русского правительства.

О том, что последнее имело у себя на службе очень талантливых ренегатов, Маркс знал весьма хорошо. Таким, например, оказался его старый знакомый Толстой, с которым он и Энгельс находились в Париже в сороковых годах в дружественных отношениях [1]).

Имеющиеся в нашем распоряжении данные не дают основания полагать, что Гуровский в пятидесятых годах, после своего второго бегства из России, был платным агентом русского правительства.

Его позиция в «Трибуне» может быть объяснена и без этой гипотезы.

---

[1]) См. мою работу: «К. Маркс и русские люди сороковых годов». Помещена во втором томе «Очерков по истории марксизма».

Ничего удивительного не было и в том, что после смерти Николая он помирился с новым «либеральным» правительством Александра II. Он мог это сделать вполне искренно, легче, чем многие другие, которые никогда не были ренегатами.

Вскоре Маркс убедился, что Дана не «раскусил Гуровского». Действительное положение дел в редакции оставалось ему неизвестным, несмотря на разоблачения Ольмстеда и его попутчика. Если Гуровский, помимо своих неоспоримых достоинств, имел, кроме того, еще в составе редакции верного друга и покровителя, то это был скорее диктатор «Трибуны» Грили, а не Дана. [1]). Но и последний очень ценил Туровского как сотрудника. Когда Дана в 1857 году вместе с Грили начал издавать большую американскую энциклопедию, Гуровский сделался одним из ее главных сотрудников, наряду с Марксом, как он вместе с ним же, вернее — с Энгельсом, сотрудничал в журнале «Путнэма», ведя там свою руссофильскую пропаганду столь же ревностно, как в «Трибуне». Его имя в американской литературе становилось все более известным, особенно после появления его книги «Америка и Европа». Более того. Его положение в «Трибуне» оказалось гораздо более прочным, чем положение самого Дана. Поступив при новом республиканском правительстве на государственную службу, он продолжал свое сотрудничество в «Трибуне»; когда он умер от тифа, 4 мая 1866 года, Грили посвятил ему очень тепло написанный некролог [2]).

---

[1]) В 1858—1859 гг. в московском журнале «Вестник Промышленности» появилось несколько писем Гуровского об Америке. Одно из них посвящено периодической печати в Нью-Йорке. О Грили он отзывается крайне восторженно; это не мешает ему сделать выпад против Мак-Эльрата и заметить, что коммерческий дух, отличающий все американские газеты, сильнее всего развит в «Трибуне», которая хуже всех оплачивает своих сотрудников и редакторов.

[2])«Человек глубокой и разносторонней учености, страстный политик, который больше всего любил человечество и справедливость и с яростною ненавистью боролся против всякого угнетения и лжи, он перенес в своей жизни много крупных несчастий, но никогда не могли они сломить его духа и омрачить нежность его характера, который, несмотря на свою революционную оболочку, был женственно-мягким и любвеобильным». Другие отзывы о нем, относящиеся к американскому периоду его жизни, носят такой же характер. Это доказывает, без сомнения, что Гуровский не принадлежал к обыкновенному типу продажных агентов. Вообще ему было совершенно чуждо вероломство ренегатов. В истории революционной эмиграции встречаются и другие примеры таких «психологических загадок». И не только в истории польской или русской эмиграции, как лучше всего показывает пример Бухера, у которого было что-то общее с Гуровским.

Кризис в отношениях Маркса к «Трибуне» достиг своего апогея зимою 1856—1857 годов. Разрыв казался неизбежным. И только случайность привела к тому, что немедленно после этого для Маркса наступил период такого же интенсивного сотрудничества в «Трибуне», как и в 1852—1854 годах. Роль «спасителя в нужде» сыграли Дана и новый поворот в европейской политике.

К. МАРКС И ВЕНСКАЯ «ПРЕССА»

Уже из писем Лассаля к Марксу, изданных Рингом, был известен тот факт, что в 1859 году старая венская «Пресса» вступила через посредство Лассаля в переговоры с Марксом с целью привлечь последнего в качестве иностранного корреспондента. Эта попытка, однако, потерпела крушение по той причине, что, как утверждает Меринг, на основании одного письма тогдашнего редактора «Прессы» Макса Фридлендера, «Пресса» поставила условия, которые для Маркса были неприемлемы и в которых Меринг усматривает «отвратительную эксплоатацию и кичливость» [1]).

Мы не имеем охоты брать старую «Прессу» под свою защиту. Настоящий издатель «Прессы», Август Цанг, вел свое газетное дело на основе тех же «принципов», как и свою знаменитую булочную в Париже в 1848 году, доставившую ему большое состояние. Шла ли речь о булочках или о газете, для Цанга дело всегда оставалось делом. «Отнюдь не склонный одушевляться идеальными политическими стремлениями, он старался всегда только возможно больше повысить доходность газеты: для своей газеты он считал единственно правильною такую политику, с которою, по его выражению, он больше всего мог бы «делать деньгу». Он открыто заявлял, что *его* идеалом является газета, которая не содержит ни одной неоплаченной строчки, в которой даже английская королева должна была бы публиковать свою тронную речь. Его не совсем не справедливо назвали отцом продажной прессы» [2]).

---

[1]) «Briefe von Ferdinand Lassalle an Karl Marx». Herausgegeben von F. Mehring. Stuttgart. 1902, pp. 214 — 215.

[2]) *L. Salomon,* Geschichte des Zeitungswesens von den ersten Anfängen his zur Wiederaufrichtung des deutschen Reiches. Band III, pp. 643—644. Сравни также: *Julius Flöbel,* Ein Lebenslauf. Stuttgart. 1891, Band II, p. 336. «Господин Цанг, тот самый, который был настолько совестлив, что отослал обратно одной из боровшихся партий взятку в 30 000 гульденов, так как он дал подкупать себя противной стороне на сумму в 50 000 гульденов». Возможно, что это была сплетня, но очень характерная для Цанга.

Отвратительным «эксплоататором» Цанг был и в своей газете. Всегда готовый усиленно расширять техническое оборудование и сбыт газеты, дабы абонент получал его газету к утреннему кофе столь же аккуратно и в таком же свежем виде, как и любимые булочки, он не жалел никаких средств для всяких улучшений в области газетного дела, но он столь же беспощадно экономил на заработной плате и за минимальное вознаграждение эксплоатировал в газете рабочую силу своих рабочих и редакторов.

«Цанг никогда не понимал в политике других интересов, кроме коммерческих. Поощряемый успехом парижской «Прессы», руководимый ловким журналистом и бессовестным бардом парижского мещанства Эмилем де-Жирарденом, Цанг, в отличие от своего образца, вынужден был передать политическое руководство газетою другим людям. В год революции «Пресса» вела горячую борьбу с радикальною журналистикою и сделалась любимым органом умеренной либеральной буржуазии, ратовавшей против всяких «эксцессов». После того как контр-революция победила по всей линии и в Вене объявлено было осадное положение, «Пресса» перекочевала в Брюнн. Когда в 1851 году Цанг получил разрешение опять издавать газету в Вене, все его радикальные конкуренты уже исчезли со сцены. На мрачном фоне политической реакции «Пресса» представляла единственный светоч оппозиции. Умелое отстаивание коммунальных и местных интересов обеспечило «Прессе» симпатии публики. С упадком оппозиционных настроений среди буржуазии, начиная с середины пятидесятых годов, «Пресса» стала радикальнее. И когда в 1856 году Цанг привлек к своей газете двух новых редакторов, сперва Михаэля Этьена, а позднее Макса Фридлендера» [1]), «Пресса»,— по словам официального историка австрийской печати,— быстро заняла первое место во главе либеральной журналистики, как «самая большая газета в Австрии, наиболее значительная по содержанию, влиянию и тиражу» [2]).

Необходимо припомнить, что и в Германии в это время могли процветать только такие либеральные газеты, как, например. «Nalionalzeitung» Цабеля, всегда готовая к самой низкой клевете

---

[1]) «Erinnerung an D-r Friedlunder». Als Manuscript gedruckt. Wien. 1883. Richter H. M. «Die Wiener Presse» в «Wien 1848 bis 1888», B. II, pp. 412—444.

[2]) *S. Winckler,* Die periodische Presse Oesterreichs. Wien. 1875, p. 102.

против представителей пролетарской демократии, или прогрессивная «Berliner Volkszeitung», которая только очень вяло и нерешительно отстаивала, демократические принципы.

Было еще одно обстоятельство, привлекавшее внимание Маркса и его друзей к «Прессе». В лице Макса Фридлендера в ее редакцию вступил не только родственник Лассаля, в то время еще связанный с ним дружбою, но также один из главных редакторов «Neue Oder-Zeitung» («Новой одерской газеты»), которая только в конце 1855 года прекратила свое существование.

Вместе с д-ром Штейном и М. Эльснером, старым другом Вильгельма Вольфа, с именем которого Маркс связал свой «Капитал», Макс Фридлендер перенял «Новую одерскую газету» с целью удержать за демократическою партиею тот единственный орган, который еще сохранял традиции революционного года и играл значительную роль в борьбе с реакцией. Деньги они частью дали из собственных средств, частью достали путем займа. Как заявил Эльснер в качестве ответственного редактора от имени редакции, они сделали все, что было в их силах, для улучшения газеты, приглашения новых сотрудников, в том числе Карла Маркса в Лондоне; также заботились они об улучшении внешнего вида газеты. «Так как мы не имели никаких средств, кроме уже уплаченных, то мы решили ничего не брать для нас самих из кассы, пока не будут обеспечены прежде всего суммы для рабочего персонала, на арендную плату, за необходимые помещения, за корреспонденции и бумагу» [1]).

Но все эти жертвы и усилия пропали даром. Отказ пересылать газету по почте, лишение всех правительственных и судебных объявлений, немилость властей, судебные следствия и приговоры, штемпельный налог, запрещение продавать газету на вокзалах,— всего этого было более чем достаточно, чтобы нанести «Новой одерской газете» смертельный удар.

Маркс сотрудничал в «Новой одерской газете» и с перерывом в апреле посылал еженедельно две, а очень часто три корреспонденции [2]).

При описанных условиях оплата была далеко не блестящей

---

[1]) «Neue Oder-Zeitung», Breslau, 31, Dezember 1885. Letzte Nummer.

[2]) K. Marx, Eine Massenaction im Jahre 1855. Mit Vorbemerkung von Riasanoff. «Neue Zeit», XXXI. B. 1, pp. 6—16.

Новая редакция не могла платить ему более 30 талеров в месяц [1]). Но зато она не чинила ему никаких других затруднений, и Маркс мог невозбранно подвергать беспощадной критике как хозяйничанье Бонапарта во Франции, так и мнимо-либеральную политику Пальмерстона в Англии.

Разумеется. Марксу была хорошо известна та роль, которую в редакции «Новой одерской газеты» играл Макс Фридлендер. Возможно, что и тогда Маркс получил приглашение сотрудничать через посредство Лассаля. Так, Лассаль писал Марксу 7 января 1855 года: «О моем родственнике (т. е. Фридлендере) я ничего не слыхал с тех пор, как написал тебе последнее письмо. Но недавно я нашел в «Новой одерской газете» корреспонденцию из Лондона, которая и по стилю и по построению должна исходить во всяком случае от тебя. И потому я заключаю, что все в порядке» [2]).

К сожалению, не все письма Фридлендера к Марксу сохранились. Из писем Лассаля к Марксу видно, что сделанная в 1859 году попытка привлечь его в качестве иностранного корреспондента для «Прессы» не была первою. Так, в письмах 1858 года мы находим указания, дающие возможность заключить, что Фридлендер уже обращался однажды к Лассалю по поводу Маркса. 9 марта 1858 года Лассаль пишет: «Моему родственнику я на-днях сообщу твое предложение», и 26 марта он сообщает Марксу: «От моего родственника я надеюсь скоро получить ответ».

Некоторый свет на этот вопрос бросает переписка Маркса с Энгельсом. В середине декабря Маркс получил от Лассаля письмо, к которому приложено было и письмо от Фридлендера [3]). Маркс отослал оба письма Энгельсу и написал ему (22 декабря 1857 года):

«Фридлендеру я ответил через Лассаля, что я настроен «антифранцузским образом», но не менее того «антианглийским образом», и менее всего могу писать для «лорда Пам» [4]). Таким об-

---

[1]) Из письма Эльснера к Марксу от 4 сентября 1855 гола.

[2]) «Briefe von Lassalle an Marx», p. 94

[3]) Оба письма Лассаля и Фридлендера до сих пор в литературном наследстве Маркса и Энгельса не найдены.

[4]) Пальмерстон. Вероятно, Фридлендер, которому отношение Маркса к Пальмерстону было хорошо памятно по «Новой одерской газете», ставил некоторые условия, неприемлемые для Маркса.

разом, я это дело отклонил». Он прибавил, что согласился бы сотрудничать в том случае, если бы от него требовалась только статья о состоянии рынка. «О политике в данном случае не может быть и речи».

Дело, следовательно, кончилось ничем.

В марте 1859 года Фридлендер возобновил свои попытки, и опять через Лассаля Марксу предлагалось посылать из Лондона телеграммы.

«Мой родственник опять возвращается к своему предложению, чтобы ты посылал ему письма для «Прессы». «Пресса» имеет теперь 24 000 абонентов и представляет, по его словам, самый демократический орган в Австрии, который выступает во всех отношениях решительно враждебно против правительства и именно этому обязан своим большим успехом. В материальном отношении эта газета не останавливается *ни перед какими* издержками и потому охотно могла бы использовать для себя самые выдающиеся духовные силы. Содержанием твоих писем могло бы быть: бог и мир, т. е. *все, что угодно*. Сегодня одно, а завтра другое. Все, что тебе кажется интересным. Твой гонорар, составит всегда 24 франка за письмо независимо от его размеров. Что касается числа писем, то, если тебе угодно, ты можешь писать *ежедневно* и можешь ничего не писать *целый месяц*. Условия, следовательно, в высшей степени выгодные».

Одновременно Фридлендер пригласил Лассаля писать корреспонденции из Берлина. Возможность подвергать прусское хозяйство, министерство палаты «какой угодно резкой и уничтожающей критике,— ибо по отношению к Пруссии «Пресса» в Австрии могла быть весьма решительною,— тем более привлекала Лассаля, что в Берлине и во всей Пруссии нельзя было найти ни одной газеты, редакция которой дала бы ему подобное разрешение. Для Лассаля было только вопросом, может ли он, в отличие от Маркса, который мог «сообщать из Лондона мною фактического и информационного материала», вести принципиальную политику в такой газете, которая в общем не соответствует его позиции. И он просит Маркса, одно время следившего за «Прессою», сообщить ему, принимает ли он предложение Фридлендера для себя и что он советует ему, Лассалю.

Маркс предложение принял. 8 апреля 1859 года Лассаль ему сообщает:

«В связи с твоим последним письмом относительно «Прессы» я только два дня тому назад мог написать своему родственнику... Ответ ты получишь непосредственно от него».

Этот ответ находится в следующем письме Фридлендера к Марксу:

«Глубокоуважаемый господин !

«После того как Ф. Л. из Берлина сообщил мне о вашем согласии посылать для «Прессы» письма и телеграммы, я обращаюсь теперь опять непосредственно к вам, чтобы условиться о деле. Что касается прежде всего ваших корреспонденций, то мне приходится только обратить ваше внимание на очень строгие условия, налагаемые на нас здешнею обстановкою. «Пресса» — либеральная газета, но лишь постольку, поскольку это дозволено в Австрии. Этого вы не должны забывать ни на одну минуту, и я полагаю, что чтение нашей газеты, аккуратно получаемой вами, согласно вашему желанию, даст вам наилучший масштаб на этот счет, как и на счет тона, размеров и т. п. писем. Так как новостей вы *писать не будете,* то мы. в виде общего правила, ограничимся одним письмом от вас еженедельно, что не исключает более частых писем по особенным поводам, по вашему усмотрению. Гонорар установлен для вас, в виде исключения, в сумме *двадцать* франков за письмо».

Далее следуют чисто технические указания на способ отсылки телеграмм — выбор линий, категории известий, подлежащих отправке телеграфным путем, время отсылки и т. п. В качестве гонорара за телеграмму редакция предлагает десять франков и, разумеется, возмещение телеграфных расходов. «Как только вы сообщите нам о принятии этих условий,— заканчивает Фридлендер,— вы можете получить, по вашему желанию, аванс. Пока же просим вас незамедлительно начать вашу работу».

Но дело еще затормозилось. Маркс принял предложенные ему условия, но хотел прежде всего урегулировать иным образом возмещение телеграфных расходов. «Фридлендер писал мне 12 апреля, но забыл главное, а именно — указать банкирскую контору. Вместо этого он говорил об «авансе». Последнее нелепость. Еженедельно требуются на телеграммы 8—10, а часто 15 фунтов стерлингов... До сих пор никакого ответа, хотя он аккуратно присылает мне венскую «Прессу» (в настоящее время она имеет, по ее собствен-

ным словам, 26 000 подписчиков). Вчера я написал Лассалю громовое письмо. Возможно однако, что замедление объясняется трудностью для Фридлендера упорядочить при теперешних треволнениях денежные дела в Вене» [1]).

Но ответа все еще не приходило. Вместо него Маркс получил от Лассаля письмо, в котором он сообщал ему о своем разрыве с Фридлендером и своем решении ни при каких условиях не вступать с ним больше в литературные сношения. Произошло это не из-за Маркса. Ибо, по словам самого Лассаля, он еще до получения письма Маркса написал Фридлендеру, что «ввиду продолжительного неполучения «Прессы» он вынужден считать всякие сношения с нею прекращенными».

Трудно определенно сказать, по какой собственно причине Лассаль порвал с Фридлендером. Невероятно, чтобы он сделал это из-за неполучения «Прессы». И Фридлендер не был таким человеком, который безо всякого основания, и после того, как он, по словам Лассаля в его прежних письмах, так старался привлечь последнего к сотрудничеству, изменил бы свои намерения, и притом столь не «деловым» образом.

Марксу все это дело казалось тем более загадочным, что, как видно из его письма к Энгельсу, он был убежден в том, что Лассаль, еще раньше последовавшего со стороны Маркса согласия, начал посылать корреспонденции в Вену. «Лассаль не знает, что я ежедневно получаю «Прессу», некоторые выдержки из которой при сем тебе посылаю, и по этой газете узнал, что до своего письма он продолжал печатать в ней свои корреспонденции». Насчет «Прессы» он был также другого мнения. «Что касается «тенденции», за которую он,— как он пишет,— ругал Фридлендера, то это нелепость. Для австрийской газеты в данных условиях венская «Пресса» редактируется умело и прилично...»

И он требует, чтобы Лассаль, начавший все дело, объяснил ему загадочное молчание Вены.

Объяснения он не получил. Фридлендер более не отвечал. И в позднейшем письме к Энгельсу (от 1 июня 1859 года) Маркс следующим образом разрешает эту загадку: «Лассаль, естественно, поучал Фридлендера насчет тенденции не только от своего имени, но и от моего. Фридлендер полагает, что я составляю с Лассалем

[1]) Из письма к Энгельсу от 6 мая 1859 года.

единое тело и единую душу. Поэтому, естественно, он считает невозможным, чтобы я мог в теперешних условиях писать для венской газеты. Венская «Пресса» ежедневно содержит скрытую полемику против берлинцев. Так, например, в передовой от 29-го мая читаем: «Но можно ли требовать чувства национальной чести от тех спекулятивных голов, которые в Наполеоне III усматривают карающую руку истории и в его мнимой гениальности, якобы освобождающей народы, видят с удовольствием отражение беспощадности, педантизма и бесплодности своего собственного категоризирующего рассудка». Уже та настойчивость, с которою Лассаль убеждал меня не писать более его родственнику, доказывает, что этот малый действовал *также от моего имени»*.

В настоящее время трудно установить, был ли Маркс прав в этих своих предположениях Это могло бы быть установлено только на основании переписки между Лассалем и Фридлендером. Мы лично полагаем, что Маркс не ошибался, усматривая авторство Лассаля в некоторых берлинских корреспонденциях «Прессы» [1]). И Маркс был вполне прав, отказываясь объяснять неожиданное решение Лассаля «бросить к чорту Фридлендера упорным нежеланием последнего присылать ему «Прессу». На время от марта 1859 г., когда Лассаль приглашал Маркса и сам выразил согласие писать для «Прессы», до середины мая 1859 года, когда он отзывался о своем родственнике в таких выражениях, которые Меринг опускает, как непечатные, приходится начало *итальянской войны*. И хотя Лассаль не был сторонником Велико-Пруссии, но для великогерманца Фридлендера программа Лассаля в его сочинении «Итальянская война и задача Пруссии» была столь же неприемлема,— хотя и по другим основаниям,— как и для Маркса и Энгельса. Следовательно, если Фридлендер полагал, что Маркс разделяет взгляды Лассаля и что Лассаль, как он сам пишет,

[1]) К таковым, вероятно, принадлежит: «Die Presse», № 62. Donnerstag den 17 März 1859; «Mobilmachung im Herrenhause»; № 72, Mittwoch den 30 März «Der Kongress, die Revolte von ihm, die Revolution nach ihm, Herrn Bismark nachgelassene Werke»; № 79, Donnerstag den 7 April 1859: «Geheime Goselschaften in Preussen»; № 82, Sonntag den 10 April 1859; «Die Universitäten in der Mause, Schönlein und seine Nachfolger»; № 88, Sonntag den 17 April 1859; «Der Krieg im Innern»; № 89, Dienstag den 19 April 1859; «Der Patriotismus der «Kreuzzeitung»; № 93, Sonnabend den 23 April: «Die preussische Manifestation»; № 94, Sonntag den 24 April; «Das preussische Ehegesetz». Некоторые из перечисленных статей написаны, несомненно, Лассалем.

«ругал его также от имени Маркса», то он мог думать, что при изменившихся условиях сношения с австрийскою газетою невозможны и для Маркса.

Как бы то ни было, но и вторая попытка привлечь Маркса в качестве корреспондента «Прессы» не удалась, как и первая.

Но она не была последнею.

В конце 1860 года Маркс напечатал свой блестящий памфлет против «господина Фогта», в котором он в рамках уничтожающей критики бонапартистско-австрийской политики бывшего имперского регента развивал свои взгляды на «германский вопрос» и проводил резкую демаркационную линию между революционною пролетарскою и буржуазною демократией. В начале 1861 года Маркс поехал в Голландию, а оттуда в Германию, где, между прочим, задержался на более долгое время в Берлине, чтобы обсудить с Лассалем вопрос об основании в Берлине большой газеты. При этом случае он познакомился с асессором Юлиусом Фридлендером, братом Макса Фридлендера. Убедился ли Маркс в том, что его прежние предположения были правильны, или нет, но во всяком случае он заявил, что при известных условиях готов быть корреспондентом «Прессы». Юлиус Фридлендер написал своему брату, и в начале июня Маркс получил от него подробное письмо:

«Я сам в своем письме в Вену ясно указал, что Вы никоим образом не позволите предписывать Вам условия насчет Ваших корреспонденций и *лишь одно,* разумеется, будете принимать во внимание, а именно, что Ваши статьи, самостоятельно трактующие об *Англии и американских неурядицах,* предназначаются для Австрии. Надеюсь, уважаемый господин доктор, что таким образом я действовал вполне в духе ваших намерений, и с уверенностью полагаю, что завязываемые теперь вновь сношения окажутся длительными и, в частности, приятными для Вас. При этом позволю себе заметить, что в настоящее время печать пользуется в Австрии, по меньшей мере, такою же свободою, как у нас, и что политический интерес носит гораздо более живой и широкий характер, так что и в этом направлении Ваша работа для венской «Прессы» (30 000 подписчиков) должна быть более благодарной» [1]).

В приложенном письме Макс Фридлендер сообщал Юлиусу, что он гарантирует Марксу «блестящий гонорар», а именно —

[1]) Письмо Юлиуса Фридлендера Марксу от 7 июня 1861 года.

1 фунт стерлингов за статью и 10 шиллингов за письмо. Маркс приглашается писать немедленно, по его усмотрению.

Но дело не пошло так быстро. Новое знакомство с «Прессой» возбудило у Маркса новые сомнения. То было время, когда во Франции требовали «такой же свободы, как в Австрии». По сравнению с октябрьским дипломом, февральские законы казались не очень избалованным австрийцам вполне конституционными. И «Пресса», редакторы которой были убежденными централистами, тоже разделяла энтузиазм, с которым встречено было министерство Шмерлинга.

Но этот энтузиазм продолжатся не очень долго. Венской буржуазии и прессе пришлось скоро дорого заплатить за все прелести мнимого конституционализма Шмерлинга. В особенности отношение «отца конституции» к печати было менее всего либеральным. Полицейские меры и придирки сыпались как из рога изобилия.

И «Пресса» таким образом стала опять оппозиционною [1]).

28 сентября 1861 года Маркс, которому позиция Шмерлинга в германском вопросе так же мало приходилась по вкусу, как и его мнимый конституционализм, пишет своему другу Энгельсу в Манчестере:

«Венская «Пресса», как я вижу из вчерашней корреспонденции «Таймса», выступила, наконец, против Шмерлинга, и теперь, быть может, окажется возможным вступить в сношения с этой газетою».

После этого Маркс письмом запросил у Фридлендера более точных сведений. И в позднейшем письме (от 30 октября 1861 года) он сообщает Энгельсу результат. Приблизительно три недели тому назад я получил ответ, который политически был для меня вполне достаточен. (За истекшее время газета видоизменила свою позицию по отношению к Шмерлингу.) Одновременно Фридлендер (из-за своего хозяина Цанга) потребовал у меня двух пробных статей. Я доставил их и вчера утром получил от-

[1]) Ср. «Oesterreichs Politik in Deutschland» («Die Presse», 3 August 1861) против «Donau-Zeitung» и передовую (4 августа 1866 г.) о проекте закона о печати Шмерлинга. Ю. Фребель, об'ясняющий эту перемену позиции личными интересами Цанга, приписывает последнему следующие слова: «Я посадил его (Шмерлинга) на министерское кресло, я же опять его сброшу». Ibid., pp. 335—336. Не надо забывать, что Фребель находился на службе у Шмерлинга.

вет: 1) что статьи появились на первой странице газеты с надлежащею рекламою, 2) что с ноября я состою сотрудником с гонораром в 1 фунт стерлингов за статью и 10 шиллингов за корреспонденцию».

Так начал Маркс корреспондировать в «Прессу», но на этот раз при дурных предзнаменованиях. Первое письмо Фридлендера, упомянутое Марксом, в бумагах его не найдено, но уже один тот факт, что теперь Фридлендер, ссылаясь на своего патрона, требует от Маркса пробных статей, доказывает, что в это время он уже не чувствовал себя в «Прессе» так прочно, как раньше. Возможно, что уже намечался позднейший разрыв его с ославленным «газетным пашою» [1]).

Эта неуверенность заметна и во втором его письме. Если раньше он говорил только о «строгих условиях», налагаемых на «Прессу» политическою обстановкою, то теперь он выдвигает другие «строгие условия», имеющие совсем иной характер. «Пресса», которая была раньше «демократическою» и боролась за весь «народ», сделала, наконец, выбор между различными классами этого «народа» и стала органом буржуазии sans phrase.

«Из сегодняшнего письма Вы узнаете,— пишет Фридлендер 25 октября 1861 года,— что мы напечатали Ваше письмо без всяких изменений, на первой странице, и со специальною рекламою в пользу автора.

Не могу, однако, скрыть от Вас, что принятие статей такого размера возможно для нас только в виде исключения. Насчет иностранных дел мы должны быть очень скупы, и в среднем Вы должны ограничить свои письма самое большее четырьмя страницами Вашей рукописи. Полагаю, что Вам легко будет это устроить.

Кроме американских, мы желаем получить от Вас гораздо больше английские отчеты в привычной Вам форме, как Вы посылали в свое время таковые в «Одерскую газету». Не пошлете ли Вы нам также время от времени кое-что для фельетона? Я нарочно воздерживаюсь от всяких указаний насчет Вашего выбора и думаю, что на практике мы лучше всего научимся понимать друг друга.

---

[1]) Ср. *L. v. Przibram,* «Erinnerungen eines alten Oesterreichers». Stuttgart. 1910, SS. 106, 107, 123.

Но Вы никогда не должны забывать того, что Вы пишете для австрийской газеты, хотя вполне независимой, но не имеющей никакой опоры среди буржуазии; если не упускать этого из вида, то либерализм имеет у нас очень широкие рамки. Разумеется, наше австрийское подданство позволяет нам вполне решительно выступать против Наполеона III, а также не слишком церемониться с Пруссией и Россией. В иностранной политике антибонапартизм составляет наш основной характер».

Это письмо, несмотря на выгодные гонорарные условия, отнюдь не было многообещающим. Свою деятельность корреспондента Маркс открыл блестящею статьею об американской гражданской войне.

Он послал также письмо об английской хлопчатобумажной промышленности, которая начинала уже терпеть от сократившегося подвоза хлопка,— более терпели рабочие, чем предприниматели.

Но вскоре он заметил, что часть его статей «Прессою», не печатается. Сперва он думал, что вина за это лежит на нем самом. «Конечно, я должен еще сперва привыкнуть.— писал он Энгельсу 9 декабря 1861 года.— действовать в пределах границ германского разума». И из газеты он видел, что «Пресса» придает его корреспонденциям большое значение. Но в декабре дело ухудшилось. «Жалкая «Пресса»,— пишет он Энгельсу 27 декабря 1861 года,— печатает едва половину моих статей. Они ослы. Мне любопытно узнать, как они будут платить, и стоит ли мне писать отдельные статьи на предмет «спекуляции» или нет».

Дело скоро объяснилось. В начале января 1862 года Маркс получил следующее письмо:

«Многоуважаемый господин и друг!

«При сем редакция посылает Вам пятнадцать фунтов стерлингов за пятнадцать напечатанных в «Прессе» писем. Из газеты, аккуратно посылаемой Вам, Вы увидите, что часть Ваших корреспонденций не принята. Это имело место отчасти тогда, когда письма Ваши казались нам неподходящими для нашей публики, но большею частью тогда, когда Вы распространялись о таких материях, которых мы, осаждаемые более интересными для нас темами, не можем дать нашим читателям (например, о мексиканских делах).

«Однако Вы делали в этом отношении промахи только в первое время, и теперь я замечаю, что Вы сами нашли, что именно нам нужно. Я приглашаю Вас продолжать в том же духе и при этом иметь всегда в виду австрийскую буржуазную публику, а равно считаться с размерами нашей газеты. Не согласитесь ли Вы, быть может, прислать что-нибудь для нашего фельетона? В «Кёльнской, газете» Вы можете прочесть полемику, в которой Л. Бухер разоблачается как наш лондонский корреспондент, что им опровергается.

«С дружеским приветом ваш д-р *Фридлендер*».

Вена, 7 январи 1862 гола.

Можно поверить Фридлендеру, что «статьи Маркса, часто не подходили для читателей «Прессы», но не менее часто они встречали оппозицию и среди самой редакции. В знаменитой истории с «Трентом» [1]), которая, как тогда думали, могла привести к войне между Англией и Северо-американскими штатами, Маркс с самого начала отстаивал тот взгляд, что вся эта история представляет блефф со стороны Пальмерстона, и он оказался прав. Но редакция «Прессы», т. е. Михаэль Этьенн, главный редактор иностранного отдела, всецело шел на буксире господствующих взглядов и очень неохотно предоставил слово лондонскому корреспонденту. Также нельзя было требовать от тогдашней редакции «Прессы», чтобы она уже в 1861 году поняла всемирно-историческое значение мексиканского вопроса, который находился в зачаточной форме и еще не сделался «интересным для нас вопросом» [2]).

Надежда Фридлендера, что теперь Маркс сам нашел то, что требуется для газеты, не оправдалась, однако, и впоследствии. Число статей, напечатанных за время от 10 января до 3 марта 1862 года, не превышало шести. Маркс, которому необходимость писать на предмет «спекуляции»,— «независимо от того, удостоит ли любезная редакция напечатать данную статью или нет»,— причиняла потерю времени и досаду, пишет поэтому Энгельсу 16 марта 1862 года:

[1]) Пакетбот «Трент» в котором отправились к Европу эмиссары рабовладельческих штатов, Mason и Slidell, был задержан американским капитаном Уилксом, а оба эмиссара забраны им в плен.

[2]) Из писем Маркса видно, что редакция не напечатала в числе прочих также статью о продвижении русских в Азии.

Я должен написать этим господам из «Прессы», что необходим новый договор. Мне безразлично, что лучших статей они не печатают (хотя я *всегда* пишу так, что они могут печатать). Но с денежной точки зрения недопустимо, что из четырехпяти статей они печатают и оплачивают только одну. Благодаря этому я получаю меньше, чем построчные репортеры».

В это время Маркс писал еще для «Нью-йоркской трибуны». Правда, благодаря американской гражданской войне эта работа в 1861 году была прервана на несколько месяцев. Но он возобновил ее почти одновременно с началом своего сотрудничества в «Прессе». Эта работа, однако, продолжалась недолго. В начале апреля 1862 г. он получил известие, что Дана вышел из редакции «Нью-йоркской трибуны» и что он должен прекратить посылку корреспонденций из Англии [1]). Тем самым Маркс лишился главного источника, своих доходов и, как он сам писал после Кугельману, вынужден был взять на себя множество мелких работ, дабы не очутиться с семьей своей на улице.

При этих изменившихся условиях тем бо̀льшую необходимость представлял новый договор с «Прессою». Вероятно, он написал в таком духе, желая раз навсегда выяснить этот вопрос. В ответ он получил от Фридлендера следующее письмо:

«Уважаемый друг! Гонорар, к сожалению, не слишком большой, будет Вами получен. Надеюсь, что за эту четверть года я смогу прислать Вам больше. Промышленная выставка могла бы дать такую возможность, и я предлагаю Вам написать нам о ней. Правда, мы будем иметь в Лондоне также австрийских корреспондентов, а описать что-нибудь специальное, относящееся к нашему отделению, Вам будет трудно, но мы очень хотели бы получить от Вас общие статьи о выставке. Мы охотнее всего поместили бы их в виде фельетона, чем для Вас все уже сказано. Это, однако, не исключает того, чтобы Вы, если чувствуете себя призванным к тому, написали на эту тему также какую-нибудь передовую статью. Я жду Вашего скорого сообщения о том, можем ли мы рассчитывать на Ваши корреспонденции подобного рода. Каждое такое письмо было бы оплачено суммою в 1 $^1/_2$ фунта стерлингов. Постарайтесь, прошу Вас, отослать Ваше первое

[1]) Письмо Дана к госпоже Маркс от 28 марта 1862 года.

письмо о выставке в день открытии, дабы этим покончить с торжеством открытия. Ожидая скорого Вашего ответа, остаюсь с глубоким уважением

Ваш д-р *Макс Фридлендер*».

Вена. 7 июля 1862 года.

Добрый Фридлендер, вероятно, думал, что его предложение как нельзя более подходит. И к тому же 1 $^{1}/_{2}$ фунта стерлингов за статью!

К сожалению, он не имел ни малейшего представления о лондонских условиях.

Знаменитая международная выставка 1862 года, должна была и в своем торжестве открытия представлять бесстыдное поклонение маммоне. Управление выставки не постеснялось потребовать даже от всех приглашенных гостей сезонного билета ценою в пять гиней. Более того. Даже экспоненты должны были заплатить за сезонный билет, если хотели участвовать в торжестве открытия. Только угроза закрыть киоски заставила управление отказаться от этого требования. И для всех гостей был предписан обязательный парадный костюм, как для придворного бала [1]).

Когда Маркс сообщил Максу Фридлендеру о положении дел, последний видоизменил свое предложение следующим образом:

«Многоуважаемый господин и друг! Предлагая Вам написать несколько статей о выставке, я не имел в виду получить, так сказать, корреспондента, а хотел только получить несколько основанных на личных впечатлениях статей на эту тему, которые, как я полагал, будут превосходно написаны Вашим пером. На стоящие же корреспонденции я должен был оставить для репортеров, выезжающих отсюда. Так обстоит дело и поныне, и потому я приглашаю Вас вторично написать для «Прессы» четыре-шесть статей с гонораром в два фунта за каждую; только в отношении первой статьи я указываю Вам, *что желательна, выражаясь языком журналистов, статья по поводу открытия,* в отношении же остальных статей Вы можете действовать по своему усмотрению. Вообще же я хотел бы во что бы то ни стало сохранить с Вами сношения. Пишите нам дважды в неделю на темы, не совсем чуждые нам, и Вы можете быть уверены,

[1]) *L. Blanc*, Lettres sur l'Angleterre (1862). Paris, 1866, t. II, pp. 21—44.

что ничто не останется ненапечатанным, ибо только избыток материала часто заставляет нас оставлять некоторые Ваши письма неиспользованными. Вероятно, я буду иметь честь видеть Вас в продолжение этого лета. Пока рассчитываю на Вашу статью об открытии в день такового.

С дружеским приветом Ваш д-р *Макс Фридлендер».*

Вена, редакция «Прессы». 22 апреля 1862 года.

Но и в такой форме предложение было для Маркса неприемлемым.

Он не имел никакой охоты написать хотя бы одну, «выражаясь языком журналистов, статью по поводу открытия» и обещал только при случае, между прочим, несколько статей о выставке.

Нам не известно, был ли Фридлендер в Лондоне и имел ли встречу с Марксом. Несмотря на всю его добрую волю, котором нельзя отрицать, статьи Маркса в «Прессе» и в дальнейшем носили только спорадический характер. И Маркс посылал теперь, согласно письму Фридлендера, только одну статью в неделю. Его корреспонденции становятся все реже. На их месте все чаще появляются корреспонденции Юлиуса Роденберга, несомненно, гораздо более подходящие для читателей «Прессы», чем богатые содержанием письма Маркса. Новый поход Гарибальди дает ему еще материал для нескольких статей о митингах в честь Гарибальди, происходивших в Англии. И, быть может, специфическому интересу собственника «Прессы» к успехам хлебопечения мы обязаны превосходною статьею о достижениях крупного производства в хлебопекарном деле.

Последнюю статью Маркса, которую мы могли точно установить, представляет письмо «Zur Lage in den Südstaaten» («К положению в южных штатах»), появившееся 4 декабря 1862 года. Маркс порвал окончательно с «Прессою». Его краткое сотрудничество в этой газете было неудачно и иным быть не могло. Давно уже миновало то время, когда вождь пролетарской демократии мог сотрудничать в органе либеральной демократии.

«ИСПОВЕДЬ» КАРЛА МАРКСА

I

«Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй». Таким был Маркс, если верить его принципиальным противникам. Мрачный и угрюмый революционер, черная душа которого знала только ненависть и презрение, изливала только злобу и сарказм, которому чуждо было все «высокое и прекрасное». Не признавая ничего святого, он с каким-то дьявольским наслаждением копался во всех дурных сторонах человеческой души. Зомбарт уверял даже, что Маркс органически не в состоянии был замечать добро в человеческой душе. Маркс страдал, мол, переразвитием рассудочной способности, и это объясняет нам его «бездушие».

Наши экс-марксисты идут еще дальше. Они когда-то так усердно щеголяли, в своей борьбе с «субъективистами» и сентиментальными народниками, объективизмом и антиэтичностью марксизма, что теперь и сами на разные лады повторяют: у Маркса ни сердца, ни «грана этики».

Булгаков, у которого институтское обожание капитализма сменилось семинарским обожествлением иного земного «града», готов даже усомниться, играли ли вообще такие чувства, как любовь, непосредственное сострадание, вообще теплая симпатия к человеческим страданиям, серьезную роль в психике Маркса. Туган-Барановский утверждает, что Маркс по отношению к благородным движениям человеческой души страдал какой-то умственной слепотой. Марксу «было знакомо негодование против зла, но в этом негодовании чувству симпатии к угнетенным почти не было места... Чувство любви к людям было ему мало доступно. Но зато он был чрезвычайно способен к вражде, и вражда «к угнетателям» заменяла в его душе любовь к угнетенным».

Удивительно ли, что при виде такой нравственной аномалии готово затрепетать от ужаса всякое чувствительное сердце?

Мы нисколько не сомневаемся в искренности тех теплых симпатий к человеческим страданиям, которые всегда отличали наших

бывших марксистов. Наоборот, мы убеждены, что любовь к угнетенным давно уже успела вытеснить в их душе всякие следы вражды к угнетателям. И все же нам сдается, что образ Маркса, который они рисуют своим читателям, написан по рецепту суздальских богомазов.

Во всяком случае этот образ не свидетельствует об избытке рассудочной деятельности у его творцов. И если они, по всей вероятности, как и Зомбарт, дошли до него «своим умом», то и тут они оказались не более оригинальными, чем в других областях. Что природа отняла у Маркса сердце и оставила ему взамен только ум, об этом оповестил весь мир еще шестьдесят лет тому назад бравый офицер Техов. В каких-нибудь полтора часа — он виделся с Марксом в Лондоне — он изучил Маркса «насквозь» и пришел к тому же выводу, что и наши серьезные ученые. Если бы Маркс имел столько же сердца, сколько ума, столько же любви, сколько ненависти!» — писал тогда своим друзьям в Швейцарию добрый Техов, у которого, несомненно, было много сердца, но мало ума.

Когда «благородный Фогт напечатал это письмо, чтобы окончательно убить во мнении всех добрых людей такого «изверга рода человеческого», как Маркс, последний, со свойственным ему цинизмом, заметил: «Техов много хлопочет по поводу моего«сердца». Я великодушно отказываюсь следовать за ним в эту область. «Ne parlons pas morale», как выражается парижская гризетка, когда друг ее начинает говорить о политике».

Мы тоже не имеем никакого желания спасать репутацию Маркса по части «сердца». Нет никакого сомнения — да и Маркс сам не отрицал этого,— что не все стороны человеческого сердца были ему одинаково открыты. Il y a fagots et fagots. И всякие бывают люди. А «человеческое сердце и совсем удивительная вещь, особенно когда человек носит его в кошельке». Только тонко чувствующий психолог, прошедший основательный курс австрийской школы в политической экономии, может, выражаясь модным теперь термином, «вчувствоваться» в капиталистическую душу и не проглядеть ни одной из ее хороших сторон. Без психического сродства не обойдешься и в этой области.

Правда и то, что Маркс никогда не апеллирует к «сердцу». Но нужно быть очень добрым человеком, чтобы сделать из этого вывод, что Марке не питал чувства симпатии к угнетенным. Напротив, он сам где-то говорит, что любовь к людям является одним из

источников коммунистического мировоззрения. Но этого мало. Кроме «сердца», которое «сострадает», необходимо еще теоретическое понимание исторического процесса. Маркс поэтому был жестоким противником всякого «прекраснодушия», бараньего социализма, который с такой охотой проповедует мораль волкам.

Правда и то, что Маркс самым бессердечным образом разоблачал всяких акробатов христианской и свободомыслящей любви, которые в ученых и неученых трактатах, проникнутых «жалостью» к угнетенным, но не ведающих гнева на обидящих, рекомендовали пролетариату умеренность и упование на «распределительную справедливость» капиталистов.

Трудно отрицать также, что в своей страстной борьбе за интересы рабочего класса Маркс нередко наносил «свирепые» удары не только своим прямым противникам, но и половинчатым союзникам. Но таким он был и в то время, когда был еще буржуазным демократом и ужасал своих товарищей в Берлине своим неистовым задором. Таким описывает его, между прочим, и автор сатирической поэмы, посвященной Бруно Бауэру и другим членам берлинского кружка «свободных»:

Кто мчится вслед за ним, как ураган степной?
То Трира черный сын с неистовой душой.
Он не идет, — бежит, нет, катится лавиной.
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед.
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, борец неутомимый
Все время мечется, как бесом одержимый! [1]).

При таком темпераменте трудно было всегда и во всем соблюдать меру и заботиться о том, чтобы удар, направленный в противника, не был слишком силен. И таким «неистовым Карлом» — вспомним нашего «неистового Виссариона» — Маркс оставался до конца дней своих.

Правда и то, что Маркс не всякому открывал свое сердце. Но если старый Сирах не совсем не прав, когда утверждает, что

[1]) «Die frech bedräute, jedoch wunderbar befreite Bibel»... Zürich, 1842. Автором этой сатиры был Энгельс. К этому мнению склоняется и автор известной биографии Швейцера, *Г. Майер,* в своей новой работе «Die Anfänge des politischen Radikalismus im vormärzlichen Preussen». «Zeitschrift für Politik», 1913.

только глупцы держат свое сердце нараспашку, то нужно быть опять-таки очень добрым человеком, чтобы говорить об отсутствии сердца там, где нет «излияний» сердца.

Госпожа Ролан рассказывает в своих мемуарах, что учитель пении часто говорил ей: она слишком мало души вкладывает в свое пение. «Этот добрый человек,— замечает она,— не понимал, что у меня слишком много души, чтобы вкладывать ее в пение».

Маркс не любил сердечных излияний даже в письмах к своим близким друзьям. Трудно было любить так горячо и беззаветно, как он любил жену и детей. Он едва перенес смерть своей жены, и преждевременная смерть его старшей дочери. Женни Лонгэ, нанесла ему удар, от которого он уже не в силах был оправиться. И вот даже в письмах к этой дочери, которая одна из всех его дочерей, уже как товарищ и помощник в работе, перенесла с ним и матерью самую тяжелую пору его лондонской жизни, Маркс остается сдержанным. Все его письма дышат любовью и нежной заботливостью, мы видим, как Маркс — в особенности в письмах последних лет — употребляет все усилия, чтобы поддержать хорошее настроение своей дочери и развеселить ее, но мы очень редко встречаем в них какую-нибудь «сентиментальную» фразу. То же самое приходится сказать и о его письмах к Энгельсу, от которого он ничего не скрывал. Он пишет о «деле», о теории, но до чрезвычайности скуп на излияния. Но сколько сердечной муки слышится в следующих строках, писанных Энгельсу из Алжира (1 марта 1882 года), куда Маркса послали после смерти жены, чтобы оторвать от угнетавшей его лондонской обстановки:

«Ты знаешь, что мало кто с большим трудом выносит всякий показной пафос. Но я солгал бы тебе, если бы хотел отрицать, что мысли мои почти целиком поглощены воспоминаниями о жене. Ведь с ней я провел лучшую часть своей жизни».

Именно эта нелюбовь к показному пафосу и всяким «сентиментам» затрудняет изображение внутреннего мира Маркса, его личных симпатий и антипатий. Мы вообще очень мало узнаем о нем от него самого. Если он даже позволяет себе иногда автобиографические отступления, как, например, в предисловии к «Критике политической экономии» или в памфлете «Господин Фогт», то лишь постольку, поскольку это требуется интересами «дела» или может служить для выяснения его теоретических взглядов. Точно

он и о себе хочет сказать: судите меня по делам моим, а не по тому, что я сам о себе могу рассказать вам.

Вот почему всякая попытка характеризовать Маркса, как человека, на основании его собственных «высказываний» встречается с почти непреодолимыми затруднениями. Внутренний мир его спрятан от посторонних людей. Нежность сердца, чуткость, которая притягивала к нему одинаково сильно и субъективнейшего из лирических поэтов Гейне, и патетического певца свободы Фрейлиграта, безграничная готовность делиться с друзьями своими духовными богатствами, отсутствие всякого ригоризма по отношению к людским «слабостям» у других в соединении с беспощадной самокритикой по отношению к самому себе — все это было скрыто на «миру» под крепкой и непроницаемой броней.

Только в воспоминаниях Лафарга и Либкнехта сделана попытка дать нам портрет Маркса как человека. Оба они не раз имели случай испытать на себе удары «неистового» учителя. И в личных беседах, и в письмах он их часто очень жестоко «пушил» как политиков, не считаясь с их самолюбием. Им часто казалось, что он неправ, иногда он под свежим впечатлением какого-нибудь события сам «перебарщивал», но эти неровности быстро сглаживались. И Лафарг, и Либкнехт были слишком крупные люди, чтобы не понимать, что эти недостатки у Маркса,— которые, правда, в значительной степени были присущи и им самим,— были только «оборотной стороной медали» и не ставили Марксу каждого лыка в строку. И если, в оппозицию к суздальским портретам, нарисованным противниками Маркса, Либкнехт и Лафарг в своих воспоминаниях иногда, быть может, перегибают палку в другую сторону, то ошибка их заключается большей частью не в оценке Маркса как человека, а как общественного деятеля и мыслителя. Особенно грешат в этом отношении воспоминания Либкнехта. Но тем драгоценнее они в тех частях, где он рисует Маркса как отца, друга, товарища. Чем больше теперь раскрывается личная жизнь Маркса,— из писем его и друзей, из новых воспоминаний, из различных, до сих пор мало известных фактов,— тем больше находит себе подтверждение рассказ Либкнехта.

Яркий свет на личную психологию Маркса бросает, между прочим, и следующий «человеческий документ», который сохранила для нас счастливая случайность.

II

Летом 1910 года я работал в течение нескольких недель в Дравейле, у покойных Лафаргов, с величайшей готовностью предоставивших в мое распоряжение оставшиеся после Маркса бумаги и письма. Лаура Лафарг любезно отвела мне для работы свой рабочий кабинет, одним из лучших украшений которого служил портрет Маркса, теперь плохо воспроизведенный в совсем никчемной биографии его, состряпанной американским социалистом Спарго. Со стены глядел на вас, добродушно улыбаясь и слегка прищурившись, седой как лунь старик. Никаких следов олимпийства, ничего внушительного, импонирующего. Это был какой-то новый Маркс, не тот глубокий мыслитель, лицо которого сохранила нам известная одна из лучших, и по словам Лауры Лафарг — фотография. Можно было подумать, что этот добродушный старик основательно усвоил себе только «искусство быть дедушкой». И, как живая, встала в памяти картина, которую так художественно нарисовал нам Либкнехт: творец «Капитала», которого бесцеремонно гоняет по всему дому взгромоздившийся к нему на плечи любимый внук его Джонни.

Не помню уже, по какому именно поводу, но во время одной из наших бесед о Марксе, вероятно, я выразил сожаление, что отец ее оставил так мало «субъективных», чисто личных высказываний,— Лаура вдруг вспомнила, что она и ее старшая сестра предложили однажды, забавы ради, отцу целый ряд вопросов, ответы на которые должны были составить нечто вроде «исповеди». Ей удалось найти эти «Confessions», как они были названы и в оригинале. Так вот именно эту «Исповедь» Маркса в вопросах и ответах я и хочу предложить теперь вниманию русских читателей. Перевод сделан мною с копии, подаренной мне Лаурой Лафарг [1]). Ответы, как и вопросы, сделаны были на английском языке.

---

[1]) К сожалению, во время моей последней поездки в Дравейль, уже после самоубийства Лафаргов — в декабре 1912 г.,— когда я принимал от наследников бумаги Маркса, теперь перешедшие в собственность немецкой социал-демократии, мне не удалось найти ни оригинала этой «Исповеди», ни других бумаг Маркса: в них уже успели порыться посторонние люди.

ИСПОВЕДЬ

Достоинство, которое Вы больше всего цените:

» в людях.....*Простота.*
» » мужчине *Сила.*
» » женщине.....*Слабость.*
Ваша отличительная черта..... *Единство цели.*
Ваше представление о счастье..... *Бороться.*
» » о несчастье .....*Подчинение.*
Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить *Легковерие (по отношению к людям).*
Недостаток, внушающий Вам наибольшее отвращение *Угодничество*
Ваша антипатия..... *Мартин Теннер.*
Ваше любимое занятие.....*Рыться в книгах*
Ваши любимые поэты.....*Шекспир, Эсхил, Гете.*
Ваш любимый прозаик.....*Дидро.*
Ваш любимый герой..... *Спартак, Кеплер.*
Ваша героиня .....*Гретхен.*
Ваш любимый цветок.....*Лавр.*
» » цвет *Красный.*
Ваше любимое имя.....*Лаура. Женни.*
Ваше любимое блюдо.....*Рыба.*
Ваше любимое изречение .....*Ничто человеческое мне не чуждо.*
Ваш любимый лозунг..... *Подвергай все сомнению*

Карл Маркс.

В этой «Исповеди» нельзя, конечно, все принимать á la lettre. Мы все же имеем дело с шутливыми признаниями. Но они сделаны были самым близким людям, и мы сейчас увидим, что и этой шутке было много правды.

Сначала несколько слов о том времени, к которому относятся призвания Маркса. Лаура не могла дать мне на этот счет никакого точного указания. Но уже ответ Маркса на вопрос, какое имя ему больше всего нравится, показывает, что исповедь относится к первой половине шестидесятых годов, когда третья дочь его, Элеонора, была еще ребенком и не могла принимать участия в допросе, который чинили отцу ее старшие сестры — Женни (так звали и жену Маркса) и Лаура.

Мы не будем останавливаться на ответах, которые вряд ли представляют что-нибудь большее, чем шутливый каламбур, да и

вообще имеют второстепенное значение. Так, когда Маркс на вопрос о любимом блюде — по-английски *dish* — отвечает *fish*, т. е. рыба. Правда, Лафарг — доктор медицины и знаток кулинарного искусства — считает нужным отметить, что Маркс был плохой «едок» и даже страдал отсутствием аппетита. Он видит в этом следствие чересчур напряженной мозговой деятельности, убивавшей у Маркса аппетит и заставлявшей его поэтому прибегать к различным острым блюдам, в том числе к рыбным консервам и пикулям. Конечно, заядлый материалист — der Mensch ist, was er isst — мог бы сделать более серьезные выводы из пристрастия Маркса к рыбе, а какой-нибудь психолог увидеть в этом такую же расовую особенность, как и колоссальная способность Маркса к абстракции.

Можно было бы «психологически» объяснить и любовь Маркса к *лавру*, если бы и тут не сквозила шутка (по-английски Daphne, т. е. опять-таки Лаура». Ясно также, что такой «красный» человек, как Маркс,— «красный доктор», как его называли англичане,— мог любить только *красный* цвет.

Добродушная насмешка звучит и в ответе на третий вопрос, который может шокировать всякого сторонника женского равноправия. Мужскую *силу* Маркс противопоставляет *женской слабости*. Было бы несправедливо обвинять жену и дочерей Маркса в слабости. В той борьбе, которую Марксу пришлось вести в течение всей его жизни, он имел и в жене, и в дочерях верных товарищей. Тяжелые удары судьбы, смерть четырех детей, жертв той ужасной нищеты, в которой семья Маркса жила в начале пятидесятых годов,— все это жена Маркса перенесла с истинно «мужской» непоколебимостью. Либкнехт — а этого солдата революции трудно упрекнуть в слабости — говорит, что если он в течение лондонского изгнания не «пошел ко дну», то только благодаря тому примеру, который всем им подавала жена Маркса. Но и у ней, конечно, бывали минуты «слабости». Намеки на это мы встречаем и в личных письмах Маркса, который всегда избегал говорить о своих «муках» и горестях. Он просил в этих случаях не забывать, что она женщина и мать. А положение бывало иногда до чрезвычайности тяжелым, и нужны были стойкость и сила Маркса, чтобы не изливаться в жалобах, как это делала жена Маркса в письмах к близким друзьям.

Еще сильнее отражалась на жене Маркса междоусобная борьба

в эмиграции. Хотя Маркс употреблял все усилия, чтобы скрыть от нее худшее, она всегда узнавала чересчур достаточно. Особенно сильно подействовала на нее кампания Фогта, которому, действительно, удалось перещеголять всех противников Маркса по части личных клевет. Жена Маркса оказалась слишком «слаба», чтобы выдержать эти новые треволнения, и, опасно заболев, едва успела оправиться к тому времени, к которому, вероятно, относится «исповедь» Маркса.

Простота, которую Маркс выше всего ценил в людях, была основным свойством всего его характера. Ничто не презирал он так сильно, как позу, ходульность, театральность. «Маркс,— говорит Либкнехт,— один из немногих известных мне крупных, маленьких и средних людей, который не был тщеславен. Он был для этого слишком велик и могуч, да и слишком горд. Он никогда не позировал и всегда был самим собою».

Мы имеем и другое свидетельство — не друга Маркса, но и не недруга, а именно — нашего уважаемого социолога М. М. Ковалевского [1]). По словам Реклю, Маркс, принимая членов Международного общества рабочих, в том числе и самого Реклю, не выходил из задней части своей гостиной и держался поблизости к бюсту Зевса олимпийского, которым эта гостиная была украшена, как бы подчеркивая тем свою принадлежность к числу великих типов человечества. *Такая ходульность совершенно несогласна с представлением о человеке, который настолько знал себе цену, что не видел надобности подчеркивать свое значение внешними приемами».* В памяти Ковалевского Маркс сохранился «простым и даже благодушным собеседником, неистощимым в рассказах, полным юмора, готовым подшутить над собою».

Вспомним, что наш маститый социолог был тогда, в сравнении с Марксом, совсем зеленым юнцом: их отделяла разница больше чем в тридцать лет. Тем интереснее следующее признание М. Ковалевского: «За два года моего довольно близкого общения с автором «Капитала» я не припомню ничего, хотя бы издали напоми-

[1]) «Мое научное и литературное скитальчество» («Русская мысль», 1895 год, январь) и «Две жизни» («Вестник Европы». 1909 год, июль). В этих воспоминаниях много фактических ошибок, поскольку речь идет о разных событиях, достаточно засвидетельствованных историей. Но главный интерес их заключается именно в описании того впечатления, которое производил Маркс на людей, знавших его лично.

нающего то третирование старшим младшего, какое я в равной степени испытал в моих случайных встречах и с Чичериным, и с Львом Толстым. Карл Маркс в большей степени был европейцем и хотя, может быть, не высоко ценил своих друзей по науке («scientific friends»), предпочитая им товарищей по классовой борьбе пролетариата, но в то же время был настолько благовоспитан, чтобы не проявлять этих личных пристрастий в своем поведении».

В тесной связи с этой простотой и правдивостью Маркса находилось и полное неумение носить какую-либо «маску», которое отмечают в нем не только Либкнехт, но и Борн, писавший свои воспоминания уже после того, как он разошелся с Марксом. Своеобразное соединение колоссального умственного превосходства с ребячливостью и простодушием, которое мы встречаем и у другого гениального экономиста, у Рикардо, поражало всех знакомых Маркса. «Большим ребенком» называла его всегда жена его, и охотнее всего отдыхал он в обществе детей. Всякое притворство и «дипломатничанье» были ему ненавистны. Вот почему он так неохотно посещал «общество», в котором ему волей-неволей приходилось считаться с тем, что «принято». Комические жалобы на свою неумелость в этом отношении встречаются и в его письмах, хотя и не так часто, как у Чернышевского, который в этом отношении поразительно напоминает Маркса.

Та же простота отличала и жену Маркса. Ковалевский рассказывает, что ему редко приходилось встречать женщину, которая так радушно принимала бы гостей в своей скромной обстановке и сохраняла бы при всей ее простоте то, что французы называют «une grande dame».

Две недели спустя после смерти жены Маркс пишет своей старшей дочери:

«Письма с выражением соболезнования, которые я получаю с разных сторон и от людей различных национальностей и профессий и т. д., все восхваляют мамочку (Möhmchen) и проникнуты такой глубокой искренностью, такой глубокой симпатией, какие редко встречаются в этих обыкновенно условных писаниях. Я объясняю это тем, что все в ней было *естественно и правдиво, просто, что в ней не было ничего деланного.* Поэтому и впечатление, которое она производила на людей, было чрезвычайно светлым».

Мы понимаем теперь, почему своей любимой героиней Маркс называет *Гретхен.* Если это и была шутка, то в ней была значительная доля правды. Немецкая литература не знает более художественного воплощения *естественности, правдивости и простоты.*

III

«Единство цели» не совсем точно передает ответ Маркса на вопрос, что его сильнее всего характеризует. В этом переводе подчеркнут больше объективный оттенок. «Singleness of purpose» скорее означает *сосредоточение всех помыслов и устремлений на одной цели.*

В устах Маркса эти слова не были фразой. Трудно найти жизнь, в которой бы так классически проведено было это единство устремления, как в жизни Маркса. Он действительно знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». И он сам определяет в одном письме цель, которой он посвятил все свои помыслы: это — «дело». Годами работал он, денно и нощно, не отклоняясь от этой цели ни на йоту, чтобы создать прочную основу делу освобождения пролетариата, камень за камнем созидая свое великое творение, этот неисчерпаемый арсенал против буржуазного общества. Никаких следов душевного разлада, хождения на две стези в этой скованной из железной последовательности и неумолимой логики, единством проникнутой жизни! Единство цели в теории и в практике, человек и его творение — одинаково из одного куска!

Глубокая правда звучит в его ответе дочерям, когда он замечает, что счастье он видит в *борьбе,* а несчастье — в *подчинении.* Маркс был борцом и на практике, и в теории. Свою правду-истину, как и правду-справедливость, он добывал путем борьбы с установленным, с традицией. И воплощал он ее в жизнь опять-таки путем борьбы, практики. К *борьбе* против *подчинения и порабощения* во всех его формах — общественной нищеты, духовного вырождения, политической зависимости — звал он неустанно пролетариев всех стран — в Союзе коммунистов, в Интернационале. И, как ни чужд был ему всякий показной пафос, он всегда находил поразительные по своей силе слова, чтобы сплести для жертв этой борьбы лавровый венок или пригвоздить к позорному столбу истории их временных победителей.

Ничто не было ему так отвратительно, как *угодничество, хамство, подхалимство* — в частной жизни и в политике. Он органически не выносил того культа, который сознательно поддерживали в среде своих почитателей даже такие крупные люди, как Мадзини или Лассаль. Всякая лесть, даже в осторожной и приличной форме, заставляла его сейчас же настораживаться и будила в нем недоверие. Теперь еще не настало время опубликовать письма к Марксу некоторых достигших крупной известности лиц — и достигших ее отчасти полемикой против Маркса,— но при чтении этих писем становится понятным, почему Маркс так презрительно отнесся к их угодливой лести.

Особенно беспощадно относился он ко всякой угодливости по адресу властей предержащих. Эту угодливость он бичевал в своей резкой критике известной защитительной речи Кинкеля, ее же он резко осуждал в заигрывании Швейцера с Бисмарком. Вот почему он хвалит простой нравственный такт, который удерживал Руссо от компромиссов с предержащими властями. Вот почему он так неумолимо преследовал и ту форму угодничества, раболепства, которая проявляется в уступках так называемому общественному мнению или в еще более низкой форме прислужничества, сикофантства по отношению к господствующим классам. И чем талантливее был такой сикофант, тем беспощаднее был Маркс. А к аплодисментам, одобрению «публики», к популярности Маркс относился всегда с суверенным презрением.

Мартин Тёппер был для Маркса нарицательным именем той обыденнейшей пошлости, которая нередко пользуется колоссальным успехом и пожинает обильно лавры, чтобы после исчезнуть в Лете забвения. Мартин Тёппер, теперь совершенно забытый поэт, был самым популярным поэтом Англии в пятидесятых и начале шестидесятых годов. Сочинения его распространялись в миллионах экземпляров. Этот невероятный успех и теперь еще является загадкой для историков английской литературы. «Полное отсутствие какого-либо таланта, абсолютная противоположность и отрицание какого-либо поэтического гения, связанные с трогательной наивностью... Тёппер был слеп к поэзии и глух к рифмам; без искры вдохновения, без мыслей, без критики». Философия его стоит на одном уровне с философией купчихи у Островского, которую занимал вопрос: что лучше, ждать и не дождаться, или иметь и потерять? Мартин Тёппер отвечал на этот вопрос в

звучных стихах: «Жало скорби и острота наслаждения одинаково смягчаются долгим ожиданием, подобно тому, как желчь и бальзам одинаково разжижаются в воде терпения» [1]). Как говорит Маркс в «Капитале», Мартин Тёппер, который, по его мнению, среди поэтов является тем же, что Бентам среди философов, мыслим был только в Англии. Но Маркс, конечно, ошибается. Подобных поэтов рождали и Германия и... Россия. Но таким успехом он мог пользоваться только в Англии, где и теперь так сильно раболепство перед «общественным мнением».

Что любимыми поэтами Маркса были *Эсхил Шекспир* и *Гете,* видно из всех его произведений. Об этом же свидетельствует нам и Лафарг. «Эсхила и Шекспира,— рассказывает он, Маркс ценил как двух величайших драматических гениев, которых произвело человечество. Его преклонение перед Шекспиром было безгранично. Он был предметом постоянного изучения Маркса, которому известны были все персонажи Шекспира, даже самые второстепенные. Вообще в семье Маркса Шекспир был окружен настоящим культом. Все три дочери его знали Шекспира наизусть» [2]).

В Эсхиле Маркс преклонялся перед великим поэтом, который впервые из старого мифа о Прометее создал грандиозный образ непоколебимого борца за человечество, бросающего гордый вызов земным и небесным вседержителям. Уже в предисловии к своей докторской диссертации Маркс цитирует следующие слова этого, как он его называет, «благороднейшего святого и мученика в философском календаре», с которыми тот обращается к посланнику Зевса: «Никогда, поверь мне, не соглашусь я променять мой несчастный жребий на рабство у тебя. Лучше быть прикованным к этой скале, чем быть холопом на побегушках у Зевса».

Этот прометеевский мотив звучит и в юношеских стихотворениях Маркса. И в образе скованного Прометея является нам

[1]) См. *G. Kellner*, Die englische Literatur im Zeitalterder Königin Victoria. Leipzig. 1909, p. 370, или *Oliphant*, The Victorian age of english Literature, vol. I, p. 234. Главным творением Теппера является его «Proverbial Philosophy», переведенная и на немецкий язык.

[2]) Это не преувеличение. Знаменитый английский шекспиролог, скончавшийся в 1911 году, Фёрнивалль был приятелем семьи Маркса. Следы глубокого изучения Шекспира заметны и в английских статьях Маркса. Некоторые из них являются шедеврами по стилю и вызывали удивление у англичан.

Маркс, как редактор «Рейнской газеты», уже на одной из иллюстраций сороковых годов.

Несколько неожиданным является ответ Маркса на вопрос, кто его любимый прозаик. Даже Лафарг не называет в своих воспоминаниях имени *Дидро.* По свое преклонение перед великим французским энциклопедистом Маркс делил с крупнейшими немецкими поэтами: Лессингом, Шиллером, Гёте. Мнение это все более приобретает господство и среди современных историков французской литературы. Дидро выдержал критику времени в большей степени, чем кто-либо другой из просветителей XVIII века, не только как мыслитель, но и как писатель. Его «Племянник господина Рамо», которого несомненно имел в виду Маркс, и теперь еще является образцом французской прозы. Дидро более, чем кому-нибудь из французских просветителей, была чужда фраза [1]). Ясный, удивительно жизненный язык, которому Дидро учился в непосредственном общении с различными слоями «простонародья», брызжущая остроумием диалектика, гениальная способность ярко и отчетливо выражать наиболее характерное в различних явлениях жизни, едкий сарказм, с которым Дидро бичует устами паразита французское общество.— все это в достаточной степени объясняет нам предпочтение, которое не только Маркс, но и Энгельс отдавали Дидро [2]).

Своими любимыми героями Маркс называет *Спартака* и *Кеплера,* первого, очевидно, как героя дела, второго — как героя мысли. Возможно, что эти имена пришли ему в голову под свежим впечатлением только что прочитанной биографии. По крайней мере относительно Спартака мы находим следующее указание в одном письме к Энгельсу:

«Вечером (читал), отдыха ради, историю римских гражданских войн Аппиана в греческом оригинале. Очень ценная книга. Автор

---

[1]) «У человека была лишь одна идея, для ее выражения требовалась не более, как одна фраза; эта полная смысла и значения фраза была бы усвоена читателем с наслаждением, но когда она залита целым потоком слов, она надоедает и внушает отвращение». Цитировано у *Марлей,* Дидро и энциклопедисты, стр. 162.

[2]) В своем «Анти-Дюринге» Энгельс называет «Племянника господина Рамо» шедевром диалектики. Маркс цитирует Дидро в «Святом семействе» и в «Капитале», когда он характеризует роль, которую играет собирание сокровищ в буржуазном обществе.

по своему происхождению египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно, потому, что он старается объяснить гражданские войны материальными условиями. Спартак является в его изображении самым славным парнем, какого только мы встречаем во всей древней истории. Крупный полководец (не Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата [1]).

Русские читатели вспомнят, что таким же героем изображает Спартака, в когда-то очень популярном у нас романе, итальянец Джиованиоли. Можно, разумеется, относиться к Спартаку иначе. Характерно только, что̀ всего более ценил Маркс в этом «славном парне».

А что именно привлекало Маркса в Кеплере? Не научная ли честность, за которую он так высоко ценил и Рикардо? Или та «ясность духа», которая, по словам биографов Кеплера, позволяла ему так легко отвлекаться от земных забот и треволнений и «подниматься в чистый эфир научной спекуляции, преследующей благородные и возвышенные цели»?

Кеплер также большую часть своей жизни провел в борьбе с нуждой. В области принципов он не знал никаких компромиссов. В отличие от Тихо-де-Браге, он отказывался делать какие-либо уступки «властям предержащим». Никакое давление, никакие соблазны не могли совлечь его с предназначенного им себе пути. Напряженно и без устали работал он годами, чтобы открыть законы, управляющие движением небесного мира, а умер бедняком, далеко не закончив всех своих работ.

Хоть выше Кеплера никто не воспарил,
Он кончил жизнь свою в нужде, как нищий
За то, что лишь *умам* он радости дарил.
Тела оставили его без пищи.

Как часто должен был вспоминать это старинное четверостишие Маркс, особенно в начале шестидесятых годов, когда американская война лишила его главного источника средств существования, постоянной работы для «Нью-йоркской трибуны», и мучительная болезнь не раз угрожала смертью; как часто должна была

[1]) Из письма от 27 февраля 1861 года. Моммаен относится тоже очень благосклонно к противнику Рима.

терзать его мысль, что ему не удастся довести до конца труд, в котором он открыл законы развития капиталистического мира!

Только в кажущемся противоречии с ненасытной жаждой Маркса к знанию, с его постоянным стремлением к истине стоят слова: *«подвергай все сомнению»,* которые он цитирует как свой лозунг. Это — не сомнение в смысле плоского скептицизма, сомнения ради сомнения. Марксовское сомнение направлено против *видимости* (Schein), скрывающей от нас действительность. Исходным пунктом всякого критического исследования является у Маркса сомнение в видимости — в области природы, политики, экономики. Главной задачей науки является разоблачение этой *видимости.* Острым ножом своего анализа она разрезает внешнюю оболочку явлений, чтобы вскрыть их действительную сущность, чтобы извлечь из них их действительное содержание. Свобода, равенство, справедливость в капиталистическом обществе — одна только *видимость,* которая может вводить в заблуждение лишь фетишистов буржуазного общества. Вооруженный своим сомнением, своей критикой. Маркс первым открыл великую тайну буржуазного общества, фетишизм товарного мира, превращающий человека, творца всего земного богатства, в раба своих собственных продуктов — в экономике, в политике, в идеологии.

Называя своим любимым занятием «копание в книгах», Маркс шутит над своей страстью, которая часто навлекала на него насмешки его друзей. Даже Энгельс, который тоже был изрядным книгоедом, воевал с этим «пороком» Маркса. А с каждым новым языком, который он изучал, ему открывалась новая литература, с которой он знакомился так же основательно, как и с прежними. Марксу было уже больше пятидесяти лет, когда он взялся за изучение русского языка. Сохранились еще тетради с многочисленными упражнениями, которые он прилежно проделывал, чтобы усвоить себе тайны русских склонений и в особенности спряжений. Надо видеть, с какой основательностью он изучал русскую статистическую и экономическую литературу [1]).

[1]) «Николай — он и я,— рассказывает Ковалевский,— посылали ему, что могли, а его жена, очень озабоченная скорейшем окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что перестанет давать мне баранью котлету (chop), если я своими присылками буду мешать ее мужу поставить давно ожидаемую точку». О войне, которую вели с русскими книгами жена Маркса и Энгельс, рассказывали мне также Лафарги.

Конечно, это «книгокопание» было только оборотной стороной той добросовестности, с которой он всегда, старался изучить литературу своего предмета. Нельзя читать без улыбки письма, в котором он доказывает Энгельсу, что не может выпустить первый, почти уже набранный, том «Капитала» прежде, чем он не познакомится с новым трудом Роджерса. А как он читал книги, показывают многочисленные выписки, которые он делал почти из всех читанных им книг. Болес важные он конспектировал, даже когда имел их в своей библиотеке. И если Марксу не удалось окончательно обработать «Капитала» для печати.— а из писем его видно, что он приступил к печатанию первого тома только тогда, когда закончил все четыре тома,— то это объясняется не только болезнью, но и тем, что он не мог устоять, как он сам выражается, против «соблазна потребить теоретически» новые материалы, бросавшие свет на развитие капиталистических отношений.

Добродушная насмешка над самим собой сквозит и в ответе на вопрос, какой недостаток он всего скорее склонен извинить: легковерие по отношению к людям» (gullibility). Маркс далеко не был человеком не от мира сего. Он принимал для этого слишком большое участие в практической деятельности. Но интенсивная научная, чисто кабинетная работа, которая фатально порождает то, что называется рассеянностью.— а Маркс был очень рассеянным человеком.— невозможность, за отсутствием времени, встречаться слишком часто с людьми и приобрести таким образом «знание людей», природная доверчивость — все это делало его не раз жертвою обыкновенных, а иногда и политических, шарлатанов. Он очень скоро убеждался в своей ошибке и вместе с другими смеялся над своей беспомощностью во всякого рода «делах». Гораздо скорее ему удавалось сорвать маску с какого-нибудь политического шарлатана, а то и просто шпиона, пытавшегося вкрасться в его доверие, но и в этой области можно насчитать несколько случаев, когда Маркс делался жертвой своего «легковерия» — Толстой, венгерский авантюрист Баниа и другие. Он мог, конечно, оправдывать себя тем, что этим шарлатанам удавалось в еще большей степени надувать других, но от этого недостатка, в особенности по отношению к «людям дела», Маркс никогда не мог освободиться.

Ничто человеческое не чуждо мне,— скромно отвечает Маркс своим дочерям, которые, конечно, лучше всех могли знать его

«слабости». И этот же ответ он мог бы дать всем своим недругам, которые с усердием, достойным лучшей участи, стараются выудить в его жизни, в его письмах тот или другой грех. Как бы высоко ни поднимался отдельный человек над окружающим его обществом, он остается связанным с ним многочисленными нитями. Трудно, почти невозможно, совлечь с себя в полной мере «ветхого человека». Маркса тоже пе миновала эта участь. Он тоже ошибался, тоже грешил — и как человек, и как политик.

Кто читал его письма к Энгельсу, Беккеру, Вейдемейеру, тот может лишь удивляться, каким образом мог еще Маркс при тех гнетущих условиях, в которых он жил годами.— только с 1869 года Маркс не знал уже больше нужды.— сохранить свою жизнерадостность и ясность духа, которые поражали и его друзей, и его знакомых. Часто тяжелые удары судьбы вырывают у него жестокое и резкое слово, иногда он несправедлив даже по отношению к близким ему людям. Но каждый раз он сбрасывает с себя могучим толчком власть обыденщины и, упорствуя, волнуясь и спеша, гордо продолжает свой путь, работает над делом всей своей жизни.

Когда Энгельс в одном письме — не в первый уже раз — убеждает снова своего друга отдать, наконец, в печать «Капитал», Маркс ему отвечает (31 июля 1865 года):

«Я не могу решиться отослать что-нибудь, пока весь труд не будет лежать передо мною готовым. Какие бы недостатки ни имели мои работы, их достоинство заключается в том, что они представляют художественное целое, и этого я достигаю тем, что никогда не печатаю их, пока они не лежат передо мной целиком».

То же самое можно сказать и о всей жизни Маркса. Каковы бы ни были его недостатки, она представляет редкое по своей красоте художественное целое, равное которому трудно найти в истории человечества.

II

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(Сообщение, сделанное в Соц. академии 20.XI — 23 г.)

Прежде чем говорить о новом, что для нас открывается в литературном наследстве Маркса и Энгельса, я скажу несколько слов о том, в каком положении и состоянии это литературное наследство находилось до последнего времени. Литературное наследство Маркса и Энгельса открывается смертью Энгельса. Самое нецелесообразное распоряжение, которое только мог сделать Энгельс в этом деле,— он успел сделать. Если бы он не оставил никакого распоряжения, всего вероятнее, что наследство было бы спасено. Из всех его посмертных пожеланий с большим трудом было исполнено только одно: вместо того, чтобы его похоронить, его все-таки сожгли и выбросили прах где-то в Северном море. Это единственная просьба, которая, после полемики в партийной прессе, была исполнена.

При других условиях год или два таскали бы на могилу свежие цветы, потом забыли бы, и все было бы кончено. Но так как для самого Энгельса ничего не нужно было сделать, то оставались некоторые обязанности по отношению к наследству. Но именно последним распорядились всего хуже. Огромная библиотека Маркса и Энгельса почти вся погибла. Она была завещана немецкой социал-демократии, как немецкой же социал-демократии завещана была значительная часть его состояния и все то наследство, которое осталось после Энгельса в качестве рукописей. Так как законодательство немецкое не разрешало Энгельсу завещать все непосредственно немецкой партии, он вынужден был назначить двух доверенных лиц — Бернштейна и Бебеля, которые поэтому с 1896 года считали себя собственниками этого наследства, личными собственниками, имеющими право распоряжаться этой собственностью. Но и тут допущена была большая оплошность: они не дали себе труда убедиться, отдано ли это

наследство им целиком, или кто-то успел из этого наследства кое-что скрыть. В действительности же случилось нечто совершенно неожиданное для Энгельса: часть его литературного наследства, довольно большая, каким-то случайным путем, вместе с библиотекой Маркса и Энгельса, попала в Берлин. Я очень хорошо помню, что еще, в 1900 году я нашел эту библиотеку, валявшуюся в неразобранном виде в нескольких комнатах, в Берлине.

Показывая мне оставшуюся военную библиотеку Энгельса, покойный Пфанкух очень скептически и даже с пренебрежением, которое имеется у практиков по отношению к теоретикам, отозвался об этих книгах, как лишнем балласте. Действительно, от военной библиотеки теперь ничего не осталось, кроме случайных книг. Огромную массу остальных книг, так как не знали, что с ними делать, передали в одну берлинскую рабочую библиотеку, не дав себе труда посмотреть, не носят ли книги следов духовной работы Энгельса и Маркса в виде заметок на полях. Таким образом, не одна тысяча книг, принадлежавших им, впредь до более удобных времен исчезла из поля зрения ученых исследователей вместе со всеми пометками Маркса и Энгельса. Часть рукописей и тетрадей, которые считали возможным передать в Берлин, отправили, но Бернштейн следил за тем, чтобы рукописи и, по возможности, письма не ушли из Лондона.

Я коснусь после той части литературного наследства Маркса и Энгельса, которая попала в Берлин. Огромная часть, оставшаяся неизвестной, осталась в Лондоне, но каким-то образом, когда я попал в 1911 году к Лафаргам в Драйвель, я нашел у них совершенно неожиданно очень большую часть бумаг Энгельса и Маркса. Каким образом они попали туда, трудно объяснить. Вероятно, часть была туда послана после смерти Элеоноры Маркс. Возможно, что бумаги, принадлежавшие Марксу, отданы были его дочерям. Таким образом, архив Маркса и Энгельса разбился на три части: одна часть попала в Дравейль, другая часть осталась в Лондоне у Бернштейна, третья была сдана в архив партии. Та часть, которая была в архиве, скоро стала доступной тем, кто желал познакомиться с нею.

Первым человеком, кто по обязанности должен был познакомиться с литературным наследством Маркса и Энгельса, был Меринг, который в 1898 году получил поручение от партии из-

дать литературное наследство Маркса и Энгельса. Все мы до известной степени воспитались, все мы учились на 3 томах литературного наследства Маркса и Энгельса, изданных Рингом. Я всегда смотрел на эти три тома как на работу, которая исчерпала все, что можно было дать в этом направлении, автор которой, во всяком случае, все то, что он мог достать, внимательно рассмотрел. Получил Меринг это поручение от ЦК немецкой партиии, в котором был и Бебель. А Бебель в таких случаях был удивительно любезным и охотно шел навстречу всяким научным работникам. Он позже оказался очень любезным по отношению к совершенно неизвестному ему молодому товарищу, т. е. по отношению ко мне. По отношению к Рингу, должен сказать, он был не менее любезен. А между тем, в силу каких-то причин, литературное наследство, которое Меринг подготовил в 1898—1902 гг., обнаруживает значительные прорехи. Так, один вопрос возникает у всех читателей этих трех томов.

Все мы читали предисловие к «Критике политической экономии» Маркса, все мы читали о двух толстых — в восьмерку — томах, в которых Маркс и Энгельс подвергли критике немецкую идеологию, то-есть всю послегегелевскую философию и «истинный социализм» во всех его проявлениях. Каждому из нас навязывался вопрос: куда делись эти два больших тома? Ответ мы искали у Меринга. В литературном наследстве вы найдете маленькую главку, посвященную этой «немецкой идеологии», но из нее вы совершенно неожиданно узнаете, что в «литературном наследстве» должны быть опубликованы только напечатанные вещи Маркса и Энгельса, а не оставшиеся в рукописи, и что поэтому он рукопись не печатает. Меринг забыл, что он в первом томе напечатал докторскую диссертацию Маркса, тоже оставшуюся только в рукописи. А затем следует странное заявление, что «Немецкая идеология», вообще, не представляет интереса, тем более, что Маркс и Энгельс, в сущности, ее писали для самоуяснения. И в то же время в том же втором томе вы находите маленький параграф «Лейпцигский собор». Оказывается, что в распоряжении Меринга была маленькая рукопись «Лейпцигский собор», посвященная Бруно Бауэру и Максу Штирнеру. Что именно она представляет, частью какого целого она является, Меринг не знает, хотя он эту рукопись имел в своих руках. Я объясню вам этот секрет. Он для меня стал ясным только

теперь, после новой поездки в Берлин. Дело в том, что Меринг очень даже пытался получить «Немецкую идеологию». Он понимал прекрасно, что если он даже решил не напечатать ее, то нет никакой возможности без нее вылепить весь тот переходный период между «Святым семейством», где Маркс подвергал критике Бруно Бауэра, и «Нищетой философии». Только открыв эти два тома, можно заполнить пропасть, которая существует между двумя фазами литературной деятельности Маркса и Энгельса. Меринг пытался получить эту рукопись, просил Бернштейна, обращался даже к помощи Лауры Лафарг; эти хлопоты относятся к тому времени, когда Бернштейн уже стал теоретиком ревизионизма, когда Лаура Лафарг его считала ренегатом. И Бернштейн уклонился, но не совсем. Чтобы отделаться от Меринга, он дат ему маленькую рукопись о Бруно Бауэре. Это и есть рукопись о «Лейпцигском соборе». Меринг на основании этой части пришел к заключению, что «Немецкая идеология», действительно, многого дать не может.

В конце концов он должен был бы просто заявить: мне не дают возможности издать литературное наследство Маркса и Энгельса как следует, и читатели должны с этим считаться. Но Меринг, оказывается, тоже обманул Бернштейна. Когда я теперь возился с Бернштейном, собирая различные остатки «Немецкой идеологии», я не мог получить одной рукописи, второй части о Бруно Бауэре. В ответ на мои настойчивые вопросы Бернштейн заявил мне, что, кажется, дал ее в 1900 году Рингу, но не получил обратно. Я справился у Эдуарда Фукса, теперешнего душеприказчика Меринга. Никаких следов. В конце концов этой недостающей частью оказалась рукопись «Лейпцигский собор». Каюсь. До войны я специально не интересовался этой рукописью, но указал на нее Густаву Майеру, предлагая ему напечатать ее. Я занимался тогда более поздним периодом в жизни Маркса и Энгельса. Теперь, получив в руки рукопись, я ее внимательно рассмотрел. Оказалось, что на последней странице рукой Энгельса написано: II. Бруно Бауэр, 1845—46 г. Это была часть «Немецкой идеологии», которую Бернштейн в 1900 году дал Рингу и которую Меринг решил отдать в архив.

В предисловии к Людвигу Фейербаху Энгельс пишет, что, собираясь дать очерк о Фейербахе, он решил заглянуть в эту старую рукопись, и констатирует: отдел о Фейербахе не окон-

чен. Рукопись показала ему, как недостаточны были тогда их экономические познания. Вы знаете, как у нас все антимарксисты использовали эти заявления Энгельса. Во он не говорит, что именно в этой рукописи имеется. В 1918 г. Меринг выпустил большую биографию Маркса. Вы там тоже находите главку о «Немецкой идеологии». Она идет в смысле отрицания значения немецкой идеологии еще дальше, чем его замечания в «Литературном наследстве». Это чуть ли не отрицание значения этой вещи даже для биографии Маркса и Энгельса, даже для характеристики духовного развития Маркса и Энгельса. Это было в 1918 году.

В следующем году Густав Манер опубликовал биографию Энгельса. Нужно сказать, что у Майера имеются заслуги по части открытия некоторых фактов в биографии Энгельса до 1842 года. Но Густав Майер — буржуазный писатель: он недавно стал социал-демократом, вернее, немецким национальным социал-демократом; это человек, который органически не в состоянии понимать марксизм как философское и революционное учение Он еще может понять Энгельса как хорошего патриотического немца. И все же в его книге мы находим интереснейшую главку. Это, приблизительно, от 240 страницы до 261. Нужно сказать, что эти страницы — самое интересное место, самый интересный отдел в этой книге. Они представляют нечто совершенно новое. Я случайно имел в руках экземпляр этой книги, принадлежащий Каутскому, и по его заметкам я видел, что и для него эти вещи были совершенно новы. Я полюбопытствовал, каким образом Густав Майер получил эти сведения о «Немецкой идеологии». В примечаниях он сообщает, что Бернштейн был настолько любезен, что предоставил ему некоторые из имеющихся у него манускриптов Энгельса. Густав Майер — журналист, старый газетный корреспондент и до сих пор сохранил привычки журналиста и газетного корреспондента. Первая обязанность журналиста — скрыть от всех товарищей источник, где он получает сведения. Даже тогда, когда он пишет научное произведение, он не указывает подробно, какими рукописями он пользуется. Вы напрасно ищете в примечаниях точные указания: «пользовался такими-то, такими-то и такими-то частями «Немецкой идеологии», «рукописью № 1». А такие-то цитаты взяты из рукописи такой-то, библиотеки такой-то, страница

такая-то». Об этом ни слова, а между тем, все-таки видно, что он имел несколько рукописей.

В этом зале присутствуют товарищи, которые, вероятно, тоже обратили внимание на эти поразительные страницы в книге Майера. Меня это открытие заставило отложить издание соответствующего тома сочинений Маркса, пока мне не удастся, наконец, узнать, куда делась «Немецкая идеология»,— действительно ли она совершенно исчезла. Результат предпринятой мною с этой целью поездки в Берлин заключается в том, что мне, наконец, с большими затруднениями удалось извлечь на свет божий всю «Немецкую идеологию». Тут вот у меня имеется фотография этой рукописи. Лет через шестьдесят после пролетарской революции я надеюсь рассказать вам, сколько я употребил усилий для того, чтобы при помощи Луизы Каутской в течение 4 недель получить у Бернштейна одну рукопись за другой. Я опирался на все печатные источники, мне известные. Во-первых, я хотел иметь «Святого Макса». Я понимал, что часть этой «Немецкой идеологии» напечатана, и я думал, что легче всего я получу от него то, что было напечатано. Добившись этого, я Бернштейну заявляю, что в такой-то книжке он сказал, что есть еще одна часть и он ее опубликует. Он этого не помнил. Тогда, я ему показал соответствующее место, и получил также вторую часть этой рукописи.

Оказалось, что «Святой Макс» в его напечатанной части составляет не больше $^{2}/_{3}$ настоящего манускрипта. Более внимательное изучение рукописи привело сейчас же к неожиданным результатам. Оказалось, что она пострадала от «грызущей критики мышей» меньше, чем это думал Бернштейн, когда печатал «Святого Макса». Мыши съели гораздо меньше, чем проглядел Бернштейн. Так, по поводу главы о «гуманном либерализме» в «Святом Максе» Бернштейн пишет: «Так как сохранились только три странички — все остальное, листы 41—42, съели мыши.— то я предпочитаю не печатать совсем эту главу». Но, перелистав внимательно рукопись, я нашел все, якобы съеденное мышами, целиком, без каких бы то ни было следов повреждения. Но это только одна часть «Немецкой идеологии», хотя и самая значительная. По моим приблизительным расчетам эта часть, посвященная Штирнеру, занимает не меньше страниц, чем *«Единственный и его собственность»*.

Мимоходом укажу, что, когда Маркс работал над «Святым семейством», самым популярным выразителем наиболее радикальной части философской мысли был Бруно Бауэр. Но еще в то время, когда книга «Святое семейство» печаталась, вышла книга Штирнера. Она единым ударом сразу отмела в сторону Бруно Бауэра и компанию. Штирнер стал в течение 1845 года властителем дум, причем он оказался для немецкой интеллигенции несравненно радикальнее Бруно Бауэра. Маркс и Энгельс обрушились на Штирнера, чтобы именно на Штирнере показать всю неосновательность крайнего либерального буржуазного мировоззрения. Этим объясняется то непропорционально большое место, которое они отвели в своей работе Максу Штирнеру. Но в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс сосчитались не только с Штирнером. Она посвящена также Бруно Бауэру и Фейербаху. Первому — именно потому, что Энгельс и Маркс расправились с ним уже в «Святом семействе» — отводится сравнительно немного места, хотя гораздо больше, чем это казалось Бернштейну, который очень плохо разобрался в рукописи и часть манускрипта, посвященного Бауэру, присоединил к главам, в которых Маркс и Энгельс занимаются критикой Фейербаха. Последние главы и представляют собой тот отдел рукописи, о котором Энгельс пишет в предисловии к своему «Людвигу Фейербаху», что он не кончен. Именно из этого отдела Майер взял упомянутые мною поразительные страницы. К сожалению, он не сумел их изложить как следует.

Оказывается, что в этой незаконченной части Маркс и Энгельс, которые по отношению к Штирнеру, по отношению к Бруно Бауэру ведут себя как сердитые учителя, жестоко секущие своих учеников, обращаются с Фейербахом как с противником, к которому они относятся с глубоким уважением, личности которого они не затрагивают. По отношению к нему они считают необходимым в самом начале противопоставить идеалистической точке зрения свою материалистическую точку зрения. Дается критика фейербаховского понятия «человека». Это места приводится в изложении у Майера. Наша исходная точка, наше исходное положение — это не есть нечто отвлеченное, а действительные индивидуумы и их акции, их действия, условия, которые они нашли готовыми, и условия, как они изменяются деятельностью людей. Всякий, кто хочет исследовать человеческую историю,

должен поставить себе задачу сначала исследовать этот человеческий организм, исследовать самого человека, потом ту среду, в которой он действует, исследовать окружающие его геологические, географические, климатические и прочие условия. Все это великолепно, конкретно, ярко изложено именно в главе о Фейербахе. Я постараюсь, чтобы она появилась как можно скорее, еще до того, как она появится отдельной книгой [1]).

Достаточно этого указания, чтобы увидеть, какое колоссальное значение имеет рукопись «Немецкой идеологии» для решения целого ряда вопросов. На один такой вопрос, я уже указал. Для нас период от «реального гуманизма» до революционного коммунизма оставался без связывающих звеньев, оставались невыясненными две стадии в развитии Маркса и Энгельса. Но не только в личном развитии Маркса и Энгельса, а и в развитии всей немецкой идеологии оставался совершенно непонятным, неисследованным весь этот переход ст Гегеля через Фейербаха к Марксу и Энгельсу. Оставалось непонятным и то обстоятельство, что Маркс и Энгельс как-то забросили философию с тех пор. В этой рукописи мы встречаем указания, что у Маркса и Энгельса уже тогда сложился взгляд на философию, известный нам по той формулировке, которую дал позже Энгельс. От философии остается диалектика и формальная логика, все остальное переходит в область соответствующих наук. Но в рукописи имеется еще большой раздел, посвященный немецким «истинным социалистам». До сих пор мы имели в своем распоряжении только краткую, весьма резкую характеристику, данную в «Коммунистическом манифесте». Теперь мы имеем детальную критику всех писаний «истинных социалистов».

Вы видите теперь, какое огромное значение имеет эта рукопись и для биографии Маркса и Энгельса, и для истории немецкой идеологии, для истории немецкой общественной, политической, экономической мысли XIX столетия, для истории мысли XIX века вообще. Для всех нас и, в особенности, для молодых товарищей, становящихся марксистами, очень важно проследить по рукописи Маркса и Энгельса тот крайне тяжелый, перерытый для нас уже не необходимыми извилинами и тропинками путь, по которому Маркс и Энгельс, через Гегеля, через Фейербаха, через

[1]) Она напечатана теперь в первом томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса».

английскую политическую экономию, через разворачивающуюся классовую борьбу пролетариата, пришли к диалектическому материализму.

Но не только рукопись «Немецкой идеологии» имеется теперь в наших руках. Мне удалось найти — не у Бернштейна, а в архиве немецких социал-демократов — еще и другие рукописи Маркса, относящиеся к периоду до 1848 г. Хотя я до войны работал довольно регулярно в этом архиве и первый привел в порядок накопившиеся там бумаги Маркса, я не имел возможности изучить их, так как был занят работой по истории Интернационала, да к тому же исходил из предположения, что Меринг использовал все, что относилось к периоду до 1848 года. Кроме того, я думал, что вместе с библиотекой были отосланы только записные тетради Маркса. Я их тогда просматривал, кое-что для себя отметил, но у меня осталось впечатление, что это — записные тетради Маркса. Я знал, что в этих записных тетрадях заключаются его замечания, но искал только то, что мне нужно было для моей работы. Теперь я просмотрел тетради особенно внимательно и наткнулся на один большой манускрипт. Он начинается с 3-й страницы. Сначала казалось, что это — только выписки. Маркс цитирует параграф из какой-то книги и делает к нему замечания. У меня явилось предположение, не есть ли это подготовительная работа в области критики философии права Гегеля. Оказалось, что это предположение верно. Рукопись содержит критику философии права Гегеля, параграф за параграфом, от 261—262 приблизительно до 311. Эта рукопись составляет около ста страниц [1]).

Среди тех же тетрадей я случайно наткнулся еще на одну. То обстоятельство, что мне пришлось в течение последних 2 лет много заниматься «Коммунистическим манифестом», приковало теперь мое внимание к одному из этих манускриптов. Исследовав его, я увидел дату,— «ноябрь 1847 года». Вчитавшись, я увидел, что это есть для себя набросанный конспект главы из «Коммунистического манифеста», указание главных §§, где подвергается критике вся социалистическая литература. Я обрадовался, думая, что, может быть, в этой тетради я найду черновик тех страниц, которые мы имеем в «Коммунистическом манифесте».

[1]) Она напечатана теперь во втором томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса».

Но моя надежда не оправдалась. Оказалось, что это есть только маленький вариант одного места из «Коммунистического манифеста», но зато в этой тетради я нашел нечто вроде конспекта новых лекций о наемном труде и капитале. Эта работа еще требует расшифровки [1]). Наряду с этим я в тех же тетрадях нашел фрагмент, который связан с занятиями Маркса по греческой философии, и еще один экономический манускрипт, построенный по типу марксовских писаний. Как вы видите, число новых манускриптов, за исключением «Немецкой идеологии», из периода до 1847 г. невелико. Наибольшее значение имеет тот манускрипт, где мы имеем краткую критику философии права, Гегеля, и рукопись о заработной плате.

Теперь мы перейдем к периоду после революции. Маркс целиком уходит в изучение политической экономии. Из предисловия Энгельса ко 2-му тому «Капитала» нам известно в общих чертах состояние экономических рукописей, которые оставил Маркс, и над которыми работали Энгельс и после Каутский. Энгельс пишет, что после Маркса осталось 23 больших тетради, имеющие 1 472 страницы. Эти тетради написаны были от августа 1861 до июня 1863 г. И тут он прибавляет: первые 5 тетрадей (220 страниц) и тетради 19—23 (1 159—1 472 стр.) представляют первую редакцию первого тома «Капитала». Он их решил пока не использовать. На страницах от 973 до 1158 в тетрадях 16, 17, 18 рассматриваются следующие вопросы: «капитал, прибыль, норма прибыли, торговый капитал, денежный капитал»,— это все вопросы, которые излагаются в третьем томе. Страницы 223—972 тетрадей 6—15 представляют собой историю теорий прибавочной стоимости, как раз то, что Маркс хотел исследовать в 4 томе «Капитала». Уже в 1880 г., когда он приступил к обработке литературного наследства Маркса, Энгельс говорил об этом 4 томе. Он вел после об этом переговоры с Каутским. Семьсот пятьдесят страниц рукописи Маркса дали всем вам известные четыре тома — «Теорий прибавочной стоимости», причем оставалось ненапечатанным на 1/5 больше. Таким образом, в одних этих 23 тетрадях, где мы имеем редакцию 1-го тома «Капитала» и первую отчасти редакцию 3-го тома «Капитала», мы имеем неопубликованными приблизительно 6 томов размера «Теорий прибавочной стоимости».

[1]) Эта рукопись мною опубликована в первой книге «Социалистического хозяйства» за 1924 г.

В том же предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс сообщает, что он нашел одну рукопись, писанную Марксом в 1864—65 году, которая, по его предположению, составляет 3 тома «Капитала». После этого он переходит к перечислению того материала, которым он пользовался при составлении 2-го тома «Капитала». У Энгельса было в распоряжении 8 манускриптов Маркса. Должен сказать, что восьмой манускрипт Маркса — один из интереснейших, как это видно из второго тома «Капитала» — исчез, и, несмотря на все мои старания, я его найти не мог. Из манускриптов, которые представляют различные редакции 2-го тома «Капитала»; Энгельс использовал только два целиком. Правда, эти два манускрипта так велики, что они по объему составляют больше половины 2-го тома «Капитала». Совершенно не использован первый, в 150 страниц, и 3-й манускрипт; мало использован 4-й манускрипт. Таким образом, и в этой группе манускриптов, которые относятся к 3-му тому, кроме всего 3-го тома, я нашел ряд манускриптов, представляющих новую редакцию некоторых глав 1-го тома «Капитала»

Мы подходим теперь к интересному вопросу.

Каждому русскому марксисту, который имел дело со 2-м томом «Капитала», всегда приходило в голову, а нельзя ли было бы получить 2-й том «Капитала», как его оставил Маркс, в необработанном виде, и рядом, как комментарии.— обработку Энгельса. У многих из нас возникала мысль, что Энгельс был, может быть, несколько субъективным. Так вот более детальное знакомство с составом этих рукописей меня в этой мысли укрепило. И еще больше по отношению к 3-му тому «Капитала». Когда Энгельс издавал второй том «Капитала», он предполагал 3-й том издать через несколько месяцев. Ему казалось, что он нашел вполне готовую рукопись. В действительности же издание 3-го тома «Капитала» у него отняло 9 лет. В рукописи было так много пробелов, что некоторые части Энгельс должен был самостоятельно разработать. Одну часть он разрабатывал несколько лет и в конце концов бросил, потому что увидел, что ничего не выйдет. Можно с уверенностью сказать, что третий том «Капитала» представляет скорее гениальную вариацию на тему, очерченную и разработанную Марксом, но все же вариацию Энгельса.

Но Энгельс просмотрел еще несколько рукописей. Забыл ли он о них, трудно сказать, но среди тетрадей Маркса я нашел

теперь еще 8 тетрадей, в которых содержатся экономические работы. В одной из таких тетрадей я наткнулся на интересную заметку Маркса, где он дает перечень содержания всех этих тетрадей. Рукопись написана в середине 50-х годов. Она представляет, действительно, первую редакцию труда Маркса, для которого он тогда еще не придумал заглавия и который явился первой редакцией «Критики политической экономии».

Что в этих тетрадях заключается, вы можете видеть из следующего указания. В одной из них Каутский нашел введение в «Критику политической экономии». Таким образом, у нас при издании экономического наследства Маркса вырисовывается следующая задача. Сначала следует напечатать первую редакцию «Критики политической экономии», которая относится к середине 50-х годов. Вторая крупная работа — это опубликование всех 23 тетрадей Маркса, как они сохранились. Затем идет первый том «Капитала» со всеми вариантами, со всеми редакциями, второй том «Капитала», как его оставил Маркс и как его переработал Энгельс. 3-й том «Капитала», как его оставил Маркс и как его переработал Энгельс, 4-й том исчезает. При таком плане он выпадает совершенно.

Я уже говорил, что и в тетрадях, которые, по видимому, заключают в себе только выписки, находятся самостоятельные замечания Маркса. Какие там попадаются вещи, знатоки второго тома Капитала могут судить по тому, что ст.ст. 89—92 этого тома взяты Энгельсом не из манускрипта, а из одной такой тетради.

Большая работа, которую пришлось проделать, фотографируя рукописи, находившиеся у Бернштейна, и главные экономические рукописи Маркса, не дала мне теперь возможности сфотографировать и все записные тетради Маркса. Но эту работу необходимо будет сделать уже просто потому, что эти тетради представляют большой интерес для истории духовного развития Маркса, представляют интерес для характеристики его методов работы и изучения.

Я перехожу теперь к третьей группе рукописей. В начале 1870 года Энгельс переселился в Лондон. Из переписки его с Марксом мы видим, что у Энгельса сохранились старые интересы к химии красящих веществ — это, вероятно, объясняется текстильным происхождением,— к химии, физике и вообще естествозна-

нию, которыми он занимался еще в реальном училище. В Манчестере он, при помощи своего друга Карла Шорлемера, известного химика, продолжал изучать наряду с другими науками и естествознание. Переехав в Лондон, он еще более интенсивно занялся естественными науками. Некоторые из вас, вероятно, помнят его письмо в мае 1873 г , в котором он сообщает Марксу, уехавшему в Манчестер, результаты, к которым он пришел, и просит своего друга сообщить ему мнение манчестерских приятелей. Мы видим, таким образом, что Энгельс уже за несколько лет до своей полемики с Дюрингом основательно работал в области естествознания. В предисловии к «Анти-Дюрингу» он выражает надежду, что ему удастся продолжать свои занятия. В письме его к Марксу в ноябре 1882 г. мы находим любопытное указание. В связи с одним новым открытием в области электричества, которое, по его мнению, подтверждает его теорию, он пишет Марксу, что хочет скорее закончить свою работу о диалектике в природе. Что сталось с этой работой и в какой степени она являлась законченной — не было известно.

Об этой работе мне никогда не говорили ни Каутский, ни Меринг, о ней не упоминается ни в одной статье об Энгельсе, о ней молчит даже Бернштейн в примечаниях к переписке. Представьте себе теперь мое удивление, когда Бернштейн совершенно случайно в процессе выкладывания хранившихся у него манускриптов,— в процессе, который длился около месяца,— принес мне большую рукопись Энгельса о диалектике в природе. Из заглавия, имеющегося на обложке, видно было, что рукопись состоит из 6 частей, в которых разрабатываются законы движения материи, электричество и магнетизм и т. д. К сожалению, 4 часть — «Естествознание в мире привидений» — исчезла. Мои настойчивые просьбы отыскать ее долго не помогали. Я уже готовился уехать в Россию без этой части, но почти накануне отъезда она, наконец, нашлась. Но не только эта рукопись. К этой группе относятся еще несколько манускриптов, носящих следующие названия: «Природа и естествознание», «Математика и естествознание», «Диалектика и естествознание». Видно, что Энгельс не сразу прекратил свои работы в этой области, он не ожидал, что обработка рукописи Маркса займет у него столько времени. Только в середине 80-х годов он теряет надежду, что ему удастся закончить свою работу, и он пишет в предисловии

к новому изданию «Анти-Дюринга», в конце 1885 года, где он упоминает о своих работах в области естествознания, результаты которых он собирался опубликовать вместе с математическими работами Маркса, что, быть может, дальнейшие успехи естествознания сделают его работу отчасти или совершенно ненужной. А издание дальнейших томов «Капитала» Энгельс считал для себя наиболее важной задачей.

Я пока еще ничего не могу сообщить о содержании этих рукописей. Они требуют расшифровки. Должен, однако, сказать, что рукописи Энгельса считываются, в особенности, если сравнить их с крайне неразборчивыми рукописями Маркса, довольно легко. Авось нам помогут наши немногочисленные физики и химики, знакомые с диалектическим методом, если, конечно, они окажутся в области разработки рукописей столь же неустрашимыми и настойчивыми, как и в области разработки химических и физических явлений. А я знаю, что даже очень храбрые люди боятся рукописей, как суеверные люди привидений.

Не подлежит сомнению, что Энгельс окажется прав, что прогресс естествознания за последние сорок лет сделает излишними его выводы, сохранит за ними только историческое значение. Но надо сказать, что это было преступлением, буквально несмываемым по отношению к памяти Энгельса, что эти его манускрипты не были опубликованы сейчас же после его смерти. В общем они вряд ли больше по своему объему, чем половина или три пятых «Анти-Дюринга».

Прибавлю, что среди манускриптов Энгельса имеется еще крупная работа по средневековой истории германцев, которой, как это видно из его писем к Марксу, он занимался в начале 80-х годов в связи с историей немецкой марки. Упомяну еще, что среди ряда мелких манускриптов самого разнообразного характера имеется еще большая работа об Ирландии, писанная, вероятно, в конце 60-х годов.

Перейду теперь, если вы мне позволите, без перерыва, ко второй крупной части литературного наследства Маркса и Энгельса, к их переписке. И в той форме, в которой вы ее все знаете, она и по признанию Шмоллера, Онкена и других представителей буржуазной науки является важнейшим источником для изучении политической, социальной и интеллектуальной истории XIX века. Можно было ожидать, что эти 4 тома будут изданы мало-

мальски научно, не оскорбляя памяти Маркса и Энгельса. В действительности же это издание, за которое несут ответственность главным образом Бернштейн и Меринг, ниже всякой критики. У меня в руках первый том переписки Маркса и Энгельса. Все эти бесчисленные вклейки, которые вы видите, представляют собою неоговоренные издателями пропуски из писем, которые удалось сверить с оригиналами, но это только большие пропуски. Нет положительно ни одного письма, в котором святотатственные руки не производили бы изменений. Резкие выражения или заменены более мягкими или просто выброшены. Если Маркс называет кого-нибудь ослом, наши гувернантки заменяют это выражение более мягким словом — дурак! Чопорные издатели боятся всякого крепкого слова. А между тем письма Маркса и Энгельса являются письмами институток в сравнении с письмами Белинского, воспитавшегося в традициях русского матриархата. И когда Меринг заявляет нам в предисловии к биографии Маркса, что у него при издании переписки не было никаких разногласий с Бернштейном, что у него не было ни желания, ни повода мешать ему в этой работе, то остается только развести руками. Трудно себе представить нечто более филистерское и мещанское, чем эта чистка писем Маркса и Энгельса. Но зато не пропущен ни один шиллинг, ни один пенс, посланный Энгельсом из Манчестера, не пропущено ни одного места в письмах Маркса, которое бросает на него тень в глазах филистеров. Если издатели спасают авторитет старого Либкнехта или Лассаля, смягчая эпитеты по их адресу, то они беспощадны по отношению к личной жизни Маркса. Правда, результат получился не тот, которого ожидали издатели.

Можно сказать, что я принимал участие в этом преступлении. Мое имя упоминается самым лестным для меня образом в предисловии издателей к переписке. Но вся моя помощь оказывалась не на основании оригиналов. Мне давали только корректуры, и я имел возможность констатировать только, что именно издатели выбрасывали из первой и второй корректуры. В одном случае я поступил как российский варвар. Я напечатал отрывки из письма Маркса по первой корректуре. Поднялся большой скандал, потому что я заставил переменить набор первого тома; нельзя было уже вырезать то, что я напечатал. После я опубликовал некоторые письма Энгельса и Маркса прямо с оригиналов на русском языке.

Еще до войны я у Бебеля добился для моей работы об Интернационале оригиналов писем Маркса и Энгельса соответствующих годов. Я сказал Бебелю, что без них я не буду работать над этим трудом, что я считаю ниже своего достоинства использовать такое оскопленное издание. По настоянию Бебеля, Бернштейн дал мне эти письма. Перед тем, как отдать эти письма Бернштейну, я, не говоря дурного слова, все письма сфотографировал. Нужно было проделать ту же операцию и со всеми остальными. Теперь я могу сказать, что это сделано: мы имеем полную фотографию всех писем Маркса к Энгельсу и Энгельса к Марксу, которые имеются у Бернштейна, причем у нас имеются письма, которых у Бернштейна нет.

Письма Маркса к Энгельсу составляют самую крупную часть, не менее трех четвертей того литературного наследства, которое заключается в его письмах. Каждый из вас помнит наиболее интересных адресатов Маркса — Кугельмана, Зорге, Вейдемейера, Николая—она. За исключением писем к Зорге мы имеем почти все в фотографиях. Мы имеем также письма Маркса к старшей дочери и к Арнольду Руге. Все, что было можно сделать в этом направлении, уже сделано, и я могу сказать, что в наших руках не менее 90% писем Маркса. Остается еще собрать оригиналы или фотографии писем к различным лицам, обращавшимся к Марксу с различными запросами.

Хуже обстояло дело с письмами Энгельса. Когда Маркс умер в 1883 г., круг его корреспондентов был сравнительно невелик. Значительно шире этот круг у Энгельса. От 1883 до 1895 г. его корреспонденция разрослась по мере развития международного рабочего движения. Тут важно определить тех корреспондентов, на которых после Маркса и родных Энгельса падает наибольшее количество писем. Наиболее вероятным предположением являлось предположение, что больше всего писем Энгельс написал, если не считать Бебеля и Виктора Адлера, Каутскому и Бернштейну. Было весьма важно сделать попытку получить эти письма. Задача была трудная, но она решена целиком. Мы имеем теперь фотографии всех писем Энгельса к Каутскому, который мне поставил только одно условие: я могу опубликовать их не раньше лета 1924 г.

Удалось получить и письма Энгельса к Бернштейну. Какой это важный материал для биографии Энгельса, для истории 80-х

годов, это вы увидите очень скоро [1]), ибо Бернштейн мне предоставил право публиковать эти письма через месяц на русском языке без пропусков. Больше того, Бернштейн обещал мне написать введение о своих отношениях к Энгельсу. Остается только в течение ближайших лет — в Болгарии, Румынии. Армении. Италии. Португалии, Швейцарии — отыскать те письма, которые Энгельс писал своим многочисленным корреспондентам. Эта работа отчасти облегчается тем, что Энгельс почти все такие письма посылал после того, как предварительно составлял их конспекты. Много таких черновиков мне удалось найти. Черновики весьма интересные. Удалось найти черновик огромного письма Энгельса к Засулич, черновик письма к Лориа и ряд других, которые дают возможность проследить его адресатов.

Но корреспонденция Маркса и Энгельса дает и другие интересные вещи. Они писали немало, но и получали тоже много писем. И вот рассмотрение этого наследства дает важнейшие указания. Я привез фотографии всех писем Лабриола к Энгельсу, это приблизительно около 160 страниц. Имеются письма различных русских революционеров к Энгельсу: имеются интереснейшие письма к Марксу, которые указывают на совершенно неизвестные факты. Я скоро опубликую письма Лориа к Марксу и т. д. Они весьма характерны для представителей буржуазной науки, которые осыпали Маркса самой низкой лестью в письмах. Среди этих писем имеются известные уже письма Чарльза Дарвина и неизвестные Ланкастера, Джона Морлея. Всем будет интересно узнать, что Карл Пирсон, один из крупнейших английских ученых, имя которого хорошо известно всем занимающимся евгеникой и биометрикой, будучи студентом Кэмбриджского университета, обращался к Марксу с предложением перевести «Капитал» на английский язык; он ссылался на то, что среди его товарищей в университете имеется группа, интересующихся «Капиталом», которая читает его больше на французском языке. Себя он считал пригодным для перевода, потому что он изучает историю немецкой мысли, был года два в Гейдельбергском университете и признает все основные принципы социализма. В его первых работах вы найдете следы такого знакомства с целым рядом вопросов, которого нет у обычных английских ученых и которое теперь объясняется известным идеологическим явлением.

[1]) Эти письма напечатаны теперь в первом томе «Архива Маркса и Энгельса».

Перехожу теперь к последней группе. Я скажу несколько слов о тетрадках. Я оставил их несфотографированными, ибо не хватило времени. У меня имеется перечень этих тетрадей и перечень книг, которые читал Маркс. Они дают интересный материал для определения того, чем интересовался Маркс в некоторые периоды своей жизни. Имеется ряд тетрадей для 1840 и 1841 гг., затем для 1843—1845 гг. и имеются три тетради для 50—60-х годов, а также для 70-х годов. Среди них особый интерес представляют три толстые тетради — история кризиса 1857 года, затем тетради, представляющие буквально четырехтомное сочинение, дающее хронологический обзор всемирной истории до середины XVII столетия. Имеются также тетради с математическими упражнениями Маркса. Я должен прибавить, что уже 9 лет тому назад я нашел математические работы Маркса, которые были переданы мною Фрицу Адлеру для печати. Теперь я получил от Бернштейна еще одну математическую рукопись.

Эта часть письменного наследства Маркса и Энгельса еще не использована. Она особенно интересна для биографов Маркса. Она показывает, как работал Маркс, как он занимался, как необыкновенно добросовестно он относился ко всякому новому вопросу, который он изучал. Эту методичность и систематичность в работе он сохранил до конца жизни. Если к 1881/82 году он потерял способность к интенсивному самостоятельному духовному творчеству, то способности к изучению он никогда не терял. Иногда после пересмотра этих тетрадей является вопрос, для чего он терял столько времени на такое систематическое, основательное конспектирование; ибо давать себе труд, как он это делал еще в 1881 году, одну крупную работу по геологии главу за главой конспектировать на 63 году жизни,— это был педантизм непростительный. Другой пример: Моргана он получил в 1878 году. На 98 страницах мелким почерком (вы должны знать, что одна страница беглого почерка у него всегда даст минимум 2,2 с лишним страницы печатные) сделан подробнейший конспект Моргана. Таким образом работал уже старик Маркс. Ввиду особенного значения этих конспектов я, в виде исключения, сфотографировал конспект Моргана и двух книг — Леббока и Мэна. По этим тетрадям видно, что Маркс во второй половине 70-х годов много занимался ио истории феодализма и землевладения.

Вот в общем картина того нового, что имеется в литератур-

ном наследстве Маркса и Энгельса. Вопрос, который надо поставить практически в стенах этого учреждения, это именно вопрос о том, каким образом у нас можно будет, не откладывая опять на 30—40 лет, пустить в обращение ту колоссальную груду мыслей, фактов, соображений, которые имеются в этих неопубликованных рукописях.

В первую очередь надо будет поставить вопрос об опубликовании всего этого на русском языке. Я должен прибавить, к сожалению, что по договору, заключенному с Бернштейном, я имею право опубликовать эти рукописи только на русском языке. Что касается их опубликования в оригинале,— об этом придется вести после отдельные переговоры. Они отложены до следующего года, но право издания на русском языке мы имеем.

И вот я позволю себе свое несколько затянувшееся сообщение, а не доклад, сообщение о новых данных, о новых раскопках, закончить пожеланием: пусть, наконец, найдутся молодые, энергичные, настойчивые, прилежные работники, которые помогут нам, комсомольцам 6-го призыва, закончить эту работу.

ОТ «РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ» ДО «СВЯТОГО СЕМЕЙСТВА»

I

В докладе, прочитанном мною в декабре 1923 г. в Социалистической академии,— «Новые данные о литературном наследстве К. Маркса и Ф. Энгельса»,— я уже сообщил, что мне удалось среди бумаг Маркса найти рукопись, в которой содержится критика, параграф за параграфом, философии права Гегеля.

Рукопись не озаглавлена. Она состоит из больших листов, из которых первый потерян. Так как со второго листа, начинается анализ §261 «Философии права» Гегеля, то можно предположить, что потерянный лист содержал критику §§ 257—260, т. е. тех параграфов, которыми открывается у Гегеля отдел о государстве. Некоторые листы остались неиспользованными,, а в общем рукопись содержит 131 страницу in folio. Анализ Маркса доведен до § 311.

Надо заметить, что эта работа Маркса, хранившаяся в архиве немецкой социал-демократии со времени смерти Энгельса, осталась неизвестной всем работавшим над разбором литературного наследства Маркса. О ней не упоминает даже Энгельс.

А между тем рукопись имеет громадное значение, потому что бросает новый свет на целый период — от выхода Маркса, из «Рейнской газеты» до «Немецко-французских летописей» — в духовном развитии Маркса. До сих пор нам об этом периоде были известны только очень краткие автобиографические указания самого Маркса, сделанные им в предисловии к «К критике политической экономии». Я напомню их читателям.

Маркс приводит следующие данные, которые должны выяснить ход его собственных экономических исследований. Его специальным предметом исследования была юриспруденция, но он изучал ее, как подчиненную дисциплину, наряду с философией и историей. Только в период редактирования «Рейнской газеты», в 1842—1843 гг.. он был поставлен в необходимость высказать свое мнение о так называемых материальных интересах». «Дебаты рейнского ландтага по

поводу закона против кражи дров и дробления земельной собственности, официальная полемика, в которую тогдашний обер-президент Рейнской провинции, г. фон Шаппер. вступил с «Рейнской газетой» по вопросу о положении мозельских крестьян, наконец, дебаты о свободной торговле и протекционизме послужили первым толчком для моих занятий по экономическим вопросам». Другим поводом явилась полемика по вопросу о коммунизме. Все это — пишет Маркс.— побудило его, после того как он разошелся с собственниками «Рейнской газеты» и сложил с себя обязанности главного редактора, вернуться в свой ученый кабинет» и приступить к научной работе.

«Первый труд», который был мною предпринят для разрешения мучивших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права». Введение к этому труду было опубликовано в «Немецко-французских летописях», издававшихся в Париже в 1844 г. Мое исследование привело меня к заключению, что отношения права, равно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа, а скорее коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, объединяет под названием «гражданского общества», но что «анатомию этого общества следует искать в политической экономии».

Мы имеем, таким образом, определенное указание, что *первым трудом,* к которому приступил Маркс после выхода из редакции «Рейнской газеты», была именно критика «Философии права» Гегеля. Последняя большая статья Маркса появилась в газете 11 марта, а 17 марта было уже напечатано сообщение о выходе его из редакции. Мы можем поэтому сделать вывод, что Маркс приступил к своей работе не раньше марта—апреля 1843 г.

Это не значит, однако, что Маркс до выхода из редакции оставался правоверным гегельянцем в области философии права и государства. Наоборот, именно Маркс — отчасти также Руге — был первым среди младо-гегельянцев, который взял на себя задачу противопоставить «левого» Гегеля «правому» и в области философии права и государства, т. е. задачу, которую он, вместе с Бруно Бауэром и Фейербахом, уже выполнил в области критики религии.

Еще летом 1841 г., когда Маркс переехал в Бонн, где жил тогда Бруно Бауэр, он, вместе с последним, решил издавать новый

философско-теологический журнал, посвященный критике религии. Молодые друзья были недовольны умеренной тактикой главного органа левых гегельянцев «Галлеских летописей», которые редактировались Арнольдом Руге. Они, однако, отказались от своего намерения, когда Руге перевел редакцию из Галле в Дрезден — журнал был переименован в «Немецкие летописи» — и воспользовался на первых порах более мягкой саксонской цензурой, чтобы придать журналу более радикальное направление. Маркс и Бруно Бауэр решили тогда принять деятельное участие в «Немецких летописях».

К этому же времени относится задуманная молодыми друзьями общая работа, которая сыграла решающую роль в окончательном расколе между правыми и левыми гегельянцами. Бруно Бауэр и Маркс решили доказать, используя старый прием — защита атеистических п революционных взглядов под видом защиты ортодоксии,— что сам Гегель является не защитником положительной религии, а хулителем христианства и атеистом, не поклонником существующего строя, а революционером. В октябре 1841 г. вышла в свет анонимная брошюра «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel den Atheisten und Antichristen». («Трубный глас последнего суда над Гегелем, атеистом и анархистом. Ультиматум»). Рядом искусно подобранных цитат анонимный автор доказывает, что Гегель сеял ненависть против бога и существующего порядка, против церкви и священного писания, что он не только не был прусским патриотом, а, наоборот, восторгался французами и презирал немцев и т. д. Этот памфлет был хорошо знаком и русским «людям сороковых годов» и помог им разобраться в тех сторонах гегелевской философии, которые делали из нее «алгебру революции».

Маркс, принимавший участие в составлении памфлета, ставшего манифестом гегельянской крайней левой, должен был, с своей стороны, приготовить критику гегелевской философии права. В отличие от Бруно Бауэра, который обладал колоссальной теологической эрудицией, Маркс был не только философом, но и юристом [1]). Из писем его к Руге видно, что Маркс успел написать, по

[1]) Гесс, который впервые познакомился с Марксом в августе 1841 г., пишет о нем, что он в философской области идет дальше не только Штрауса, но и Фейербаха, что он нанесет последний удар средневековой религии и *политике,*

крайней мере, набросок этой работы. По аналогии с первыми частями она должна была выявить радикальные элементы в том труде Гегеля, который больше всего пользовался «благонадежной» репутацией как официальная философия прусского государства. Конечно, такая задача могла быть выполнена только в результате последовательной критики прусской монархии. Однако в условиях прусской цензуры трудно было взяться за практическое осуществление такого плана.

Первым опытом Маркса в этом направлении явилась статья «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», написанная им для «Немецких летописей». На частном примере законов о печати прусского государства она дает уничтожающую критику «внутреннего государственного устройства» Пруссии и ее «бюрократического разума». Как Маркс и опасался, «цензура зацензурировала его цензуру». Саксонская цензура пошла по стопам прусской, доказывая свое «родство» с последней. Для Руге это обстоятельство явилось стимулом к организации нового предприятия. В том же письме, в котором он извещает Маркса, что его статья стала теперь «невозможной», он запрашивает его, согласен ли Маркс, чтобы его статья, вместе с другими запрещенными статьями, напечатана была в сборнике, который он хочет издать в Швейцарии, вне «пределов досягаемости» для немецкой цензуры.

Маркс немедленно согласился на предложение Руге. Вместе с тем он предлагает ему для того же сборника и другую статью, которую он предназначал для «Немецких летописей». Она представляет критику гегелевского естественного права, поскольку дело касается *внутреннего государственного устройства.* Сущность ее заключается в борьбе против конституционной монархии, как ублюдка, внутренне насквозь противоречивого и самоуничтожающегося. Respublica совершенно не поддается переводу на немецкий язык.

Маркс все больше посвящает свое время изучению вопросов права и государства. В связи с полемикой по вопросу о публичности и устности судебных прений, которая тогда занимала Рейнскую провинцию, ему хочется доказать, что Пруссия не может ввести публичности и устности, ибо свободные суды не вяжутся

что он соединяет в одном лице *Руссо,* Вольтера. Гольбаха, Лессинга, Гейне и *Гегеля.* (Из письма Гесса известному немецкому романисту Ауэрбаху от 2 сентября 1841 г.)

с несвободным государством». Он хотел бы также «воздать хвалу Пруссии за ее благочестие, ибо трансцендентное государство не может обойтись без положительной религии, как русский мошенник без нательного образка».

В апреле 1842 г. он пишет свою первую большую статью для «Рейнской газеты», он подвергает в ней резкой критике «дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов Собрания земских сословий». Статья начинается выпущенной в издании Меринга полемикой с «Прусской государственной газетой». Достаточно сравнить основные мысли этой статьи с § 319 «Философии права» Гегеля, чтобы видеть, как далеко Маркс ушел влево от своего учителя в вопросе о свободе печати. Интересна уже самая попытка Маркса изложить дебаты как выражение мнений не отдельных *лиц*, а *сословий*.

Втянувшись в работу для «Рейнской газеты», Маркс окончательно переходит в область публицистики. В октябре 1842 г. он становится главным редактором газеты. Все темы его крупных статей за этот период так или иначе связаны с критикой философии права Гегеля. Он продолжает еще разделять основную точку зрения своего учителя на государство. «Воспитательная роль государства по отношению к его членам заключается в том, что оно их делает членами государства, в том, что оно превращает частные цели во всеобщие, превращает грубый инстинкт в нравственные волевые импульсы, природную независимость в духовную свободу, в том, что единичная личность сливается с жизнью целого, а целое находит свое отражение в сознании каждой отдельной личности».

Но именно потому, что Маркс признает, что «государство есть союз свободных людей, воспитывающих друг друга», он подвергает систематической критике прусскую «действительность», все больше обнаруживающую свое противоречие с «разумом».

В статье, посвященной «дебатам по поводу закона против кражи дров», Маркс затрагивает ряд вопросов из области гражданского и уголовного права. И в этом случае, продолжая оставаться на точке зрения, что в государстве должна «осуществиться правовая, нравственная и политическая свобода», Маркс вскрывает все противоречия господствующего права, делая из своей основной предпосылки самые крайние выводы. Он блестяще доказывает, что существующие законы безжалостно приносят в жертву право

человека праву вещи. «Если всякое нарушение собственности, без различия, без более точною определения есть кража, то не является ли всякая частная собственность кражей?» Он показывает, как право, государственная власть, превращается в *«прислужницу лесовладельцев»*. Все органы государства становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца слышит, подстерегает, оценивает, охраняет, хватает, бегает». Но все же Маркс, бичуя законодательство, которое думает только о дереве и лесе, которое закрывает глаза на ужасную нужду человека, заставляющую его красть, хочет решать этот вопрос только политически, т. е. «в связи со всем государственным разумом и с государственной нравственностью».

Та же основная точка зрения проводится и в статье «О сословных комиссиях в Пруссии». Сословные интересы противопоставляются всеобщему интересу, сословное представительство как организация особенных интересов по существу своему противоречит «истинному государству», в котором нет земельной собственности, нет промышленности, в которой господином является не несвободный предмет, а свободный человек.

К «Философии права» Гегеля примыкает и критика «проекта закона о разводе». И здесь Маркс берет отправным пунктом положение Гегеля, но делает из него другой вывод.

В наиболее конкретной форме превращение гегелевской формулы — что действительно, то разумно — из консервативной в революционную проведено Марксом в его полемике с обер-президентом Шаппером по вопросу о положении мозельских крестьян. «Раз доказано, что объективные отношения порождают *необходимость* какого-нибудь явления, то уже нетрудно будет установить, при наличности каких внешних условий это явление *действительно* должно было стать фактом и при наличности каких оно могло не стать таковым, несмотря на то, что потребность в нем уже существовала».

Если Гегель в своей «Философии права» возвеличивает прусскую бюрократию, то Маркс, в этой статье дает уничтожающую критику не только прусской, но и всякой бюрократии.

Полемика Маркса с прусским Фамусовым оборвалась на полуслове. Попытка подвергнуть критике прусское государство, прусскую действительность «на примере конкретных обстоятельств и данного положения вещей», несмотря на весь публицистический

талант Маркса, кончилась неудачей. Несмотря на то. что он говорил на жаргоне гегелевской философии права, т. е. философской апологии прусского государства, каждая статья Маркса свидетельствовала, что он становится в резкую оппозицию к существующей действительности. Если это был Гегель, то Гегель «Трубного гласа», Гегель, ставший не только атеистом, но и революционером. Гегель, вывороченный наизнанку. Марксу становилось все яснее, что необходимо пересмотреть критически всю философию права Гегеля. Если до сих пор он считал, что «общие теоретические рассуждения о государственном устройстве годятся скорее для чисто научных органов, чем для газеты», то он пользуется теперь «благоприятным» случаем и, освободившись от работы в газете, приступает к теоретическому разбору основных положений философии права Гегеля, чтобы таким образом подвергнуть вновь критике ту же действительность, поскольку последняя нашла свое отражение в философии.

«Критика немецкой государственно-правовой философии», получившей у Гегеля свою самую последовательную, самую содержательную и законченную формулировку, есть в одно и то же время и критический анализ современного государства и связанной с ним действительности, и самое решительное отрицание всей доныне существующей *формы* немецкого *политического* и *правового сознания,* самым благородным, универсальным, до степени *науки* возвысившимся выражением которого является именно сама *спекулятивная философия права.*

II

Найденная нами рукопись и представляет одну из подготовительных работ, которую Маркс предпринял для осуществления поставленной себе цели. Внимательное чтение ее показывает, что в более теоретической форме она продолжает критику гегелевской философии права, которой Маркс занимался в «Рейнской газете» на «примере конкретных обстоятельств и данного положения вещей». Местами мы встречаем те же самые мысли, иногда в тех же самых выражениях, которые мы находим в указанных нами статьях «Рейнской газеты».

Гораздо важнее отметить одну особенность, которая позволяет еще более точно определить время, когда Маркс писал свою работу. Как раз в то время, когда он вышел из редакции Рейнской

газеты», он получил книжку «Анекдотов», в которой, вместе с его статьей по поводу прусской цензурной инструкции, помещена была одна из важнейших работ Фейербаха — «Предварительные тезисы к реформе философии». Она произвела на Маркса сильное впечатление, более сильное, чем «Сущность христианства». В своей новой работе Фейербах сделал значительный шаг вперед. Он наносит окончательный удар не только христианской теологии, но и религии вообще. Он решительно выдвигает «антропологический принцип» и доказывает, что даже система Гегеля является еще разновидностью спекулятивной, умозрительной теологии. Он требует применения к умозрительной философии того же метода критики, что и в области философии религии. «Нам необходимо только превратить предикат в субъект и таким образом в качестве субъекта сделать объектом и принципом — следовательно, только *перевернуть* умозрительную философию; только так мы получим непреложную, чистую, ясную истину»

Фейербах указывает и главные вехи критики гегелевской системы. «Сущность теологии — это *трансцендентная,* вынесенная вовне человека сущность самого человека; сущность гегелевской логики — это трансцендентное мышление — мышление человека, утвержденное вовне человека». Все свойства абсолютного духа, как и всякого «бога», представляют свойства человеческой сущности, от нее отщепленные, отделенные, отчужденные. «Подобно тому, как теология *раздваивает* и *отчуждает* человека, чтобы затем вновь отожествить с ним эту отчужденную сущность, так *дифференцирует и расщепляет* Гегель *простую, тожественную с собою сущность* природы и человека, чтобы насильственно отделенное потом снова насильственно опосредствовать».

Отсюда и требование Фейербаха совлекать покров таинственности с различных явлений духа, создаваемый теологией, но сохраняемый и спекулятивной философией, поскольку она «абстрагирует», поскольку она полагает *«сущность* природы вне природы, *сущность* человека — *вне человека, сущность* мышления — *вне акта мышления».* Мистерии, таинства спекулятивной философии должны быть так же разоблачены, как и мистерии, таинства теологии. «Гегелевская философия сама отчуждает себя от человека тем, что вся ее система покоится на этих актах абстракции». Она поэтому мешает познанию действительности, как она есть. Она только закутывает эту действительность в покрывало отвлеченно-

стей. «То, что есть — выражать так, *как оно есть,* т. е истинное выражать *истинно — кажется поверхностным;* то, что есть — выражать, так, *как оно не есть,* т. е. истинное выражать *не истинно, извращенно — кажется глубоким».*

Доказывая необходимость синтеза жизни и истины, Фейербах доказывает необходимость соединения «антисхоластического, сангвинического начала французского сенсуализма» с «схоластической флегматичностью немецкой метафизики». Он выдвигает «галло-германский принцип, намечая таким образом главную задачу будущих «Немецко-французских летописей».

В этих же томах мы находим сопоставление и противоположение *сердца* и *головы.* «Сердце производит революцию, голова проводит реформы, голова приводит вещи в *порядок,* сердце приводит их в *движение.* Но только там, где есть движение, волнение, страсть, кровь, чувственность, там есть также и *дух».*

Повторяем, эта работа Фейербаха оказала на Маркса сильное влияние. Она в значительной степени определила направление его творческой деятельности, поскольку последняя нашла свое выражение в литературных работах Маркса 1843 и 1844 гг. Метод, который был выдвинут Фейербахом и применен им в критике основоначал гегелевской философии, служит теперь в руках Маркса орудием критики гегелевской философии права и государства. Маркс, который на страницах «Рейнской газеты» вел такую упорную борьбу с «мистериями» прусского государства и права, был уже крепче связан с «действительностью», чем живущий в маленькой баварской деревушке философ. Он сразу же отметил основной недостаток тезисов Фейербаха их неполноту и односторонность.

«Афоризмы Фейербаха,— пишет он Руге,— страдают, на мой взгляд, в том отношении, что *он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику. Между тем это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать идейной.* Но все наладится, как в XVI столетии, когда параллельно с энтузиастами природы был другой род энтузиастов государства».

Действительно, тезисы Фейербаха как раз в вопросах политики — права и государства — давали очень мало. Даже там, где Фейербах касается непосредственно гегелевской философии права, он ограничивается общими положениями. Он с самого начала

запирает себе дорогу для дальнейшего развития своей мысли. Протестуя против того, что спекулятивная философия отнимает у человека ряд общественных качеств, отделяет просто человека от художника, мыслителя, писателя, судьи, он превращает то, что является результатом *общественного* развития, *общественного разделения труда* — качество мыслителя, художника, судьи и т. д.— *в характерное, существенное свойство человека,* т е. делает значительный шаг назад от Гегеля, который уже прекрасно знал, что все эти «качества» являются результатом общественного разделения труда, отчуждающего от «человека» в «гражданском обществе» ряд функций и таким образом ущербляющего его человеческую сущность».

Не многим больше дает тезис Фейербаха о государстве.

«Государство» — это осуществленная, развернутая, изъясненная целостность человеческого существа. В государстве существенные качества или деятельности человека осуществляются в особенных сословиях, но в личности верховного главы государства они вновь сводятся к тожеству. Верховный глава государства представляет все сословия без различия: пред его лицом они все равно необходимы, все равно оправданы. Верховный глава государства — это представитель универсального человека

Это все, что имел в своем распоряжении Маркс, когда, после повторного разъяснения «правильной теории», которую он развивал «на примере конкретных обстоятельств и данного положения вещей», он приступил к теоретическому анализу гегелевской философии права и государства.

Сильный в области природы философии и религии, Фейербах был чрезвычайно слаб в области этики, права, политики. На этот крупнейший недостаток в сравнении с Гегелем указал после Энгельс.

«Все отношения между людьми имеют в его глазах только одну сторону; нравственность. И здесь нас опять поражает удивительная бедность Фейербаха в сравнении с Гегелем. У Гегеля этика или учение о нравственности есть философия права и обнимает: 1) отвлеченное право, 2) мораль, 3) нравственно-бытовые отношения, к которым относятся семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична, форма, настолько же реально содержание. Вместе с моралью оно заключает в себе всю область права, экономии и политики. У Фейербаха как раз наоборот. По

форме он реалист; за точку отправлении он берет человека. Но он ни единым словом не упоминает об окружающем человека мире, и потому его человек остается тем же отвлеченным человеком, который фигурирует в религии».

Во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что Маркс, как это видно из печатаемой нами рукописи, в своей критике гегелевской философии последовательно приводит метод, выдвинутый Фейербахом для критики спекулятивной философии Гегеля вообще. Приведем ряд примеров.

Уже в самом начале, критикуя гегелевское положение о взаимоотношениях между семьей, гражданским обществом и государством, Маркс замечает:

«Действительность провозглашается *не такой, как она есть, а как другая действительность.* Обыкновенная эмпирия повинуется законам не своего собственного духа, а чужого; действительная же идея, в свою очередь, имеет свое полное бытие не в действительности, развившейся из нее самой, а в обыкновенной эмпирии. *Идея субъективируется. Действительное отношение сил и гражданского общества к государству понимается как внутренняя, воображаемая деятельность идеи.* Семья и гражданское общество являются предпосылками государства. Именно они являются действительными, *но в умозрении все это отношение становится на голову.* Но если идея субъективируется, то действительные субъекты, гражданское общество, семья, обстоятельства, произвол etc.», становятся здесь *недействительными,* означающими нечто другое,— объективными моментами идеи» [1]).

Уже в этом примере Маркс указывает на «логический, пантеистический мистицизм» Гегеля.

Дальше. «Идея отделяет от себя эти предпосылки, чтобы, пройдя их идеальность, быть для себя бесконечным действительным духом», т. е. политическое государство не может существовать без естественного базиса семьи и искусственного базиса гражданского общества. Последние суть conditio sine qua non государства. Но у Гегеля условие делается обусловленным, определяющее — определяемым, производящее — продуктом своего продукта. «Действительная идея» опускается только за тем в сферу

[1]) Курсив всюду наш.

семьи и гражданского общества, чтобы, снимая их, произвести свою бесконечность и наслаждаться ею».

А между тем «фактом является то, что основой государства является толпа, состоящая из членов и членов гражданского общества; спекулятивное же мышление провозглашает это фактическое положение вещей результатом деятельности субъективной, отличной от факта идеи». У Гегеля факт берется не как таковой, а как «мистический результат». И Маркс кончает свой анализ соответствующего параграфа указанием, что «в нем ярко сохранилась вся мистика философии права в гегелевской философии вообще».

Разбирая § 267, Маркс замечает: «Важно то, что Гегель везде делает субъектом идею, а действительный собственный субъект, как «политическое умонастроение», предикатом. Развитие однако *везде идет на стороне предиката*».

Особенно подробно — и именно в духе Фейербаха — Маркс анализирует и вскрывает мистицизм Гегеля при разборе §§ 269 и 270.

«Не существует такого моста, который от общей идеи организма вел бы к определенной идее государственного организма или к политическому устройству, и этот мост никогда нельзя будет перекинуть между ними... Гегель сделал продуктом, предикатом идеи то, что является ее субъектом. Он развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу завершившего именно в «абстрактной сфере логики свой круг мышления».

У Гегеля «цель государства» и «государственные власти» приобретают мистический характер, так как изображаются как «формы бытия» субстанции и представляются оторванными от их действительного наличия бытия «...философская работа Гегеля направлена не на то, чтобы наполнить абстрактное мышление конкретным содержанием политических определений и превратить их в абстрактные мысли. Не логика дела, а дело логики является философским моментом. Не логика служит для оправдания государства, а государство для оправдания логики».

Мы видим, как Маркс, используя метод Фейербаха, уже обгоняет его в области критики и политики. Когда Гегель доказывает, что «каждый народ обладает государственным устройством, которое ему впору и подходит ему», Маркс отвечает:

«Из рассуждения Гегеля следует только, что государство, в котором «характер и ступень образования самосознания» проти-

воречат государственному устройству, не есть настоящее государство. Что государственное устройство, явившееся продуктом пройденной ступени самосознания, может превратиться в тяжкие оковы для более высокой ступени и т. д. и т. д.— эта истина уже стала банальной. Из рассуждения Гегеля скорее вытекало бы требование такого государственного устройства, которое в самом себе имеет назначение и принцип итти в ногу с сознанием, итти в ногу с действительным человеком, что возможно только тогда, когда «человек» стал принципом государственного строя. Гегель здесь — софист».

Если Фейербах в своих тезисах все еще не идет дальше «человека» и его «природной» сущности, то Маркс уже ставит вопрос о социальной сущности человека.

«Гегель забывает, что особенная индивидуальность есть человеческая индивидуальность, а государственные функции и сферы деятельности суть человеческие функции; он забывает, что сущность особенной личности составляет не ее борода, не ее кровь, а ее *социальное качество,* и что государственные функции и т. д. суть не что иное, как формы бытия и формы проявления социальных качеств людей. Ясно поэтому, что, поскольку индивидуумы являются носителями государственных функций и государственной власти, они рассматриваются не со стороны их частных, а со стороны их общественных качеств».

Мы ограничиваемся этими указаниями. Читатель легко отметит при внимательном чтении новой рукописи, как систематически Маркс проводит в своей критике этот метод и разоблачает таким образом «мистифицирующую сторону гегелевской диалектики» в области права и государства. На примере монархии вообще, конституционной монархии, демократии, сословного принципа, на примере бюрократии, палаты пэров, майоратов Маркс подробно показывает, как запутывается Гегель, желая доказать разумность этих «конечных», явлений и их необходимость как форм проявления «абсолютной идеи». «Действительным субъектом у Гегеля становится мистическая субстанция, а реальный субъект представляется как нечто другое, как момент мистической субстанции. Когда Гегель превращает монархию не в нечто производное, а в «безусловно начинающее из себя», Маркс отвечает, что таковым является всякое необходимое бытие: вошь монарха и этом отношении ничем не отличается от самого монарха. «Гегель берет за исходную точку государство и делает человека субъективиро-

ванным государством. Демократия делает своей отправной точкой человека и делает из государства объективированного человека. *Подобно тому, как не религия создает человека, а человек создает религию, так и государственное устройство не создает народа, а народ создает государственное устройство».*

Когда Гегель доказывает, что данный индивидуум предназначен быть монархом «непосредственно, природным образом, благодаря физическому рождению», Маркс ему отвечает;

«Последней решающей инстанцией на высшей вершине государства, таким образом, вместо разума оказалось бы *тело.* Рождение предопределяло бы качество монарха, как оно предопределяет качество скота. Гегель доказал, что монарх должен родиться, в чем никто не сомневался, но он не доказал, что рождение делает его монархом. Что человек в силу рождения предназначен быть монархом, это так же мало может стать метафизической истиной, как догмат о беспорочном зачатии богородицы Марии. Но как последнее представление, являющееся фактом сознания, так и первое представление, отражающее эмпирический факт, могут быть объяснены человеческими иллюзиями и отношениями».

III

Как бы то ни было, не подлежит никакому сомнению, что печатаемая нами рукопись Маркса была писана после его выхода из редакции «Рейнской газеты» и после ознакомления с тезисами Фейербаха. У нас имеются еще и другие доказательства.

В том самом письме (8 марта 1843 г.), в котором Маркс извещает Руте о получении статьи Фейербаха, он сообщает ему, что собирается поехать в Крейцнах, чтобы жениться и провести месяц или больше у матери своей невесты. План основания нового журнала с Руге был уже решен, и Маркс собирался приготовить некоторые работы для нового журнала. Так оно и вышло. После женитьбы Маркс провел несколько недель в Крейцнахе. Счастливый случай сохранил для нас несколько тетрадей с выписками на различных книг, прочитанных и эксцерпированных Марксом в это время (июль и август 1843 г). В одной из них мы находим следующее замечание Маркса:

«При Людовике XVIII конституция была милостью короля (хартия, октроированная королем), при Луи-Филиппе король яв-

ляется милостью конституции (октроированное королевство). Мы можем вообще заметить, что превращение субъекта в предикат и предикат в субъект, замена определяющего определяемым, всегда есть ближайшая революция. Не только на революционной стороне. Король делает закон (старая монархия), закон делает короля (новая монархия). Точно так же обстоит дело с конституцией. Тоже и реакционеры. Майорат есть закон государства. Государство хочет закона о майорате. Тем, что Гегель поэтому делает моменты государственной идеи субъектом и старые государственные формы предикатом, тогда как в исторической деятельности дело обстоит наоборот, государственная идея всегда была предикатом этих форм, он выражает только всеобщий характер эпохи, ее *политическую теологию*. Получается то же самое, что с его философско-религиозным пантеизмом. Все создания не-разума превращаются в создания разума. Но в принципе превращается в определяющее в религии — разум, в государстве — государственная идея. Эта метафизика есть метафизическое выражение реакции, старого мира, как истины нового мировоззрения. Достаточно сравнить это замечание с концом нашей рукописи, где речь идет о реставрации и палате пэров, чтобы сделать заключение, что она закончена была не раньше сентября 1843 г.

Но мы имеем еще и другое доказательство, что рукопись относится к периоду апрель—сентябрь 1843 г.

Как известно, в «Немецко-французских летописях» помещена статья, в которой Руге сгруппировал письма Бакунина и Маркса к нему и свои ответы. Одно письмо Маркса датировано — Кёльн, май 1843 г., другое — Крейцнах, сентябрь 1843 г.

Первое из них посвящено критике монархии, порядка мертвых вещей, которой противопоставляется демократия, порядок свободных людей. Оно примыкает к той части рукописи, в которой Маркс разбирает взгляды Гегеля на монархию.

Во втором письме мы читаем: «Разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме. Критик может, значит, взять исходным пунктом всякую форму теоретического и практического сознания и из *собственных* форм существующей действительности развить истинную действительность как ее долженствование и конечную цель».

В рукописи эта же мысль нашла себе следующее выражение: «Гегель заслуживает порицания не за то, что он рисует сущ-

ность современного государства так, как она есть, а за то, что он то, что есть, выдает за сущность государства. Положение, что разумное — действительно, лучше всего иллюстрируется противоречивостью неразумной действительности, которая на каждом шагу есть противоположность тому, что она о себе говорит, и говорит о себе противоположное тому, что она есть».

Центральная мысль этого письма — необходимость связать критику философскую с критикой политики — имеет своей теоретической предпосылкой мысли, развитые в рукописи.

«Сделать предметом критики самый специальный политический вопрос,— например, различие между сословной и представительной системой,— нисколько не значит спуститься с hauteur des principes, так как этот вопрос лишь выражает *политическим* языком различие между господством человека и господством частной собственности».

И дальше: «Реформа сознания состоит *только* в том, чтобы дать миру познать его собственное сознание, чтобы рассеять грезы мира о самом себе, чтобы *разъяснить* ему смысл его собственных действий. Вся наша задача может состоять только в том. чтобы — по примеру фейербаховской критики религии — придать религиозным и политическим взглядам самосознательную человеческую форму. Таким образом, наш девиз должен гласить: реформа сознания не посредством догм, а *посредством анализа мистического и себе самому не ясного* сознания как в религиозной, так и в политической области».

Мы можем теперь более точно определить и хронологический порядок, в котором были написаны статьи Маркса в «Немецко-французских летописях».

Так, хотя статья «К критике гегелевской философии права» помещена раньше статьи «К еврейскому вопросу», не подлежит сомнению, что первая из них написана позже. И та, и другая примыкают по своему содержанию к новой рукописи. Разница во времени во всяком случае не очень велика, и все же они представляют различные этапы в развитии мысли Маркса. Достаточно сказать, что в статье «К еврейскому вопросу», в которой Маркс ставит вопрос о человеческой эмансипации и ее отношении к политической эмансипации, он совершенно не говорит об отношении человеческой эмансипации к эмансипации пролетариата.

Вероятнее всего, что статья «К еврейскому вопросу» была

написана, вчерне еще в Крейцнахе, где Маркс оставался до конца октября. Некоторые цитаты, приводимые им в этой статье, взяты из книг, которые он эксцерптировал в Крейцнахе.

Но она и по содержанию непосредственно примыкает к новой рукописи. Вопрос об отношении политического государства к гражданскому обществу, который так подробно разбирается в статье «К еврейскому вопросу», является одним из важнейших вопросов в критике гегелевской философии права. Маркс уже коснулся его в новой рукописи. Достаточно указать на главные пункты этого изложения, чтобы сейчас же заметить, что мысли, изложенные Марксом в статье «К еврейскому вопросу», представляют только дальнейшее их развитие, а местами весьма важное дополнение, поскольку Маркс в предыдущей рукописи только поставил некоторые вопросы:

«Законченное политическое государство является по своей сущности родовой жизнью человека в противоположность к его материальной жизни. Все предпосылки его эгоистической жизни продолжают существовать *вне* государственной сферы, в *гражданском обществе,* но как свойства гражданского общества. Там, где политическое государство достигло своего действительного развития, человек не только в мыслях, в сознании, а в действительности, в жизни, ведет двоякую жизнь, небесную и земную, жизнь в политическом общежитии, в котором он выступает как общественное существо, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как *частное лицо,* рассматривает других людей как средство низводить себя самого до средства и становиться игрушкой чужих сил».

Такие вопросы, как «отношение политического государства к своим предпосылкам, будут ли то материальные элементы, как частная собственность и т. п., или духовные, как образование, религия, спор между общим интересом и частным интересом, раскол между политическим государством и гражданским обществом»,— Маркс замечает, что Бауэр все эти «светские» противоположности оставляет нетронутыми,— все эти вопросы поставлены уже были в разбираемой нами рукописи. «Гегель исходит из разделения между «государством» и «гражданским обществом», между особенными интересами и «сущим в себе и для себя всеобщим», и надо признать, что бюрократия зиждется на этом разделении... Гегель исходит из разрозненности «гражданского общества» и

«политического государства» как двух прочных противоположностей, двух действительно различных сфер. Эта разрозненность в в самом деле существует в современном государстве... Гегель исходил, как из предпосылки, из того состояния, в котором гражданское общество и политическое государство оторваны друг от друга (современное состояние), и это состояние он развил как необходимый момент идеи, как абсолютную истину разума... Он противопоставил сущее в себе и для себя всеобщее государства особенным интересам и потребностям гражданского общества. Одним словом, он везде изображает конфликт «гражданского общества и государства».

Разбирая § 289, где Гегель говорит, что «гражданское общество является полем битвы индивидуального частного интереса, борьбы всех против всех», Маркс говорит:

«В этом рассуждении Гегеля замечательно: 1) определение гражданского общества, bellum omnium contra omnas; 2) что в частном эгоизме усматривается и «тайна патриотизма граждан» и «источник глубины и силы, которым государство обладает в умонастроении»; 3) то, что «гражданин», человек частного интереса, рассматривается в противоположность всеобщему, член гражданского общества рассматривается как «законченный индивидуум», с другой же стороны, и государство противостоит «различным индивидуумам», «гражданам».

В статье «К еврейскому вопросу» мы читаем:

«Человек *политически* эмансипируется от религии тем, что удаляет ее из публичного права в частное право. Она уже не является духом государства, где человек — хотя и в ограниченной степени, под особой формой и в особой сфере — ведет себя как родовое существо в сообществе с другими людьми: она стала духом *гражданского общества,* сферы эгоизма, bellum omnium contra omnes. Она уже не существо *общности,* а существо *различия.* Она стала выражением отделения человека от своей общественности, от себя самого и других людей, чем и была первоначально».

В такой же степени опираются как на свои предпосылки на критические замечания, развитые в печатаемой нами рукописи, следующие положения Маркса в статье «К еврейскому вопросу».

«Политическая эмансипация есть в то же время разложение старого общества, на которое опирается чуждая народу государ-

ственность, верховная власть. Политическая революция есть революция гражданского общества. Каков был характер старого общества? Его характеризует одно слово — феодализм. Старое гражданское общество *непосредственно* имело политический характер, т. е. элементы гражданской жизни, например, собственность и семья, форма и способ труда, были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме феодальных прав, сословий и корпораций. В этой форме они определяли отношение отдельной личности к *государству,* как целому, т. е. ее *политическое* положение, т. е. положение изолированности и исключенности от других составных частей общества. Ибо та организация народной жизни не возвела собственности или труда до степени социальных элементов, а скорее завершила их *отделение* от государства, как целого, и конституировала их в отдельные общества в обществе. Таким образом, жизненные функции и жизненные условия гражданского общества все еще были политическими, хотя и политическими в формальном смысле, т. е. они замыкали личность от государства, как целого, превращали *особое* отношение ее корпорации к государственному целому в ее собственное общее отношение к народной жизни, как и определенную ее гражданскую деятельность и положение в общую деятельность и положение. В результате такой организации государственное единство, как сознание, воля и деятельность государственного единства и как общая государственная власть, необходимо проявляется в виде особой функции обособленного от народа повелителя и его слуг».

Политическая эмансипация, несмотря на провозглашение прав человека, остается половинчатой. Разрушение феодального общества явилось освобождением гражданского общества от феодального политического государства. Но человек, освободившийся от феодальных пут, член гражданского общества, остался тем же эгоистическим человеком, который составлял основание старого политического общества. Этот эгоизм заложен в самой основе гражданского общества. «Человек поэтому не был освобожден от религии,— он получил только свободу религии. Он не был освобожден от собственности,— он получил свободу собственности. Он не был освобожден от эгоизма промысла,— он получил свободу промысла».

Человек, как член гражданского общества, не есть *действительный* человек, «природный» человек. Природная сущность его

осложняется социальной — он является частным собственником. Права человека, провозглашенные революцией, это — права частного собственника.

«Политическая революция разлагает гражданскую жизнь на ее составные части, не революционизируя этих составных частей и не подвергая их критике. Она относится к гражданскому обществу, миру потребностей, труда, частных интересов, частного права как к основе своего существования, как к последней, не подлежащей дальнейшему обоснованию, предпосылке, и потому как к ее естественному состоянию».

Маркс уже приближается к логическому выводу, что нужно сделать еще один шаг, чтобы освободить действительного человека не только от религиозных пут, не только от политических оков, но и от экономической зависимости. Бог является религиозным отчуждением человека; государство, государь — его политическим отчуждением. В той и другой форме собственные силы, способности человека отчуждаются от него и продолжают самостоятельное существование Между человеком и отчужденными от него силами, объективирующимися в независимым от него категории существа, становятся *посредники:* в религии — церковь, духовенство, в политике — феодальная иерархия, сословное устройство, бюрократия.

«Всякая эмансипация есть возвращение человеческого мира, человеческих отношений, к самому человеку Только когда действительный индивидуальный человек воспримет в себе абстрактного гражданина государства и, как индивидуальный человек, станет *родовым* существом в своей эмпирической жизни, в своей индивидуальной работе, в своих индивидуальных отношениях, только тогда человек познает и организует свои forces propres (собственные силы) как общественные силы и потому больше не станет отделять от себя общественной силы в виде *политической* силы — только тогда совершится человеческая эмансипация».

Пока гражданское общество продолжает оставаться миром частной собственности, миром «атомистических, враждебно друг к другу настроенных индивидов», человеческая эмансипация не мыслима.

«Продажа есть практика отчуждения. Подобно тому, как человек, пока он религиозно настроен, умеет представить себе свое существо, лишь обращая его в *чуждое,* фантастическое суще-

ство, так и при господстве эгоистической потребности он может работать практически, производить практические предметы, лишь подчиняя свои продукты, как и свою деятельность, власти чуждого существа и придавая им значение чуждого существа — денег».

Необходимо поэтому уничтожить торгашество и его предпосылки. «Общественная эмансипация еврея есть эмансипация общества от еврейства».

IV

Переезд в Париж, который совершился в начале ноября, дал новый толчок мысли Маркса. Он прекрасно понимал, что необходимо связать свою критику «с критикой политики, с интересами определенной политической партии» а стало быть связать и отожествить эту критику с *действительной* борьбой». Еще в сентябре 1843 г. коммунизм,— не какой-нибудь воображаемый и возможный коммунизм, а тот действительно существующий коммунизм, который проповедуют Кабэ, Дезами, Вейтлинг и пр.,— кажется ему «догматической абстракцией». Он не видит за ним «определенной политической партии», он еще не замечает в нем исповедания веры, программы определенного класса гражданского общества. Правда, он уже прекрасно понимает, какой основной фактор ведет к атомизации гражданского общества, делает чистоганом его главным богом.

Подвергая обстоятельной критике учение Гегеля о сословиях, Маркс точно забывает о пролетариате. Даже в статье «К еврейскому вопросу» он ни разу не вспоминает о пролетариате, а между тем уже анализ «гражданского общества» должен был его натолкнуть на вопрос: чем отличается пролетарий от других частей «гражданского общества»?

Этот вопрос поставлен, и ответ на него дан только в статье «К критике гегелевской философии права». И она является только дальнейшим этапом в развитии тех мыслей, которые мы проследили в рукописи Маркса. Но какое колоссальное расстояние между ней и статьей «К еврейскому вопросу», хотя хронологически их разделяет ничтожный промежуток времени! Маркс приехал в Париж в начале ноября 1843 г., а первый выпуск «Немецко-Французских летописей» вышел в конце февраля 1844 г. Если статья «К еврейскому вопросу» вчерне уже была написана в Крейцнахе, то окончательно обработал ее и дополнил Маркс в

Париже. Статья «К критике гегелевской философии права» могла быть написана только в Париже и не позже конца декабря 1843 г. или января 1844 г. Она названа «Введением», но звучит как революционный призыв, как манифест нового направления, новой партии.

«Ближайшая задача философии, находящейся на службе истории, с *тех пор, как разоблачен священный образ человеческого самоотчуждения, состоит в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его неосвященных образах.* Критика неба обращается, таким образом, в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики».

После блестящей критики убожества немецких порядков Маркс приступает к анализу классового состава гражданского общества».

«На чем покоится частичная, исключительно политическая революция? На том, что *часть* гражданского общества эмансипирует себя и достигает *всеобщего* господства, на том, что определенный класс, исходя из своего *особенного положения,* предпринимает эмансипацию всего общества. Этот класс освобождает все общество, но лишь при том условии, что все общество находится в положении этого класса, т. е., например, располагает деньгами или образованием, или может по желанию приобрести их».

«Ни один класс, гражданского общества не может сыграть этой роли, не возбудив на мгновение энтузиазма в себе и массах. Это — момент, когда... он признается *всеобщим представителем* этого общества, когда он действительно представляет собой социальную голову и социальное сердце. Лишь во имя прав всего общества отдельный класс может требовать себе всеобщего господства... Чтобы *революция народа и эмансипация отдельного класса гражданского общества* совпали друг с другом, чтобы одно сословие считалось сословием всего общества, для этого, наоборот, все недостатки общества должны быть сосредоточены в каком-нибудь другом классе, для этого определенное сословие должно быть олицетворением общих препятствий, осуществлением общей преграды, для этого особая социальная среда должна считаться общепризнанным преступлением всего общества,— тогда освобождение от этой среды явится как бы всеобщим самоосвобождением. Чтобы одно сословие было par excellence сословием-освободителем, для этого другое сословие должно быть, наоборот, явным сословием-поработителем».

Мы имеем перед собой картину Франции накануне революции 1789 г. Тогда дворянство явилось сословием-поработителем, а буржуазия той частью гражданского общества, которая располагала деньгами или образованием, которая была «чем-нибудь» и стремилась уничтожить все привилегии, чтобы добиться для *всех* членов гражданского общества возможности свободно приобретать «деньги и образование». Это была политическая эмансипация гражданского общества.

Маркс уже показал в статье «К еврейскому вопросу», в силу каких причин эта эмансипация оказалась недостаточной. «Действительный человек был признан лишь в образе *политической* личности, истинный человек — лишь в образе абстрактного citoyen'a. Сняв старую политическую оболочку, завершив идеализм в государстве, революция завершила материализм в гражданском обществе, дала новый толчок безудержному развитию интересов, частного права, частной собственности. Вместо всеобщего распространения главной основы существования буржуазии оказалось, что все больше и больше растет часть гражданского общества, которая лишается этой основы жизни, которая представляет его «язву».

Но именно этот процесс создает условия всеобщей эмансипации, человеческой эмансипации. Вопрос, поставленный Марксом в статье «К еврейскому вопросу», был теперь решен. Гражданское общество приводит к созданию нового класса, *пролетариата.* Он зарождается вместе с промышленным развитием, его образует не естественно возникшая, а искусственно созданная бедность, он представляет результат разложения гражданского общества. «Требуя *отрицания* частной собственности, пролетариат лишь возводит в принцип общества то, что общество возвело в *его* принцип, что овеществлено в *нем* уже помимо его содействия как отрицательный результат общества».

Духовным оружием этого пролетариата Маркс провозглашает философию и именно ту философию, которая во главе угла поставила антропологический принцип, т. е. философию Фейербаха. «Единственно *практически* возможное освобождение Германии есть освобождение на точке зрения *той* теории, которая *объявляет человека высшим существом для человека».* В терминах же фейербаховских тезисов Маркс заявляет, что *голова* эмансипации человека — это философия, *сердце* ее — пролетариат.

Таким образом, философия, прежде тщетно искавшая партию, на которую она могла бы опереться как на свою материальную основу, нашла ее не в отдельных философах, идеологах, критически-мыслящих личностях, а в роде (Gattung), в *массе.* Философия, к великому негодованию старых друзей Маркса, покинула мир образованных и пошла в народ».

Переехав в Париж, Маркс не только погрузился в «море книг». Наряду с изучением истории французской революции Маркс изучал и открывшееся ему впервые рабочее движение, как французское, так и немецкое. Он усердно посещал собрания немецких рабочих. У нас имеется теперь любопытное показание самого Маркса. Когда между собою объединяются коммунистические *ремесленники,* то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т. д. Но в то же время у них возникает и новая потребность, потребность в общении, и то, что казалось средством, становится целью. К каким блестящим результатам привело это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания социалистических французских рабочих. Курение, питье и т. д. не служат уже больше средствами соединения, не служат уже связывающими средствами. Для них достаточно общения в кружке, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение; *человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с загрубелых от труда лиц глядит на вас вся красота человечества».*

Практика рабочего движения помогла, таким образом, Марксу найти ответ на мучивший его вопрос. Теория нашла точку опоры. Но «недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли».

Если пролетариат в свою очередь оказался классом, сферой *гражданского общества,* то уже с самого начата ясно видно было, что пролетариат — не *природная,* не *естественная,* а *искусственная* сфера гражданского общества. Таким образом, возникал новый ряд вопросов. Всегда ли *человеческое* общество было *гражданским,* всегда ли оно удовлетворяло свои потребности на основе частной собственности, частных прав, частных интересов? Каким образом на основе частной собственности развивается отделение ее от труда, который является ее источником? Каким образом действительный человек отрешается от своих «собствен-

ных сил», отчуждает, расщепляет свою человеческую сущность не только в области политической, но и в области экономической, в области всех сфер социальной жизни?

В той самой книжке «Немецко-французских летописей», в которой появилась статья Маркса «К критике гегелевской философии права», напечатана была статья Энгельса «Очерки критики политической экономии». В одном отношении она представляла шаг вперед. Если Маркс ставил *в порядок дня превращение критики религии в критику права, критики теологии — в критику политики, то Энгельс, опираясь на те же тезисы Фейербаха,* выдвигал уже новую задачу: критику *политической экономии.*

V

На Энгельса так же, как и на Маркса, особенно сильное впечатление произвели «предварительные тезисы» Фейербаха.

«Все в экономии стоит на голове; стоимость, представляющая нечто первоначальное, источник цены, ставится в зависимость от последней, своего собственного продукта. Как известно, это переворачивание и образует сущность абстракции, о чем смотри у Фейербаха.

Превращение в предмет торгашества земли, составляющей наше «единое и все», первое условие нашего существования, было последним шагом к превращению себя самого в предмет торгашества; оно было и вплоть до наших дней остается безнравственностью, которую превосходит лишь безнравственность самоотчуждения.

«Что должны мы думать о законе, который может осуществляться только путем периодических революций? Это и есть закон природы, который покоится на бессознательности участников... Начните производить сознательно, как *люди, а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой общности* (nicht als zersplitterte Atome ohne Gattungsbewusstsein), и вы станете выше всех этих искусственных и несостоятельных противоположностей».

Чтобы еще лучше подчеркнуть эту зависимость от Фейербаха, приведем цитату из другой статьи Энгельса, появившейся в тех же «Немецко-французских летописях». Она кстати дополняет предыдущую.

«В этом бессознательном и в то же время безрелигиозном состоянии человек не может иметь никакого содержания, он должен сомневаться в истине, разуме и природе, и эта пустота и бессодержательность, сомнение в вечных фактах вселенной будут продолжаться до тех пор, пока человечество не увидит, что существо, которому оно поклонялось, как богу, было его собственным, до сих пор ему не известным существом, пока... впрочем, зачем мне переписывать Фейербаха?»

Характерно, однако, что Энгельс не видит никакой существенной разницы между Бруно Бауэром и Фейербахом. За последнее время,— пишет он, в Германии критика пантеизма вы полнена с такой исчерпывающей полнотой, что ничего больше не остается добавить. Тезисы Фейербаха в Anekdota и сочинения Б. Бауэра дают все, что касается этого вопроса». Не прошло и нескольких месяцев, как Энгельсу стало ясно — отчасти под влиянием Маркса, который уже начал полемику с Бруно Бауэром, а еще больше под влиянием новой работы Фейербаха,— что он ошибался.

Дело в том, что «Основы философии будущего» Фейербаха вышли в Швейцарии только в ноябре 1843 г. Как Марксу, так и Энгельсу эта книга стала известна только после того, как они закончили свои статьи для «Немецко-французских летописей». То, что в «Предварительных тезисах» только намечалось, превратилось теперь в детальную критику спекулятивной философии. Если Фейербах прежде только мимоходом задевал «философию самосознания». с которой Маркс так же мало еще расстался, как и Энгельс, то теперь он подвергает ее не менее резкой критике как один из отпрысков той же спекулятивной философии.

«Новая философия искала чего-либо *непосредственно достоверного.* Она отбросила поэтому *беспочвенное* мышление схоластики, обосновала философию на *самосознании,* т. е. на место существа *лишь мыслимого,* на место бога, высшей и последней сущности всей схоластической философии, она поставила *мыслящее* существо. Я — самосознательный дух, ибо мыслящее существо для Я мыслящего *бесконечно ближе, действительнее, достовернее,* чем *мыслимое.* Можно сомневаться, что существует бог, можно сомневаться вообще, что я мыслю, но не подлежит сомнению то, что я существую, я, который мыслит, который сомневается. Однако самосознание новой философии само опять-таки

является только мыслимой, опосредствованной через абстракцию, следовательно сомнительной сущностью. Непосредственно достоверно, несомненно только то, что является объектом чувств, созерцания, ощущения».

Но если новая работа Фейербаха помогла Марксу «разделаться» с «философией самосознания», если она давала новые аргументы против спекулятивной философии, если она вколачивала лишние гвозди в гроб теологии, то она опять-таки оставалась весьма бедной по содержанию, поскольку речь шла не о природе, не о человеке вообще, а об истории, общественном человеке.

«Сущность человека только в солидарности, в единстве человека с человеком; в единстве, которое, однако, опирается только на реальность различия между Я и Ты». Или: «Одиночество — это конечность ограниченности; солидарность — это свобода и бесконечность. Человек *для себя* это только человек (в обыкновенном смысле). Человек вместе с человеком, единство *Я* и *Ты*, *является богом».* И самое конкретное указание: «Только посредством сочувствия, только из общения человека с человеком возникают идеи. Не в одиночестве, но сам-друг доходит человек до понятий, до разума вообще. Оба человека необходимы для образования человека — духовный в той же степени, как и физический: солидарность человека с человеком есть первый принцип и критерий истинности и всеобщности».

Вот все, что мог дать Фейербах Марксу и Энгельсу в области истории и общества.

И все же они оставались фейербахианцами еще довольно долго, как это лучше всего доказывает «Святое семейство». Даже тогда, когда они — в особенности Маркс — приходили еще к выводам, которые «снимали» Фейербаха, они продолжали себя считать его учениками.

«Кто раскрыл тайну «системы»? Фейербах. Кто уничтожил диалектику понятий, войну богов, которую одну только знала философия? Фейербах. Кто поставил — правда, не «значение человека», как будто человек имеет еще другое значение, кроме того, что он человек!— а «человека» на место старого барахла, даже на место «бесконечного самосознания»? Фейербах и только Фейербах».

С точки зрения «реального гуманизма» Маркс и Энгельс —

главным образом Маркс — ведут теперь беспощадную борьбу с той самой «философией самосознания», которую они еще недавно считали высшим развитием гегелевской философии. Теперь они видят в ней опаснейшего врага», спиритуализм или спекулятивный идеализм, который на место «действительного индивидуального человека» ставит «самосознание, или «дух». Главной задачей «Святого семейства» является критика «иллюзий спекулятивной философии». Но оба автора обещают после этой критики изложить в особых работах свою «положительную точку зрения и вместе с тем положительное отношение к новейшим философским и *социальным* доктринам».

Правда, в «Святом семействе» авторам приходится касаться и «социальных доктрин». Так, Прудону отведено значительное место. Он взят под защиту от извращений «Критической критики».

Следует вспомнить, каким образом возник план «Святого семейства». Еще до выхода «Немецко-французских летописей» Бруно Бауэр основал собственный орган — «Всеобщую литературную газету», первый номер которой вышел в декабре 1843 г. Новый орган стоял под знаком отказа от «политики». Бруно Бауэр был разочарован неудачей «Рейнской газеты» и «Немецких летописей» и отнесся очень отрицательно к новой попытке расшевелить «массу», «толпу», которая оставалась так «позорно равнодушной» к поражению своих «философских вождей». В разряд «чер- ни» попала наряду с «чернью просвещенной, т. е. ограниченной средой, которая составляла круг читателей «Рейнской газеты» и «Немецких летописей», и «чернь непросвещенная», «масса», «народ». Бруно Бауэр состряпал и свою философию истории на тему: Подите прочь! Какое дело поэту мирному до вас!

«В массе,— а не где-либо в другом месте, как думают прежние либеральные вожди,— следует искать настоящего врага духа. Все великие предприятия предыдущей истории были с самого начала осуждены на неудачу и оказали поверхностное действие именно потому, что в них была заинтересована или ими одушевлялась масса». Это презрительное отношение к «массе» Бауэры распространяли и на пролетариат, издеваясь попутно и над теми, кто задавался утопической мыслью просвещать и организовать «массу», не шедшую дальше «рабочего сознания».

Такой поворот Бруно Бауэра должен был вызвать со стороны Маркса и Энгельса, пришедших к выводу, что, наоборот,

«дух» совершенно бессилен без «массы», самый энергичный протест. Негодование их против старых соратников росло с каждым новым выпуском «Всеобщей литературной газеты». Если до восьмого номера (июль 1844 г.) Бауэр еще не называл непосредственно Маркса, то теперь он выступает с большой статьей против всего движения «1842 г.», т. е. против «Рейнской газеты» и «Немецких летописей». Таким образом, за разрывом с Руге, который не отказался от «политики» и хотел опираться на «массу», но только массу буржуазную, следовал разрыв с Бруно Бауэром, который отрицал теперь «политику» и «массу» вообще.

До сих пор нам было известно, что когда Энгельс в сентябре 1844 г., по дороге из Манчестера в Бармен, остановился в Париже, он вместе с Марксом решил выступить против Бруно Бауэра. Предполагалось ограничиться небольшим памфлетом. Энгельс с своей стороны написал листа, полтора и уехал в Бармен, предоставив Марксу окончательную обработку книги. В декабре, т. е. через два месяца, Маркс отослал издателю всю рукопись. Памфлет превратился в довольно большую книгу.

«Что ты растянул «Критическую критику» на двадцать листов,— пишет ему Энгельс (20 января 1844 г.), меня, конечно, немало удивило. Но это очень хорошо, так как кое-что появляется на свет, что иначе *еще долго лежало бы в твоем письменном ящике*».

Последние слова Энгельса давали основание думать, что Маркс приступил к работе, имея уже в портфеле ряд набросков или даже какую-нибудь готовую работу. Во всяком случае переход от «Немецко-французских летописей» до «Святого семейства» настолько значителен, что, несмотря на свою логическую последовательность, заставляет предполагать и ряд *качественных* различий.

Мы имеем только одну статью Маркса, которая относится к этому переходному периоду. Это — его полемика против Руге, напечатанная в парижском «Vorwärts» в начале августа 1844 г. и датированная 31 июля.

На примере пауперизма, т. е. факта, в котором, как замечает Маркс в «Святом семействе», «вся противоречивая сущность частной собственности проявляется в самой очевидной, кричащей, непосредственно возмущающей человеческое чувство форме», он разоблачает цинизм английской политической экономии и недо-

мыслие английской буржуазии. На примере силезского восстания ткачей он объясняет «Пруссаку» (Руге) различие между социальной и политической революциями и роль пролетариата.

Поскольку речь идет об экономии, критика Маркса не касается вопросов теории. Он только разоблачает лицемерие и цинизм политической экономии, которая — Маркс цитирует Мак-Коллоха, ученика «циничного» Рикардо — вместе с Мальтусом прикрашивает ужасную действительность.

Чтобы доказать способность немецкой «массы» к просвещению, к политической деятельности, Маркс напоминает о «гениальных сочинениях Вейтлинга, которые в теоретическом отношении часто даже идут дальше Прудона, хотя по изложению отстают от него». Силезское восстание является для Маркса лучшим доказательством, что только в пролетариате немецкий народ найдет «деятельный, момент своего освобождения». Маркс уже тогда формулирует свое отношение ко всем фактам рабочего движения, отношение, которому он с тех пор оставался всегда верен. Для мыслящего и любящего правду человека, видевшего первый взрыв — силезское рабочее восстание.— задача состояла не в том, чтобы разыграть роль *школьного учителя,* поучающего по поводу этого события, а. наоборот, в том, чтобы изучить *особенности* этого движения

Из сохранившихся тетрадей — а сохранились далеко не все — мы знаем, что Маркс, наряду с французскими и немецкими социалистами, изучал и экономическую литературу, в первую очередь французскую. Даже Смита, Рикардо, Джемса Милля и Мак-Коллоха он читает еще во французском переводе. Он уже знает работы Сисмонди и его ученика Бюрэ [1]). В другом месте, в связи с опубликованием первой самостоятельной работы Маркса по политической экономии, мы приведем ряд цитат из этих тетрадей, которые покажут, что Маркс в это время продолжал стоять на той же «человеколюбивой» точке зрения, с которой он критикует политику и экономию в статье против Руге. Политическая экономия, по его мнению, лицемерно старается доказать, что гражданское общество, основой которого является частная собственность, есть настоящее, естественное человеческое обще-

[1]) Известную работу Бюрэ о положении рабочего класса в Англии и Франции он использует между прочим и в разбираемой статье, но не называя автора.

ство. А между тем именно в гражданском обществе развивается самоотчуждение человека, приводящее к обесчеловечению человека и противопоставлению ему, как господствующей над ним силы, отчужденных от него же собственных сил. Страшнее всего изоляция не от *политического* общества., а от *человеческого* общества, в котором была еще развита *родовая* человеческая жизнь, которое еще не распалось на отдельные атомы, потерявшие свою *родовую* сущность.

«Общество, от которого *изолирован* рабочий, есть общество совсем другого содержания и совсем другого объема, нежели *политическое* общество. Это общество, от которого его отрывает *его собственная работа,* есть сама жизнь, физическая и духовная жизнь, человеческая нравственность, человеческая деятельность, человеческие наслаждения, человеческая сущность. Человеческая сущность есть *истинная общественность людей.* Безнадежная изолированность от этого содержания несравненно всестороннее, невыносимее, ужаснее, противоречивее изолирования от политического общества; точно так же и устранение этого изолирования и даже частичная реакция, *восстание,* против него тем бесконечнее, чем *человек* бесконечнее *гражданина,* а *человеческая жизнь* бесконечнее *политической жизни».*

Социальную революцию Маркс характеризует все с той же антропологической точки зрения. Она должна совершить в области общества то же самое, что в области религии произвела философская революция.

«Социальная революция потому находится на точке зрения *целого,* что она — даже если бы происходила лишь в одном *фабричном* округе — представляет протест человека против обесчеловеченной жизни, что она исходит *из точки зрения отдельного действительного индивидуума,* что та общественность, против отделения которой от индивидуума протестует последний, есть *истинная* общественность человека, человеческая сущность».

А между тем уже то противопоставление «массового», «действительного» Прудона «критическому» Прудону, которое Маркс делает в первых главах «Святого семейства», показывает, что он, очень скоро после статьи против Руге, сделал опять значительный шаг вперед. Достаточно напомнить следующие слова:

«Дело вовсе не в том, что тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат иногда *представляет* себе как цель. Дело идет

о том, что пролетариат есть и что сообразно этому бытию своему он исторически принужден делать. Его цель и его историческая миссия самым деятельным и невозвратным образом предуказываются *его собственным жизненным положением, а равно и всей организацией современного гражданского общества.* Нет надобности распространяться о том, что значительная часть английского и французского пролетариата и теперь уже сознает свою историческую задачу и постоянно работает, чтобы всесторонне выработать это сознание».

VI

Несомненно, таким образом, что Маркс продолжал упорно работать, шаг за шагом выясняя себе основы своего нового миросозерцания. Выступление Бруно Бауэра и К° явилось новым толчком. Мы имеем одно любопытное свидетельство, которое показывает, как быстро Маркс реагировал на статьи своего старого друга и учителя. Это — письмо Георга Юнга к Марксу (из Кёльна. 31 июля 1844 г.).

«Пятый, шестой и седьмой выпуски «Литературной газеты» я посылаю отдельно бандеролью. Ваши замечания относительно Бауэра совершенно справедливы, но мне кажется, что было бы хорошо, если бы вы их переработали в критическую статью для какой-нибудь немецкой газеты, чтобы выманить Бауэра из его таинственной засады... Бауэр совершенно помешался на критике: так, он мне писал недавно, что нужно критиковать не только общество, привилегированных собственников и т. д., но — о чем еще никто не думал — и пролетариев... Пишите мне сейчас же, что вы думаете предпринять против Бауэра. Если у вас нет для этого времени, то я и Гесс охотно переработаем ваши письма в газетную статью... Я посылаю вам также критику «Парижских тайн», которая помещена в ежемесячнике Буля. Я ее считаю в некоторых отношениях прекрасной. Любопытный контраст с ней представляет критика в бауэровской «Литературной газете». Она тоже дает кое-что хорошее. Мне хотелось бы, чтобы вы мне сообщили свое мнение об этих статьях, а также свои собственные замечания» [1]).

Таким образом, Маркс уже летом 1844 г., еще до приезда

[1]) Речь идет о статье Штирнера в журнале Буля и статье Шелиги в журнале Бауэра о романе Евгения Сю.

Энгельса в Париж, собирался выступить против Бауэра. Его письма к Юнгу, одному из основателей и соредакторов «Рейнской газеты», были бы для нас крайне важны, но, к сожалению, они пока не найдены. Весьма вероятно, что Маркс, тогда очень дороживший связью с Юнгом, который служил для него главным посредником с Рейнской провинцией, немедленно ответил и подробно высказался о «Парижских тайнах». Во всяком случае Маркс, как показывает следующий проект предисловия, уже до встречи с Энгельсом, т. е. еще в июле и августе 1844 г., подготовлял к печати работу, направленную против Бауэра.

«Настоящая статья представляет собою только часть работы, которую я обещал дать в «Немецко-французских летописях» по критике правовых общественных наук в форме критики гегелевской философии права. При подготовлении к печати оказалось, что соединение критики, направленной только против спекулятивной (гегелевской) философии, с критикой различных предметов совершенно не подходит, мешая развитию вопроса и затрудняя понимание. Кроме того, богатство и разнообразие подлежащего рассмотрению материала позволило бы соединить его в одной статье только в форме афоризмов; а с другой стороны, такое изложение в форме афоризмов произвело бы впечатление произвольного систематизирования.

«Я поэтому постараюсь в ряде самостоятельных брошюр дать критику права, морали, политики и т. д., а затем в отдельном труде указать их общую связь между собой, отношение отдельных частей и. наконец, дать критику спекулятивной обработки этого материала. Итак, в этой статье связь политической экономии с государством, правом, моралью, общественной жизнью и т. п. затрагивается лишь постольку, поскольку политическая экономия сама ex professo затрагивает эти вопросы. Мне не зачем доказывать читателю, знакомому с политической экономией, что мои выводы получены путем чисто эмпирического анализа, основанного на добросовестном изучении политической экономии.

«А невежественный рецензент,— стараясь скрыть свое полное невежество и убожество мысли громкими словами, вроде: «утопическая фраза», «совершенно чистая, весьма решительная, весьма критическая критика», не только правовое, но и общественное общество», «компактная массовая масса», «разглагольствующие выразители массовой массы».— которые он бросает в голову по-

зитивному критику,— такой рецензент должен еще прежде всего привести доказательство, что, кроме своих теологических и семейных дел, он способен судить и о *светских* делах.

«Само собою разумеется, я, кроме французских и английских социалистов, пользовался также и немецкими социалистическими трудами. Однако содержательные и общие немецкие работы в области этой науки сводятся — кроме сочинении Вейтлинга — к статьям Гесса в «Ein und zwanzig Bogen» и к «Очеркам критики политической экономии» Энгельса в «Немецко-французских летописях».

«Но критика национальной экономии,— как положительная критика вообще, так и положительная критика политической экономии,— обязана своим обоснованием великим открытиям Фейербаха, против «Философии будущего» и «Тезиса к реформе философии» которого — в «Anekdotis» — благодаря мелочной зависти одних и действительному озлоблению других организован подлинный заговор для их замалчивания.

«Лишь с Фейербаха начинается положительная гуманистическая и натуралистическая критика. Чем скромнее (бесшумнее), тем вернее, глубже, всеобъемлюще и основательнее сказывается влияние фейербаховских произведений (единственных, несравненных, действительно прогрессивных, революционных).

«В них одних со времени «Феноменологии» и «Логики» Гегеля заключена действительная (философская и антифилософская) теоретическая революция в философии. Заключительную главу предлагаемой работы, разбор *гегелевской диалектики и философии* вообще, я считаю совершенно необходимой в противоположность критике, так как критические теологи нашего времени этого не сделали. Эта поверхностность неизбежна, так как даже критический теолог все же остается *теологом*. Он или должен принимать за авторитет определенные философские предпосылки и исходить из них, или, если в процессе критики и благодаря чужим открытиям у него возникают сомнения в философских предпосылках, он малодушно и без достаточных оснований отказывается от них или абстрагируется от них. Свое рабское подчинение или вызванную этим подчинением досаду он бессознательно выражает в отрицательной и софистической форме. Он или беспрестанно уверяет в чистоте своей критики, или же закрывает глаза и старается отвести внимание других от необходимого объяснения ме-

жду критикой и ее первоисточником — *гегелевской диалектикой* и немецкой философией вообще. Желая скрыть это возвышение новой критики над ее собственной ограниченностью и неразвитостью, он, наоборот, старается делать вид, что имеет дело лишь с одной ограниченной формой критики — например, с критикой XVIII века — *и с ограниченностью массы.* Наконец, если делаются открытия относительно сущности его собственных философских предпосылок,— например, *фейербаховские,*— критический теолог делает вид, что именно *он* сделал их. Не будучи в состоянии разработать эти результаты, он или противопоставляет их как общие места взглядам писателей, еще не отрешившихся от философии, или даже выставляет на вид, что стоит выше этих открытий. С этой целью он хватается за то, что некоторые элементы гегелевской *диалектики* еще существуют в этой критике или не преподнесены ему в критически обработанной форме. Но вместо того, чтобы установить надлежащую связь между этими элементами, он пользуется ими втихомолку, недобросовестно и скептически против упомянутой уже критики гегелевской диалектики. Например, он таинственно применяет категорию опосредствующего доказательства против категории положительной истины, исходящей из себя самой. Критик-теолог считает, например, вполне естественным, чтобы все было сделано самими философами и чтобы он имел, таким образом, возможность *разглагольствовать* о чистоте решительности, о вполне критической критике. Он воображает, что в самом деле преодолел философию, если он гегелевский момент у Фейербаха кое-как воспринимает в качестве недостатка Фейербаха. Хотя теологический критик предается спиритуалистическому культу «самосознания» и «духа», однако он не возвышается от ощущения до сознания.

Хотя на первых порах *теологическая критика* в самом деле была моментом прогресса,— в последнем счете, в своей своеобразной форме, она является лишь *идеологически-карикатурным* выражением доведенной до крайности старой *философской* и главным образом *гегелевской трансцендентности.*

«В другом месте я подробно выясню этот исторический процесс, этот поучительный суд истории, которая предназначает теологию — искони представлявшую собою позорное пятно философии — для упразднения философии, т. е. для отрицательного выражения процесса ее гнилостного разложения.

Из дальнейшего моего изложения выявится, насколько открытия Фейербаха относительно сущности философии требуют все же критического рассмотрения философской диалектики, по крайней мере, для их обоснования».

VII

Предисловие обычно пишется, когда книга готова или совсем, или в главных очертаниях. В данном случае мы вряд ли имеем дело с исключением. Предисловие указывает не только, какие мотивы заставили автора взяться за этот труд, но и основные черты плана.

Мы узнаем, что Маркс отказался от непосредственного продолжения той работы, введение к которой он дал в Немецко-французских летописях». Но если он оставил мысль дать критику правовых и общественных наук в форме критики гегелевской философии права, то он все же собирается писать главным образом критику права, морали, политики, общественной жизни и т. д. Политическая экономия интересует Маркса лишь постольку, поскольку она сама затрагивает все эти вопросы. Маркс собирался сделать это в критике различных социальных доктрин. Он подчеркивает, что пользовался французскими и английскими социалистическими трудами, но не говорит, какими именно. Зато в области немецкой социалистической литературы он называет, кроме Вейтлинга, Энгельса и Гесса. Что касается последнего, то речь идет о двух статьях, которые были напечатаны в сборнике, который издан был в Швейцарии Гервегом под названием «Двадцать один лист из Швейцарии». Одна из них — «Социализм и коммунизм» — представляет критику книги Лоренца Штейна, другая — «Философия дела» — является первым произведением немецкого «истинного социализма» и тоже написана под сильным влиянием фейербаховских тезисов.

Маркс не называет Бруно Бауэра, но именно его он имеет в виду, когда характеризует невежественного рецензента и теологического критика, намечая таким образом и план, и название будущего «Святого семейства», которое на две трети является критакой бауэровского спиритуализма, а вместе с тем и спекулятивного идеализма, и критикой «Парижских тайн», т. е., с одной стороны, критикой морали, религии, юстиции буржуазного обще-

ства, а с другой — всяких высоконравственных «акробатов благотворительности» и вульгарных реформистов вроде Сю.

В той же самой тетради, в которой мы нашли проект предисловия, оказались и критические очерки и экскурсы, соединяемые нами под общим названием «Подготовительные работы для «Святого семейства».

Уже первый экскурс — «Труд, как сущность частной собственности, и политическая экономия» — показывает, как Маркс применял к критике политической экономии основные положения Фейербаха. В центре всех экономических явлений находится *частная собственность.* Сама политическая экономия есть не что иное, как осознанное самостоятельное движение частной собственности. Все остальные категории являются только превращенными формами частной собственности. Преимущество Смита и его школы состоит именно в том, что она впервые определила, что субъективной сущностью частной собственности является труд, тогда как меркантилисты и физиократы видели только ее предметную сущность, богатство, находящееся вне человека, драгоценные металлы или землю. Но признавая своим принципом труд, функцию человека, политическая экономия в действительности отрицает человека, ибо именно она последовательно развивает все противоречия частной собственности, доводя самоотчуждение человека до крайних последствий. Анализируя экономические явления, Маркс все еще остается юристом. Частная собственность — результат самоотчужденпя человека, гражданское общество — это мир частных прав, частных собственников. В соответствии с этим Маркс в «Святом семействе» указывает, что Прудон, в отличие от Энгельса, не понимает, что заработная плата, торговля, стоимость, цена, деньги сами являются только дальнейшими преобразованиями *частной собственности.* Говоря словами самого Маркса о Прудоне, сказанными значительно позднее, для него тогда дело шло в сущности лишь о существующей, современной буржуазной собственности. На вопрос, что она такое, ответ мог быть найден лишь в критическом анализе «политической экономии», охватывающей всю совокупность *имущественных отношений,* не в *юридическом их* выражении, не в качестве *соотношений воли* личностей, а в их реальной сущности, т. е. в качестве *отношений производства».*

Разница состояла только в том, что Маркс и Энгельс, в

отличие от Прудона, в *видимой* частной собственности, при помощи Фейербаха, открыли отчуждение *действительной* человеческой личности.

Второй экскурс — «Частная собственность и коммунизм» — показывает, как последовательно проводил Маркс свою точку зрения при объяснении явлений тогдашней действительности. Для него и тогда было ясно, что противоположность между собственником и обездоленным не является противоречием, ведущим к дальнейшему развитию, к борьбе. Но таким противоречием является противоположность между трудом и капиталом Почему? Потому что труд, субъективная сущность частной собственности исключает собственность, а капитал, объективный труд, в действительности исключает труд, является настоящей частной собственностью. Такая противоположность, представляет поэтому активное противоречие, ведущее к разложению.

В «Святом семействе» мы находим еще более точную формулировку этого диалектического движения. Место труда занимает пролетариат.

«Пролетариат и богатство суть противоположности. Как таковые, они образуют одно целое. Оба они представляют образования мира частной собственности. Дело заключается в том определенном положении, которое оба занимают в этой противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами целого.

«Частная собственность, как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранить как себя, так и свою противоположность, пролетариат. Это положительная сторона противоположности, удовлетворенная сама в себе частная собственность.

«Напротив, пролетариат, как пролетариат, вынужден снять с себя и тем самым обусловливающую его противоположность, делающую его пролетариатом,— частную собственность. Это — отрицательная сторона противоположности, его колебание в себе, разлагаемая и разлагающая себя частная собственность.

«Класс имущих и класс пролетариев представляет собой одинаково человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, сознает свое отчуждение как свою собственную силу и обладает в нем видимостью человеческого существования; напротив, второй класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого су-

ществования. Класс этот, говоря словами Гегеля, есть в отверженности возмущение против этой отверженности — возмущение, к которому его толкает противоречие между его человеческой природой и его жизненным положением, представляющим откровенное, решительное и всеобъемлющее отрицание этой природы.

«Следовательно, в пределах этой противоположности частный собственник представляет консервативную партию, пролетариат — разрушительную.

«Частная собственность, впрочем, сама себя толкает в своем экономическом движении к собственному разложению, но только путем независимого от нее, бессознательного, против ее воли происходящего, природой самого дела обусловленного развития, только путем образования пролетариата *как* пролетариата — этой сознающей свою духовную и физическую нищету нищеты, этой сознающей свое обесчеловечивание и тем самым уничтожающей свою обесчеловеченность. Пролетариат приводит в исполнение приговор, которым сама себе выносит частная собственность, порождая пролетариат, точно так же, как он приводит в исполнение приговор, который сам себе выносит наемный труд, производя чужое богатство и собственную нищету. Когда пролетариат одержит победу, он никоим образом не станет абсолютной стороной общества, ибо он победит, только упраздняя себя и свою противоположность. Но тогда исчезнут как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность частная собственность».

Мы видим, как Маркс, усвоив себе антропологизм Фейербаха, в отличие от последнего сохраняет и дальше развивает все революционные элементы гегелевской диалектики. Ему оставалось только вскрыть *общественную* сущность человека, анализировать характер воздействия *природы* на *человека,* чтобы понять, что это воздействие совершается не непосредственно, а через *общество, что* воздействию природы на человека соответствует воздействие человека на природу, что между человеком и природой вдвигается новый, чисто *исторический* элемент, *индустрия,* что сама частная собственность представляет только *историческое* явление, развивающееся *в человеческом обществе* только на определенной ступени его развития, что категория *человек* не меньше нуждается в объяснении, чем порождения его самоотчуждения. В найденных нами экскурсах Маркс уже подходит к решению всех этих вопросов.

VIII

Огромный интерес представляет следующий дальше анализ различных форм, коммунизма. Еще в сентябре 1843 г. Маркс, как мы видели, относил коммунизм к догматическим абстракциям.

«Я,— писал он,— имею при этом в виду не какой-нибудь воображаемый и возможный коммунизм, а тот действительно существующий коммунизм, который проповедуют Кабэ, Дезами, Вейтлинг и пр. Этот коммунизм есть только своеобразное выражение *гуманистического принципа, в своем роде столь же ограниченное,* как его противоположность, система частной собственности. Поэтому отмена частной собственности ни в каком случае не тожественна с коммунизмом, и рядом с коммунизмом появились не случайно, а неизбежно другие социалистические учения, как учения Фурье. Прудона и пр., потому что сам коммунизм только особенное. одностороннее осуществление социалистического принципа».

Но и став коммунистом, Маркс, как видно из опубликованного нами экскурса, продолжает критически относиться к тому, что он называет грубым, сырым, необработанным коммунизмом. По существу своему коммунизм представляет *снятие самоотчуждения, снятие* капитала, как высшей формы частной собственности. Маркс различает три формы коммунизма.

Во-первых, грубый коммунизм. Он является только обобщением частной собственности, всеобщей частной собственностью. На примере «коммунистического» требования «общности жен», в основе которого лежит взгляд на женщину как «добычу и объект, служащий для удовлетворения общественной похоти», Маркс дает блестящую критику этого примитивного коммунизма. «Грубый коммунизм есть лишь завершенная форма этой зависти (зависти частной собственности к более крупной частной собственности) и этой жажды нивелирования, установления некоторого равного для всех минимума». Он характерен для пролетариев, только что вышедших из среды ремесленников, крестьян, мелких собственников, и возникает там, где еще слабо развиты материальные условия освобождения пролетариата. В «Коммунистическом манифесте» аналогичная коммунистическая литература названа «реакционной». «Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность».

Вторая форма коммунизма имеет две разновидности. Он или

сохраняет государство — демократическое или деспотическое — или уничтожает его, но в том и другом случае он сохраняет еще частную собственность. Это коммунизм Кабэ и др.

Третья форма коммунизма представляет его высшую форму. Он уничтожает частную собственность как человеческое самоотчуждение. Он представляет полное, происходящее сознательным образом и с *сохранением всего богатства прежнего развития,* возвращение человека к себе как к *общественному* человеку. Этот коммунизм, как «законченный натурализм, совпадает с гуманизмом, как законченный гуманизм совпадает с натурализмом». Он — *«истинное* решение спора между человеком и природой и человеком и человеком». Он порождается всем движением истории. «Не трудно увидеть необходимость того, что в движении *частной собственности* дан как эмпирический, так и теоретический фундамент не только политической экономии, но и всего революционного движения».

Человеческое бытие по самому существу своему — *общественное* бытие. Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. представляют собою отчужденный продукт этого *общественного* бытия, все они вышли из его недр и приняли обособленное существование. «Поэтому положительное уничтожение *частной собственности* — этого элемента жизни человеческой деятельности — как присвоения *человеческой* жизни, есть положительное уничтожение, снятие всякого отчуждения, т. е. возврат человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому,* т. е. *общественному* бытию».

Маркс подчеркивает уже здесь, что подобно тому, как общество производит человека, так и оно производится им. Оно является средой, через которую осуществляется связь человека с природой. Таким образом, общество «есть законченное существенное единство человека с природой, подлинное восхваление природы, завершенный натурализм человека и завершенный гуманизм природы».

Общественная деятельность, общественный дух проявляются не только в *коллективных действиях* людей. Маркс уже в 1844 году наносит смертельный удар всякому индивидуализму, всякой попытке возвеличить личность, превратить ее в самодовлеющую, творящую из себя самой, направляющую и диктующую. Даже тогда, когда человек занимается научной деятель-

ностью, он действует *общественным* образом. Индивидуально-теоретическая деятельность есть только бессмысленное сочетание слов. Индивид есть общественное существо. Поэтому нельзя противопоставлять общество как абстракцию индивиду, личности. Gattung, Gattungsbewusstsein (род, родовое самосознание) Фейербаха приобретают у Маркса уже более реальные формы. Намечается переход от общества вообще к другим группам, коллективностям.

Продолжая свою критику грубого коммунизма, Маркс доказывает, что нельзя рассматривать положительное уничтожение частной собственности только в смысле *непосредственного* одностороннего *наслаждения,* в смысле *владения, обладания.* «Частная собственность сделала нас столь тупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал, когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., когда мы, говоря коротко, потребляем его». А между тем человек, целостный человек, «присваивает» себе природу и общество не только при помощи Habens, хапанья в различных формах, но самыми разносторонними способами. «Каждое из его человеческих отношений к миру — зрение, слух, обоняние, вкус, чувства, мышление, созерцание, ощущение, хотение, деятельность, любовь.— словом, все органы его индивидуальности, равно как и те органы, которые даны непосредственно в форме общественных органов, являются в своем *предметном* отношении или в своем *отношении к предмету* присвоением последнего». Только *положительное* уничтожение частной собственности, т. е. сохраняющее все богатство прежнего развития, создаст условия, при которых Ротшильды не будут *иметь свою собственную картинную галлерею, свой музей, свой театр, свою библиотеку, свой университет,* но ими будут пользоваться теперь обездоленные, обесчеловеченные, отверженные пролетарии.

Только уничтожение частной собственности приведет к полному освобождению всех человеческих чувств и свойств. Только уничтожение всех общественных рогаток и перегородок, создаваемых миром частных интересов, превращение всех предметов в *общественные* создаст «оптимальные» условия развития человеческих чувств.

«Чувства общественного человека *иные,* чем у необществен-

ного; только благодаря (предметно) объективно развернутому богатству человеческой сущности получается богатство субъективной *человеческой* чувственности, получается музыкальное ухо, глаз, умеющий понимать красоту формы, словом, отчасти впервые порождаются, отчасти развиваются человеческие, способные наслаждаться чувства,— чувства, которые утверждаются как *человеческие* существенные силы... *Образование* пяти чувств — это продукт всей всемирной истории. *Чувства,* находящиеся в плену грубой практической потребности, обладают только *ограниченным* смыслом».

Подчеркнув значение *общества* в развитии человека, Маркс переходит к вопросу о роли промышленности. Он находит, что на этот вопрос философия и психология обращали слишком мало внимания. А между тем *промышленность* есть «раскрытая книга человеческих существенных сил». Она только особенная часть человеческой деятельности, так как всякая человеческая деятельность была до сих пор трудом, следовательно промышленностью, отчужденной от себя самой деятельностью. «Психология, для которой эта книга, т. е. именно чувственно-реальнейшая, доступнейшая часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и *реальной* наукой». Философия оставалась также чуждой естествознанию, а между тем именно через посредство промышленности естествознание «ворвалось в человеческую жизнь, преобразовав ее и подготовив освобождение человечества, хотя непосредственным образом на первых порах оно привело к обесчеловечению его... Промышленность есть действительное историческое отношение природы, а следовательно и естествознания, к человеку».

В «Святом семействе» Маркс развивает эту мысль дальше и ставит уже следующий вопрос:

«Не думает ли критическая критика, что она дошла хотя бы даже до начала познания исторической действительности, исключив из исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе, естествознание и промышленность? Не думает ли она, что она действительно познала какой бы то ни было исторический период, не познав, например, промышленности этого периода, непосредственного способа производства самой жизни? Правда, спиритуалистическая, теологическая, критическая критика знакома лишь (знакома, по крайней мере, в своем во-

ображении) с политическими, литературными и теологическими важнейшими событиями истории. Подобно тому как она отделяет мышление от чувства восприятия, душу от тела, себя самое от мира, так она отделяет историю от естествознания и промышленности, так она видит источник исторического развития не в грубо-материальном производстве на земле, а в туманных облачных образованиях на земле». Идя по следам Фейербаха, Маркс опять оставляет его далеко позади себя.

Пока сохраняется зависимость человека от милости другого человека, пока человек считает себя зависимым существом, трудно вытеснить из народного сознания представление о *творении.*

«Ему непонятно через-себя-бытие человека и природы, потому что оно противоречит всем фактам и практической жизни. Представление о сотворении *земли* получило сильный удар со стороны *геогнозии,* т. е. науки, изображающей образование земли, становление земли, как некий процесс, как самопорождение». Маркс показывает несостоятельность вопроса о сотворении природы и человека. Такой вопрос есть только продукт абстракции от человека и природы. «Ты принимаешь их *небытие* и все же хочешь, чтобы я доказал тебе их бытие. Более рационален вопрос об акте их возникновения. Поскольку для социалистического человека *вся история* есть не что иное, как образование человека человеческим трудом, как становление природы для человека, постольку он обладает наглядным, неопровержимым доказательством своего *рождения* самим собою, *процесса своего возникновения.* Поскольку *существенность* человека и природы, поскольку человек для человека, как бытие природы, а природа для человека, как бытие человека, стали практическими, чувственными, наглядными, постольку стал практически невозможным вопрос о каком-то чужом существе, стоящем над природой и человеком, вопрос, заключающий в себе признание несущественности природы и государства. Атеизм, как отрицание этой несущественности, не имеет больше никакого смысла, ибо атеизм есть *отрицание бога,* утверждающее посредством этого отрицания бытие *человека;* но социализм, как социализм, уже не нуждается в этом посредничестве; он начинает с *теоретически и практически чувственного* сознания человека и природы как *сущности».*

Маркс в этом случае повторяет, соответственно видоизменив ее, свою аргументацию против Бруно Бауэра, который рассматри-

вал уничтожение религии, атеизм, как условие гражданского равенства. Характерно, что Маркс, еще в 1841 г. собиравшийся вместе с Бруно Бауэром издавать философский журнал, на знамени которого был бы написан «атеизм», всегда возражал против того, чтобы из борьбы с религией, из атеизма, делали «специальность», чтобы эту борьбу ставили в центре агитации. Это являлось одним из первых пунктов разногласия со «свободными». «Я выразил далее пожелание,— писал он 30 ноября 1842 г.,— чтобы религию критиковали скорее в критике политического положения, чем политическое положение в религии, ибо это более соответствует существу газетного дела и уровню читающей публики, так как религия сама по себе лишена содержания, и живет не небом, а землей, и с уничтожением той извращенной реальности, *теорией* которой она является, она гибнет сама собой». В этом споре на стороне «свободных» оказался не только Бруно Бауэр, но и Энгельс, который только после изменил свою точку зрения. Спор этот повторился много лет спустя в эпоху Первого Интернационала с Бакуниным и его «братьями атеистами».

Для Маркса коммунизм не есть предел, его же не прейдеши. Коммунизм есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего. Но коммунизм не есть, как таковой, цель человеческого развития».

IX

Следующий экскурс — «Как нам быть с гегелевской диалектикой?» — начинается прямо с полемики против Бруно Бауэра. Напомним некоторые места из «Святого семейства», где Маркс показывает, как Бауэр восстановил христианскую теорию творения в спекулятивной гегелевской форме.

«У Бауэра (как и у Гегеля) самосознание есть поднявшаяся до самосознания субстанция, или самосознание как субстанция; самосознание превращается таким образом из предиката человека в самостоятельный субъект. Это есть метафизически-теологическая карикатура человека, оторванного от природы. Сущностью этого самосознания является поэтому не человек, а идея, действительным существованием которой является самосознание. Оно есть очеловечившаяся идея, а потому оно бесконечно. Все человеческие свойства превращаются этим таинственным образом в свойства мнимого «бесконечного самосознания».

«Спор между Штраусом и Бауэром о субстанции и самосознании есть спор в пределах гегелевских спекуляций. В Гегеле имеются три элемента: спинозовская субстанция, фихтовское самосознание, гегелевское необходимо-противоречивое единство обоих этих элементов — абсолютный дух. Первый элемент есть метафизически перевернутая природа в ее оторванности от человека, второй — метафизически перевернутый дух о его оторванности от природы, третий метафизически перевернутое единство обоих элементов, действительный человек и действительный человеческий род».

«Штраус и Бауэр оба — первый на основе спинозовской точки зрения, второй — на основе фихтовской — вполне последовательно приложили систему Гегеля ко всей теологии. Оба подвергают Гегеля критике, поскольку каждый из указанных двух элементов искажается другим, в то же время развивая каждый из них до его одностороннего, а тем самым последовательного конца. Поэтому оба в своей критике идут дальше Гегеля, но вместе с тем оба продолжают оставаться в области его спекуляции, представляя каждый только одну сторону его системы. Только Фейербах завершивший Гегеля, исходя из гегелевской же точки зрения, и подвергший его критике путем сведения метафизического абсолютного духа к «действительному человеку на основе природы», закончил критику религии и вместе с этим набросал грандиозные и мастерские основы критики гегелевской спекуляции, а потому и всякой метафизики».

«Тайну бауэровской смелости составляет гегелевская феноменология. Так как Гегель ставит в ней самосознание на место человека, то самая разнообразная человеческая действительность представляется лишь как определенная форма, как определенные самосознания. Но голое определение самосознания есть «чистая категория», голая «мысль», которую я, следовательно, могу в «чистом» мышлении упразднить и путем чистого мышления преодолеть. В феноменологии Гегеля оставлены без рассмотрения материальные, чувственные, предметные основы различных отчужденных форм человеческого самосознания. Таким образом, вся разрушительная работа имела своим результатом самую консервативную философию, потому что она думала, что она преодолела предметный мир, чувственно действительный мир, как только превратила его в «мыслимую» вещь, в простое определение самосознания, и превращенного таким образом в эфирное существо про-

тивника может разложить и «эфире чистой мысли». Поэтому феноменология вполне последовательно кончает тем, что она на место своей человеческой действительности ставит «абсолютное знание» — знание, потому что это есть единственная форма существования самосознания, а также потому, что самосознание рассматривается как единственная форма существования человека, абсолютное звание, потому что самосознание знает только себя самого и не стесняется более никаким предметным миром. Гегель превращает человека в человека самосознания вместо того, чтобы самосознание сделать самосознанием человека, действительного, следовательно, живущего в действительном, предметном мире и им обусловленного человека. Он ставит мир на *голову* и поэтому может в *голове* уничтожить все границы, которые, конечно, продолжают существовать для *дурной чувственности,* для *действительного* человека. К тому же он необходимым образом считает такой границей все то, что обнаруживает *ограниченность всеобщего самосознания,* всю чувственность, действительность, индивидуальность людей и их мира. Вся феноменология ставит себе целью доказать, что *самосознание* есть единственная и *всеобщая реальность».*

Мы не цитируем другие места, более известные,— хотя бы по выдержкам, приводимым в книге Плеханова-Бельтова,— некоторые ссылки повторяются буквально в «Святом семействе». Все это доказывает, что опубликованный нами экскурс послужил материалом как раз для той части «Святого семейства», в которой подвергается критике спекулятивная философия. Кое-что повторяется буквально, но многое получило более яркое выражение, более тщательно обработано. Однако далеко не все использовано, а потому этот экскурс представляет крайне важное дополнение к марксовой критике Гегеля. Сжатая характеристика «Феноменологии», данная в «Святом семействе», получает теперь комментарий, превращающийся местами в подробную критику «истинного истока и тайпы гегелевской философии». Мы обращаем внимание читателя на критику гегелевского самосознания, на изложение вопроса о роли самоотчуждения и роли *снятия* в системе Гегеля. Мы опять видим, как Маркс более тщательно, чем Фейербах, «снимает» все положительные стороны гегелевской диалектики и таким образом «снимает» самого Фейербаха, в тезисы которого он продолжает вкладывать более глубокий смысл, чем они имеют в действительности. Если

у Фейербаха *отчуждение,* часто превращается в простое перенесение вовне физических и духовных свойств человека (антропоморфизм и антропонатизм), то Маркс, опираясь на Гегеля, всюду подчеркивает, что это отчуждение человека есть не простое перенесение, объективирование человеческих представлений, а расщепление общественного человека, ущербление его целостности, калечение, опустошение. Маркс, как мы еще увидим, уже нащупывает материальные, реальные условия, которые создают такого расщепленного, извращенного человека в действительности, а следовательно и его извращенные представления.

Он весьма остроумно,— мысль, которую он не повторил в «Святом семействе», но которую мы встретим у Маркса позднее,— сближает точку зрения Гегеля с точкой зрения современной политической экономии. Действительно. Гегель в своем анализе гражданского общества уже успел коснуться тех условий, которые создают «отчужденного человека». И не трудно проследить тот длинный путь, который привел от гегелевского понимания до «снимания», которое нашло себе такое яркое выражение в последней главе «Капитала».

«Величие гегелевской «Феноменологии» и ее конечных результатов — диалектики отрицания, как движущего и порождающего принципа — заключается в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и как снятие этого отчуждения,— в том, что он, значит, постигает сущность *труда* и принимает предметного человека, истинного, действительного человека как результат его *собственного труда. Действительное,* деятельное отношение человека к себе, как к родовому существу, или осуществление себя, как действительного родового существа, т. е. как человеческого существа, возможно только потому, что человек действительно создает все свои *родовые* силы, а это опять-таки возможно лишь благодаря коллективной деятельности человечества, возможно лишь как результат истории, и относится к ним как к предметам, что опять-таки возможно сперва лишь в форме «отчуждения».

В «Святом семействе» Маркс замечает, что, несмотря на спекулятивный первородный грех, «феноменология Гегеля во многих пунктах дает элементы действительной характеристики человеческих отношений».

Маркс в данном отрывке подчеркивает огромные заслуги Фейербаха в деле критики религии и спекулятивной философии, но его собственное изложение показывает, что Фейербах дал ему только новый стимул для пересмотра гегелевской диалектики. Если Фейербах в своем увлечении «природой» и «человеком» забыл «историю» и «общество»,— области, в которых заслуги Гегеля огромны,— то Маркс очень скоро заметил, в чем заключается ошибка Фейербаха. В своем письме о Прудоне, которого он тоже поставил на высокий пьедестал в «Святом семействе», он пишет о Фейербахе и Прудоне:

«По отношеншо к Сен-Симону и Фурье Прудон представляет приблизительно то же самое, что Фейербах по отношению к Гегелю. Фейербах очень беден по сравнению с Гегелем. Тем не менее, явившись *после* Гегеля, он произвел переворот, оттенив некоторые неприятные для христианского чувства и очень важные для успехов критики пункты, оставленные Гегелем в мистическом полусвете».

X

Последний экскурс — «Потребности, производство и разделение труда» — написан несомненно до «Святого семейства», но использован только частью, главным образом для главы о Прудоне.

Маркс указывает на одно из главных противоречий буржуазного общества. Капиталисты употребляют все усилия, чтобы увеличить количество и разнообразие продуктов, предназначенных для удовлетворения человеческих потребностей. Они создают и вызывают новые, все более утонченные потребности. И в то же время на другом полюсе, среди рабочих, производящих эти продукты, потребности упрощаются и сводятся только к чисто физическим потребностям. «Умножение потребностей и средств для их удовлетворения порождает отсутствие потребностей и соответствующих средств». Поэтому «политическая экономия», эта наука о *богатстве,* есть в то же время наука о самоотречении, о лишениях, о *бережливости,* и она действительно доходит до того, что *сберегает* человеку даже потребность в чистом *воздухе* или в *физическом движении.* Маркс подробно излагает спор между двумя направлениями в политической экономии, из которых одно рекомендует роскошь и проклинает бережливость

(Мальтус), а другое рекомендует бережливость и проклинает роскошь.

Это тот же самый вопрос, который Марксу пришлось через много лет исследовать в первом томе «Капитала». Сравнение весьма поучительно. На примере самого Маркса можно видеть достоинства и недостатки антропологической точки зрения при анализе экономических явлений.

Маркс между прочим останавливается на вопросе о равенстве.

«Равенство есть не что иное, как немецкое я=я, переведенное на французский язык, т. е. на язык политики. Равенство, как *основа коммунизма,* есть *политическое* его обоснование; это то же самое, как если бы немец обосновывал его для себя тем, что рассматривал бы человека как *всеобщее самосознание.* Ясно, что снятие отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является *господствующей* силой: в Германии — из самосознания, во Франции — из *равенства,* в Англии из реальной материальной, измеряющей себя только самой собой *практической* потребности. Прудона, следует критиковать и признавать исходя из этой точки зрения».

Полемизируя с Эдгаром Бауэром, который обвиняет Прудона в том, что его доказательство невозможности собственности опирается на принцип равенства. Маркс пишет:

«Если г. Эдгар на минуту сравнит французское «равенство» с немецким «самосознанием», он найдет, что последний принцип выражает по-немецки, т. е. на языке абстрактного мышления, то, что первый выражает по-французски, т. е. на языке политики и мыслящего созерцания. Самосознание есть равенство человека с самим собою в чистом мышлении. Равенство есть сознание человеком самого себя в элементе практики. т. е. сознание человеком другого человека как равного себе и отношение человека к другому человеку как к равному. Равенство есть французское выражение для человеческого единосущия, родового сознания и родового поведения человека, практического тождества, т. е. для общественного или человеческого отношения человека к человеку. Поэтому, точно так же как разрушительная критика в Германии, прежде чем она в лице Фейербаха доразвилась до понимания действительного человека, старалась разложить все определенное и существующее при помощи принципа самосознания, так и во

Франции разрушительная критика старалась достигнуть того же при помощи принципа равенства».

В заключение экскурса Маркс ставит новый вопрос, вопрос о *разделении труда.* К сожалению, рукопись обрывается как раз там, где Маркс переходит к критике взглядов экономистов. Вполне понятно, что он и этот вопрос анализирует с той же точки зрения отчуждения. Маркс сразу же подчеркивает *общественный* характер разделения труда, которое он определяет как политико-экономическое выражение общественного характера труда в рамках отчуждения. Возможно, что в тетрадях найдутся еще страницы, посвященные этому вопросу. В «Нищете философии» Маркс и в вопросе о разделении труда бесповоротно разошелся с Прудоном.

Мы можем теперь внести некоторые поправки в историю «Святого семейства», как ее излагают Меринг и Майер. Когда Энгельс приехал в начале сентября 1844 г. в Париж, Маркс уже самым интенсивным образом подготовлял к печати книгу против Бауэра. Когда выяснилось, что Энгельс тоже разошелся со старыми друзьями, а его связывала с Эдгаром Бауэром не менее тесная дружба, чем Маркса с Бруно Бауэром,— Маркс и Энгельс решили выступить совместно. План книги или памфлета в значительной степени диктовался содержанием «Всеобщей литературной газеты». Поход Бауэров против «массы» и «рода», философия самосознания, критика которой для Маркса и Энгельса являлась в то же время самокритикой, еврейский вопрос, французская революция, французский материализм, дифирамб «Парижским тайнам», воспетый Шелигой, критика Прудона, принадлежавшая Эдгару Бауэру, статьи об Англии, написанные Фаухером,— вот главные темы, разработанные на страницах тех восьми номеров «Всеобщей литературной газеты», о которых Маркс и Энгельс пишут в предисловии. Вполне естественно, что Энгельс взял на себя разбор статей Фаухера. Кроме этого, ему принадлежат еще две маленьких главки, направленные против Эдгара Бауэра. Все остальные вопросы разработаны Марксом, который, как мы видели, специально занимался ими. не говоря уже о том, что такие темы, как еврейский вопрос и французская революция, были Марксом рассмотрены уже раньше в полемике с тем же Бруно Бауэром. Это до известной степени объясняет поразительную быстроту, с которой Маркс писал «Святое семейство». Энгельс не без основа-

ния писал ему: «Если ты оставил мое имя на книге, то это не малый курьез, так как я едва полтора листа в ней написал». Если оба друга могли уже весной 1845 года осознать и свое расхождение с Фейербахом, сделав таким образом окончательный поворот к диалектическому материализму, то, как это лучше всего показывает вышедшая в это время книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», главная часть работы в создании новой теории принадлежала бесспорно Марксу.

ИЗ ИСТОРИИ «НЕМЕЦКОЙ ИДЕОЛОГИИ».

Прошло восемьдесят лет с тех пор, как Маркс и Энгельс закончили свой большой труд, в котором они подвергли критике всю послегегелевскую философию в лице Фейербаха, Бруно Бауэра и Макса Штирнера, а также немецких «истинных социалистов». Напомним в нескольких словах историю этой «злополучной» рукописи.

Первое упоминание о ней мы находим в предисловии к «Zur Kritik der politischen Oekonomie» в 1859 г. Говоря словами Энгельса,— в предисловии к «Л. Фейербаху»,— Карл Маркс там рассказывает, как «мы в 1845 году в Брюсселе решили вместе заняться разработкой наших взглядов, т. е. найденного Марксом материалистического понимания истории, в противоположность с идеологическими взглядами немецкой философии, и таким образом свести счеты с нашей тогдашней философской совестью. Это намерение было исполнено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись — два толстых тома в восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают невозможным ее появление в печати. Мы тем охотнее предоставили грызущей критике мышей расправляться с ней, что наша главная цель — выяснение дела самим себе — была уже достигнута. С тех пор прошло более сорока лет, и Маркс умер. Ни ему, ни мне не пришлось вернуться к названному предмету. Иногда мы высказывались насчет нашего отношения к Гегелю, но нигде не изложили его во всей полноте. Что же касается Фейербаха, который во многих отношениях является связующим звеном между философией Гегеля и нашими взглядами, то к нему мы больше не возвращались».

Ниже мы укажем на кое-какие неточности в этом рассказе Энгельса. Что касается самой рукописи, он сообщает нам только, что, прежде чем отправить в печать свою работу о Фейербахе,

он «отыскал и перечитал старую рукопись 1845—1846 гг. Отдел о Фейербахе в ней не кончен. Готовая часть представляет собою изложение материалистического понимания истории, показывающее, до какой степени неполны были наши тогдашние историко-экономические сведения. Так как в нем не было критики учения Фейербаха, оно оказалось непригодным для моей цели».

Только через пятнадцать лет Меринг в своем «Литературном наследстве Маркса и Энгельса» дал несколько дополнительных сведений об этой рукописи.

«Работа о «Немецкой идеология» находится, поскольку она закончена, среди бумаг, оставшихся после Маркса и Энгельса. Опубликование ее приходится отложить до издания полного собрания их сочинений... Первый том содержал критическое рассмотрение взглядов Бруно Бауэра, Штирнера и Фейербаха... Вторая часть «Немецкой идеологии» посвящена была различным пророкам немецкого социализма» [1]).

Несомненно, что Меринг никогда не видел «Немецкой идеологии». Хотя он в своем комментарии поставил себе задачу проследить эволюцию взглядов Маркса и Энгельса, он не мог добиться от Бебеля или, вернее, Бернштейна права если не опубликовать, то по крайней мере использовать манускрипты Маркса и Энгельса. Правда, есть указание, что один такой манускрипт он получил. Это — «Лейпцигский собор», о котором он рассказывает в том же томе «Литературного наследства»» (стр. 95—102). Мы сейчас увидим, что ему осталась неизвестна «тайна» этого манускрипта.

Вскоре после выхода в свет второго тома «Литературного наследства» Бернштейн начал в своих «Dokumente des Sozialismus» — с января 1903 г.— опубликование большого манускрипта Маркса-Энгельса о Штирнере. В введении, которое он предпослал этой работе, Бернштейн указывает, что она представляет часть еще большей работы, в которой Маркс и Энгельс «сосчитались» с своими бывшими соратниками из крайнего крыла левогегельянства, и «представляет не только большой исторический интерес, но дает и по своему содержанию много страниц, имеющих прочную ценность». Бернштейн прибавляет, что манускрипт «помечен в своем заголовке как манускрипт III, из чего следует,

[1]) *Mehring,* Aus dem literarischen Nachlass. Zweiter Band, pp. 346 — 347.

что он был задуман как часть какого-то сборного труда. Как видно из его начала, манускрипт № III примыкает по своему содержанию к тому самому «Лейпцигскому собору», содержание которого излагает Меринг».

Мы видим таким образом, что Бернштейн, приступая к опубликованию работы Маркса и Энгельса о Штирнере, имел довольно смутное представление о том «целом», часть которого он перепечатывал, но так и не закончил, в своих «Dokumente des Sozialismus» в 1903 и 1904 гг.

В послесловии ко второму изданию «Литературного наследства» (вышло в 1913 г.) Меринг делает различные дополнения на основании новых данных, опубликованных в 1902—1912 гг., но не считает нужным даже упомянуть об опубликованном манускрипте Маркса и Энгельса.

Только в 1918 г., в биографии Маркса, Меринг возвращается к вопросу о «Немецкой идеологии» [1]). Повторив рассказ Маркса и Энгельса об их общей работе, посвященной критике послегегелевской философии. Меринг прибавляет: «Мыши выполнили свое дело в буквальном смысле этого слова и порядком изгрызли манускрипт, но сохранившиеся части его объясняют нам, почему авторы не особенно были огорчены этим несчастьем».

Отзыв, даже поскольку он основан на чтении «Святого Макса», по меньшей мере странный. И он становится еще более непонятным, когда читаешь следующие за ними рассуждения.

Одно только ясно: Меринг и после 1902 г. не мог или не хотел познакомиться с рукописью Маркса и Энгельса, хотя он должен был знать, что как биограф Маркса и Энгельса, а также издатель их литературного наследства, он не мог обойтись без тщательного знакомства с этим манускриптом. Никакие ссылки его на устаревшую форму изложения, на злоупотребление сверхполемикой, на буквоедство и словесные придирки не могут служить в данном случае оправданием. Достаточно указать в «Святом Максе» такие «оазисы», как экскурсию в историю древней философии, как рассуждения о космополитизме, средневековой иерархии и анархии вообще, политическом либерализме и Канте, французской революции, буржуазии и пролетариате, коммунизме, личности и классе и т. д., и т. д., чтобы не согласиться с Рингом, который

[1]) Mehring, Karl Marx. pp. 115—117; в русском переводе, стр. 87—90.

в данном случае действительно из Nol — невозможности получить в свои руки все литературное наследство Маркса и Энгельса — так легко делает «теорию» и приходит к выводу, что в сущности все эти работы Маркса и Энгельса особенного значения не имеют. Так и в последней работе его особенно ярко сказался основной недостаток всех исторических работ Меринга: он был меньше *исследователем,* чем критиком и публицистом.

Иначе приступил к своей работе автор биографии Швейцера, Густав Манер, когда взялся за биографию Энгельса. Он в первую очередь приступил к собиранию и критике необходимых материалов — сначала печатных, а затем и рукописных. И в последнем случае он оказался счастливее Меринга: ему удалось получить от Бернштейна часть манускриптов. Достаточно прочитать в его книге главу, посвященную «Борьбе с немецкой идеологией» [1]). чтобы притти к заключению, что Меринг слишком легко отказался от права требовать через партию, раз она поручила издать ему литературное наследство Маркса и Энгельса, предоставления в его распоряжение всех необходимых для этого материалов.

Уже в тех отрывках, которые сообщает Майер, мы находим крайне важные указания на то, как вырабатывалась и развивалась противоположность между идеалистической и материалистической точкой зрения внутри системы Гегеля. И там же мы находим первую известную нам формулировку материалистического понимания истории.

К сожалению, и Густав Майер вряд ли имел все сохранившиеся части «Немецкой идеологии» в своих руках. Мы узнаем от него только, что он получил от Бернштейна разрешение — которого, вероятно, добивался, но не получил Меринг — познакомиться с этими рукописями. Майер не дает не только описания последних, но даже простого перечня. Он поэтому не заметил, что и опубликованный им «Лейпцигский собор» каким-то неизвестным путем о котором можно только догадываться был выделен из числа имевшихся у Бернштейна манускриптов еще в 1901 г. и попал в архив немецкой социал-демократии, хотя составлял одну из частей «Немецкой идеологии».

Мне удалось теперь с большим трудом собрать, вероятно, все

[1]) *Mayer, Gustaw,* Friedrich Engels in seiner Frühzeit. 1820 bis 1851. Erster Band. Kapitel IX. «Die Abrechnung mit der Deutschen Ideologie», pp. 234—262.

membra disjicta интересующего нас манускрипта. Говорю, вероятно, потому, что все же имею только то, что *мне дал Бернштейн.* Мы не имеем списка, составленного самим Энгельсом, у нас нет уверенности, что при том невероятном легкомыслии, с которым после смерти Энгельса распорядились оставшимися после него бумагами, приняты были меры, чтобы произвести точный учет их.

После первой разборки полученных мною от Бернштейна рукописей я установил, что в моих руках имеются следующие части:

Во-первых, помеченная римской цифрой I рукопись «Philosophie des wahren Sozialismus».

Во-вторых, огромная рукопись, помеченная римской цифрой III и посвященная Sankt-Max'y. Именно из нее Бернштейн взял те главы, которые он напечатал в «Dokumente des Sozialismus», с большими купюрами. Ненапечатанным осталось больше половины. Это — самая крупная часть «Немецкой идеологии», действительно по своим размерам не уступающая сочинению самого Штирнера.

В-третьих, рукопись, помеченная римской цифрой IV и посвященная историографии истинного социализма. («Geschichtsschreibung des wahren Sozialismus»). Эта часть была напечатана еще в 1847 г. в «Westphälisches Dampfboot» и перепечатана в «Neue Zeit» (XVIII) Бернштейном. Она подвергает беспощадному разбору Карла Грюна как историка социализма.

В-четвертых, рукопись, помеченная римской цифрой V и озаглавленная: «Dr. Georg Kuhlmann aus Holstein, oder die Prophetie des wahren Sozialismus».

Кроме этих рукописей, я получил от Бернштейна еще большую рукопись с заголовком: «L. Feuerbach». Внимательный просмотр ее показал мне, что Бернштейн, давая ей сквозную пагинацию, от 1 до 116, ошибся и смешал две рукописи: одну — посвященную Фейербаху, другую — посвященную Бруно Бауэру. Оказалось, что вторая состоит из «Studien zur Kritik der Evangelien» и направлена против Бауэра как историка христианства.

Таким образом, в первой группе не хватало рукописи, помеченной римской цифрой II. Бернштейн уверял меня, что такая рукопись была и трактовала о Бруно Бауэре, но что он дал ее Мерингу, который не вернул ее. Удостоверившись, что среди бумаг

Меринга такой рукописи нет — эту справку я получил от Эдуарда Фукса,— я подверг внимательному исследованию рукопись «Лейпцигский собор». Оказалось, что она на последней странице помечена — рукой Энгельса — римской цифрой II и носит еще особый заголовок: «Bruno Bauer». Вероятно, Меринг, получив ее от Бернштейна, вернул ее вместе с рукописью философской диссертации Маркса в архив.

Таким образом, если делить «Немецкую идеологию» на две части: одну, посвященную критике Фейербаха, Бруно Бауэра и Штирнера, и другую, направленную против различных пророков истинного социализма [1]), то наши манускрипты придется распределить между ними в следующем порядке: том первый «Немецкой идеологии» составится из рукописи о Фейербахе, двух рукописей о Бруно Бауэре («рукопись № II и выделенная мною из рукописи о Фейербахе «Критика евангелий») и рукописи № III; том второй из рукописи № I («Философия истинного социализма»), рукописи № IV («Историография истинного социализма»), рукописи № V («Кульман или пророчество истинного социализма»). Во вторую часть придется также отнести манифест против Криге («Тактика и экономия истинного социализма») и статьи против Грюна и Бека («Поэзия истинного социализма»). Последние статьи были напечитаны в 1846 и 1847 гг. в «Westphälisches Dampfboot» и «Deutsche Brüsseler Zeitung». Кроме того, у нас имеется еще один манускрипт Энгельса, тоже посвященный истинным социалистам.

В рукописи имеются пробелы, которые вряд ли будут восполнены. Вся она почти целиком написана рукой Энгельса. Имеются немногие замечания и вставки, принадлежащие Марксу. Из этого, однако, нисколько не следует, что автором является Энгельс. Скорее, наоборот, главным автором является Маркс, а Энгельс

[1]) Такое деление принимается обычно Рингом, Бернштейном и Майером. Что касается меня, то я сомневаюсь, чтобы критика Фейербаха входила в первый том. Всего вероятнее, что когда Маркс и Энгельс сделали в 1846 г. попытку чрез посредство Вейдемейера напечатать свою критику, они ему послали только первый том, состоявший из критики Бруно Бауэра и Штирнера. Более близкое знакомство с рукописью «Немецкой идеологии» помогло мне разгадать тайну одного автографа Маркса, полученного мною от Лауры Лафарг. Он представляет проект предисловия к какой-то, оставшейся мне не известной работе Маркса. Теперь я могу сказать, что это, несомненно, проект предисловия к первому тому «Немецкой идеологии». Ниже я даю его перевод.

зачастую только переписчиком. Не надо забывать, что мы имеем дело с экземпляром, который в значительной своей части был переписан начисто для издателей. Так как Маркс отличался крайне неразборчивым почерком, то роль переписчика выпадала на долю Энгельса, прошедшего хорошую школу каллиграфии.

Мы считаем, однако, необходимым остановиться на одном вопросе, который имеет кардинальное значение в истории марксизма: в какой степени материалистическое понимание истории является продуктом оригинального творчества Маркса и до известной степени Энгельса?

Печатаемая нами рукопись дает впервые точно установленный отправной пункт для такого исследования. Мы теперь знаем, что материалистическое понимание истории, как оно было изложено в «Нищете философии» и «Коммунистическом манифесте», формулировано Марксом и Энгельсом *не позже осени 1845 года.*

Книжка «Вигандовского трехмесячника» («Wigand's Vierteljahrsschrift»), где была помещена статья Фейербаха [1]), на которую ссылаются Маркс и Энгельс в печатаемой нами рукописи, вышла весной или ранним летом 1845 года.

Уже отсюда явствует, что всякое исследование, ставящее себе целью проследить влияние, которое могли иметь на Маркса и Энгельса, как на творцов материалистического понимания истории, различные предшествовавшие им мыслители, должно исключить из сферы своего исследования все работы в области философии истории, истории культуры и истории хозяйства, вышедшие после указанной нами даты.

Немецкий историк Белов сделал очень интересную попытку установить, в какой связи мог находиться марксизм, при своем возникновении, с немецкой литературой по хозяйственной истории [2]). Он старается — методологически вполне правильный прием — установить, какие книги могли войти в «круг чтения» Маркса и Энгельса. Он приходит к заключению, что «материалистическое понимание истории», которое он смешивает с теорией преобладания экономического фактора в истории, уже носилось в воздухе и что

[1]) Lieber das Wesen des Christentums in Beziehung aut den «Einzigen und sein Eigentum». Этот ответ Фейербаха Штирнеру перепечатан в седьмом томе его сочинений (издание Болина и Иодля).

[2]) *G. von Below,* Die deutsche Geschichtsschreibung von den Befreiungskrieges bis zu unseren Tagen. Leipzig. 1916, pp. 124—180.

оригинальность Маркса и Энгельса заключалась в том, что они особенно ярко и отчетливо формулировали выводы, к которым приходили уже и другие исследователи.

Белов ставит и другой вопрос — опять-таки методологически вполне правильно. Если признать, что интерес к экономической истории действительно отличает уже немецкую литературу, с которой не могли не быть знакомы Маркс и Энгельс, то еще важнее установить, какие результаты были ею достигнуты, другими словами — чему могли из нее научиться Маркс и Энгельс, вырабатывая свою схему экономического развития гражданского общества».

Как бы то ни было, Белов понимает, что несимпатичный ему марксизм связан с определенной исторической эпохой, что свойственное ему понимание истории не могло возникнуть в любой исторический момент. Подчеркивая значение романтизма, он тем самым допускает, что без Великой французской революции, без этого опыта революционного изменения мира, немыслимо было бы новое понимание этого мира. Уже по одной этой причине он бесконечно выше такого историка и «социолога», как Зомбарт, который все еще стоит на старой точке зрения «плагиата», подменяющей вопрос о генезисе марксизма вопросом, у кого именно Маркс и Энгельс «украли» свою точку зрения.

Белов ограничил свое исследование только немецкой литературой, но и в этой хорошо известной ему области он упустил из вида ряд очень важных произведений. Не менее необходимо исследовать соответственную французскую и английскую литературу. Маркс уже в «Heilige Familie» смеется над теми «критиками», которые не имеют никакого понятия об английских системах — речь идет о социалистических — только потому, что единственный источник их познаний — книга Штейна «Der Kommunismus und Sozialismus des heutigen Frankreichs» — молчит об английских системах.

Уже в Париже, наряду с изучением истории Франции, Маркс приступает к истории Англии и политической экономии. Статьи Энгельса в «Deutsch-Französische Jahrbücher» и «Vorwärts» дали ему лишний толчок в этом направлении. Уже в статье против Руге в том же «Vorwärts» Маркс оперирует данными из политической и социальной истории Англии.

Кое-какие указания на «круг чтения» Маркса в 1843 и 1844 гг.

дают нам не только его статьи за этот период, но и записные тетради. Особенно интересны указания, относящиеся к лету 1843 г., когда Маркс готовился к отъезду в Париж и работал над критакой философии права Гегеля. Мы находили выписки из книг по истории Франции (среди них: Шмидта, Ваксмута, Шатобриана, Лакретелля), по истории Англии (между прочим, Лингарда, Лаппенберга, Росселя), по истории Германии (Ранке), по истории политических учений Moser, «Patriotische Phantasien», Макиавелли, Руссо, Монтескье. В Париже Маркс продолжал работать над историей Франции, собираясь даже одно время написать историю Конвента, но в то же время много читал и по истории Соединенных штатов и Англии, изучал социалистов и экономистов — Рикардо и Мак-Коллоха.

Мы знаем от Руге, как интенсивно работал Маркс в Париже. Когда Энгельс в сентябре 1844 г. набрасывал с ним предисловие к памфлету против Бруно Бауэра, он не думал, что Маркс превратит этот памфлет в целую книгу и что тот «реальный гуманизм», который они оба выдвинули в предисловии, окажется превзойденным уже в самой книге. А как сильно продвинулся вперед от Фейербаха Маркс в процессе своей работы, показывает следующее место из «Heilige Familie»:

«Думает ли критическая критика, что она может пойти дальше первых начатков в познании исторической действительности, пока она *исключает из исторического движения теоретическое и практическое воздействие человека на природу — естествознание и промышленность?* Или она думает, что она действительно поняла какую-нибудь эпоху, *не изучив, например, промышленность этой эпохи, непосредственный способ производства жизни?*»

Когда Энгельс приехал в апреле 1845 г. в Брюссель, куда переселился высланный из Парижа Маркс, он сразу констатировал, что его друг уже решительно покончил о «реальным гуманизмом». К этому времени относятся тезисы о Фейербахе, которые были после опять найдены в 1888 г. Энгельсом в одной старой тетради Маркса.

Мы сейчас вернемся к этим тезисам. Но в этой записной книжке — мне удалось ее найти в бумагах Маркса, попавших к Лафаргам — имеются еще несколько перечней книг, которые Маркс собирался прочитать или приобрести. В огромном большинстве —

это книги по политической экономии, социализму и истории. Как и следовало ожидать, Маркс, старался перечитать и пересмотреть все, что он мог найти в брюссельских библиотеках по интересовавшим его вопросам. В центре внимания стоят, однако, политическая экономия, хозяйственная история и политические теории. Мы знаем, что Маркс уже носился тогда с планом написать историю экономических и политических учений, как Энгельс, только что сдавший в печать книгу о «Положении рабочего класса в Англии», собирался написать историю социального движения в Англии. Летом 1845 года оба едут в Англию, где они пробыли — главным образом в Манчестере — шесть недель. Из некоторых сохранившихся от этого периода тетрадей видно, что Маркс читал в Манчестере Томпсона, Коббетта. Сеньора. Купера, Эдмондса, Тука, Рикардо, Мак-Коллоха, Уэда, Эдена.

Вывод, который можно сделать, заключается в следующем. Придя уже в конце 1844 года к выводу, что нет никакой возможности понять историческую действительность, не зная историю индустрии, Маркс, а вместе с ним и Энгельс перерыли *всю им тогда известную литературу.* Нужно быть круглым идиотом, не имеющим никакого представления об истории, чтобы думать, что Маркс и Энгельс свое материалистическое понимание истории стибрили у какого-нибудь, оставшегося известным только им, историка или экономиста.

Новейшая попытка этого рода принадлежит Зомбарту, умудрившемуся написать несколько томов по истории экономики, но до сих пор не имеющему никакого понятия об исторической обусловленности идей. Он поэтому в состоянии, ничтоже сумняшеся, отрывать данную систему идей от ее исторических корней и переносить ее в другую эпоху И, действительно, если учение Маркса и Энгельса представляет систему идей, которые могли с такой же легкостью возникнуть в голове человека, не знавшего ни Великой французской революции, ни промышленного переворота в Англии и на континенте, ни борьбы пролетариата с буржуазией, ни Гегеля, ни Фейербаха, ни Рикардо, ни Оуэна, ни Фурье, то нетрудно притти к выводу, что можно найти, наконец, того таинственного автора, которого так ловко обокрали Маркс и Энгельс.

Счастливый случай помог, после долгих поисков, Зомбарту найти того писателя, который еще в 1771 году показал, что «не

было никакой нужды в XIX столетии открывать материалистические понимание истории» (!?). Более того. Содержание книги которую, наконец, нашел Зомбарт, представляет, по его мнению, «самое совершенное применение материалистического понимания истории к различным областям культуры, какое мы только имеем».

Это открытие Зомбарт сделал в своей последней работе «Die Anfänge der Soziologie» [1]). Книга, которая извлечена Зомбартом из мрака забвения, куда ее, казалось, навсегда заткнули Маркс и Энгельс, называется «Observalions concerning the distinction of ranks in Society» by John Millar, professor of laws in the university of Glasgow, London, 1771.

Даже единственная цитата, которую приводит Зомбарт, показывает, что Миллар является только одним из многочисленных «историков культуры» второй половины XVIII столетия, вышедших из школы Монтескье. Кунов, которому нельзя отказать в знакомстве с литературой предмета, ставит Миллара значительно ниже Ленгэ. «Миллар,— пишет он,— вообще не знает, что такое общественный класс. Ему известны только различия ранга и сословия, которые он, хотя и говорит в некоторых местах своей книги о влиянии богатства на положение в обществе, объясняет, следуя старом схеме, физическим преобладанием имущих членов общества над более слабыми. Экономических основ образования классов он не замечает» [2]).

Маркс был так неосторожен, что забыл уничтожить ту тетрадь, в которую он внес несколько цитат из Миллара. Он, несомненно, просматривал эту книгу, но совершенно в другой связи и много лет спустя после того, как написал критику немецкой идеологии. В особой тетради, датированной London. August 1852, мы находим Миллара среди десятка книг, посвященных истории женщины (Jung, Ségur, Meiners, Thomas, Alexander) и истории культуры вообще (Eichhorn, Wachsmuth, Drumann). И, действительно, треть книги Миллара посвящена вопросу о положении женщины в различные эпохи (глава первая). Затем Миллар трактует о юрисдикции и власти отца семейства, о власти вождя или старшины над членами племени или деревни, о вла-

[1]) Напечатана в двухтомном сборнике «Hauptprobleme der Soziologie», посвященном памяти Макса Вебера.

[2]) *Cunow,* Dit Marxsche Geschichls-, Gesellschafts- und Staatstheorie, I, p, 119.

сти суверена и положении рабов и крепостных. Чаще всего он не объясняет те или иные учреждения, а описывает их и констатирует в них «a violation of the natural rights and liberties of mankind» [1]).

«История культуры» зародившаяся в XVIII столетии, собрала много фактов, доказывавших, что человеческая история не ограничивается только завоеваниями и подвигами монархов. Кроме общих «историй культуры», дававших массу фактов, в число которых входили, как один из элементов этой культуры, и экономические отношения, факты из истории производства и торговли,— начали появляться специальные истории промышленности и торговли. Но история экономики оставалась сама по себе, а другие явления «культуры» сами по себе. Как бы то ни было, уже эти первые историки хозяйственных отношений собрали большой материал, который был использован Марксом и Энгельсом. И когда последний, в 1888 г., констатировал, что труд его и Маркса, относящийся к 1845—1846 гг., показывает, как неполны были их тогдашние историко-экономические сведения, то этот недостаток являлся недостатком эпохи. Поэтому Белов совершенно прав, говоря, что важно установить уровень развития историко-хозяйственных знаний того времени.

Одной из задач марксоведения и является исследование развития науки «истории культуры» и истории хозяйства *до 1845 г.* в Англия, Германии, Франции и Италии. Попытка Белова проследить корни марксизма в немецкой историко-экономической литературе страдает существенными пробелами. Так, он забыл Heeren'a и Gülich'a, которых Маркс цитирует неоднократно. Случайно сохранившиеся тетради с выписками из Gülich'a показывают, как тщательно Маркс изучал его историю промышленности и торговли. Белов только упоминает о Hüllmann'ê, а между тем его главные работы об истории городов в Германии и истории греческой торговли были хорошо известны Марксу, который не менее усердно эксцерпировал и работы известного немецкого историка технологии и машиноведения Поппе. К осени 1845 г. Маркс был также знаком с главными работами по истории французской промышленности, не говоря уже о таких историках эпохи реставрации, как Тьерри, Гизо и Минье. В записных тетрадях

[1]) Экземпляр книги Миллара нашелся в библиотеке Румянцевского музея.

Маркса и книге Энгельса мы находим ссылки на все крупные произведения английской историко-экономической литературы — Макферсона, Андерсона, Эдена, Уэда. Характерно, что в печатаемом нами манускрипте мы уже находим факты и ссылки, которые после повторяются в первом томе «Капитала». И только исходя из «Немецкой идеологии», можно будет с наибольшей точностью установить, чем обязаны Маркс и Энгельс своим предшественникам, кто доставил им наибольшую сумму материалов для построения их историко-экономической схемы.

Опубликованная нами рукопись дает возможность установить еще один важный факт для всякого научного исследования философской эволюции марксизма. Тот вывод, который нам знаком из «Анти-Дюринга», формулирован уже в рукописи о Фейербахе. Философия, как особая наука об общей связи вещей и знаний, как summa summarum всего человеческого знания, становится излишней. От всей прежней философии остается только наука о законах мышления — формальная логика и диалектика.

Несомненно, что к этому выводу Маркс и Энгельс пришли через критику Фейербаха. И так же несомненно, что эта критика выполнена главным образом Марксом.

Уже в «Heilige Familie» Маркс является больше продолжателем Фейербаха, чем его учеником. Это лучше всего доказывается сравнительным анализом соединенных под одной обложкой высказываний Маркса и Энгельса о Фейербахе.

Можно сказать, что когда Маркс закончил «Heilige Familie», он уже перестал быть фейербахианцем даже в области философии. Поэтому ему было так легко проделать тот разрыв с Фейербахом, который Энгельс застал уже весной 1845 г. Вот почему «Положение рабочего класса в Англии», вышедшее в свет позже «Heilige Familie», гораздо больше стоит на почве «реального гуманизма». Маркс увлек за собой Энгельса, который возлагал еще надежды на Фейербаха как союзника.

ВВЕДЕНИЕ ЭНГЕЛЬСА «К КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ВО ФРАНЦИИ»

Известно, какая горячая дискуссия возникла в связи с знаменитым Введением Энгельса к «Классовой борьбе во Франции от 1848 г. до 1850 г.» К. Маркса. Э. Бернштейн в своих «Предпосылках социализма» сделал попытку превратить это Введение в политическое завещание Энгельса, в котором один из основоположников «самого революционного учения, какое только знало XIX столетие», отрекался своего революционного прошлого и завещал своим ученикам всеми силами избегать сделанных им и Марксом ошибок.

Каутский сейчас же выступил с решительным протестом против такого извращения слов Энгельса, но в то же время он признал, что действительный текст, как он вышел из-под пера Энгельса, несколько отличался от напечатанного текста. Если его революционное мировоззрение не проявляется в Введении с надлежащей яркостью и отчетливостью, то виноват не Энгельс, а немецкие друзья, которые убедили его выбросить заключение, так как оно было слишком революционно. Они думали, что предисловие и без того достаточно ясно написано. Мы видим теперь, что это не совсем так». И Каутский делает Бернштейну следующее предложение.

«Бернштейн имеет у себя оставшиеся после Энгельса рукописи. Если среди них имеется и оригинал предисловия с вычеркнутым заключением, то я приглашаю его опубликовать это заключение, которое Энгельсом было опущено только в силу внешних условий, а не по внутреннему побуждению. Мы тогда увидим, как мало имел Бернштейн права ссылаться на Энгельса» [1]).

---

[1]) Kautsky, Bernstein und die Dialektik. «Neue Zeit». XVII, 2, pp. 46—47.

Бернштейн не ответил на этот вызов,— вероятно, потому, что не мог найти оригинал Введения,— но продолжал упорно и во всех новых изданиях своей книги, и в других статьях повторять, что он является только верным исполнителем последних заветов Энгельса.

Пришлось обратиться к свидетельству самого Энгельса. Оказалось, что он успел еще при жизни очень резко протестовать против ревизионистского толкования его Введения.

Так, Лафарг опубликовал следующий отрывок из письма к нему Энгельса от 3 апреля 1895 г.

«Х. сыграл со мною недурную штуку. Из моего Введения к статьям Маркса о Франции 1848—50 гг. он взял все, что могло послужить ему для защиты *во что бы то ни стало мирной и противонасильственной* тактики, которую ему с некоторого времени угодно проповедывать, особенно в настоящий момент, когда в Берлине подготовляются исключительные законы. Между тем я рекомендую эту тактику только для *Германии настоящего времени,* да и то с существенными оговорками. Во Франции, Бельгии, Италии, Австрии этой тактике нельзя следовать в ее целом, а в Германии она может стать неприемлемой завтра» [1]).

Новое свидетельство, что Энгельс, был не очень доволен тем употреблением, которое сделано было из его Введения, мы находим в статье Каутского, которую он после перепечатал в книжке «Der Weg zur Macht».

Каутский просил у Энгельса разрешения напечатать его предисловие в «Neue Zeit» до его появления в отдельном издании. Соглашаясь на это «с удовольствием», Энгельс писал ему: «Текст мой пострадал несколько благодаря опасениям наших берлинских друзей, ссылавшихся на подготовляемый закон против революционных стремлений (Umsturzvorlage). При этих условиях я вынужден был с ними считаться».

Проект нового закона против социалистов внесен был 5 декабря 1894 г. в рейхстаг, который передал его 14 января 1895 г. комиссии, где он обсуждался до 25 апреля.

Ситуация была очень серьезная, и только этим объясняется, почему Энгельс согласился смягчить некоторые выражения.

«Но тогда «Vorwärts», пишет Каутский,— позволил себе, для

) «Le$_1$ Socialiste», 24 Novembre 1900.

того чтобы повлиять на работы парламентской комиссии в благоприятном направлении, вырвать, из контекста предисловия несколько мест и опубликовать их в таком виде, что действительно создавалось впечатление в духе позднейших ревизионистов. Энгельс страшно рассердился. В письме от 1 апреля он писал мне:

«К моему величайшему изумлению я нахожу сегодня в «Vorwärs» извлечение из моего Введения, напечатанное без моего ведома и таким образом скомпанованное, что я превращаюсь в мирного поклонника законности quand même. Тем более хотел бы я, чтобы все Введение целиком появилось в «Neue Zeit» и это позорное впечатление стерлось. Я очень определенно выскажу свое мнение на этот счет Либкнехту, а также и тем, которые — кто бы они ни были — дали ему повод исказить мое мнение».

С тех пор прошло пятнадцать лет, но, несмотря на ноябрьскую революцию 1918 г., Введение Энгельса к «Классовой борьбе» все еще не опубликовано целиком, а Бернштейн даже в новом, улучшенном и дополненном издании своих «Предпосылок социализма» продолжает повторять без всяких изменений все, что он говорил о перемене взглядов Энгельса в 1899 году.

Ему так и не удалось найти манускрипт Энгельса. К счастью, я нашел его среди бумаг, переданных Бернштейном в архив немецкой социал-демократии. Мы можем теперь восстановить все места, выкинутые по настоянию Центрального комитета немецкой социал-демократии в 1895 г.

Сравнение оригинального текста с напечатанным показывает, что Каутский ошибался, думая, что пострадало только заключение. Вернее было бы сказать, что редакторский карандаш особенно усердно прошелся по последним пяти страницам Введения.

Если мы возьмем более доступное теперь издание 1911 г с предисловием Бебеля [1]), который, кстати сказать, совершенно обходит вопрос, каким изменениям подвергалось Введение Энгельса, и сравним его с оригиналом, то окажется, что вплоть до 18-й страницы мы не найдем никаких существенных отличий, кроме стилистических мелочей. Другое дело, начиная с указанной страницы.

[1]) *Karl Marx,* Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848— 1850. Mit Einleitung von F. Engels und einem Vorwort von August Bebel. Berlin 1911.

Чтобы не перепечатывать всего Введения, мы ниже даем каждый измененный абзац в его настоящем виде и ограничиваемся тем, что печатаем *курсивом* все выброшенные места.

1) Страница 18-я немецкого издания.

«Итак, даже в классическое время уличной борьбы баррикада действовала более морально, чем материально. Она была средством поколебать стойкость армии. Удавалось ей продержаться до тех пор, пока эта цель была достигнута, победа была одержана; не удавалось,— борьба кончалась поражением. *В этом именно заключается существенный пункт, на который нужно обратить особенное внимание, если даже мы будем исследовать шансы всякой возможной в будущем уличной борьбы»* [1])

Итак, речь идет не об отказе от уличной борьбы, даже от баррикад, а только о более тщательном взвешивании их шансов.

Показав дальше, что условия уличной борьбы с 1849 г. сильно изменились как на стороне народа, так и на стороне армии, Энгельс заканчивает в напечатанном тексте этот абзац следующими словами (страница 19-я немецкого издания):

«Наконец, прямые, широкие и длинные улицы в ново-выстроенных после 1848 г. кварталах больших городов как бы нарочно приспособлены для действия новых орудий и ружей. Сумасшедшим должен был бы быть тот революционер, который по своей воле выбрал бы для постройки баррикад новые рабочие кварталы на северной и восточной стороне Берлина». Но осторожные редакторы вычеркнули заключение этого абзаца. Вот оно:

«Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть никакой роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали более неблагоприятными для гражданских инсургентов, более благоприятными для армии. Всякая будущая уличная борьба может таким образом победить только в том случае, если этот минус ситуации будет компенсирован другими моментами. Она будет иметь место реже в первой фазе социальной революции, чем в дальнейшем ходе ее, и должна будет вестись при помощи более значительных сил Но последние предпочтут тогда, как и во время всей великой французской революции или 4 сентября

[1]) «Es ist dieses der Hauptpunkt, der im Auge zu halten ist, auch wenn man die Chancen... künftiger Strassenkämpfe untersucht».

и 31 октября в Париже, открытое наступление пассивной баррикадной тактике» [1]).

Энгельс как бы предвидел опыт Октябрьской революции. Напомним, что еще в 1854 г. в одной из статей, написанных для «Нью-йоркской трибуны», Энгельс в связи с испанским восстанием 1854 г. пишет:

«Во-вторых, мы имели зрелище успешной баррикадной борьбы. Всюду, где со времени июньских дней 1848 г. пробовали строить баррикады, они оказывались недействительными. Казалось, что баррикады, как формы сопротивления, оказываемого населением большого города армии, потеряли всякое значение. Эта неблагоприятная оценка опровергнута фактами. Мы имеем снова по бедоносные неприступные баррикады. Отлучение снято с них» [2]).

На стр. 20 сделано только маленькое изменение:

«И в романских странах начинают все больше понимать, что старая тактика должна быть пересмотрена. *Всюду неподготовленные выступления отступили на задний план* [3]), всюду немецкий пример использования избирательного права, завоевания всех доступных позиций, находит подражание».

На стр. 21 имеется вставка, сделанная самим Энгельсом в корректуре:

«Мы можем уже теперь рассчитывать на 2 $^1/_4$ миллиона избирателей. Если это будет так продолжаться, то к концу столетия мы завоюем большинство среди средних классов общества, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства и вырастем в решающую силу в стране, перед которой волей-неволей должны будут склониться все другие силы».

---

[1]) «Heisst das dass in Zukunft der Strassenkampf keine Rolle mehr spielen wird? Durchaus nicht. Es heisst nur, dass die Bedingungen seit 1848 weit ungünstiger für die Civilkämpfer, weit günstiger für dass Militär geworden sind. Ein künftiger Strassenkainpf kann also nur siegen, wenn diese Ungunst der Lage durch andre Momente aufgewogen wird. Er wird daher seltener im Anfang einer grossen Revolution vorkommen, als im weiteren Verauf einer solchen, und wird mit grösseren Kräften unternommen werden müssen. Diese aber werden dann wohl wie in der ganzen französischen Revolution, am 4 September und 31 Oktober 1870 in Paris, den offenen Angriff der passiven Barrikadentaktik verziehen».

[2]) Статья перепечатана в изданных мною на немецком языке «Gesammelte Schriften von K. Marx und F. Engels». Zweiter Band, p. 54.

[3]) «Ueberall ist das unvorbereitete Losschlagen in den Hintergrund getreten».

Непосредственно за этими словами следует фраза, в которой вычеркнуты подчеркнутые, нами слова.:

«Способствовать, не покладая рук, этому росту, пока он не перерастет через голову господствующей правительственной системы, *не дать этой с каждым днем укрепляющейся массовой силе убывать в передовых схватках, а сохранять ее в неприкосновенности до решающего дня — вот наша главная задача*» [1]).

На той же странице — там, где Энгельс говорит о возможности кровавых репрессий со стороны господствующих классов — в заключительной фразе вычеркнуто одно замечание:

«Нельзя стереть с лица земли миллионную партию, для этого не хватит всех магазинных ружей Европы и Америки. Но это задержало бы нормальный ход развития, *массовая сила в критический* (самим Энгельсом зачеркнуто: *решающий) момент, быть может, не находилась бы в нашем распоряжении, решающая битва* (в напечатанном тексте: *решение*) была бы отсрочена и стоила бы более тяжелых жертв» [2]).

Если последние изменения могли принадлежать самому Энгельсу, то следующий «отрезок», на стр. 22, несомненно произведен партийной цензурой.

Приглашая прусских реакционеров «действовать», Энгельс продолжает:

«Но не забывайте, что Германская империя, как и все мелкие государства и вообще все современные государства, есть продукт договора: во-первых, договора между государями, во-вторых, договора между государями и народом. Если одна сторона нарушает договор, то этим самым уничтожается весь договор, и другая сторона также освобождается от всех своих обязательств. *Это великолепно продемонстрировал нам Бисмарк в 1866 г. Если вы таким образом нарушите имперскую конституцию, то социал-демократия тоже освобождается от обязательства и может поступать с вами, как ей угодно. Но что именно она*

[1]) «Diesen sieh täglich verstärkenden Gewalthaufen nicht in Vorhutkämpfen aufreiben, sondern ihn intakt zu erhalten, bis zum Tage der Entscheidung».

[2]) «Der Gewalthaufe wäre vielleicht im kritischen («entscheidenden» durchgestrichen) Moment nicht verfügbar, der Entscheidungskampf...»

сделает тогда,— эту тайну она вряд ли вам поведает теперь» [1]).

Даже такой эзоповский оборот оказался чересчур сильным для Центрального комитета!

Мы видим, что Энгельс имел все причины негодовать, когда, основываясь на его Введении в «Классовую борьбу во Франции», т. е. в ту работу Маркса, которая дает самое яркое обоснование революционной диктатуры пролетариата, делали попытку превратить его в «мирного поклонника законности quand même». В особенности, когда это делали те его друзья, которые прекрасно знали, что они играют при этом краплеными картами.

---

[1]) «Wie uns das Bismarck 1866 so schön vorgemacht hat. Brechen sie alse die Reichsverfassung, so ist die Sozialdemokratie freu, kann Ihnen gegenüber tun und lassen was sie will. Was sie aber dann tun wird — das bindet sie ihner heute schwerlich auf die Nase».

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ДИАЛЕКТИКЕ ПРИРОДЫ

I

Первая крупная работа Маркса — его докторская диссертация — посвящена исследованию «Различия между натур-философией (философией природы) Демокрита и Эпикура». Хотя ему много приходится говорить о физике и свойствах атома, Маркс нигде не выходит за пределы чисто-философских рассуждений. Его больше всего занимает задача наиболее точного изложения взглядов обоих греческих мыслителей и их различий. Мы имеем дело с историко-догматическим исследованием.

Можно сказать вполне определенно; что естественно-исторические познания Маркса к началу 40-х годов в общем и целом не выходили за пределы того их круга, который определяется философией природы Гегеля. Самостоятельно Маркс естествознанием не занимался.

Мы знаем, что при экзамене на аттестат зрелости Маркс по математике обнаружил «хорошие познания», а по физике (ему пришлось изложить и объяснить теорию вольтова столба) только «средние знания». Это, конечно, не может служить еще доказательством, что Маркс вовсе не интересовался естествознанием. Наоборот, в напечатанных работах и в сохранившихся рукописях мы встречаем ряд указаний, что Маркс с ранних лет, наряду со своими специальными занятиями по юриспруденции, философии и истории, старался следить за успехами общего естествознания. Особенный интерес проявил Маркс к геологии и палеонтологии.

Прежде, когда я вместе с Мерингом и профессором Грюнбергом считал, что в трирской гимназии, в которой Маркс провел свои молодые годы, математика и естествознание находились в загоне, я объяснял этот особенный интерес Маркса к истории земли университетскими влияниями.

Дело в том, что в Берлинском университете Маркс слушал между прочим лекция 2-х профессоров — Карла Риттера и Генриха

Стеффенса,— которые, правда, не без некоторой натяжки, можно отнести к области естествознания. Но и сравнительное землеведение, которое преподавал Риттер, один из творцов научной географии, и антропология, которую преподавал Стеффенс, шеллингианец и натур-философ, но в то же время крупный геолог и минералог, привлекали Маркса, вероятно, как подсобные дисциплины при изучении истории. Если первый посвящал в своих лекциях много места вопросу о влиянии природы (оро- и гидрографических, климатических и других естественных условий) на человека, оставляя в стороне вопрос о том, как это влияние изменялось во времени, то второй старался найти связь между историей человека и историей земли и в своей «Геологической антропологии», особенно подчеркивал значение геологических и геогностических условий в истории человека и разделении его на расы [1]).

Теперь, после более близкого знакомства с историей трирской гимназии, я пришел к заключению, что Маркс уже на школьной скамье заинтересовался названными научными дисциплинами, которые он не переставал изучать до конца своей жизни.

Самым выдающимся учителем трирской гимназии был очень известный в свое время геолог Штейнингер. Ему принадлежит ряд работ по геологии и геогнозии Рейнской провинции [2]).

Страстно любивший свою специальность, он, несомненно, сумел внушить и молодому Марксу интерес к изучению истории земли. Таким образом Маркс еще до поступления в университет получил толчок в указанном направлении.

Изучение системы Гегеля — «философско-диалектическое развитие божества в его проявлениях как понятия в себе, как религии, как природы, как истории — в свою очередь помогало Марксу усвоить идею развития, превращения, диалектики как в области истории, так и природы.

---

[1]) Меринг изображает Стеффенса как человека, относившегося с презрением ко всякому познанию фактов и даже в геологии требовавшего знакомства не с предметами, а с абсолютным. Но это только карикатура. В действительности Стеффенс был наряду с некоторыми натур-философами и круп ным ученым в своей специальности. Ср. *Zittel,* Geschichte der Geologie und Paläontologie bis Ende des XIX Jahrhunderts,'München; 1899, стр. 274 и 370.

[2]) Знаменитый геолог Леопольд фон-Бух писал в 1820 г. Штейнингеру: «Ваша книга, поскольку я могу судить, представляет самое крупное явление в области геогнозии за последние годы».

В статьях Маркса, помещенных в «Рейнской газете» 1842—1843 г., мы встречаем сравнения и параллели между историей и природой. Полемизируя с консервативным автором, защищавшим сословные различия, которые, мол, нельзя истребить, как «нельзя уничтожить существующее в природе различие элементов и привести все к хаотическому единству», Маркс требует от автора «более внимательного изучения природы, чтобы суметь подняться от первого чувственного восприятия различных элементов до разумного восприятия жизни органической природы».

«Даже элементы не остаются в спокойном состоянии,— пишет Маркс.— Они непрерывно превращаются друг в друга, и превращение это образует первую ступень жизни земли, метеорологический процесс. В жизни организма исчезает всякий след различных элементов, как таковых. Различие заключается здесь не в раздельном существовании различных элементов, а в живом движении отличных друг от друга функций, охваченных все одной и той же жизнью, так что их отличие не предшествует в готовом виде этой жизни, а скорее само непрестанно вытекает из нее и таким образом постоянно исчезает и парализуется в ней» [1]).

В 1843 году, после выхода из редакции «Рейнской газеты», Маркс переходит от философии самосознания к реальному гуманизму. Он становится, главным образом под влиянием «Предварительных тезисов для философии» и «Принципов философии будущего», фейербахианцем. Мы констатируем у него увлечение естествознанием. Устанавливая, вслед за Фейербахом, примат природы, он видит в человеке главным образом продукт природы.

В этом отношении особенно любопытны рукописи Маркса, относящиеся к периоду между «Немецко-французскими летописями» и «Святым семейством».

«Естествознание,— пишет Маркс в одной из них,— развило колоссальную деятельность и накопило непрерывно растущий материал. Но философия оставалась всегда чуждой естествознанию, подобно тому как последнее оставалось чуждым философии. Происшедшее на момент объединение их было только *фантастической иллюзией.* Имелась налицо воля к такому объединению,

[1]) О сословных комиссиях в Пруссии. Впервые опубликовано мною в русском собрании статей и писем Маркса за 1837—1844 гг.

но не хватало сил для этого. Сама историография лишь случайно считается с естествознанием, смотря на него под углом просвещения, полезности, отдельных великих открытий. Но тем более *практическим* образом ворвалось зато естествознание через посредство промышленности в человеческую жизнь, преобразовав ее и подготовив освобождение человечества, хотя непосредственным образом на первых порах оно привело к обесчеловечению его. Чувственность (см. Фейербаха) должна быть основой всякой науки. Лишь поскольку наука исходит из чувственности в ее двояком виде *чувственного* сознания и *чувственной* потребности, иначе говоря, лишь поскольку наука исходит из природы, постольку она есть *действительная* наука. Вся история является подготовительной историей, историей развития того, как *«человек»* становится предметом *чувственного* сознания и как потребность «человека как человека» становится потребностью. Сама история есть *действительная* часть *истории природы,* становления природы человеком Впоследствии естествознание будет охватывать науку о человеке подобно тому, как наука о человеке будет охватывать естествознание, «обе станут одним», будут *одна* наука».

В этой же рукописи Маркс касается вопроса, почему трудно вытеснить из народного сознания представление о творении.

«Представление о сотворении земли,— замечает он,— получило сильный удар со стороны *геогнозии,* то есть науки, изображающей образование земли, становление земли, как некий процесс, как самопорождение. Generatio aequivoca — это единственное практическое опровержение теории творения.

В «Святом семействе» Маркс делает дальнейший шаг вперед.

«Думает ли критическая критика, что она может пойти дальше первых начатков в познании исторической действительности, пока она исключает из исторического движения теоретическое и практическое воздействие человека па природу, естествознание и промышленность? Или она думает, что она действительно поняла какую-нибудь эпоху, не изучив, например, промышленности этой эпохи, непосредственный способ производства жизни?»

В тезисах о Фейербахе Маркс уже решительно разрывает с абстрактно-созерцательным материализмом и подчеркивает одинаковую историчность, диалектику как природы, так и человека, общества. Материализм становится историческим, диалектическим.

Яркую формулировку этого тезиса мы находим в «Немецкой идеологии».

«Мы знаем только одну единственную науку — науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю людей. Но нельзя отделять друг от друга обе эти стороны. Пока существуют люди, история природы и история людей обусловливают друг друга. Нас здесь не интересует история природы, так называемое естествознание. Но мы должны будем заняться историей людей, так как почти вся идеология сводится или к извращенному пониманию этой истории, или к полному абстрагированию от нее. Сама идеология есть лишь одна из сторон этой истории».

Маркс подчеркивает значение антропологических и естественно-исторических факторов, но сводит их к определенным границам и опять-таки выделяет геологические условия.

«Первым, требующим констатирования, фактом является телесная организация этих индивидов и данная этим связь их с остальной природой. Мы здесь не можем, разумеется, заниматься ни физическими свойствами самих людей, ни окружающей их естественной обстановкой: геологическими, оро-гидрографическими, климатическими и другими отношениями. Отношения эти обусловливают не столько первоначальную естественную организацию людей — в особенности расовые отличия.— но и все их дальнейшее развитие или же развитие до нашего времени. Всякое историческое описание должно исходить из этих естественных основ и их видоизменения в ходе истории благодаря деятельности людей».

Историчность всех явлений природы и общества Маркс также ясно подчеркивает в «Нищете философии». Все они представляют исторические и преходящие продукты, результат определенного рода брожения, совершающегося диалектически.

Революция 1848 г. отвлекла и Маркса и Энгельса от чисто-теоретических занятий. Прошло несколько лет, пока оба друга в Англии, куда их выбросила волна контр-революции, могли возобновить свою научную работу. В то время как Маркс, отвлекаемый в сторону только работой для «Нью-йоркской трибуны», упорно работал над своим главным экономическим трудом. Энгельс, вынужденный отдавать много времени «гнусной торговле», много писал для той же «Трибуны» и вместе с тем усердно занимался военными науками и философией.

Только в 1858 г. Энгельс, как это видно из переписки его с Марксом, приступает вплотную к изучению естественных наук. В отличие от своего друга он учился в реальной школе, в которой положил прочное основание для своих занятий по физике и химии. Интерес к химии, в особенности к органической химии, поддерживался у него практическими потребностями. К этому времени он из конторщика превратился в одного из «принципалов» фабрики и не мог не заинтересоваться, в отличие от многих своих коллег, тем переворотом, который как раз с середины 50-х годов характеризует химию красящих веществ (Перкин п Грисс) и таким образом приводит к самым радикальным переменам в третьей крупной отрасли текстильной промышленности — в отбельно-красильном деле. Крупнейшую роль в руководстве всей этой работой как теоретик и инициатор сыграл ученик Либиха, немецкий химик Август Вильгельм Гофман, переселившийся в Англию, где он в Лондоне организовал химический институт. Вслед за ним потянулись в Англию многие молодые немецкие химики, среди которых был и Карл Шорлеммер, переселившийся в Манчестер в 1861 г.

Интересно, что в том же 1858 г., как это видно из переписки, сначала у Маркса, а затем и у Энгельса, замечается «поворот» к Гегелю. 14 января 1858 г. Маркс пишет своему другу в связи с сообщением о подготовляемой к печати «Zur Kritik der politischen Oekonomie»:

«В *методе* обработки мне большую услугу оказало то обстоятельство, что я совершенно случайно — Фрейлиграт нашел несколько томов Гегеля, принадлежавших первоначально Бакунину, и презентовал их мне — опять перелистывал «Логику» Гегеля. Если когда-нибудь снова найдется время для таких работ, то я очень охотно, в двух-трех печатных листах популяризовал бы для обычного человеческого рассудка то *рациональное,* что есть в методе, который был открыт Гегелем, но в то же время облечен был в мистическую форму».

Вскоре после этого вышла книга Лассаля о Гераклите. Она послужила новым поводом для дискуссии о диалектике Гегеля. Начатая Марксом письменно, она продолжалась в Манчестере у Энгельса, к которому Маркс приехал отдохнуть в мае 1858 г. Весьма вероятно, что Энгельс отнесся очень отрицательно к работе Лассаля. В письме к последнему Маркс, вернувшись из Манчестера, пишет:

«Я хотел бы дальше в самой книге найти *критические* замечания о твоем отношении к гегелевской диалектике. Хотя эта диалектика безусловно является последним словом философии, все же. с другой стороны, необходимо освободить ее от той мистической оболочки, которую она имеет у Гегеля».

У Энгельса эта дискуссия вызвала желание перечитать Гегеля, особенно его Философию природы.

14 июля 1858 г. он пишет Марксу:

«Пришли же мне, наконец, обещанную Философию природы Гегеля. Я занимаюсь теперь немного физиологией, а затем думаю заняться сравнительной анатомией. В них имеется много чрезвычайно важного с философской точки зрения, но все это открыто только очень недавно. Мне очень хотелось бы знать, не предвидел ли старик что-нибудь из всего этого. Не подлежит, однако, сомнению, что если бы он писал свою философию природы *теперь,* то доказательства слетались бы к нему со всех сторон. Впрочем, и вообще очень мало кому известны успехи, достигнутые в естествознании за последние тридцать лет. Для физиологии решающее значение имели, во-первых, необыкновенное развитие органической химии, во-вторых, микроскоп, которым научились правильно пользоваться только двадцать лет назад. Именно последнее привело к еще более важным результатам, чем химия. Главный факт, революционизировавший всю физиологию и сделавший возможной сравнительную физиологию, это — открытие клетки: в растении — Шлейдоном, в животном — Шванном (около 1836 г.). Все есть клетка. Клетка есть гегелевское в себе бытие и в своем развитии проходит именно гегелевский процесс, пока из нее, наконец, не развивается «идея», данный завершенный организм.

«Другой результат, который бы очень порадовал Гегеля, это в области физики соотношение сил или закон, в силу которого при данных условиях механическое движение — следовательно, механическая сила (например, путем трения) — превращается в теплоту, теплота — в свет, свет — в химическое сродство, химическое сродство (например, в вольтовом столбе) — в электричество, а это — в магнетизм. Эти переходы могут также совершаться иначе, вперед или назад. Теперь доказано одним англичанином, имени которого я не могу вспомнить, что эти силы в совершенно определенных количественных соотношениях переходят друг в друга, так что, напр., известное количество одной силы, напр.,

электричества, соответствует известному количеству всякой другой, напр., магнетизма, света, теплоты, химического сродства (положительного или отрицательного — синтетического или аналитического) и движения. Нелепая теория о скрытой теплоте таким образом уничтожается. Не является ли это великолепным материальным доказательством того способа, как рассудочные определения переходят друг в друга?

«Как бы то ни было, изучая сравнительную физиологию, начинаешь испытывать величайшее презрение к идеалистическому возвеличению человека над всеми другими животными. На каждом шагу натыкаешься носом на полнейшее совпадение строения человека с остальными млекопитающими; в основных чертах это совпадение замечается у всех позвоночных и даже — в более скрытой форме — у насекомых, ракообразных, червей и т. д. Гегелевская история с качественным прыжком в количественном ряде прекрасно сюда подходит. В конце концов у низших инфузорий мы приходим к прообразу, к простой, самостоятельно живущей клетке, которая опять-таки ничем осязательным не отличается от низших растений (от состоящих из простых клеток грибов — болезнетворных грибов картофеля или винограда) и зародышей высших ступеней развития, до человеческого яйца и семенных телец включительно, и точно так же выглядит, как независимые клетки в живом организме (кровяные тельца, клетки эпителия и слизистой оболочки, клетки, выделяемые железами, почками и т. д.)».

Читатель, вероятно, уже вспомнил то место из «Людвига Фейербаха», в котором Энгельс указывает, какие именно успехи естествознания помогли познанию связи процессов, совершающихся в природе. Решающую роль сыграли три великих открытия: 1) открытие клеточек, 2) открытие превращения энергии и 3) открытие Дарвином законов эволюции органического мира.

Когда Энгельс писал Марксу 14 июля 1858 г., ему известны были лишь первые два открытия. Только в августе 1858 г. появились в специальном журнале, в отчете о заседаниях Линнеевского общества в Лондоне, мемуары Уоллеса и Дарвина, в которых излагалось «третье великое открытие». Но как внимательно следил Энгельс за этим вопросом, видно из того, что он читал великое творение Дарвина, вышедшее 24 ноября 1859 г., уже через несколько дней.

«Впрочем, Дарвин, которого я как раз теперь читаю,— пишет

он Марксу в последних числах ноября,— просто великолепен. Телеология в одном отношении до сих пор еще не была разбита, теперь это сделано. К тому же до сих пор еще не было сделано такой превосходной попытки доказать историческое развитие в природе, и меньше всего с таким счастьем. Конечно, приходится мириться с неуклюжем английской методой».

Маркс, занятый в 1860 г. полемикой против Карла Фогта, приступил к чтению Дарвина только в конце этого года. «Хотя в ней взгляды развиваются на английский грубоватый манер,— пишет он Энгельсу 19 декабря 1860 г.,— все же эта книга содержит естественно-историческую основу для нашей теории».

Он обращает внимание Лассаля на эту книгу и пишет ему 16 января 1861 г., вплетая в свой отзыв замечание Энгельса:

«Большое значение имеет книга Дарвина: я считаю ее пригодной, как естественно-историческую основу, для исторической борьбы классов. Приходится, конечно, мириться с грубовато-английской манерой изложения. Несмотря на все недостатки, в ней впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естествознании, но и эмпирически разъяснен ее рациональный смысл».

Маркс возвращается к Дарвину несколько позже в письме к Энгельсу от 18 июня 1862 г. Мы только что видели, как Маркс повторяет отзыв Энгельса, теперь мы имеем соображения Маркса, которые Энгельс после повторяет буквально.

«У Дарвина, которого я опять просматриваю, меня забавляет, когда он говорит, что применяет «теорию Мальтуса» *также* к растениям и животным, дак будто у Мальтуса весь фокус не состоит именно в том, что она применяется *не* к растениям и животным, а только к людям — с геометрической прогрессией — в противоположность к растениям и животным. Замечательно, как Дарвин снова находит среди животных и растений свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, «изобретениями» и мальтусовой «борьбой за существование». Это — bellum ommiun contra omnes Гоббса и напоминает Гегеля в «Феноменологии», где буржуазное общество фигурирует как «духовное царство животных», тогда как у Дарвина оно фигурирует как буржуазное общество».

Точно так же, как в связи с вопросом о ренте Маркс изучает агрономию и земледельческую химию, так в связи с вопросом о

машинах он завивается механикой и математикой [1]). Слабый в области простых арифметических вычислений, Маркс гораздо свободнее ориентируется в области высшей математики. К середине шестидесятых годов Маркс чувствует себя настолько крепко в последней науке, которая становится для него в то же время и средством отдыха от напряженного труда в других областях знания, что рискует предпринять самостоятельную математическую работу [2]).

Оба друга внимательно регистрируют различные фазисы того переворота, который совершается с начала шестидесятых годов в области естествознания, особенно в Англии [3]). Маркс, кроме того, слушает не только социальные курсы по технологии, но и лекции, которые тогда читались для публики (главным образом для рабочих) крупнейшими специалистами того времени.

В письме от 4 июля 1864 г Маркс извещает Энгельса, что он в последнее время перечитал физиологию Карпентера, физиологию Лорда, гистологию Келликера, анатомию мозга и нервной системы Шпурцгейма и работы Шванна и Шлейдена о клетках. Указав Энгельсу на хорошую критику френологии у Лорда, напоминающую ему одно место из «Феноменологии» Гегеля. Маркс продолжает:

«Ты знаешь, что у меня, во-первых, все приходит поздно, и, во-вторых, я всегда иду по твоим следам. Поэтому вероятно, что я теперь в часы отдыха буду много заниматься анатомией и физиологией и, кроме того, буду посещать лекции, где все это наглядно демонстрируется и сопровождается опытами [4])

---

[1]) «В области механики,— пишет он Энгельсу,— мне приходится так же, как и в области языков. Математические законы я понимаю, но простейшая механическая реальность, для чего нужно наблюдение, дается мне труднее, чем величайшим неучам» (28 января 1863 г.)

[2]) «Во время пауз, так как нельзя все время писать, я произвожу дифференциальные вычисления dx/dy. У меня не хватает терпения читать что-нибудь другое. (20 мая 1865 г).

[3]) Ср. письма Энгельса от 8 апреля 1863 г. (о Лайелле и Гексли 20 мая 1863 г. (о Лайелле), 30 мая 1864 г. (интересные замечания по поводу присланного ему Марксом труда Франкера, известного французского математика), 16 ноября 1864 г. (о Шаффгаузене).

[4]) В письме от 31 августа 1864 г. Маркс упоминает о Грове («Соотношение физических сил»), которого он после цитирует в «Капитале». «Это безусловно

Имеется еще одно интересное письмо Энгельса к автору «Рабочего вопроса» и «Истории материализма» Ф. А. Ланге (29 марта 1865 г.), в котором мы находим следующий отзыв о Гегеле и его философии природы:

«Я не могу пройти мимо одного вашего замечания о старом Гегеле, которого вы обвиняете в отсутствии более глубокого математически-естественно-исторического образования. Гегель был настолько хорошо знаком с математикой, что ни один из его учеников не в состоянии был издать оставшиеся после него многочисленные рукописи по математике. Единственный человек, который, по моему убеждению, достаточно понимает математику и философию, чтобы выполнить эту задачу, это — Маркс. Насчет нелепостей в деталях философии природы я с вами, конечно, согласен, но его *действительная* философия природы заключается во второй части логики, в учении о сущности, которое составляет главное ядро всего учения. Современное естественно-историческое учение о взаимодействии сил природы (Grove, «Correlation of Physical Forces» впервые издано, мне кажется, в 1838 г.) [1]) является только другим выражением, или, вернее, положительным доказательством гегелевских взглядов на причину, следствие, взаимодействие, силу и т. д. Я, конечно, теперь уже больше не гегельянец, но все еще сохраняю большое почтение и привязанность к старому великому парню».

Маркс впервые обратил внимание Энгельса на то видоизменение, которое внес в космогоническую гипотезу Лапласа американский астроном Кирквуд. Излагая взгляды последнего, Маркс (19 августа 1865 г.) в то же время приводит критические замечания «старого Гегеля» против «метафизических» утверждений Ньютона и вслед за Гегелем подчеркивает заслуги Кеплера. В свою очередь Энгельс пишет Марксу о книге Тиндалля «Теплота как род движения» (4 января 1866 г.).

Мы не можем останавливайся здесь на крайне любопытной полемике, которая завязалась между Марксом и Энгельсом по поводу книги французского геолога и географа И. Тремо. На почти восторженный отзыв Маркса, который ставит Тремо в один

самый философический среди английских (и также немецких!) естествоиспытателей. Наш друг Шлейден имеет прирожденную наклонность к пошлости, хотя он по какому-то недоразумению открыл клетку»

[1]) Ошибка. Книжка Грове вышла в 1846 г.

ряд с Дарвином. Энгельс отвечает самой резкой критикой, доказывая, что книга никуда не годится. В результате Маркс должен был признать, что «книга написана неряшливо, полна геологических ошибок, слаба в литературно-исторической критике» — недостатки, указанные Энгельсом,— но все же представляет из себя в общем шаг вперед по сравнению с Дарвином (из письма к Кугельману) [1]).

Марксу в книге Тремо больше всего поправилась мысль, что развитие животного мира, в том числе человека, определяется степенью разработанности той почвы, на которой живут эти существ,— мысль, напоминающая некоторые идеи, изложенные Г. Стеффенсом и его геологической антропологии [2]).

Защищая свой взгляд, Маркс напоминает Энгельсу спор Кювье с немецкими натурфилософами:

«Твой приговор, «что вся его теория ничего не стоит, потому что Тремо не знает геологии и не способен к самой простой литературно-исторической критике», ты можешь *почти буквально* найти у Кювье в его «Discours sur les révolutions du globe» против учения об изменчивости видов, где он осмеивает между прочим немецких натурфантастов, которые уже вполне *высказали* основную идею Дарвина, хотя они не могли ее *доказать*. Это не помешало, однако, тому, что Кювье, который был великим геологом и для натуралиста был также выдающимся литературно-историческим критиком, оказался неправ, а люди, высказавшие новую идею, были правы. Основная идея Тремо *о влиянии почвы* (хотя он, конечно, не принимает в расчет исторической модификации этого влиянии а к таковым историческим модификациям я причисляю и химическое изменение почвы при помощи агрикультуры л т. д., затем различное влияние, которое имеют при различных способах производства такие вещи, как угольные пласты,

[1]) Маркс — Энгельсу, 7 августа 1866. 13 августа 1866 г.; Энгельс — Марксу, 2 октября 1866 г., Маркс — Энгельсу, 3 октября 1866 г.: Энгельс Марксу, 5 октября 1866 г. Ср. также отзыв Маркса о Тремо в письме к Кугельману 9 октября 1866 г. Весь этот материал о книге Тремо были мною переданы К. Тимирязеву, который согласился написать статью об этом интересном споре. К сожалению, смерть помешала ему выполнить свое намерение.

[2]) «La perfection des êtres est ou devient proportionnelle au degré d'élaboration do sol sur lequel ils vivent! Et le sol est en général d'autant plus élaboré qu'il appartient à une formation géologique récente». — *Trémcaur,* Origine et Transformation de l'homine et des autres êtres. Paris. 1865, p. 17.

и т. д.) есть, по моему мнению, идея, которую нужно только *высказать,* чтобы приобрести ей право гражданства в науке, и это совершенно независимо от изложения Тремо».

В своем ответе Энгельс делает в только что изложенном пункте уступку. Читатель увидит также, что он принял целиком и оценку «немецких натурфантастов», сделанную Марксом.

Эта «дискуссия» между Марксом и Энгельсом происходила как раз в те месяцы, когда последний заканчивал для печати первый том «Капитала». Мне уже приходилось указывать, что форма изложения и архитектоника всего труда., и местами аргументация, носит на себе явные следы 1864—1866 гг., т. е деятельности Маркса в Первом Интернационале. Теперь нужно прибавить, что в неменьшей степени заметны в «Капитале» следы указанного мною «поворота» к Гегелю и усиленного интереса к вопросам естествознания.

Мы находим и в «Капитале» ряд очень интересных методологических указаний и параллелей из области естественно-математических наук (математика, астрономия, механика, физика, химия, анатомия, физиология, геология и т. д.) [1]).

Что касается «поворота» к Гегелю, то Маркс во втором издании дает следующие объяснения:

«Мой диалектический метод не только в корне отличен от гелевского, по представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург действительности, представляющий лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное. Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я разрабатывал первый том «Капитала», крикливые, претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, с особенным удовольствием третировали Гегеля, как некогда во времена Лессинга доблестный Моисей Мендельсон третировал Спинозу, а именно как «мертвую собаку». Я поэтому открыто заявил себя учеником этого великого

[1]) Все ни указаны в моем указателе к первому тому «Капитала», составленном еще до войны.

мыслителя и в главе о теории стоимости даже несколько кокетничал гегельянством, употребляя там и сям характерную для него терминологию. Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, *что именно Гегель первый дал исчерпывающую и осознанную картину ее общих форм движения.* У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой».

Мы видели выше, что ссылки на Гегеля в первом томе «Капитала» объясняются не только желанием устранять «историческую несправедливость» по отношению к старому учителю. Маркс был убежден, и он высказал это в подчеркнутых нами выше словах, что именно Гегель первым дал *исчерпывающую и осознанную картину общих форм диалектического движения.* Надо подчеркнуть, что еще в первом издании «Капитала» он высказал категорическое положение, что законы этой диалектики сохраняют свое значение не только для общества, но и для природы.

В главе «Норма и масса прибавочной стоимости» Маркс показывает, что не всякая произвольная сумма денег или стоимости может быть превращена в капитал, что, напротив, предпосылкой этого превращения является определенный минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца денег или товаров. «Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. *Здесь, как и естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия».*

К этому месту в первом издании сделано было Марксом следующее примечание. «Молекулярная теория, нашедшая себе применение в современной химии, намеченная уже Лораном и Жераром и впервые научно развитая проф. Вюрцем в Париже, основывается именно на этом законе».

В переписке Маркса и Энгельса мы находим еще следующую иллюстрацию к этому месту. Как раз, когда уже заканчивалось печатание «Капитала», Энгельс писал Марксу (16 июня 1867 г): «Гофмана прочитал [1]). Новая химическая теория со всеми

[1]) Речь идет, вероятно об «Introduction to modern chemistry». London, 1865

ее ошибками представляет большой прогресс в сравнении с прежней атомистической. Молекула, как *мельчайшая способная к самостоятельному существованию* часть материи, есть совершенно рациональная категория, «узел», как говорит Гегель, в бесконечной серии делений, который не заканчивает ее, но полагает новое качественное различие. Атом, изображавшийся прежде как предел делимости, теперь представляет еще только *отношение,* хотя господин Гофман сам на каждом шагу возвращается к старому представлению, будто существуют действительно неделимые атомы. В остальном констатированные в книге успехи химии действительно колоссальны, и Шорлеммер говорит, что эта революция еще и теперь продолжается, так что каждый день можно ожидать новых переворотов».

«Что касается Гофмана,— отвечает своему другу Маркс (22 июня 1867 г.),— то ты совершенно прав. Ты, впрочем, и сам увидишь из заключения моей третьей главы, где указывается на превращение ремесленного мастера в капиталиста,— в силу *количественных изменений,*— что я цитирую там в *тексте* открытие Гегеля *о законе превращения чисто количественных изменений в качественные,* как одинаково проявляющиеся в истории и естествознании. В *примечании* к тексту (я как раз слушал тогда лекцию Гофмана) я упоминаю *молекулярную теорию,* но не Гофмана, который в этом пункте не дал ничего, кроме *черточки,* а Лорана, Жерара и Вюрца, из которых последний является *главным деятелем.* Твое письмо напомнило мне об этом, и я опять заглянул в свою рукопись».

Ссылаясь на Шорлеммера. Энгельс (24 июня 1867 г.) указывает Марксу, что главная роль в выработке молекулярной теории принадлежит Жерару и Кекуле, что Вюрц только популяризировал и разработал эту теорию. Поэтому во втором издании «Капитала», Маркс в цитированном мною примечании вычеркнул имя Вюрца, во не ввел имени Кекуле [1]).

[1]) Приводим новую редакцию и примечание Энгельса. «Молекулярная теория, нашедшая себе применение в современной химии и впервые научно развитая Лораном и Жераром основывается именно на этом законе». «Мы замечаем,— говорит Энгельс с третьем издании и,— для пояснения этого довольно темного для химиков замечания, что автор говорит здесь о названных впервые Жераром в 1843 г. «гомологических рядах углеводистых соединений, из которых каждый имеет свою собственную алгебраическую формулу строения. Например, ряд

Но Маркс в первом томе Капитала подчеркнул не только характерные черты своего диалектического метода и его отличие от гегелевской диалектики. Не менее резко он указал и на отличие исповедуемого им материализма от абстрактного естественно-научного материализма, исключающего исторический процесс. Недостатки его «обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности».

Маркс имеет тут в виду главным образом немецких материалистов, а среди них *Людвига Бюхнера,* который в начала шестидесятых годов становится наиболее популярным глашатаем материалистического мировоззрения не только среди интеллигенции, но и среди рабочих. В отличие от Фохта и Молешотта, он, как и Ланге, принимает участие в рабочем движении. Он посылает горячее приветствие Женевскому конгрессу Первого Интернационала. В этом письме он предостерегает рабочих против либеральной буржуазии и политической демократии, советует им заботиться не только об интересах своего сословия, но и стать социалистами. Вместе с Ланге Бюхнер является делегатом на Лозаннском конгрессе в 1867 г. Во время своего пребывания в Германии Маркс, мог убедиться, что и люди считавшие себя его приверженцами, не совсем ясно понимали различие между диалектическим материализмом Маркса и Энгельса и материализмом Бюхнера.

Весьма вероятно, что уже в это время у Энгельса — самостоятельно или под влиянием Маркса — возникла мысль подвергнуть критике взгляды Бюхнера, чтобы противопоставить им свою точку зрения. Выход в свет новой работы Бюхнера [1]), весьма плодовитого писателя, в которой собраны были его лекции о «дарвиновской теории превращения видов и первом возникновении

парафинов: $C_n H_{2n}$, ряд нормальных алкоголей: $C_n H_{2n} + O_2$, нормальных жирных кислот: $C_nH_{2n}O_2$ и мн. др. В приведенных примерах посредством простого количественного прибавления CH_2 к молекулярной формуле каждый раз получается качественно различное тело».

[1]) «Sechs Vorlesungen über die Darwinsche Theorie von der Verhandlung der Arten und die erste Enstehung der Organismenwelt sovie über die Anvendung der Umwandlungstheorie auf Menschen, das Verhältnis dieser Theorie zur Lehre vom Forschritt und der Zusammenhang derselben mit der materialistischen Philosophie der Vergangenheit und Gegenwart». 1868.

органического мира, а равно и о применении теории превращения к человеку, об отношении этой теории к учению о прогрессе и связи ее с материалистическом философией прошлого и настоящего», как бы вызвал такое противопоставление и давал удобный случай рассеять целый ряд недоразумений и доказать, что можно критически относиться к естественно-историческому материализму, не становясь подобно Ланге в его «Истории материализма» жертвой возрожденного кантианства.

«Стряпня Бюхнера,— писал Маркс 18 октября 1868 г. Энгельсу,— потому представляет для меня интерес, что в ней цитируется большая часть немецких исследовании в области дарвинизма — проф. Иегера (Вена) и проф. Геккеля. Согласно им клетка, как первичная форма, оставлена, но зато как исходный пункт берется бесформенный, но сократимый комочек белка. Эта гипотеза была позже подтверждена открытиями в Канаде (позже в Баварии и других местах) [1]). Эта первичная форма должна, конечно, быть прослежена до такого пункта, где она становится химически воспроизводимом. И как будто уже находятся на пути к этому».

Получение этой книги непосредственно от Бюхнера [2]) дает Марксу повод еще раз вернуться к ней (14 ноября 1868 г.).

«Великий Бюхнер прислал мне свои «Шесть лекций и т. д. о дарвиновской теории». Книга еще не вышла в свет, когда я был у Кугельмана. И он посылает мне теперь уже *второе издание.* Способ, каким делаются такие книги, весьма удобен. Бюхнер говорит, например (и всякий, кто читал Ланге, и без того знает это), что его глава о материалистической философии в значительной части списана у Ланге. И этот самый Бюхнер смотрит с состраданием сверху вниз на Аристотеля, которого он знает только по слухам. Но что меня больше всего позабавило, так это следующее место по поводу сочинения Кабаниса (1798 г): «Кажется, что слышишь Карла Фогта, когда читаешь (у Кабаниса) такие выражения»: «Мозг предназначен для мышления, как желудок для пищеварения или печень для выделения желчи из крови и т. д.». Бюхнер, как видно, думает, что Кабанис списал у Карла Фогта. Предположить обратный процесс — это превышает критические спо-

[1]) Маркс имеет а виду так наз. Eozoon canadense.

[2]) Посредником явился Кугельман, который послал Бюхнеру «Капитал» Маркса.

собности почтенного Бюхнера. С Кабанисом он, повидимому, познакомился только из Ланге! И это — серьезные ученые!» [1]).

Нам остается еще привести отзыв Маркса о Ланге в письме к Кугельману (27 июня 1870 г.):

«Господин Ланге (в книге о рабочем вопросе) удостаивает меня больших похвал, но лишь для того, чтобы превознести самого себя,— и вот за что. Господин Ланге сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается в фразе «struggle for life» — «борьба за существование» (выражение Дарвина применительно к этому случаю есть простая фраза, а содержание этой фразы — закон Мальтуса о народонаселении или, скорее, о перенаселении. Таким образом вместо того, чтобы анализировать struggle for life, как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всю конкретную борьбу под фразу «struggle for life», а эту фразу — под мальтусовскую фантазию о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод для надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лености мысли. То, что тот же самый Ланге говорит о гегелевском методе и о моем применении его, является постине ребяческим. Во-первых. он ничего не понимает в гегелевском методе и поэтому, во-вторых, имеет еще гораздо меньше представления о моем критическом способе его применения. В одном отношении он напоминает мне Моисея Мендельсона. Этот прототип пустейшего человека писал Лессингу: «Как это могло вам притти в голову принимать всерьез эту мертвую собаку — Спинозу!» Точно так же г-н Ланге удивляется, что Энгельс и я принимаем всерьез мертвую собаку — Гегеля, после того как Бюхнер, Ланге, Дюринг, Фехнер и т. д. давно согласились на том, что они давно его похоронили. Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь с самой редкой свободой». Ему и в голову не приходит, что «это свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраза известного метода изучения материала, именно *диалектического метода».*

Вместе с замечаниями, сделанными Марксом во втором издании

[1]) «Странная первичная масса почтенного Бюхнера,— пишет Энгельс 28 ноября 1868 г., — все еще приставляется мне очень таинственной. Не можешь ли ты нам переслать его книгу?» Нам — это Энгельсу и Шорлеммеру.

«Капитала» о диалектике,— кое-что является повторением только что цитированного письма,— эта критика Ланге является последним «высказыванием» Маркса, по вопросу о диалектике в истории и природе.

К сожалению, после переезда Энгельса в Лондон — осенью 1870 г.— переписка друзей носит совершенно случайный характер. Правда, уже с начала 1869 г. и в 1870 г. мы очень редко встречаем в их переписке экскурсы в области философии и естествознания [1]). Отчасти это объясняется тем, что и Энгельс, и Маркс были очень заняты делами Интернационала. Борьба с Бакуниным, события в Германии и Франции, революционное движение в Ирландии и т. д. поглотили все их внимание. Энгельс усердно собирал материал для большой книги об Ирландии А с переездом в Лондон, в особенности после тяжелой болезни Маркса, он вплоть до Гаагского конгресса в сентябре 1872 г. вынужден был еще больше времени посвящать делам Интернационала.

II

Только в 1873 г. Энгельс получает возможность приступить более систематически к изучению вопроса о диалектике в естествознании. Счастливая случайность доставила нам весьма важное свидетельство. Маркс уехал в Манчестер, чтобы отдохнуть у Шорлеммера, и вот 30 мая 1873 г. Энгельс спешит поделиться с друзьями теми мыслями, которые пришли ему в голову по вопросу о диалектике в естествознании:

«Предмет естествознания — движущееся вещество, тела. Тела неотделимы от движения, их формы и виды можно познавать только в движении, о телах вне движения, без всякого отношения к другим телам нельзя ничего сказать. Только в движении тело показывает, что оно есть. Поэтому естествознание познает тела, только рассматривая их в отношении друг к другу, в движении. Познание различных форм движения есть познание тел. Исследование этих различных форм движения есть поэтому главный предмет естествознания. (Очень хорошо; это также мой взгляд — К. Ш. [орлеммер] [2]).

[1]) Интересно также письмо Энгельса от 21 марта 1869 г., в котором он критикует теорию охлаждения вселенной.

[2]) В письме Энгельса имеются сделанные Шорлеммером отметки.

«1. Простейшая форма движения — это перемена *места* (внутри времени, чтобы сделать удовольствие старому Гегелю) — *механическое* движение.

«a. Движения *отдельного* тела не существует; однако, говоря относительно, *падения* можно рассматривать как таковое. Движение к одному, общему для многих тел, центральному пункту. Но как только отдельное тело должно двигаться в другом направлении, чем к центру, оно, правда, подпадает под законы *падения,* но последние видоизменяются. (Совершенно верно!— К. Ш.)

«b. Законы траектории и приводят непосредственно к взаимному движению нескольких тел — планетарное и т. д. движение, астрономия, равновесие — временному или кажущемуся в самом движении. Но *действительным* результатом этого рода движения в конце концов бывает всегда контакт (соприкосновение) движущихся тел, они падают друг на друга.

«c. Механика контакта — соприкасающиеся тела. Простая механика, рычаг, наклонная плоскость и т. д. Но *этим не исчерпываются последствия контакта.* Он проявляется непосредственно в двух формах: трения и удара. Обе имеют то свойство, что при определенной степени интенсивности и при определенных обстоятельствах они производят новые, не только уже чисто механические последствия: *теплоту, свет, электричество, магнетизм.*

«2. Собственно физика, наука, исследующая эти формы движения, которая после исследования каждой из них в отдельности констатирует, что при определенных условиях они *переходят друг в друга,* и в заключение находит, что все они при определенной степени интенсивности, которая (степень) изменяется соответственно различным движущимся телам, вызывают действия, выходящие за пределы физики, изменения внутреннего строения тела —*химические* действия.

«3. Химия. При исследовании прежних форм движения было более или менее безразлично, производилось ли оно над одушевленными или неодушевленными телами. Неодушевленные тела, правда, показывают эти явления в их наибольшей *чистоте.* Напротив, химия может познать химическую природу важнейших тел только в таких веществах, которые возникают из процесса жизни; главной ее задачей все больше и больше становится искусственное приготовление этих веществ. Она представляет пе-

реход к науке организмов, но диалектический переход только тогда возможно будет установить, когда химия совершит этот действительный переход или будет на пути к этому. (Вот в чем вопрос!— К. Ш.)

«4. Организм — здесь я не пускаюсь ни в какую диалектику». (Я тоже.— К. Ш.)

Это письмо позволяет нам точно установить время, когда Энгельс окончательно принял решение изложить результаты современного ему естествознания в свете диалектического метода. Печатаемые нами в этом томе рукописи его начинаются маленьким конспектом работы против Бюхнера и Ланге, а второй курс посвящен диалектике естествознания. Читатель сейчас же заметит почти буквальное сходство с некоторыми местами только что цитированного письма.

Можно сказать, что именно с мая месяца 1873 г. Энгельс, почти не отвлекаясь в сторону, если не считать нескольких статей для социал-демократической прессы, принимается вплотную за подготовку большой работы о диалектике в естествознании. В печатаемой нами рукописи (1) мы находим многочисленные экскурсы и наброски, которые должны были быть после использованы. Дополнительный свет на процесс этой работы бросает другое письмо Энгельса (21 сентября 1874 г):

«Я глубоко сижу в учении о сущности. Вернувшись с острова Джерси, я нашел здесь речи Тиндалля и Гексли в Бельфасте, которые опять показывают все беды и затруднения этих людей в вещи в себе и их призывы к всеспасающей философии. Это опять вернуло меня, после всяких помех первой недели, к диалектической теме. Для слабого разума естествоиспытателей можно использовать «Большую логику» (Гегеля) только местами, хотя она в собственной диалектике гораздо глубже захватывает существо дела. Напротив, изложение в «Энциклопедии» сделано как бы для этих людей, иллюстрации в большинстве случаев взяты из естествознания и весьма ярки, при этом в силу популярного изложения более свободны от идеализма. Так как я вовсе не могу и не хочу их освободить от наказания учиться именно у Гегеля, то именно здесь имеется настоящая сокровищница, тем более, что старик и теперь еще ставит этим господам достаточно трудных вопросов. Впрочем, речь Тиндалля представляет самое

смелое, что сказано было в Англии на таком собрании [1]), и произвела колоссальную сенсацию. Видно, что более решительная манера выступления Геккеля ему спать не дает... Признание им Эпикура доставит тебе удовольствие. Во всяком случае возвращение к более мыслящему естествознанию тут в Англии теперь представляется более серьезным, чем в Германии, и вместо того, чтобы искать спасения в Шопенгауэре и Гартмане, эти люди ищут его в Эпикуре, Декарте, Юме и Канте. Правда, французы XVIII столетия остаются для них под запретом».

Что Энгельс тогда действительно предполагал написать специальную работу о диалектике в естествознании, показывает и следующее шутливое замечание Маркса, сделанное последним в письме из Карлсбада (8 сентября 1875 г.):

«Ты должен остерегаться, Карл Грюн хочет с тобой конкурировать. В будущем году он хочет издать натурфилософскую работу. Он уже заявил об этом в «Wage», которую Вейс прислал мне из Берлина».

Судьба, однако, решила иначе. Энгельсу пришлось взяться за другую работу.

Ниже мы даем более детальное описание рукописей Энгельса, относящихся к диалектике в естествознании. Первая связка (А) состоит, как мы только что сказали, из отдельных заметок и экскурсов, иногда без названия, иногда отмеченных путем подчеркивания того или другого термина или понятия, о котором идет речь в заметке. Этой группе Энгельс дал общее название: «Диалектика и естествознание». Если предположить даже, что он сам сгруппировал все эти заметки под одной обложкой,— возможно также, что это сделано было кем-нибудь другим, так как рукописи не имеют сквозной нумерации,— то все же при внимательном рассмотрении этих заметок оказывается, что они принадлежат — хронологически — к двум различным периодам. Если экскурс о Бюхнере относится к началу семидесятых годов, а тезисы о диалектике в естествознания, как это видно из писем к Марксу и Шорлеммеру, к маю 1873 г., то ряд следующих заметок написан в промежуток от 1873 до 1876 г. Энгельс уже цитирует и разбирает взгляды Лаврова, высказанные в первом выпуске «Опыта

[1]) Речь была произнесена на съезде Британской научной ассоциации.

истории мысли» (1875 г). Имеются ссылки на статьи Альмана и Тиндалля в журнале «Nature», которые были напечатаны в 1875 г. и в январе 1876 г. Так мы доходим до заметки о современном социализме, которая оказывается вариантом введения к «Анти-Дюрингу».

Следующий за этим экскурс, как видно из ссылки на Леббока, относится уже к 1882 г.

Вспомним теперь следующие слова Энгельса из предисловия ко второму изданию «Анти-Дюринга»:

«Маркс и я были единственными, которые из немецкой идеалистической философии спасли сознательную диалектику, перенеся ее в материалистическое понимание природы и истории. Но для диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы требуется знакомство с математикой и естественными науками. Маркс знал основательно математику, но за естественными науками мы могли следить только частично, урывками, спорадически. Поэтому, как только я покинул торговую контору и переехал в Лондон, я в меру сил подверг себя, в области математики и естествознания, процессу полного «линяния», как выражается Либих, и потратил на это большую часть своего восьмилетнего пребывания там. Именно в самый разгар этого процесса линяния мне пришлось заняться так называемой натурфилософией г. Дюринга».

Те экскурсы из связки А, которые мы теперь печатаем (стр. 4—87), и представляют собою свидетельство этого «линяния» Энгельса в области математики и естествознания. Совершенно неожиданно ему пришлось использовать, еще до их окончательной обработки, результаты своих исследований в полемике с Дюрингом. Речь идет о той ее части (первой), в которой Энгельс рассматривает общие вопросы философии.

Мы предполагаем, что читателю в общем известны главные поводы и моменты этой полемики. Лассльянцы и эйзенахцы едва успели объединиться в сентябре 1875 г. на Готском конгрессе. Принятая программа свидетельствовала о слабом теоретическом уровне не только лассальянцев, но и эйзенахцев, которых считали марксистами. В тогдашнем центральном органе немецкой социал-демократии мы встречаем самые разнообразные течения. Преобладал материализм Бюхнера. Каутский

тогда еще занимался синтезом дарвинизма, мальтузианства и социализма. Печатались даже переводы статей Писарева о «разрушении эстетики». Мост занимался не только популяризацией Маркса, но писал и статьи по вопросам философии и естествознания [1]).

Сам Либкнехт, главный редактор, плохо разбирался во всех этих вопросах и только инстинктивно чувствовал, что его газета в этом отношении представляет очень плохо слаженный квартет. А когда началось увлечение в рядах социал-демократии Дюрингом, когда ярыми последователями берлинского приват-доцента стали Мост, Фриче, Бернштейн и др., когда ему со всех сторон начали посылать статьи в защиту Дюринга, он понял, что необходимо по этому вопросу высказаться более определенно. Присланная Мостом статья заставила его обратиться к Энгельсу.

16 мая 1876 г., Либкнехт пишет: «Прилагаю манускрипт Моста, который покажет тебе, что дюрингговская чума заразила даже разумных людей. Ответ необходим».

Только после обмена мнениями с Марксом, который считал более нужным подвергнуть критическому разбору не последователей Дюринга, а его самого. Энгельс согласился — правда, очень неохотно — взяться за эту работу.

«Тебе легко так говорить,— пишет он Марксу 28 мая 1876 г.,— ты можешь лежать в теплой постели изучать русские земельные отношения в особенности и земельную ренту вообще, и никто тебе не мешает; я же должен сидеть на жесткой скамье, и пить холодное вино, должен опять прервать свои занятия и заняться скучным Дюрингом».

Он утешает себя тем, что ему придется натурфилософии Дюринга противопоставить свои взгляды.

«Для Дюринга, мне оказались очень полезными мой репетиторий древней истории и мои естественно-исторические занятия. Они значительно облегчают мне дело. В особенности я нахожу, что в области естествознания я гораздо лучше изучил территорию и могу, хотя и с большой осторожностью, все же двигаться свободно и уверенно. Я начинаю уже и для этой работы более

[1]) Русским читателям интересно будет узнать, что писал по этим вопросам и в русских журналах — «Знании» и «Слове» — под псевдонимом Иоганна Брюкке (по-русски — мост).

ясно намечать цель. Эта вещь начинает приобретать в моей голове свою форму».

Несколько месяцев — все лето 1876 г.— уходят на знакомство с главными работами Дюринга и их критику. Только в конце ноября, как это видно из письма Либкнехта, Энгельс послал ему первые две главы. Статьи начали печататься в «Vorwärts'e» в январе 1877 г. Первая часть — введение и философия — была закончена в мае и скоро после этого вышла отдельным выпуском. Второй отдел — политическая экономия — закончен был 30 декабря 1877 г., а третий — социализм — в июле 1878 г.

Для отдельного издания книги Энгельс написал небольшое предисловие. В последнюю минуту он заменил его более коротким,— может быть, потому, что хотел развить намеченные в нем мысли более подробно. Так как напечатанное предисловие датировано 11 июня 1878 г., то можно предположить, что старое предисловие было написано не позже второй половины мая 1878 г.

Но в промежуток между 1876 и 1878 гг. Энгельс написал еще два этюда, относящиеся к тому же циклу. Мы обозначаем их как очерки II и III. Первый этюд сначала носит название «Die drei Grundfragen der Knechtschaft» и был обещан Энгельсом для «Vorwärts'a» еще летом 1876 г. [1]). Он изменил после заглавие в «Knechtung des Arbeiters» («Порабощение рабочего»). Но работа оставалась фрагментом. Энгельс успел только написать введение, которое он озаглавил «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны». К этой же теме относится экскурс о рабстве в очерке I.

После смерти Энгельса Бернштейн опубликовал этот фрагмент в «Neue Zeit» за 1896 г., не сообщив читателям, в какой именно связке рукописей он его нашел, и не потрудившись более или менее точно определить его дату.

Другой очерк — «Естествознание в мире духов» — написан, вероятно, в 1877 г. Его цель — показать, как беспомощны специалисты-естествоиспытатели вне круга их специальности, как легко становятся они жертвами всяких шарлатанов. Увлечению спиритизмом в Англии, последователями которого стали такие крупные ученые, как

[1]) «Обещанная для «Vorwärts'а» работа о «Трех основных формах рабства» ожидается нами с мучительным нетерпением. «It is just what we want». (Это как раз то, что нам нужно.) — Из письма Либкнехта, 10—12 июня 1876 г.

Уоллес и Крукс, соответствует такое же увлечение в России, где во главе его вместе с А. Н. Аксаковым стали знаменитый химик А. М. Бутлеров и зоолог И. П. Вагнер. Петербургская научная корпорация, о которой говорит Энгельс, это — Физическое общество при Петербургском университете, которое, по инициативе Д. Менделеева, осенью 1875 г. образовало комиссию для исследования спиритических явлений. С этой целью Аксаков отправился за границу и привез из Англии в октябре 1875 г. двух медиумов, братьев Петии. а затем в январе 1876 г. англичанку Кляйер, над которою уже производил опыты Крукс. Комиссия тщательным образом обследовала спиритические явления и пришла к отрицательному заключению. Доклад ее, под редакцией Д. Менделеева, был напечатан в конце 1876 г. [2]).

Мы не могли с точностью установить, была ли напечатана статья Энгельса в 1877 г или 1878 г. Во всяком случае она была вполне готова для печати. Возможно, что она все же была опубликована в каком-нибудь рабочем журнале. Бернштейн, который вновь издал ее в 1898 г., на этот раз указал, что она составляет часть ряда статей о диалектике и естествознании [2]).

Покончив с Дюрингом, Энгельс вернулся к своим занятиям. В бумагах его сохранились три больших примечания к «Анти-Дюрингу», которые представляют весьма важное к нему дополнение: a) о прообразах математического «бесконечного» в действительном мире, b) о механическом естествознании и c) о неспособности Негели познать бесконечное. Все они написаны во второй половине 1878 г. или в начале 1879 г.

Но в ходе занятий Энгельса естественными науками совершилась перемена. Характерно, что с периодической системой элементов Менделеева он познакомился уже после того, как написал свои статьи против Дюринга. Если мы обратимся к первому тому большого руководства по химии, составленному Шорлеммером вместе с Роско,— предисловие к нему подписано маем 1877 г.,— то мы в историческом очерке химии не найдем даже упоминания о Менделееве. Больше известны были специальные работы последнего об упругости газов, и с этой точки зрения его называет и

[1]) «Материалы для суждения о спиритизме». Издание Д. Менделеева СПБ, 1876.

[2]) Die Naturforschung in der Geisterwelt. Ein nachgelassener Aufsatz von F. Engels. Illustrierter Neue Well-Kalender für das Jahr 1898.

Энгельс в примечании к отдельному изданию «Анти-Дюринга». Менделеев сам пишет, что «для понимания периодического закона очень важно обратить внимание на то, что он не был признан сразу всеми, имел много противников и лишь постепенно выступил как истинный, по мере накопления фактов и по мере оправдания следствий, из него вытекающих». Только открытия галлия Лекок де-Буабодраном в 1875 г. и скандия Нильсоном в 1879 г. — двух элементов, свойства которых были предсказаны Менделеевым в 1871 г., доставили победу новой теории. Лишь во втором томе химии Роско и Шорлеммера закон Менделеева получил свою надлежащую оценку, и Энгельс, который до тех пор ограничивался примерами из органической химии, теперь констатирует, что «закон Гегеля имеет силу не только для сплошных тел, но и для самих химических элементов». «Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который смело можно поставить наряду с открытием Леверрье, вычислившего орбиту еще неизвестной планеты Нептуна».

В конце семидесятых годов Энгельс много занимается физической химией, в особенности электрохимией, и физикой, в которой его внимание сосредоточивается на явлениях электричества и магнетизма. Как известно, Маркс тоже в последние годы своей жизни внимательно следил за успехами науки в области электричества.

«Электричество,— пишет Энгельс Марксу 23 ноября 1882 г.,— приготовило мне маленький триумф. Ты помнишь, быть может, мои взгляды на спор между Декартом и Лейбницем относительно mv и mv^2 как мерах движения. Этот спор сводился к тому, что mv есть мера механического движения при переносе механического движения, как *такового,* напротив, $mv^2/2$, является его мерой при перемене формы движения, мерой, согласно которой оно превращается в теплоту, электричество и т. д. Так вот, в электричестве, пока господствовали экспериментальные физики, мерой электродвижущей силы, которая рассматривалась как представительница электрической энергии, считался вольт (E), произведение силы тока (ампер C) на сопротивление (ом R):

$$E = C \times R.$$

«И это верно, поскольку электрическая энергия при переносе не превращается в другую форму движения. Ну, а теперь Сименс в своей президентской речи на последнем съезде Британской ассоциации предлагал новую единицу, уатт (скажем, W), которая должна выразить действительную энергию электрического тока (следовательно, по отношению к другим формам движения, в просторечьи — энергии) и значение которой есть вольт x ампер, W=E x C.

Но $$W = E \times C = C \times R \times C = C^2R.$$

«*Сопротивление* представляет в электричестве то же, что в механическом движении *масса.* Таким образом, оказывается, что в электрическом, как и в механическом движении количественно измеримая форма проявления этого движения — здесь скорость, там сила тока — действует при простом переносе *без* изменения формы как простой фактор в первой степени; напротив, при переносе с изменением формы — как фактор в *квадрате.* Это, следовательно, всеобщий естественный закон движения, который я впервые формулировал. А теперь нужно быстро закончить «Диалектику природы» [1]).

Но судьба опять решила иначе Через три месяца — 14 марта 1883 г.— умер Маркс, и опять новые задачи — главным образом издание оставшихся рукописей Маркса — отвлекли Энгельса от окончания его труда.

В предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга» — сентябрь 1885 г.— Энгельс пишет:

«Моя задача была не в том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а в том, чтобы найти их в ней и из нее их развить. Однако выполнить это в общей связи и по отношению к каждой отдельной области составляет исполинский труд. Не только вся область, которую нужно охватить, почти беспредельна, но и само естествознание охвачено таким могущественным процессом преобразования, что уследить за всем этим не мог бы даже тот, кто посвятил бы этому все свое свободное время. Но со смертью Карла Маркса мое время было поглощено

[1]) Письма Энгельса о Подолинском будет нами использованы, когда мы опубликуем имеющийся в нашем распоряжении конспект работы Подолинского, сделанный Марксом

более настоятельными обязанностями, и я должен был прервать свою работу. Я вынужден пока удовлетвориться содержащимися в этой работе намеками и ждать,— быть может, в будущем мне представится случай собрать и издать результаты моих работ вместе с весьма важными математическими рукописями, которые остались после Маркса».

С тех пор прошло сорок лет, и только теперь оставшиеся рукописи Энгельса становятся доступными читателям. Я не буду теперь подробно останавливаться на причинах этого. В другом месте я уже коснулся этого вопроса. Только с большим трудом можно найти объяснение такого преступления по отношению к памяти обоих основоположников революционного коммунизма.

Самым вероятным и наиболее извиняющим является предположение, что Бернштейн, который один только знал о существовании этих рукописей, совершенно не понимал их значения или к тому времени, когда они попали к нему в руки, потерял всякую способность понять их. И. действительно, как мог оценить значение рукописей Энгельса человек, который с 1896 г. начал доказывать, что больше всего вреда причинил марксизму именно диалектический метод?

Уже после того, как я получил от Бернштейна рукописи Энгельса и сфотографировал их, он выдвинул другое объяснение. Оказывается, что вина падает на покойного Лео Аронса, социал-демократа и ученого физика.

«Через некоторое время после смерти Энгельса,— пишет Бернштейн,— тогдашний центральный комитет германской социал-демократии поручил члену партии и выдающемуся ученому Лео Аронсу исследовать оставшиеся математические и естественно-исторические рукописи Маркса и Энгельса, чтобы указать, какие из них пригодны для опубликования. Аронс с этой целью отправился в Лондон и тщательно просмотрел все соответствующие манускрипты, из которых большая часть находилась у Элеоноры Маркс-Эвелинг, а другая часть — у г-жи Луизы Фрейбергер-Каутской. Его отзыв, как он мне рассказывал, был совершенно отрицательным. Естественно-исторические или натурфилософские работы устарели, а математический манускрипт Маркса представляет ученическую работу. Сомневаться в компетентности Аронса нельзя было, а искренность этого прекрасного человека, который, к сожалению, уже умер, тоже стояла вне всякого сомне-

ния. Поэтому партия отказалась от отдельного издания этих работ. Но у меня после (это через тридцать лет!—Д. Р.) возникла мысль, что приговор Аронса именно по отношению к естественно-историческим работам Энгельса уже потому не мог быть беспристрастен, что Аронс, как мне известно, был очень строгим эмпириком, и такие эмпирики очень отрицательно относятся к диалектике. Эту мысль я уже высказал Рязанову, когда весной этого года беседовал с ним об этих манускриптах. Вскоре после этого я, чтобы выяснить себе этот вопрос, обратился к одинаково великому, как человек и мыслитель, Альберту Эйнштейну, изложив ему все обстоятельства дела, с просьбой дать свой отзыв о манускрипте «Диалектика природы».

Эйнштейн согласился, и 30 июня 1924 г. послал свой отзыв Бернштейну. Мы предпочитаем дать его целиком, а не в изложении Бернштейна.

«Господин Эдуард Бернштейн передал мне манускрипт Энгельса естественно-исторического содержания с предложением высказать свой взгляд, должен ли этот манускрипт быть напечатан. Мой взгляд следующий: если бы этот манускрипт принадлежал автору, который не представлял бы интереса как историческая личность, я не советовал бы его печатать, ибо содержание не представляет особого интереса ни с точки зрения современной физики, ни для истории физики. Но я могу себе представить, что этот манускрипт постольку годится для опубликования, поскольку он представляет интересный материал для освещения духовного значения Энгельса».

Хороший человек, но совсем не марксист, Лео Аронс был не только эмпириком, но и самым ярым противником всякого «радикализма» в немецком рабочем движении. Бернштейн оказывает плохую услугу его памяти, передавая теперь истории этот филистерски-пошлый отзыв человека, принадлежавшего к партии и не понимавшего исторического значения Энгельса. Из заметок Аронса. сохранившихся на рукописях, видно, что он просмотрел только те рукописи, которые относились к его специальности. Математических работ Маркса, о которых пишет Энгельс в письме от 18 августа 1881 г., он не видел. В его руках были только математические тетради Маркса.

Отзыв Эйнштейна свидетельствует о его научной добросовестности, но мы не знаем, какие именно рукописи он имел в руках.

Вероятно, Бернштейн, как это видно из его письма, передал Эйнштейну только ту связку, в которой под общим названием «Диалектика природы» заключается большой манускрипт об электричестве и магнетизме, имеющий теперь только чисто историче- с кое значение.

III

Посмотрим теперь, какие именно манускрипты остались после Энгельса. Мы исключаем ряд тетрадей; в которых он эксцерпировал книги по математике и естествознанию. Мы берем только те рукописи, в которых имеется более или менее связное изложение собственных критических замечаний или содержатся более или менее короткие наброски.

Энгельсу так и не удалось переработать их в одно целое. Он удовольствовался тем, что распределил свои наброски и заметки по различным группам и сделал из них четыре связки и каждой из них дал особое название. В каждую группу вошли более или менее связанные друг с другом по содержащие работы, но без всякой попытки сделать из них органическое целое.

Четыре связки носят следующие названия: A) Диалектика и естествознание; B) Исследование природы и диалектика; C) Диалектика природы и D) Математика и естествознание. Оговариваюсь, что речь идет о связках в том виде, как они получены от Бернштейна. Весьма вероятно, что не только он, но и Аронс кое-что перепутали; вероятно также, что какие-нибудь заметки выпали и еще, может быть, будут обнаружены среди других бумаг Энгельса и Маркса.

Связка A состоит не из сшитых тетрадей, а из отдельных листов. Первые одиннадцать нумерованы Энгельсом и носят общий заголовок «Naturdialektik». Все остальные не нумерованы. Как первые, так и последние состоят из заметок, иногда отделенных друг от друга чертой. Большинство начинается с какого-нибудь особого подчеркнутого слова или понятия: Бюхнер, Дурная бесконечность, Сила, Познание и т. д. На одном из ненумерованных листов имеется ряд греческих цитат из Левкиппа и Демокрита, написанных рукой Маркса. Ни на одном листе нет хронологической даты.

Я уже выше указал, что эта связка начинается заметкой о Бюхнере, относящейся, по моему мнению, к началу семидесятых

годов, и тезисами о диалектике природы, время написания которых довольно точно определяется письмом Энгельса к Марксу (май 1873 г). Остальные заметки распадаются на две группы, которые отделяются друг от друга наброском о «Современном социализме». Этот набросок, который представляет вариант введения к статьям против Дюринга, написан, вероятно, в сентябре 1876 г. А за ним следует заметка о «познании» с ссылкой на статью в «Nature», напечатанную в 1882 г. Я поэтому предполагаю, что все заметки, начиная с этой, относятся к периоду 1881—1882 гг. Конечно, при этом не исключена ошибка. Возможно, что одна-две заметки этой группы написаны до 1877 г. Во всяком случае ни одна из них не предназначалась непосредственно для печати. Слова во многих случаях заменены стенографическими знаками или сильно сокращены. Следовательно, Энгельс писал эти заметки только для себя.

Вторая связка B — «Исследование природы и диалектика» — носит другой характер. Она состоит не из заметок, а из трех длинных экскурсов (примечаний к «Анти-Дюрингу») и нескольких уже обработанных очерков. Кроме заглавия, она имеет написанное рукой Энгельса оглавление, которое в разное время подвергалось изменениям.

В первоначальном виде оно гласило так:

1) Примечание (Noten).

a) О прообразах математического «бесконечного») в действительном мире.

b) О механическом естествознании.

c) О неспособности Негели понять бесконечное

2) Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». О диалектике.

3) Естествознание и мир духов.

4) Роль труда в процесс очеловечения обезьяны.

5) Основные формы движения.

Так вот, из пяти заглавий три перечеркнуты, именно №№ 3, 4 и 5. Зато к ним прибавилась новая часть, которая носит название «Выпущенное из Людвига Фейербаха» и отмечена как № 5. Это свидетельствует, что первое изменение в этой связке состояло в том, что Энгельс вынул из связки прежний № 5. «Основные формы движения», и заменил новым № 5. Вслед за этим была изъята также статья «Естествознание и мир духов».

В связке таким образом остались №№ 1, 2, 4 и новый 5 («Из Людвига Фейербаха»). Нумерация осталась без изменения.

Новое изменение в этой связке было сделано уже Бернштейном, который выделил для опубликования в «Neue Zeit» очерк № 4 («Роль труда» и т. д.). Манускрипт не был возвращен на свое место и нашелся после, среди других бумаг. Бернштейн, однако, перечеркнул в оглавлении № 4 и прибавил своей рукой «напечатано».

Третья связка С — под общим названном «Диалектика природы» — состоит из шести очерков, названия которых имеются на титульном листе. Так как эти названия не соответствуют тем, которые имеются в самой рукописи, то мы приводим маленькую табличку, в которой поставлены те и другие.

ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ

На титульном листе:	*Внутри:*
1. Основные формы движения.	Без названия, но на каждой странице помечено: «Движение». Мера движения — труд.
2. Две меры движения.	
3. Электричество и магнетизм.	Электричество.
4. Естествознание и мир духов.	Естествознание в мире духов.
5. Старое введение.	Без названия. Рукой Энгельса написано «Komplet».
6. Приливное трение, Кант и Томсон Тэт.	Вращение земли и лунное притяжение.

Мы видим, что Энгельс переместил в эту связку два очерка, которые он изъял из связки В: 1) Основные формы движения и 2) Естествознание и мир духов. Ни один из манускриптов не датирован. *«Старое введение»* — это название показывает, что Энгельс предполагал написать новое введение к «Диалектике природы» — написано, вероятно, около 1880 г. Это видно из замечания, что клетка открыта каких-нибудь сорок лет назад (1839). «Основные формы движения» и «Две меры движения» относятся, должно быть, к 1880 или 1881 гг. Большая работа об электричестве написана, как это явствует из примечания, где имеется ссылка на журнал «Nature» за 1882 г., во второй половине 1882 г. Заметка о приливном трении также, вероятно, относится к началу восьмидесятых годов.

Четвертая связка (D) носит название «Математика и естествознание. Смесь (Diversa)». В ней нашелся крайне важный листок, на котором Энгельс набросал план всего труда. Мы сейчас к нему вернемся. Затем следует манускрипт с надписью «Диалектика». Некоторые страницы перенумерованы самим Энгельсом, причем перед цифрами имеется пометка: диал[ектические] зак[оны]. Из ссылки на второй том «Большой химии» Роско-Шорлеммера, вышедший в конце 1879 г., можно сделать вывод, что этот очерк написан не раньше 1880 г., но и не позднее. Так, Энгельс напоминает уже о галлии, но не знает еще об открытии скандия, сделанном в 1879 г. Нильсоном. Затем следует маленький неоконченный манускрипт с надписью «Теплота». Остальная часть связки состоит из таких же отдельных экскурсов,— самые крупные относятся к математике, — иногда озаглавленных, как мы нашли в связке А. Все они, вероятно, написаны в 1881—1882 гг. Один из них, носящий характер шутки, имеет дату: 17 мая 1882 г.

Посмотрим теперь, как мыслил себе план своей работы Энгельс.

Ей должно было предшествовать:

1)Историческое введение: в естествознании, благодаря его собственному развитию, перестало быть возможным метафизическое мировоззрение.

2)Ход исторического развития в Германии со времени Гегеля (старое предисловие) [1]). Возврат к диалектике совершается несознательным образом, поэтому противоречиво и медленно.

Затем должно было следовать изложение общих законов диалектики.

3)Диалектика как наука закономерной связи. Главные законы: переход количества в качество — взаимное прикосновение полярных противоположностей и переход их друг в друга, когда они доведены до крайности — развитие путем противоречия или отрицание отрицания — спиральная форма развития.

После общих законов диалектики Энгельс предполагал посвятить особый отдел классификации наук и их взаимной связи.

4) Связь наук. Математика, механика, физика, химия, биология, Сен-Симон (Конт) и Гегель.

---

[1]) К «Анти-Дюрингу». Связка А.

Затем должно было следовать критическое изложение отдельных наук с точки зрения диалектики.

5) Aperçus об отдельных науках и их диалектическом содержании:

a) Математика: диалектические вспомогательные средства — математическая бесконечность существует реально.

b) Механика неба теперь превратилась в процесс. Механика вышла из инерции, которая является лишь отрицательным выражением неразрушимости движения.

c) Физика. Переход молекулярных движении друг в друга. Клаузиус и Лошмидт.

d) Химия. Теории. Энергия.

e) Биология. Дарвинизм. Необходимость и случайность.

6) Границы познания. Дюбуа-Реймон и Негели.— Гельмгольц, Кант и Юм.

7) Механическая теория. Геккель.

8) Души пластидул. Геккель и Негели.

9) Наука и учение. Вирхов.

10) Клеточное государство. Вирхов.

11) Дарвинистическая политика и учение об обществе. Геккель и Шмидт. Диференциация человека благодаря труду. Приложение политической экономии к естествознанию. Гельмгольцевское учение о «труде» (Попул. лекции, часть вторая).

Можно было бы, руководствуясь этой диспозицией, расположить в согласии с ней весь имеющийся в нашем распоряжении материал. Такие попытки сделаны были мною и профессором Шакселем. Но оказалось, что, несмотря на их сходство в главных чертах, они все же были «субъективны». А всякий читатель вправе требовать от редактора, чтобы «субъективизм» последнего сведен был к минимуму. На основе плана, составленного Энгельсом, не трудно распределить его очерки и экскурсы по намеченным им группам.

В то же время нельзя было печатать рукописи Энгельса в том порядке, в котором они оказались в связках, нашедшихся у Бернштейна. Я уже указал выше, что нет никаких гарантий, что рукописи не были перераспределены чужой рукой или что некоторые заметки просто затерялись. Так, до сих пор не удалюсь найти конспекта древней истории, о котором упоминает Энгельс в связи

с «Анти-Дюрингом». Вот почему я предпочел хронологический порядок, поскольку переписка Маркса и Энгельса позволяет установить исходный хронологический пункт.

Главные фазы намечаются сами собой: 1) работы 1873—1876 гг., предшествовавшие «Анти-Дюрингу» и использованные в нем; 2) «Анти-Дюринг» и добавления к нему, 1877—1879 гг., и 3) работы 1880—1882 гг. К первой группе относятся заметки и экскурсы, которые мы обозначаем, как номер I, под общим названием «Диалектика и естествознание», номер II — очерк «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» и номер III — очерк «Естествознание в мире духов». Ко второй группе номер IV — «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу» — «О диалектике» и номер V — «Примечания к Анти-Дюрингу».

Третья группа охватывает отделы VI—XIII Она начинается «Старым введением к «Диалектике природы» (VI). Заметки и экскурсы, написанные в 1881—1882 гг., собраны вместе в один отдел (VII). В него вошли часть заметок из связки A и все заметки, взятые из связки I). Мы старались, чтобы не пропала ни одна мысль, ни одно даже мелкое замечание Энгельса. Затем (VIII) напечатан большой экскурс о диалектике как науке о связях, в котором однако, рассмотрен только один закон диалектики закон перехода количества в качество и обратно. Если бы Энгельсу удалось осуществить свой план, то этот очерк нашел бы место в третьей части.

Очерки IX — «Основные формы движения». X — «Две меры движения» и XI — Приливное трение вошли бы в aperçu о механике. Отрывок «Теплота» (XII) и самая крупная по размерам работа «Электричество» (XIII) были использованы Энгельсом в разборе физических теорий.

Четвертая группа — от XIV до XVI — составлена отчасти из уже опубликованного материала и относится к 1885—1892 гг. Мы считали нужным перепечатать предисловие ко второму изданию «Анти-Дюринга», потому что оно дает резюме взглядов Энгельса на диалектику в современном естествознании (XIV). Как очерк, мы даем взятый из связки B отрывок из «Людвига Фейербаха», выпущенный Энгельсом уже, вероятно, при корректуре (1886 г.). Под номером XVI мы помещаем написанный Энгельсом биографический очерк его друга Карла Шорлеммера, напечатанный в 1892 г.

в «Vorwärts'e». Мало кому известная, эта статья дает материалы для истории духовного развития самого Энгельса, которому Шорлеммер очень мало помогал при его занятиях химией [1]).

IV

В заключение несколько слов о содержании работ Энгельса. Образованный марксист не найдет в них ничего «нового», поскольку речь идет об основных тезисах марксизма. Он хорошо знает, что материализм Маркса и Энгельса, выросший из материализма Фейербаха, коренным образом отличается от последнего, как и от всякого абстрактного естественно-исторического материализма, именно тем, что он *диалектический,* что он устанавливает *историчность* явлений природы и общества, что эта *история,* как в природе, так и в обществе, совершается не путем толчков извне, а путем диалектического развития присущих этим явлениям «противоположностей».

«В этих занятиях математикой и естествознанием,— пишет Энгельс в уже цитированном нами предисловии, где он отчасти предвосхищает результаты своих работ.— мне важнее всего было убедиться на частностях — по отношению к общему я уже давно в этом не сомневался,— что над хаосом бесчисленных изменений в природе господствуют те же диалектические законы движения, что над кажущейся случайностью исторических событий: законы, которые проходят красной нитью через историю развития человеческой мысли и постепенно проникают в сознание мыслящих людей; законы, которые во всеобъемлющей, хотя и мистической форме впервые были развиты Гегелем и которые нам хотелось — такова была одна из наших задач — освободить от этой мистической формы и представить сознанию во всей их простоте и всеобщности».

---

[1]) «Краткой учебник химии углеродистых соединений» вышел на русском языке в двух изданиях с предисловием А. М. Бутлерова. Переведено также и большое руководство, написанное Шорлеммером в сотрудничестве с Роско. О значении, которое Шорлеммер имел в развития органической химии вообще и в вопросе о парафинах в частности, см. *Tilden,* The progress of scientific chemistry in our own times, London, 1913, pp. 187, 227—228; *Graebe C.,* Geschichte der organischen Chemie, Berlin, 1920, стр. 239—240, 250—251; *Hyelt* Geschichte der organischen Chemie, Braunschweig, 1916. pp. 182, 277; *Леденбург,* Ист. разв. химии, Одесса, 1917, стр. 249.

Энгельс нисколько не скрывал от себя, что пока он собирается опубликовать результаты своих занятии математикой и естествознанием, они могут «устареть»:

«Может, впрочем, случиться, что прогресс теоретического естествознания сделает большую часть моей работы или всю ее совершенно излишней, ибо революция, в которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накопляющихся чисто эмпирических открытий, заставит даже самого упрямого эмпирика признать диалектический характер явлений природы Старые, застывшие противоречия, резкие, непереходимые границы все больше и больше исчезают».

Энгельс оказался прав. Большая часть его работы, поскольку речь идет о «частностях» в той или другой отрасли естествознания, теперь «устарела». Он, конечно, не мог знать, что его гениальная работа попадет в руки ограниченных эмпириков и филистеров, для которых она была «стара» уже тридцать лет назад. Но если бы он мог теперь вновь взяться за эту работу, он мог бы убедиться, как мало «устарела», как еще юношески свежа основная мысль его работы, как плодотворна в качестве метода исследования. Примеры и доказательства «слетались бы к нему со всех сторон».

«Признание, что эта противоречия и различия хотя и существуют в природе, но имеют лишь относительное значение, что, напротив, приписываемые природе неподвижность и абсолютность внесены в нее лишь нашей рефлексией, — это признание составляет основной пункт диалектического понимания природы. Правильность диалектического понимания все более подтверждается накопляющимися фактами естествознания, и это понимание легче воспринимается, если с диалектическим характером их фактов со поставить познание законов диалектического развития».

Когда Энгельс писал эти строки, он уже знал о периодической системе элементов Менделеева и о теории фагоцитов Мечникова. Ему еще не было ясно огромное значение работ Максвелля. Правда, оно и для всего ученого мира стало ясно только после опытов Герца, до которых Энгельс еще дожил. Но он умер до успехов рентгенологии и химии радиоактивных веществ, до того колоссального переворота в области математики и естествознания, которым знаменуются 30 лет, прошедших после его смерти.

Наиболее «устарела» в этом сборнике работа Энгельса об электричестве, но именно потому, что его блестящая критика Видемана доказала, что теории последнего, несмотря на весьма хвалебные отзывы о них специального журнала, «устарели» уже в 1882 г. И это лучше всего подтверждается работами нашего соотечественника В. Кистяковского, посвященными критике взглядов Видемана. В своей критике контактной теории электричества Энгельс стоял на вполне верном пути, как это видно из следующей его заметки:

«При изложении действия электрической искры на химическое разложение и новообразование Видеман заявляет, что это касается скорее химии. А химики в этом самом случае заявляют, что это касается уже физики. Таким образом и те, и другие признают свою некомпетентность в месте соприкосновения молекулярной и атомной наук, между тем как именно *здесь приходится ожидать величайших результатов».*

Поскольку диалектический материализм Маркса и Энгельса является *материализмом,* материалистическим объяснением *природы* и *общества,* он не может избежать опасности «устареть». Всякое новое открытие в области исследования природы и общества несет с собою эту «опасность». Но марксизм только приветствует такую «опасность», хотя она и заставляет его «пересмотреть» свои взгляды. Такая «ревизия» требуется сущностью марксизма. Как справедливо заметил Ленин в полемике с нашими эмпириокритиками, «ревизия» «формы» материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положении не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом.

Пожелаем, чтобы специалисты-естественники, если зрение их не ущерблено шорами эмпиризма, если они не заражены классовым дальтонизмом, если они не боятся нарушить целость идеологических основ буржуазного общества острым ножом диалектической критики, изучили работы Энгельса и сказали нам, профанам, насколько «устарели» его работы в области философии и естествознания.

III

К МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС В ЭПОХУ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

АНАРХИСТСКИЙ ТОВАР ПОД ФЛАГОМ МАРКСИЗМА
(МАРКС И БАКУНИН В ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДАХ)

I

Несколько недель тому назад в «Neue Zeit» напечатаны были две рецензии о книге Брупбахера «Marx und Bakunin», [1]). Мы не намерены писать, третью рецензию, но считаем своим долгом выступить против создания новой легенды, которая может внести новую путаницу в вопрос об отношениях между Марксом и Бакуниным. Нам теперь угрожает опасность, что под партийным флагом в марксистскую литературу будут проведены контрабандою все те обвинения, которые до сих пор раздавались против Энгельса и Маркса, Бебеля и Либкнехта с анархистской стороны,— обвинения в злостном клеветничестве, в бесстыдной лживости, в подлогах и утайках, в неслыханных извращениях нравственного чувства. А что этот флаг может прикрывать даже самый гнилой товар, видно лучше всего из рецензии Ф. Меринга. Достаточно было появиться в партийном издании некритической компиляции, опирающейся, в первую голову, на столь «объективное» произведение, как книга Гильома об Интернационале, чтобы такой тонкий критик, как Ф. Меринг, усмотрел в анархисте, которому чуждо всякое понимание современного рабочего движения, товарища, который исправляет несправедливость или помогает исправить несправедливость, исправление которой должно интересовать и марксистскую литературу в более узком смысле слова».

Если же стать на точку зрения второго рецензента — Ю. Стеклова, то можно притти к выводу, что, как ни плоха книга Брупбахера в качестве исторического сочинения, все же ее автор, в отличие от других анархистских историков Интернационала,

[1]) Речь идет о рецензиях Стеклова и Меринга.

постарался обратить внимание и на другие причины поражения бакунизма, кроме низости Маркса.

С этой точки зрения, книга Брупбахера отличается, конечно, более высоким уровнем, чем писания его единомышленника Пьера Рамюса.

Правда, «товарищ»,— как полагает Ф. Меринг, Брупбахер пишет:

«В нем [Марксе], *наряду с ученым марксистом скрывался еще вспышкопускатель и якобинец, и эта особенность Маркса представляла дезорганизаторский, или усиливающий дезорганизацию элемент в Интернационале гораздо более, чем взгляды Бакунина, которые, при некотором искусстве со стороны Маркса, могли бы, быть может, существовать внутри Интернационала»* (стр. 109).

Правда, Ф. Меринг пишет в своей рецензии, что К. Цеткина «правильно отвергает нелепые россказни, будто «диктатура» Маркса погубила Международное товарищество рабочих». Но это нисколько не мешает ему сказать, что «товарищ» Брупбахер написал «прилежное и тщательное исследование», «полезную и заслуженную книгу»; это же не мешает ему воспринять почти все то, что Брупбахер преподносит, черпая из книги Гильома. Мы скоро покажем, что как ни плохо следовать за «марксовыми попами» и уподобляться «ханже, которая сидит за чулком и хотела бы скрыть малейшее пятнышко на своем святом», не так же плохо повторять без критики «нелепые россказни» и осыпать великих мертвецов оскорблениями, прикрашенными пошлой моралью и фарисейскими ламентациями.

Трудно представить себе больший триумф для анархистов, чем когда сами марксисты придут к выводу или начнут повторять «нелепые россказни» о том, будто их учителя, эти великие мастера, были также мастерами в области гнусной лжи и злостных клевет, которые исследователю вроде Брупбахера даже «стыдно» цитировать. Первые такие уступки анархистам начал делать Э. Бернштейн еще в 1908 году, и анархисты, прежде всего Гильом, немедленно использовали эти уступки, основанные на недостаточном знакомстве с соответствующею литературою [1]). Правда,

[1]) С тех пор Бернштейн имел возможность познакомиться с перепискою Энгельса-Маркса и, как видно из его введении к ней, произвел «ревизию» своих взглядов.

Бернштейн говорит, что Маркс, даже с этическом точки зрения, защищал правое дело: он защищал права политики, основанной на научном исследовании, против политики, которая делается дилетантским образом. Но не всякой так легко примирится с политикою, которая, при всей своей высокой и прекрасной цели, не отказывается от применения «грязных», «отвратительных», или,— как, смягчая свои выражения, говорит Ф. Меринг, — «некрасивых» средств. Не всякий решится спокойно повторять: так было — так будет, или, как говорит Меринг: «так уж всегда ведется в нашем несовершенном мире, что революции никогда не делаются при помощи розового масла». Наоборот. Он будет лишь возмущаться — и не без права,— видя, что даже историк, столь склонный к этике, как Эйснер, спокойно пишет: «Слишком строгий моральный приговор, который Брупбахер высказывает о *махинациях Маркса,* был бы справедлив только в том случае, если бы они — *как то весьма нередко бывает во внутренней партийной борьбе* — были направлены только к устранению неудобной личности. Ведь даже в партийной литературе эта попытка прикрасить нравственную «испорченность» Маркса «давлением, сбивающим с правильного пути», была названа «иезуитскою».

«Изворачивайтесь, как вам угодно», скажет им всем — Бернштейну, Рингу, Эйснеру — старый Гильом. который твердо убежден, что Маркс был нравственным уродом, «ясно, что, с точки зрения простой человеческой этики, которая в написанных Марксом статутах Интернационала была провозглашена обязанностью каждого члена, Маркс всегда действовал по отношению к невинному Бакунину как наглый, низкий клеветник».

Старый ненавистник Маркса, с своей точки зрения, вполне прав. Спор между Бакуниным и Марксом нельзя решать по известной формуле: «с одной стороны — с другой стороны», или по еще более нелепой формуле: Маркс, правда, стоит выше в научном отношении, но Бакунин симпатичнее его». Как бы «объективно»: ни изучать человеческую историю, остается тот факт, что земная история делается не *отвлеченными* людьми, людьми «в себе», а *определенными* людьми, и кто хочет исследовать определенный период этой земной, конкретной истории, тот должен подвергнуть беспощадному анализу и «субъективный фактор» этой истории — как «массы» и «классы», так и персональных носителей этих классовых отношений. Как ни необходима была франко-

прусская война 1870 года, как ни необходимо вытекала победа пруссаков над французами из тогдашних отношений, но историк также не может уклониться от критического освещения «субъективной» деятельности Бисмарка: он не может, например, признать историю с эмскою депешею безразличной с «высшей точки зрения». А, что правильно по отношению к «победителю» Бисмарку, остается правильным и по отношению к Марксу.

Всякий историк старого Интернационала обязан подвергнуть тщательному анализу и высказать свое суждение не только об объективных условиях, в которых протекала — в общем виде и отдельно в каждой стране — борьба между Бакуниным и Марксом, но также о внутреннем принципиальном содержании и о «внешней» форме, в которой она велась обеими сторонами. Для рабочего движения важно не только понять историческую необходимость и обусловленность своей борьбы, но и рассмотреть также методы, средства этой борьбы и избрать только те из них, которые соответствуют ее великой цели.

К сожалению, последнее обстоятельство в марксистской литературе легко забывается. Правда, в ней считается общепризнанною «догма», согласно которой Бакунин и Маркс воплощали в себе столь резко отличные принципы, что раньше или позже они должны были столкнуться,— чего анархисты не понимают до сих пор,— но обыкновенно в марксистской литературе проявляется склонность искать эти принципы в области чистой теории, в области программы. Однако, как ни существенно было различие в оценке политической деятельности рабочего класса и «конечной цели», гораздо важнее было различие в оценке средств, которыми можно пользоваться для осуществления этой конечной цели. При этом упускают из вида, что, когда Бакунин, *наконец,* после двадцати пяти лет революционной деятельности, *впервые* решил отдать всю свою энергию рабочему движению, специфических требований которого он совершенно не понимал,— он не мог не стремиться втиснуть это новое движение в узкое одеяние конспиративной тайной кружковщины. Забывают, что Бакунин был рьяным сторонником тактики, сознательно пользовавшейся всеми средствами, которые не только не соответствуют «естественному правосознанию народа», пользуясь выражением гайнфельдской программы, но прямо оскорбляют его; что Бакунин был последовательнейшим защитником двойной морали, которая считает дозво-

ленным по отношению к «буржуазному» миру все то, что является преступлением в узком кругу «единомышленников»; что Бакунин, так много распространявшийся о суверенной воле «народа» и «массы», считал не тольк дозволенными, но даже рекомендовал по отношению к этой массе все средства, действующие на «фантазию». Борьба между Бакуниным и Марксом была поэтому борьбою не только за ту или иную форму организации, за ту или иную форму будущего общества,— это была, в полном смысле этого слова, также *этическая борьба,* борьба двух этических принципов. Только благодаря победе этики Маркса над этикою Бакунина сделалось раз навсегда невозможным, чтобы рабочее движение, «подчинившее стремление» к «свободе в погоне за хлебом» и массы, «широкие массы» «морально неразвитого пролетариата», страдающего «недостаточным развитием воли» и т. п,— об этом можно прочесть в «полезном и заслуженном труде» «товарища» Брупбахера,— использывывалось «только как средство» даже революционерами, действующими *из самых чистых побуждений.* Только победа этики Маркса над этикою Бакунина сделала возможным, что постулаты индивидуальной свободы и понятие свободной солидарности — выражаясь языком «этических» анархистов — превратились в «освященный нравами закон» величайшего в истории массового движения, а не оставались только постулатами отдельных индивидуумов, претендовавших на роль «ясновидящих». Только победа этики Маркса над этикою Бакунина сделала возможным, что уже в настоящее время, несмотря на страшное давление повседневной борьбы за хлеб, «морально неразвитой» пролетариат, страдающий «недостаточным развитием воли», дал такое множество умных, активных людей, как это не удавалось еще ни одному революционному движению, даже под руководством таких революционных гигантов, как Бакунин.

Но, как ни превосходила бы этика Маркса этику Бакунина, никакое «давление, сбивающее с правильного пути», не могло бы оправдать методы борьбы Маркса против Бакунина, если бы они были действительно такими бесчестными, как утверждают это анархисты вот уже много лет. Действительно, не надо вовсе быть «марксовым попом» для того, чтобы требовать для Маркса такого же права, какого требуют со столь сильным моральным негодованием для Бакунина.

Уже одно то обстоятельство, что Маркс — который гораздо бо-

лее, чем Бакунин, заслуживает имя «наиболее оклеветанного человека» XIX столетия — лишь в очень редких случаях считал необходимым реагировать на личные нападки, должно было бы заставить далее тех писателей, которые не страдают недугами «марксовых попов», более осторожно повторять нападки сторонников Бакунина. Согласно действующим до сих пор законам исторической критики, показания всякого свидетеля, защищающего свое собственное дело — хотя бы он клятвенно уверял в своей любви к истине и, действительно, *субъективно* не был лжецом,— должны быть подвергнуты такому же строгому расследованию, как и показания его противника. Такая осторожность тем более уместна, что Ф. Меринг уже имел случай убедиться, как сильно раздуты были некоторые истории бакунистами. В последующем мы ему покажем, что многие факты, которые он считает достоверными, оказываются ложными, «ввиду чего, как он очень правильно заметил в своей блестящей критике статьи Онкена [1]), согласно действующим до сих пор законам исторической критики, это (бакунинское) изложение оказывается несостоятельным также в тех пунктах, в которых оно еще не поддается или уже не поддается проверке».

II

Анархисты, как известно, изображают дело таким образом, что, когда Бакунин неожиданно появился в Интернационале, «вероломный» Маркс, вместо того чтобы вступить с ним в теоретическую или принципиальную борьбу, немедленно обратился к своим старым испытанным средствам, которые он столь успешно применял уже в сороковых и пятидесятых годах.

«В этой борьбе.— говорит биограф Бакунина Неттлау,— Маркс пользовался или злоупотреблял находившеюся в его распоряжении официальною властью и совершенно не препятствовал самым низким выходкам своих сторонников и друзей; он уклонялся от всякой теоретической дискуссии по основным вопросам — о свободе, авторитете, революции, политике и т. п. и интернациональных конгрессов, гласность и публичные прения которых не

[1]) *F. Mehring,* «Noch einige Beiträge zur Parteigeschichte». «Neue Zeit». Feuilleton № 66, p. 822.

благоприятствовали ему, в 1870 и 1871 годах совсем не происходило, а в 1872 году имела место карикатура конгресса» [1]).

Или, по словам вновь открытого Ф. Мерингом «товарища» Брупбахера:

«Марксу необходимо было доказать, что его противники погрешают против конституции, основных законов и святая святых Интернационала и что, кроме того, они негодяи. *На этом был очевидно, построен его военный план. Ему были ненавистны идеи Бакунина и его личность. Но по каким-то причинам Маркс не хотел вступать в борьбу именно с идеями Бакунина*» [2]).

«Какими-нибудь причинами необходимо объяснить и эту предубежденность против Маркса, которая в своих выводах не останавливается даже перед тем, чтобы изобразить Маркса,— открыто, как Неттлау, или «стыдливо», как «товарищ» Брупбахер,— трусом, уклоняющимся от всякой дискуссии.

Причина этого очень проста Неттлау был глубоко убежден, что Маркс был способен по чистой злобе клеветать на Бакунина и до 1868 года. Тем более должен был он проявлять эту злобу клеветника, что он якобы боролся за свое личное господство в Интернационале. Снова и снова повторяется старая история о заметке в «Новой рейнской газете», в которой Бакунин в 1848 году был назван русским агентом. А, между тем, всякий серьезный историк, который не гонится за сенсациями, должен был бы давным-давно отказаться от этой истории, якобы доказывающей вероломство Маркса. Эта история была бы совершенно забыта — скоро мы увидим, что сам Бакунин считал ее ликвидированною,— если бы Герцен не выкопал ее тогда, когда он выдумал, без всяких оснований, новую клеветническую выходку, которую Маркс якобы пустил в ход в пятидесятых годах против Бакунина, сидевшего в тюрьме.

Несколько лет тому назад я привел в «Neue Zeit» доказательство, что, поскольку речь идет о Марксе, во всей этой истории нет ни одного слова правды; Герцен сделался жертвою своей забывчивости и смешения различных фактов [3]).

---

[1]) *Nettlau.* «M. Bakunin». Berlin 1901. S. 30.

[2]) *Brupbacher,* «Marx und Bakunin». S. 129.

[3]) См. статью «По поводу одной легенды» во втором томе этих «Очерков».

Опубликованная теперь переписка между Марксом и Энгельсом доставляет еще другие доказательства. Теперь мы видим, что и сам Маркс, лишь спустя несколько месяцев после этой клеветнической выходки, узнал о существовании «очень глупого сторонника Уркарта, по имени Маркса», который, действительно, ославил Бакунина русским шпионом (письмо к Энгельсу от 22 апреля 1854 года).

Теперь мы узнаем также, что уже тогда Маркс энергично протестовал против всех «глупых друзей» Бакунина, которые — теперь не все они это делают — делали попытку использовать против него эту старую историю. «Morning Advertiser» не напечатал разъяснения Маркса. Мы не знаем, было ли оно напечатано,— по словам Маркса, в измененной форме,— в «Peoples Paper». Но и в той форме, которую Маркс предлагал в своем письме к Энгельсу, это разъяснение дает убедительный ответ не только на статью Головина, выступавшего заодно с Герценом, но и на все другие статьи, появившиеся о тех пор, вплоть до книги «товарища» Брупбахера.

Маркс предполагал написать в «Morning Advertiser» следующее:

«Лучше иметь дело с умным врагом, чем с глупым другом», воскликнул бы Бакунин, если бы он увидел когда-нибудь письмо «заграничного» Санхо Панчи, который в вашем субботнем номере разливается в общеизвестных банальных фразах...

«Когда «Новая рейнская газета» напечатала парижское письмо (в котором Бакунин обвинялся, что он русский шпион.— Д. Р.), Бакунин находился на свободе. Если он поступил в 1848 году правильно, удовлетворившись публичными разъяснениями «Новой рейнской газеты», то разве это не «глупый друг», который в 1853 году находит их недостаточными? Если же он поступил неправильно, возобновив свои дружеские сношения с редактором «Новой рейнской газеты», то не «глупо» ли со стороны мнимого друга разоблачать перед публикою его слабость?

«Разве это не «глупый друг», который не может понять, почему консервативные газеты не *опубликовали* клеветы, *тайно* распространявшейся против Бакунина повсюду в Германии, в то время как революционная немецкая газета была обязана ее опубликовать?

«Разве это не «глупый друг», который не знает, что «революци-

онное чувство», на высшей ступени своего развития, создало «законы о подозрительных и обезглавило Дантона, Демулена, Анахарзиса Клотца?

«Разве это не «глупый друг», который не решился выступить против «Morning Advertiser» за напечатание письма Ф. М. во время заключения Бакунина в тюрьме в С.-Петербурге и который в то же время выступает против «Новой рейнской газеты» за напечатание подобного же письма в 1848 году, когда Бакунин находился на свободе и не подвергался достойной сожаления участи иметь своим защитником глупого друга? [1]).

Это не только самозащита — *лично* Маркс не несет никакой ответственности во всей этой истории с «Новой рейнской газетою», но и защита всей ее редакционной коллегии, в том числе, прежде всего, Энгельса.

Факт тот, что и впоследствии сам Бакунин считал этот эпизод с «Новою рейнскою газетою» ликвидированным. Он уже не возвращался к нему много лет спустя, в эпоху Интернационала, когда борьба между ним и Марксом приняла самые резкие формы и опять всплыла история с клеветническими выпадами, опубликованными в английской прессе в 1853 году. Бакунин всегда отзывался об объяснении Маркса в «Новой рейнской газете», как о «вполне удовлетворительном» («tout à fait satisfaisante»).

Факт тот, что еще в пятидесятых годах немало «немецких эмигрантов» — и не только буржуазных — были убеждены в том, что «Бакунин русский шпион», который предавал польских революционеров, вел себя очень подозрительно также во время Дрезденского восстания и, вместо того чтобы томиться в русской Бастилии, вел роскошный образ жизни на Кавказе. В то время именно Маркс и Энгельс изображали Бакунина в «Нью-йоркской трибуне», как самого выдающегося вождя дрезденского восстания:

«*Они* [восставшие] *нашли способного и хладнокровного вождя в лице русского эмигранта Михаила Бакунина*» («Революция и контр-революция в Германии», стр. 123 немецкого издания).

Можно сказать, что они переоценивают роль Бакунина, что их отзыв не совпадает с отзывами других лиц, что некоторые из числа «немцев», непосредственно участвовавших в дрезденском

[1]) Письмо Маркса к Энгельсу от 2 сентября 1853 года.

восстании, совсем иначе оценивают Бакунина [1]). Но верить, что Маркс был способен написать цитированные строки в октябре 1852 года, а через несколько месяцев, в августе 1853 года, ославить Бакунина русским шпионом,— верить этому в настоящее время. после опубликования в 1896 году в немецком переводе вышеуказанных статей, раньше не известных, мог только такой чуждый манерам «марксовых попов» исследователь, как Неттлау [2]).

III

До сих пор мы предполагали, что Маркс и Энгельс были вероломны, Бакунин же вполне «простодушен». При этом оказалось, что даже с самой строгой моральной точки зрения оба они достаточно исправили свою погрешность. Мы не пытались оправдывать Маркса и Энгельса с «психологической» точки зрения. Мы даже принимали, что Бакунин не подавал обоим друзьям ни малейшего повода «оклеветать» его, что он «по каким-то причинам» был им обоим «несимпатичен». Правда, Меринг пишет, что еще до 1848 года Бакунин, как показывают его письма Гервегу из Брюсселя от 1847 года, «относился *весьма враждебно* к Марксу», что, следовательно, Маркс и Энгельс были «несимпатичны» Бакунину. Пока ограничимся констатированием того факта, что, вопреки утверждению Бернштейна о «склонности Маркса принимать на веру всевозможные обвинения насчет политического характера Бакунина», не только Маркс, но и Энгельс защищали или, по выражению Меринга, «рыцарски защищали» Бакунина против всех этих подозрений в то время, когда он в России был лишен свободы.

[1]) Борн, например, пишет в своих воспоминаниях: «Этот русский, который абсолютно ничего не смыслил в условиях окружавшей его Германии, не оказывал, конечно, в Дрездене ни малейшего влияния на ход событий. Он ел, пил и спал в ратуше — и это все». Борн — что должно быть известно Неттлау — принадлежал к числу тех «немецких эмигрантов», которые еще в пятидесятых годах сильно подозревали Бакунина.

[2]) Как сильно вредит личная предубежденность этому историку, научная серьезность и искренность которого вне всякого сомнения, показывает то обстоятельство, что он, желая согласовать между собою все эти взаимно противоречащие факты, был вынужден изображать Маркса человеком, который хвалил Бакунина *против своей воли,* одной рукою Маркс якобы «содействовал оклеветанию Бакунина автором, писавшим под инициалами Ф. М., другою — он писал свой протест в той же газете.

Даже Бернштейн, который еще в 1908 году верил, что Маркс «считал не совсем безосновательными высказанные Ф. М. подозрения», понимает теперь свою глубокую ошибку. Также не оправдывается, по крайней мере в данном случае, его утверждение, что «примирения Маркса с Бакуниным также никогда не были безусловными». Более того. Все, что Маркс сообщал до сих пор о своем конфликте с Бакуниным, соответствует действительности, и остается только прибавить, что, по вполне понятным причинам, он не рассказывал всего того, что вполне оправдывало *лично его* [1]). Следовательно, в своей беседе с Бакуниным в 1864 году он был вполне искренен.

Иначе обстоит дело с Бакуниным. Как известно, он убежал в 1861 году из Сибири и в декабре того же года прибыл через Японию и Америку в Лондон; здесь он счел излишним посетить Маркса, хотя отлично знал о его пребывании в Лондоне. Почему? Герцен и Мадзини рассказали ему. что во время его отсутствия Маркс выставил его в «Morning Advertiser» русским шпионом, и Бакунин поверил им на слово. Сюда же присоединяется то обстоятельство, что немедленно после того, как приезд Бакунина стал известным, в одной «небольшой английской газете» опять появились старые сплетни.

Мы считаем теперь излишним доказывать, что Маркс был в этом так же мало повинен, как и в 1853 году. То был опять пресловутый Ф. Маркс, а помогал ему Карл Блинд, друг Мадзини, но враг Герцена и Бакунина.

Как мало были предубеждены тогда против Бакунина не только Маркс, но и Энгельс, показывают следующие места из их переписки.

27 ноября 1861 года Энгельс пишет Марксу:

«Бегство Бакунина доставило мне большую радость. С беднягою, вероятно, ужасно обращались. Совершить, таким образом, кругосветное путешествие!»

25 февраля 1862 года Маркс пишет Энгельсу:

«Что касается газет со статьями Уркарта, то мне не удалось до сих пор получить полного комплекта. Сообщи, начиная с *какого*

[1]) Я еще вернусь к этой истории. В найденном мною письме Маркса к Лассалю имеется также место о Бакунине, которое, однако, может быть вполне понятно только в соответствующем контексте.

номера, и тогда Коллет сделает, что нужно. Прилагаю при сем донос подлеца против Бакунина, с которым я не виделся. Он живет у Герцена».

Из этих строк легко видеть, что Маркс восхищался поведением Бакунина. Лаконическая прибавка, что «Бакунин живет у Герцена», представляла объяснение, достаточно понятное и для Энгельса. Действительно, Герцен передал Бакунину всю эту историю в таком свете, в каком она была опубликована впоследствии, после его смерти, и с тех пор всеми повторялась.

Лишь в 1864 году Маркс и Бакунин имели свидание. Последний рассказывает, что Маркс разыскал его и заверил, что он никогда не высказывал против него упомянутых подозрений, а, напротив, объявил их бесчестными. «Я должен был поверить ему», прибавляет Бакунин. Ясно, что в 1871 году, когда он писал об этом, он Марксу уже не верил. В другой версии, опубликованной Неттлау, он прямо заявляет, что знал, что Маркс лжет.

Но у нас есть также показание. Маркса. Передаем его словами Бернштейна.

«В известном под названием «Конфиденциальное сообщение», циркуляре, который Маркс 28 марта 1870 года передал через Л. Кугельмана видным представителям дружественного ему крыла германской социал-демократии, он сам возвращается к этой беседе. По его словам, вскоре после основания Интернационала между ними произошло тогда, во всяком случае, нечто вроде заключения мира, и когда-нибудь, быть может, удастся узнать, кто был при этом посредником. Но этот мир не был продолжительным. В указанном циркуляре Маркс далее говорит, что Бакунин, уехавший тогда в Италию, прислал ему оттуда «восторженное» письмо по поводу посланных ему статута и вступительного адреса Интернационала; но вместе с тем он «ничего не делал» и не давал о себе знать, пока через несколько лет не появился опять в Швейцарии и вместо того, чтобы вступить в Интернационал, вступил в «Лигу мира и свободы». *Последнее, разумеется, верно».*

Так говорил Бернштейн. Сейчас мы увидим, что, «разумеется, верно» не только последнее и что для Маркса можно найти гораздо более уважительные оправдания, чем то объяснение, которое Бернштейн, повторяя слова Неттлау, дает поведению Бакунина.

Действительно, Бакунин, после своей второй поездки в Шве-

цию, прибыл в Лондон в октябре 1864 года. т. е. после основания Интернационала.

Мне удалось открыть, кто был таинственным посредником между Марксом и Бакуниным. То был старый добрый Ф. Лесснер, по своей профессии портной: поводом послужил новый костюм, который Лесснер, бывший в то же время доброжелательным «кредитором» Маркса, шил для Бакунина. Среди писем Лесснера к Марксу имеется следующее письмо, приобретающее теперь в известном смысле историческое значение:

«Дорогой Маркс! Мы шьем теперь костюм для великана Бакунина, который, по моим сведениям, останется здесь лишь короткое время. Если тебе нужен его адрес, я достану его.

«В случае желания получить адрес черкни мне о том пару слов.

Твой друг *Фред. Лесснер»*

Лондон, 26 октября 1864 года.

Нам неизвестно, кто это «мы». Возможно, что также Эккариус. Весьма вероятно, что увлекающийся Лесснер воспользовался этим случаем для того, чтобы в восторженных тонах рассказать Бакунину подробности и новооснованном Интернационале и о роли, которую играл при этом Маркс. Эккариус мог также рассказать Бакунину, что Маркс не принимал никакого участия в обоих клеветнических выпадах против него. Этим, быть может, объясняется дружественный тон, которым проникнуто следующее письмо Бакунина к Марксу [1]):

«Дорогой Маркс! Я с большим удовольствием повидаюсь со старым знакомым. До часа дня я постоянно дома.— Я помню хорошо, что два года назад встретил некоего доктора Роде, раза два или три, но не могу припомнить, чтобы сказал ему что-нибудь, кроме общих мест. Итак, до свидания.

Твой *М. Бакунин».*

27 октября 1864 года.

Письмо Маркса нам не известно, и мы не можем понять, какую роль играл в этой истории д-р Роде. Но теперь мы имеем новый отчет о последовавшем свидании, исходящий от Маркса и имею-

[1]) Найдено в бумагах Маркса. Написано по-немецки.

щий уже то преимущество — помимо всех других.— что он написан через несколько дней после свидания, и притом написан Энгельсу, следовательно «без задних мыслей» и без «вероломства» (письмо от 4 ноября 1864 года):

«Бакунин кланяется тебе. Он уехал сегодня в Италию, где живет (во Флоренции). Я вчера опять увидел его, впервые после шестнадцати лет. Должен сказать, что он мне понравился и лучше прежнего. О польском движении он сказал следующее: русскому правительству это движение нужно было для того, чтобы держать в спокойствии самое Россию, но оно никоим образом не рассчитывало на восемнадцатимесячную борьбу. Поэтому оно провоцировало эту историю в Польше. Польшу погубили две вещи: во-первых, влияние Бонапарта и, во-вторых, нежелание польской аристократии провозгласить с самого начала открыто и недвусмысленно *крестьянский социализм* Теперь, после крушения польского дела, он (Бакунин) будет участвовать только в социалистическом движении. В общем, он один из немногих людей, которого я, по прошествии шестнадцати лет, нашел ушедшим не назад, а вперед. Мы поговорили с ним также о доносах сторонников Уркарта... Он очень осведомлялся о тебе и о Лупусе. Когда я сообщил ему о смерти последнего, он сказал, что движение потеряло незаменимого человека».

Так писал «вероломный» Маркс, которого, по глубокому психологическому замечанию Неттлау, к этому свиданию побудила «лишь гордыня: он хотел показать доставшуюся ему в Интернационале власть своему прежнему товарищу, который шел своим собственным путем!» Вообще, анархистам очень везет в их психологических экскурсах. Так, «товарищ» Брупбахер. который, по словам Меринга, «умело пользуется своим психологическим зондом», делает замечательное открытие, что Маркс мыслил рассудком, Бакунин же всем своим организмом. Тем не менее, уверяет нас Брупбахер, «Бакунин не имел всяких задних мыслей».

Мы не знаем, доказал ли Маркс Бакунину также *документально,* что во всем рассказе Герцена не было ни слова правды и что он представлял собою недоразумение. Мы предпочитаем — в интересах Бакунина — думать, что он лишь *рассказал* Бакунину всю эту историю.

Как бы то ии было, но Маркс немедленно послал в Италию

«учредительный адрес», и статуты Интернационала [1]). Какое значение придавал он содействию Бакунина, видно из того, что, не дожидаясь выхода адреса в форме брошюры, он послал ему оттиск из «Beehive» [1] [2]). Бакунин обещал позаботиться о переводе на итальянским язык. Правда, он сам не говорит об этом ни одного слова ни в своем ответе Мадзини (1871 год), где он пишет, что *должен* был поверить Марксу, ни в часто цитируемой Неттлау рукописи (около 1871 года), где он говорит, что определенно знал, что Маркс лжет. Но мы имеем отличное показание, которое опять-таки доказывает, как слаба была в определенных пунктах память Бакунина — черточка которая была прекрасно известна всем его личным друзьям, в особенности русским. К сожалению, не Неттлау!

Показание исходит от самого Бакунина. 7 февраля 1865 года он написал Марксу из Флоренции следующее письмо, на этот раз по-французски:

7 февраля 1865 года, Флоренция.
13, via dei Rucci. 2 piano.

«Carissimo (милейший)! *Формально* ты имеешь право сердиться на меня, так как я оставил без ответа твое второе письмо и до сих пор не ответил еще на третье.

«Вот причина моего молчания: согласно твоему желанию, я послал Гарибальди один экземпляр адреса интернационального комитета и до сих пор ожидаю его ответа. Кроме того, я жду, пока будет решено печатание итальянского перевода, чтобы послать его тебе.

«Ты вряд ли сумеешь представить себе, как медлительны и нерешительны люди в этой стране. Отсутствие денег, эта основная и первичная, впрочем, весьма, естественная, болезнь всех демократических организаций в Европе, задерживает всякую активную работу. Более того, деморализованным,— вследствие полного фиаско и ошибок демократической партии — централистской, политической, унитарной,— большинством в Италии овладели те-

[1]) Неттлау сомневается в этом, как и в других показаниях Маркса, относящихся к этому свиданию. В другом месте я покажу, что и здесь с ним приключилось такое же несчастье, как и в истории с «Morning Advertiser».

[2]) Это именно обстоятельство подало Неттлау повод утверждать о существовании нового, до сих пор не известного, издания адреса.

перь в сильнейшей степени скептицизм и пресыщенность. Только социалистическая пропаганда — последовательная, энергическая и страстная — может еще вернуть этой стране жизнь и волю. Но для всего этого необходимо время, ибо все тут приходится начинать сначала.

«В Англии вы, повидимому, идете вперед на всех парусах, что же касается нас, то мы едва осмеливаемся их poco a poco (понемногу) развернуть.

«Я посылаю тебе стихотворение флорентийского производства. Надеюсь, оно тебе понравится.

«К сожалению, организация представляет более трудное дело, чем стихи. Она, правда, тоже подвигается, но очень медленно. Ее успехи замедляются скептическим индиферентизмом, взаимным недоверием, невежеством и неспособностью так называемых шефов, так называемой демократии, деморализованной и сбившейся с пути. В Италии должна сорганизоваться новая демократия, основанная на абсолютном праве и едином культе труда. Элементы для этого имеются — Италия кишит ими. Поэтому не следует приходить в отчаяние. Но терпение!— как тут любят говорить. И этого терпения нужно много.

«Мадзини сильно ошибается, продолжая думать, что инициатива нового движения придет из Италии. Англия, Франция, быть может, Германия, если говорить только о Европе, и эта великолепная Северная Америка — вот настоящий интеллектуальный и действительный центр человечества. Остальные пойдут на буксире.

А теперь, carissimo amico, прости меня за долгое молчание, которое больше не повторится, и поцелуй почтительно от моего имени прекрасные руки твоей жены и твоей дочери.

Преданный тебе *М. Бакунин.*

«P. S.— Как только я получу фотографии моей жены и свою собственную, я пошлю их Вам, но взамен я попрошу у Вас фотографию всей «святейшей семьи» (la sanctissima famiglia)» [1]).

Э. Бернштейн может теперь убедиться, что весь *рассказ* Маркса, «разумеется, верен» А Неттлау, Гильом, как и без всякой критики повторяющий их слова, только что открытый Мерингом

[1]) Письмо это мною напечатано в оригинале в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» Грюнберга.

«товарищ» Брупбахер, которые хотят уверить нас, что Бакунин был «человеком без задних мыслей» и что все написанное им в его письмах верно также *объективно,*— могут удостовериться, как следует быть осторожным тогда, когда из *умолчания* Бакунина хотят сделать выводы, что Маркс *лгал.* Вообще, конструировать доказательства *из умолчания* источников — очень опасный метод, не менее опасный, чем считать достоверными факты, о которых известные «источники» неоднократно *разглагольствуют.*

Подобное нарушение — по первому замечанию Меринга — действующих до сих пор законов исторической критики никогда не проходит безнаказанно.

После того как все до единого факты, сообщенные о Марксе Неттлау, Гильомом и «товарищем» Брупбахером, при проверке их другими несомненными фактами оказались ложными, изложение всех наших «точных» источников, согласно «действующим до сих пор законам исторической критики» является несостоятельным также и «в тех пунктах, в которых оно еще не поддается или уже не поддается проверке». Не правда ли, тов. Меринг?

В следующей главе мы покажем, что изложение «товарища» Брупбахера оказывается несостоятельным также там, где его легко мог бы проверить сам Меринг.

IV

Мы видели, что в своем отчете об отношениях к Бакунину Маркс вполне точно констатирует те факты, сообщение о которых до сих пор склонны были считать если не «ложью»,— как то делают анархисты,— то «lapsus memoriae» Маркса [1]).

Дело обстоит как раз наоборот.

Вся конструкция, с таким трудом воздвигнутая Неттлзу в его обширной биографии и недавно повторенная им в его большой статье о Бакунине в Италии [2]), сразу падает.

---

[1]) Сюда присоединялось еще утверждение в «Neue Zeit», XIX Band. «Ein Brief Bakunins an Marx»,— что это письмо (от 22 декабря 1868 г.), «насколько нам известно, единственное письмо Бакунина, имеющееся в бумагах Маркса.

[2]) Nettlau, «M. Bakunin und die Internationale in Italien bis. zum Herbst 1872».— «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Zweiter Jahrgang, 1912.

Если бы мы хотели последовать его примеру и всякий раз, когда в письмах, циркулярах или конфиденциальных сообщениях Бакунина, встречается какая-нибудь ошибка или погрешность, стали бы немедленно подозревать ложь, утайку, вероломство, бедному Бакунину пришлось бы очень плохо. Покажем это на одном примере.

Мы уже упоминали, что от Бакунина остались две версии о встрече его с Марксом в Лондоне. Одна из них была опубликована уже в конце 1871 года. Но в ней ничего не говорится о том, что последовало после этой встречи. Из нее лишь видно, что в 1871 году Бакунин был опять глубоко уверен в том, что именно Маркс и его друзья оклеветали его в 1853 году русским шпионом [1]).

Гораздо подробнее говорит он об этом в своей, цитируемой у Неттлау, рукописи «Мои личные отношения к Марксу» (около 1871 года):

«В октябре 1864 года я опять приехал в Лондон. Я получил тогда от Маркса письмо, которое еще сохраняю и в котором он запрашивал, может ли он посетить меня на следующий день. Я ответил утвердительно, и он пришел ко мне. Мы объяснились, он клятвенно уверял, что ничего не говорил и не делал против меня, а. напротив, всегда сохранял по отношению ко мне искреннюю дружбу и большое уважение. Я знал, что все сказанное им неверно, но я, действительно, уже давно простил ему это. Вообще, возобновление знакомства с ним очень интересовало меня с другой точки зрения. Я знал, что он принимал выдающееся участие в основании Интернационала. Я уже прочел манифест, составленный им от имени Генерального совета, манифест, который, как все, что выходит из-под его пера,— если только это не личная полемика,— был замечателен, серьезен и глубок. С внешней стороны мы расстались лучшими друзьями; однако ответного визита я ему не нанес... Я обменялся с Марксом несколькими письмами. Потом мы потеряли друг друга из вида» [2]).

Если бы мы хотели характеризовать ставшее нам теперь из-

[1]) «Но в 1864 г., когда я опять приехал в Лондон, он (Маркс) посетил меня и заверял, что никогда не принимал ни прямого, ни косвенного участия во всех этих клеветнических выпадах, которые он назвал бесчестными. Я должен был поверить ему». M. Bakunin, «La théorie politique de Mazzini et l'ntemationale». Neuchâtel. 1871, p. 46.

[2]) *M. Nettlau,* Ibid. p. 282.

вестным поведение Бакунина словами Неттлау, Гильома и открытого Мерингом «товарища» Брупбахера, то мы легко могли бы говорить о «наглой лжи», содержащейся в показаниях Бакунина, о «вероломстве» этого «человека без задних мыслей», который был способен написать Марксу такое письмо, как цитированное нами. Всякий человек бывает в своей жизни подчас вынужден говорить не всю правду, в том числе и в письмах, и никто, действительно, не обязан грубо преподносить каждому свое мнение. Но если бы Бакунин думал, что Маркс «и формально и по существу лгал», то все поведение представляло бы новую «психологическую загадку» ... если бы Бакунин на самом деле не забыл к 1871 году действительного хода событий и если бы он был действительно тем лукавым Маккиавелли, каким изображает его Неттлау:

«Бакунин отлично знал, что дело необходимо идет к борьбе между авторитарным и свободным направлениями, и своею многолетнею частною деятельностью он мощно подготовлял будущую победу свободного направления». Или, как Неттлау говорит в своей новой статье: «Этим объясняется, почему Бакунин, который при иных условиях приветствовал бы Интернационал с радостью, много лет стоял в стороне от него: это произошло именно потому, что Маркс, лойяльности которого он никогда не доверял, горячо рекомендовал ему Интернационал, а не вопреки советам Маркса» [1]).

Теперь, отлично зная, что Маркс не «наклеветал» на Бакунина, Неттлау не считает нужным исправить в своем новом изложении ошибку Бакунина.

Сейчас Неттлау узнает, что, наоборот, Бакунин «лгал», упорно, всегда «утаивая» свое вступление в Интернационал и свое обещание работать для него.

В своем «Конфиденциальном сообщении» 1870 года Маркс писал:

«Русский Бакунин... вскоре после основания Интернационала имел в Лондоне свидание с Марксом. Последний принял его в Товарищество, для которого Бакунин обещал работать по мере сил. Бакунин уехал в Италию, получил там от Маркса временные статуты и «Адрес к рабочему классу», ответил «очень восторженно», но ничего не сделал».

Достаточно сравнить этот лаконический рассказ Маркса с

[1]) M. *Nettlau,* «Bakunin»..., cap. XXXI. p. 199. и «Archiv»..., p. 284.

рассказом Бакунина, чтобы убедиться в бесспорном преимуществе сухого мышления при помощи рассудка над сочным мышлением, в котором принимает участие весь организм.

Но и Маркс о чем-то «умолчал». Возможно, что он «стыдился» еще ярче обнаружить свое «легковерие». Ведь в апреле 1865 года он надеялся «заложить во Флоренции через Бакунина контр-мины [1]) против Мадзини». И, когда продолжался спор с итальянскими делегатами в Генеральном совете, он еще в мае 1865 года надеялся, что Бакунин позаботится доставить других итальянцев. Прошло еще несколько месяцев, а итальянский перевод учредительного адреса, якобы сданный уже в печать, все еще не появлялся.

Бакунин молчал. Конечно, по «каким-то причинам». Но, быть может, он работал для Интернационала иным образом? Нет, Генеральный совет, или, если угодно, Маркс, никогда ничего не узнал об этом. Что делал он до сентября 1867 года, для нас теперь неважно. Для Интернационала он ничего не делал. Правда, в настоящее время, много лет спустя после смерти Маркса, мы, благодаря неутомимому усердию Неттлау и появившимся в печати письмам знаем, что Бакунин «делал» в течение этих трех лет; теперь мы понимаем, почему в течение этих трех лет ни Женевский, ни Лозаннский конгрессы Интернационала не могли вызвать его из Италии. Но то обстоятельство, что Бакунин, отсутствовавший на тех конгрессах, при первом же известии о конгрессе буржуазной Лиги мира и свободы» в Женеве поспешил на этот конгресс, должно было поразить даже «легковерного» Маркса, который помнил, как еще в 1864 году Бакунин уверял его, что теперь, после неудачи польского восстания, он будет участвовать только в социалистическом движении, и повторил снова это обещание в своем письме от февраля 1865 года.

«По прошествии нескольких лет, в течение которых о нем ничего не было слышно, он появляется опять в Швейцарии,— пишет далее Маркс.— Но он примыкает не к Интернационалу, а к Лиге мира и свободы».

Маркс опять о чем-то «умалчивает». Он не хочет обнаружить перед немецкими «практиками» свое неисправимое легковерие. Ведь Бакунин был одним из немногих людей, которых «я по про-

[1]) «Слушайте! Слушайте!» — восклицает Гильом.— «В этом слове весь Маркс».

шествии шестнадцати лет нашел ушедшими не назад, а вперед». Но что поделаешь с русским? Может быть, его еще удастся, несмотря ни на что. привлечь к «делу».

Маркс, только что опубликовавший «Капитал», обратился — через свою жену — к Беккеру с просьбою узнать адрес Бакунина.

«Я убеждена»,— пишет госпожа Маркс,— «что вы легко узнаете его в Женеве, может быть, через Герцена. Он (Маркс) хочет послать ему книгу и написать о других делах» [1]).

Мы не знаем, действительно ли написал Маркс письмо Но установлено, что он послал Бакунину «Капитал». Это подтверждает и Бакунин.

Прошли опять три месяца. Бакунин опять молчит. К этому времени относится следующее место из другого письма госпожи Маркс к Беккеру. Это письмо уже напечатано в «Neue Zeit», к сожалению, не без ошибок [2]).

«Не знаете ли чего-нибудь о Бакунине? Мой муж послал [3]) ему, как старому гегельянцу, свою книгу — от него ни ответа, ни привета. Получил ли он ее? [4]). На русских, ведь, нельзя особенно полагаться; если они не держатся «царя-батюшки» в России, то держатся батюшки-*Герцена*, или он их держит, а в конце концов это приводит к одному и тому же. Это одно и то же».

Неттлау возмущается этим местом. Какой тон. Он саркастически замечает, что это письмо написано «в стиле, который со стороны образованной дамы поистине поражает». «Образованная дама», которая не соблюдает в письме всех правил хорошего тона и подчас употребляет слова, какие «благовоспитанная» английская мисс может найти «шокирующими»! Вообще, во всей исторической литературе, не исключая и придворной историографии, трудно найти историков, которые своим «хорошим тоном» могли бы поспорить с биографами Бакунина. Так, например, «товарищ» Брупбахер не хочет повторить в своей книге ругательств, которыми Утин и компания осыпали «юрцев», так как, по его словам, они «не могут быть воспроизведены в приличной книге». Ниже

---

[1]) Из напечатанного письма к И.Ф.Беккеру. Письмо написано в октябре 1867 года.

[2]) *R. Ruge.* Aus Briefen an J. F. Becker. — «Neue Zeit». 1888, p. 507.

[3]) В «Neue Zeit» напечатано «schenkte» вместо «schickte».

[4]) В «Neue Zeit» напечатано: «hat was bekommen?» вместо: «hat er's bekommen?».

мы будем иметь еще случай познакомиться со стилистическими красотами и ругательствами «горцев», которые обнаруживают весьма своеобразный хороший тон. «Товарищ» Брупбахер замалчивает их, чтобы таким дешевым способом сделать свою книгу более «приличною».

Но одно ясно из письма госпожи Маркс. И она, и Маркс могли объяснить себе странное молчание Бакунина только влиянием Герцена. Поведение Бакунина, действительно, не могло укрепить веру в надежность «русских».

Но и после этого Бакунин молчал. Теперь, однако, дела обстояли иначе, чем раньше. Деятельность Бакунина в Лиге мира и свободы не могла остаться неизвестною Марксу. Даже Гильом и «товарищ» Брупбахер признают, что «иллюзии Бакунина по отношению к буржуазным демократам еще не исчезли». Кроме того, Бакунин попал теперь опять в такую среду, где серьезно принимали на веру и повторяли писания «благородного» Фогта о Марксе, где меньше сомневались в существовании «шайки поджигателей», руководимой Марксом, чем в честности принца Наполеона.

Новые иллюзии Бакунина скоро рассеялись. Сделанная, по его инициативе, попытка превратить Интернационал в придаток лиги была почти единогласно отвергнута на Брюссельском конгрессе Интернационала. Это было полным поражением. Ничто не характерно так для Бакунина, как манера, с которою он в письме к Густаву Фогту защищает себя и одновременно объясняет свое поражение интригами невидимого главы «шайки поджигателей», столь хорошо известной его адресату. Ничто не помогло. На Бернском конгрессе лиги дело дошло до разрыва с «буржуа».

Что же делает после этого Бакунин? Вместо того, чтобы работать в рамках Интернационала, он основывает новое общество, которое, повидимому, преследует ту же цель, что Интернационал, но, тем не менее, хочет остаться самостоятельною организацией, со своими собственными конгрессами. Новооснованный «альянс» обратился к Генеральному совету с просьбою принять его в Интернационал. Ответ, как известно, был отрицательный.

Мы считаем излишним разъяснять здесь Бернштейну и Мерингу, что уже с этого времени конфликт стал неизбежным. Они отлично знают, что все разглагольствования «товарища» Брупбахера о «простодушии» Бакунина и о «дезорганизаторской» деятельности Маркса представляют лишь «нелепые россказни». Не

будем мы также заниматься здесь вопросом о том, *не скрывалось ли с самого начала* за официальным «альянсом», основанным Бакуниным, тайное общество [1]). Для нас важно только констатировать, что до сих пор мы не нашли у Маркса ни малейшего следа «склонности принимать на веру всевозможные подозрения насчет политического характера Бакунина».

Правда, наши «точные» историки и глубокомысленные психологи имеют в своем распоряжении еще один факт, который должен объяснить «личную неприязнь» Маркса к Бакунину. Маркс послал Бакунину авторский экземпляр «Капитала», но не получил никакого ответа. Этого «мстительный» Маркс никогда не мог забыть Бакунину.

Хотя эти россказни еще абсурднее, чем порицаемые Рингом россказни «товарища» Брупбахера, тем не менее, даже это «психологическое объяснение», столь характерное для всего уровня бакунистской литературы, было воспринято... Бернштейном и Рингом.

«Правда, Маркс через дружественно расположенного к нему Иоганна-Филиппа Беккера послал Бакунину в Женеву экземпляр «Капитала», но его недоверие к Бакунину тем более укрепилось, что последний.— как он утверждает, по забывчивости,— не написал Марксу ни одной строчки об этой книге» [2]).

Меринг также нисколько не сомневается в том, что Маркса это должно было очень рассердить: «Но Бакунин, как он сам показывает»,— о показаниях Маркса Меринг забывает.— «не ответил на визит, а также ничего не написал, когда Маркс в 1867 году послал ему в Швейцарию авторский экземпляр «Капитала».

А Маркс, как «показывает сам» Бакунин, был «мстителен, как его бог Иегова». «Но,— пишет далее Меринг, защищая Бакунина,— хотя последний ни одним словом не уведомил о получении книги, спустя год, в декабре 1868 года, он подробно написал Марксу».

---

[1]) В письме в редакцию «Berliner Volkstribune», по поводу статьи «Юрская федерация и М. Бакунин». Энгельс писал: «Автор, точно невинный младенец,— или притворяясь таковым,— во всем верит на слово бедной оклеветанной анархистской овечке. То, о чем эти господа считали нужным не говорить, ему совершенно неизвестно; поэтому ему неизвестно и то, что скрывалось за всем спором». Гильом и Неттлау отрицают это.

[2]) См. *Bernstein*, «Marx und Bakunin».— «Archiv für Sozialwiesenhaft und Sozialpolitik». Band XXX, p. 16.

Что же Бакунин написал?

Меринг, надеемся, не посетует на нас, если мы будем цитировать письмо Бакунина несколько подробнее, чем он это делает, ибо в его передаче оно не совсем понятно:

«Серно сообщил мне ту часть твоего письма, которая относится ко мне. Ты спрашиваешь его, продолжаю ли я оставаться твоим другом. Да, более, чем когда-либо, дорогой Маркс, ибо лучше, чем когда-либо прежде, я понимаю теперь, как был ты прав, выбрав,— и нас приглашая за тобой следовать,— большую дорогу экономической революции и осмеивая тех из нас, которые блуждали по тропинкам национальных или чисто политических предприятий. Я делаю теперь то дело, которое ты начал более двадцати лет назад. Со времени торжественного и публичного прости, которое я сказал буржуа на Бернском конгрессе, я не знаю теперь другого общества, другой среды, кроме мира рабочих.— Моим отечеством будет теперь Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Ты видишь, следовательно, дорогой друг, что я — твой ученик, и я горжусь этим.— Вот все, что я считаю необходимым сказать, чтобы объяснить тебе мои личные чувства и отношения» [1]).

Продолжение читатель может найти в «Neue Zeit». Далее Бакунин пишет об отвергаемом Марксом «уравнении классов» и, как бы желал ответить на подозрение, высказанное в письме госпожи Маркс к Беккеру,— подозрение, что он опять солидарен с Герценом,— он уверяет Маркса, что теперь между Герценом и им прерваны даже личные отношения [2]).

На его письмо Бакунин не получил никакого ответа. Почему? Мы не считаем нужным заниматься психологией. Но достаточно сравнить письмо от февраля 1865 года с письмом от декабря 1868 года, достаточно вспомнить, что еще до последнего письма Маркс имел в своих руках программу «альянса», содержавшую то самое требование уравнения классов, формулировка которого, как пишет Бакунин в первом письме, была навязана ему и его друзьям, в предложенной ими лиге революции, глупостью буржуазной публики. Это писал тот же Бакунин, который заявлял, что

[1]) «Neue Zeit». Band XIX, p. 6.

[2])Беккер, дружественно расположенный тогда к Бакунину, вероятно, сообщил ему содержание письма госпожа Маркс, а также ее вопрос, получил ли он «Капитал».

отныне он не будет знать другого общества, кроме мира рабочих! И этому миру рабочих он хотел теперь преподнести в статутах «альянса», как новую истину, то самое требование, которое, по его же словам, было навязано ему глупостью буржуазной публики!

Вспомнив это, можно легко понять Маркса, не делая из него мстительного злодея.

Меринг ищет объяснения в «социологическом факторе», который, правда, не объясняет истории народов и классов, но играет роль во многих «историях» отдельных индивидуумов, а именно — в нашептываниях. В одном отношении Меринг, однако, отличается от Гильома и Неттлау. Последние видели до сих пор в Марксе «ябедника», нашептывающего Гессу, Боркгейму, Либкнехту, Бебелю все те клеветы, которыми они осыпали бедного Бакунина: Меринг же открывает теперь дьявольского «ябедника», который так сильно восстановил Маркса против Бакунина, проникнутого глубоким дружеским чувством. Кто же был этим гением клеветы, который провел «хитрого и холодного» — ведь Штибер пользовался своим психологическим зондом не хуже «товарища» Брупбахера — Маркса, как одряхлевшего, слабоумного Полония?— Об этом пусть расскажет нам сам Меринг:

«Нет ни малейшего основания предполагать»,—пишет Меринг,— что Бакунин был в этом письме неискренен и хотел обмануть Маркса. Если он обманывал кого-нибудь, то только самого себя. Но Маркс, отнесся к письму не без недоверия. Мы можем оставить здесь в стороне вопрос о том, насколько играли при этом роль личные нашептывания: что они играли роль, этого, к сожалению, нельзя отрицать. Главным виновником этого был некий Утин,— Брупбахер называет его сыном водочного откупщика.— который, по каким-то личным причинам, ненавидел Бакунина и преследовал его ядовитыми клеветами».

«Согласно действующим до сих пор законам исторической критики»... всякое изложение оказывается несостоятельным во всех пунктах, где его утверждения основываются лишь на вопиющем анахронизме или обнаруживают слепое доверие к нелепым россказням».

Если даже Утин был очень плох [1]), и Маркс доверял ему не

[1]) «Приличие» не мешает Брупбахеру подчеркивать, что Утин был рантье-еврей. Для этого «товарища» крещение так же мало значит, как для русских

меньше, чем Меринг «товарищу» Брупбахеру, тем не менее, вся эта страшная история, которая должна объяснять недоверие Маркса уже и декабре 1868 года, ни на чем не основана. Мы сошлемся не на «какие-то причины», а на одну очень простую причину: *Маркс не имел тогда об Утине ни малейшего представления.* Как мало влияния мог Утин оказывать на Маркса и Энгельса еще в 1870 году, показывает следующее место из одного письма Энгельса к Марксу. Последнее должно быть хорошо известно Мерингу, как и другие места из переписки Маркса с Энгельсом, которые также — даже без найденного мною письма Бакунина к Марксу — достаточно выясняют, как осторожно надо относиться к «собственным показаниям» Бакунина. Еще большая осторожность требуется, когда имеешь дело с «точным» историком вроде «товарища» Брупбахера. Энгельс писал:

«Святая Русь будет ежегодно выплевывать некоторое число этих «безработных» русских; под предлогом principe international они повсюду будут втираться в среду рабочих, они будут добиваться роли вожаков, они внесут в секции неизбежные у русских личные интриги и дрязги, и тогда Генеральному совету придется с этим достаточно возиться. Мне сейчас же бросилось в глаза, что Утин сумел уже создать себе положение у женевцев. И эти русские еще жалуются, что у них дома все места заняты немцами!»

Так писал Энгельс 29 апреля 1870 года после того, как он узнал от Маркса, что Утин и его друзья, разорвав с Бакуниным, основали русскую секцию Интернационала и просили Маркса быть ее представителем в Генеральном совете. Письмо, написанное тогда (12 марта 1870 года) Утиным по этому поводу, было вообще первым письмом, которое он дослал Марксу.

Бакунин «сам показывает», что Утин начал свою клеветническую кампанию лишь *после октября 1869 года.* Что же касается разногласий между Бакуниным и Утиным, то даже Неттлау пишет, что они «не имели никакого отношения к Марксу и Интернационалу, а объяснялись личною... антипатиею».

Вся эта психологическая и хронологическая неразбериха взя-

погромщиков, требующих, чтобы даже дети крещеных евреев не уравнивались в правах с христианами.— «Товарищу» Брупбахеру мало того, что Утин пользовался благами христианства с первого дня своего рождения!

га Мерингом из «полезного и заслуженного труда» открытого им «товарища» Бруибахера, хотя, в качестве одного из редакторов переписки Маркса с Энгельсом, он, наверное, уже усердно читал эту переписку.

«Утин приехал в Женеву с прямым намерением выступить против Бакунина и собрать для Маркса материал, которым последнйй мог бы воспользоваться против Бакунина» (Брупбахер, стр. 71).

Откуда Утин приехал? Из Лондона? В 1867 году, или в 1868 году, или в 1869 году? Все эти вопросы остаются без ответа. Брупбахер лишь знает досконально,— его психологический зонд не имеет никаких хронологических границ и географических расстоянии,— что Маркс прямо поручил Утину помочь ему в собирании материалов для *уничтожения* Бакунина». И Меринг, убежденный, что товарищ Брупбахер в сущности доказал свои положения, хотя о некоторых частностях с ним можно спорить», дополняет эту историю об «уничтожении» Бакунина из «каких-то» источников, которых он, к сожалению, не называет и которые до сих пор всем историкам остаются неизвестными.

Пример «товарища» Брупбахера оказался заразительным. Если «товарищ» Брупбахер открыл, что Маркс «по каким-то причинам» уклонялся от теоретической дискуссии со страшным Бакуниным, который мыслил всем своим организмом, то Меринг открываст теперь, что Утин «по каким-то причинам» преследовал клеветами безобидного Бакунина.

Во имя науки, во имя исторической критики сообщите нам, наконец, все эти таинственные причины!

V

Но у Меринга имеются еще «какие-то» другие обвинения против Маркса. Правда, он сам вынужден признать, что, несмотря на все нашептывания злокозненного Утина, якобы ославившего Бакунина подкупленным агентом царизма. Маркс «никогда не верил этим обвинениям», хотя «не возражал, когда они распространялись столь близкими ему политиками, как Боркгейм и Либкнехт».

Мы не намерены спорить с Мерингом о том, насколько «близок» был Боркгейм Марксу в качестве политика и насколько можно возлагать на Маркса ответственность за все статьи Боркгейма

и поступки Либкнехта. Ведь именно Меринг доказал, что Маркса никоим образом нельзя считать ответственным за все то, что Либкнехт делал в 1866—1870 годах.

Мы не будем доказывать всю смехотворность обвинения, требующую от Маркса, чтобы он, немедленно же после появления каждой из бесчисленных статей, в которых его ложно истолковывали или от его имени «позволяли себе безобразия», писал в соответствующую редакцию опровержение. Ниже мы увидим, что и в этом отношении Маркс делал больше, чем это было в человеческих силах, хотя ко времени Интернационала положение было совсем другим, чем в пятидесятых годах, когда, по словам самого же Меринга, Маркс рыцарски защищал Бакунина в английской прессе против подозрения, что он царский агент. Теперь Бакунин уже не томился в русских тюрьмах, он был на свободе; что он не был слабым, беззащитным существом, видно из его ответа пресловутому Марксу,— не Карлу Марксу, а Френсису Марксу,— когда последний, сейчас же за возвращением Бакунина из Сибири, поднял старое обвинение: Бакунин немедленно заявил в другой английской «небольшой газете», что на подобные обвинения отвечают «не с пером в руке, а рукою без пера». Более того. У Бакунина было много гораздо более интимных друзей, чем Маркс, и все же, когда Боркгейм летом 1865 года якобы назвал Бакунина в одной буржуазной газете русским агентом, *никто из них* не счел нужным выступить в его защиту. Далее, мы увидим, почему они действовали так «подло».

Несмотря на сказанное, мы можем все-таки стать на ригористическую точку зрения анархистов и Меринга. Предположим, что, если бы Бакунин и в шестидесятых годах, действительно, подвергался обвинению, что он подкупленный агент русского царизма, Маркс был бы нравственно обязан немедленно сделать то, чего не сделали самые интимные друзья русского революционера. Но, при всем уважении к ригоризму анархистов, «товарища» Брупбахера и Меринга, мы не забываем того, что, кроме «законов этики», существуют «действующие еще до сих пор законы исторической критики». Поистине не надо страдать болезнью «марксовых попов»,— открыто сознаемся, что мы не так застрахованы от опасности этой заразы, как Меринг,— чтобы спросить: верно ли, что Боркгейм и Либкнехт повсюду распространяли, что Бакунин — русский агент и что Маркс не опровергал

этого? Кто утверждает это? На каких фактах, сообщениях, статьях основывается это обвинение? Были ли все подобные предположения сопоставлены с фактами, как то требуется «действующими до сих пор законами исторической критики?

Теперь дело принимает скверный для Маркса оборот. Ведь речь идет о фактах, касающихся Либкнехта, Бебеля и германской социал-демократии. Тем хуже для Маркса, что Эйснер — талантливый биограф «Солдата революции», Меринг — автор классической истории германской социал-демократии, основанной на несравненном знании всей соответствующей литературы, Бернштейн — автор подробной «Истории рабочего движения в Берлине» и биографии Игнатия Ауэра,— что все эти товарищи не только не опровергают, но даже подтверждают эту страшную историю, оскорбляющую тонкое нравственное чувство не одного только «товарища» Брупбахера. Даже слепой почитатель Маркса мог бы притти к заключению, что, как говорит автор «заслуженного и полезного труда» о Бакунине и Марксе, «на всем земном шаре не найдется ни одного человека, кроме нескольких фанатиков», который не признал бы поведения Маркса позорным пятном на его характере, пятном, которое никогда не будет смыто и в лучшем случае сможет быть объяснено психологически».

Правда, Меринг, в качестве старого ментора, проливает немного елея на возмущенное серьезное нравственное чувство нового швейцарского ригориста:

«Так уже всегда ведется в нашем несовершенном мире, что революции никогда не делаются при помощи розового масла. Не думайте только, что всякий, кто не является «образцом катоновской строгости нравов», уже заслуживает подозрения, что он отъявленный негодяй. Осторожнее, товарищ Брупбахер!

Возможно, что с годами «товарищ» Брупбахер также смягчит свою строгость к бедному Марксу. Но теперь он может с полным правом ссылаться на то, что не только «виднейший представитель германской социал-демократии», как Бернштейн, но и самый выдающийся, талантливый и блестящий ее историк признали правильными все факты, «усердно и тщательно» списанные им из «самой точной» истории Интернационала!

Мне жаль, что я должен несколько испортить эту радость. Вопреки Рингу, Бернштейну и Эйснеру, я покажу, что и эти истории, при первом же сопоставлении их с реальными фак-

тами, рассеиваются, как дым, что в лучшем случае их можно объяснить, с психиатрической точки зрения, как результат невменяемости, вызванной манией преследования,— как результат полнейшей неспособности передать самые простые факты не то что «объективно»,— это невозможно,— но хотя бы приблизительно верно. Но мы должны просить читателя запастись небольшим терпением. Мы имеем теперь против себя не только авторитет несведущего компилятора, но и авторитет Меринга. Поэтому мы должны строить наши доказательства с «немецкою основательностью». Меринг не откажется признать, что «реабилитация» Бебеля, Либкнехта, Маркса или Энгельса не менее важна, чем «реабилитация» Швейцера. Этот эпизод заслуживает подробного анализа и по другой причине: он представляет настоящий исходный пункт «личной» борьбы между бедною овечкою-Бакуниным и его безобидным стадом, с одной стороны, и Вельзевулом-Марксом и его шайкою поджигателей — с другой. Именно поэтому наиболее добросовестный из биографов Бакунина — Неттлау — говорит о «начале интриг Маркса» только в связи с этою историей.

VI

Что же, собственно, преступного распространяли Либкнехт и Бебель, и что Маркс оставлял без опровержения?

Послушаем первого свидетеля, «товарища» Брупбахера:

«Вообще незадолго до [Базельского| конгресса распространялись опять слухи, что Бакунин полицейский шпион. По видимому, уже в это время в определенных кругах Бакуниным были не совсем довольны. Бакунин узнал, что его подозревают в том, что он полицейский шпион. Либкнехт в кругу друзей, в полупубличном собрании, сказал, что Бакунин, несомненно, очень опасный агент русского правительства, и что он, Либкнехт, имеет в своих руках все доказательства этого; основанием «альянса» Бакунин хочет разрушить Интернационал; он лукав и дипломатичен, как все русские, благодаря чему ему удалось обмануть старого Филиппа Беккера. Кроме того, Либкнехт утверждал, что русское правительство содействовало бегству Бакунина из Сибири. Бебель тоже написал Беккеру, что Бакунин, вероятно, полицейский шпион и, вероятно, действует заодно со Швейцером, агентом Бисмарка. Бакунин, считая Либкнехта автором клеветнических слухов,

потребовал от него предъявления доказательств на Базельском конгрессе. В Базеле был устроен по этому поводу суд чести, который решил: *Либкнехт действовал с преступным легкомыслием, распространяя подобные клеветы на основании статьи буржуазной газеты.* Это решение было выдало Бакунину в письменной форме, Либкнехт протянул ему руку. Бакунин сжег это решение в присутствии всего суда. Вскоре после этой истории Либкнехт напечатал в своей газете ту же клевету».

Так пишет автор «полезного и заслуженного труда», изданного «мюнхенским партийным издательством, за что — следует прибавить — оно *заслуживает признательности*» [1]). Мы знаем, что в глазах Меринга Либкнехт и Бебель весьма подозрительны. Считали же они «полицейским шпионом» Швейцера, почему им не считать шпионом русского Бакунина? Возможно, что по этой причине он находит излишним сверять это обвинение с фактами. Тем более, что вся эта история уже подтверждена Бернштейном, вычитавшим ее из книги, на которую «товарищ» Брупбахер опирается в первую голову

Бернштейн рассказывал эту историю еще в 1908 и в 1910 годах, в первый раз русским читателям, во второй раз — немецким.

«Взаимное недоверие все более усиливалось. Вильгельм Либкнехт в Лейпциге, которого считали тогда *рупором* Маркса, заявлял в то время различным лицам, что он имеет в своих руках доказательства того, что Бакунин — агент русского правительства. На Базельском конгрессе суд чести, которого потребовал Бакунин и перед которым предстали Бакунин и Либкнехт, решил, по словам Бакунина, единогласно, что факты, на которые Либкнехт ссылался, не оправдывали никаких подозрений, и Либкнехт отказался в Базеле от своего обвинения. Но так как (!!) он был по-прежнему (?!?) убежден в правильности своего обвинения, то он уклонился от публичного извинения перед Бакуниным. С. Л. Боркгейм также вел подобную же обвинительную кампанию против Бакунина в демократической газете «Zukunft» и в «Volksstaat»,

[1]) В этом пункте мы согласны с Рингом. Мюнхенское партийное издательство раз навсегда покончило с анархистскою легендою, гласящею, что германская социал-демократия, нетерпима. Пусть укажут нам хоть одно анархистское издательство во всем мире, которое с такою готовностью издало бы книгу, содержащую самую низкую клевету против лучших умов анархизма.

редактируемом Либкнехтом органе недавно основанной социал-демократической рабочей партии эизенахского направления [1]).

Отнюдь не надо быть ригористом и приверженцем кантовой этики, чтобы удивиться тому невозмутимому спокойствию, с которым Бернштейн рассказывает о возмутительных фактах, не сопровождая рассказа ни одним словом негодования. Либкнехт объявляет Бакунина шпионом, вследствие угроз Бакунина отказывается в Базеле от своего обвинения, но «так как он был по-прежнему убежден в правильности своего обвинения», то начинает ту же кампанию сначала!

Нет! Что касается нас, то, при виде такого «падения», мы должны повторить слова, сказанные Бернштейном в той же статье о Марксе и Бакунине: «С чисто человеческой точки зрения, Бакунин выступает в этой борьбе в гораздо более благоприятном свете, чем его противник».

Мы вполне понимаем Гильома, который, рассказав в 1873 году эту историю вероломства и трусости, написал следующие слова, где сильное моральное возмущение этим неслыханным моральным падением обрушивается точно гром на голову трусливого «солдата революции»:

«Неужели Либкнехт действовал бы с таким же вероломством в том случае, если бы он был господином своей воли и своих чувств? Это невозможно. Единственно возможная причина, единственно возможное объяснение заключается в том, что, по возвращении Либкнехта в Лейпциг, диктатор убедил его в том, что его поведение в Базеле и его обещание Бакунину — сентиментальная слабость, и запретил ему сдержать свое обещание».

Если принять во внимание, что эти громовые раскаты исходят от, как говорит «товарищ» Брупбахер, «замечательно чистого человека, который по ошибке попал в политику», от человека, которым «ни о ком, с кем он ни говорил, не предполагал ни малейшего следа низких инстинктов»,— то нам, поистине, становится страшно за Маркса. Энгельса. Либкнехта и Бебеля.

Сдержим, однако, на минуту наше моральное негодование.. Допустим, что Гильом — «замечательно чистый человек», что Бакунин — «человек без задних мыслей», и, как всегда, предположим, что оба они рассказывают субъективно чистейшую правду. Но

[1]) *Bernstein,* I, pp. 20. 21.

ведь и самая невинная овечка, с каким бы нравственным возмущением она ни блеяла, не всегда дает шерсть безукоризненного качества.

Меринг опирается, в первую голову, на «товарища» Брупбахера, который, с своей стороны, опирается, в первую голову, на Гильома и, во-вторых, на Бернштейна; последний, в свою очередь, опирается в первую голову, на Гильома и, во-вторых, на Неттлау. Но, в последнем счете, все они опираются на Бакунина. Хотя Гильом был делегатом на Базельском конгрессе, но и он опирается, в первом и последнем счете, на Бакунина. То, что он сам добавляет, относится к событиям, происходившим после конгресса. К сожалению, мы не имеем ни одного слова от Либкнехта, Бебеля и Беккера, которое могло бы объяснить нам эту историю. Мы вынуждены поэтому анализировать ее при помощи показаний одной только стороны.

Итак, послушаем Бакунина Уже Неттлау в своей большой биографии Бакунина напечатал письмо его к Беккеру, где он обвиняет Либкнехта и Бебеля. Это — то же самое письмо, которое Гильом напечатал впоследствии во французском переводе в своей «Истории Интернационала» и которое, по видимому, произвело на Бернштейна сильное впечатление. Неттлау имел в своем распоряжении копию этого письма. Мы воспроизводим письмо по оригиналу. найденному нами в бумагах Беккера:

«4 августа 1869 года, Женева. 123. Montbrillant.

«Мой дорогой Беккер. Наш друг Вертгейм сказал мне, и еще вчера вечером подтвердил в твоем присутствии, что господину Либкнехту, немецкому социал-демократу и честному человеку, угодно самым низким образом клеветать на меня. Он публично, в присутствии Вертгейма, утверждал:

«1) что я русский агент: он якобы имеет неопровержимые доказательства этого:

«2) что русское правительство благоприятствовали моему бегству из Сибири;

«3) что основанием Альянса я со злым умыслом вбил клин в Международное товарищество рабочих;

«4) что *одряхлевший*. Беккер дал лукавому Бакунину себя провести.

«Я опускаю прочие *мелочи,* из которых каждая, однако, заслуживает пощечины.

«С другой стороны, тот же друг Вертгейм показал мне обращенное к тебе письмо господина Бебеля, где господин Бебель ясно высказывает предположение, что я, *вероятно,* агент России и, *вероятно,* действую заодно с господином Ю. Швейцером, как агентом Бисмарка.

«Я имею, конечно, полное право привлечь к ответу и господина Бебеля, ибо ни один честный человек не должен позволять себе легкомысленным образом, по одним только слухам, распространять позорящие вещи о другом человеке, ему совершенно незнакомом. Но так как я имею основание предполагать, что духовным отцом всех этих низостей является также совершенно незнакомый мне господин Либкнехт, то на этот раз я хочу ограничиться им.

«Я прошу тебя, дорогой Беккер, как друга и партийного товарища, я требую от тебя, как от брата нашего Альянса, в основании которого ты принимал столь живое участие, чтобы ты заявил от моего имени господину Либкнехту, что я в праве, по крайней мере, ожидать от него, что если он почему-нибудь находит удовольствие в том, чтобы оклеветать другого, то он должен иметь также мужество отвечать за это, и что прежде всего всякий обязан подтвердить свои слова достоверными доказательствами.

«Теперь я даю ему месяц сроку, чтобы собрать против меня все возможные доказательства. На Базельском конгрессе он либо должен будет публично доказать мою низость, либо же я, в присутствии всех, объявлю его бесчестным канальей или, выражаясь по немецки, низким негодяем.

Твой друг *М. Бакунин.*

«NB. Я настаиваю, дорогой друг, чтобы это письмо было сообщено не только господам Либкнехту и Бебелю, но и всем участникам Эйзенахского конгресса, и, по возможности, было прочитано в публичном заседании конгресса».

Копия, напечатанная у Неттлау, сходится с подлинником слово в слово; французский перевод, сделанный Гильомом, отличается буквальною точностью, свойственною лишь старым профессорам филологии. В этом отношении оба наших историка заслуживают величайшей похвалы с точки зрения «всех действующих до сих пор законов исторической критики».

Но всякий документ, при всей своей подлинности, имеет, кроме филологической оболочки, также и содержание, и точность его передачи нисколько не гарантирует правильности сообщаемых им фактов.

Мы не намерены заниматься психологией. Выше мы уже видели, что Бакунин имел очень «слабую память», что он не замечал вопиющих противоречий в письме. И в настоящем письме он негодует, что Либкнехт оклеветал его «по одним только слухам», и не замечает, что и он сам по одним только слухам, готов назвать Либкнехта «низким негодяем». Его единственный источник — это рассказ Вертгейма. А насколько Вертгейм был ненадежным свидетелем [1]), он узнал в тот же самый день.

Мы не знаем, что происходило раньше, какие переговоры имел Бакунин со старым Беккером,— с «одряхлевшим Беккером», как Бакунин, с особенною деликатностью и, конечно, без всяких задних мыслей, счел нужным сообщить ему, «по одним только слухам». Старый щеточник Беккер, хоть и настоящий немец [2]), имел с Бакуниным не только то общее, что и его «ревность пропагандиста подчас увлекала за пределы здравого смысла». Подобно Бакунину, он носил «дьявола в своем теле» и, кроме того, доказал гораздо основательнее, чем Бакунин, что он одинаково готов манипулировать как рукою без пера, так и с пером в руке. Вероятно также, что оба старика — физически они не уступали друг другу — долго спорили и препирались. Очень вероятно также, что «папаша Беккер»,— быть может, благодаря тому, что он мыслил только здравым рассудком,— указывал Бакунину на удивительное противоречие в его письме, не замеченное Бернштейном в 1908 году. Либкнехт якобы категорически объявил Бакунина *заведомым* агентом России, чему он имел в своих руках все доказательства. Каким же образом мог тот же Либкнехт быть «духов-

[1]) К письму Бакунина к Беккеру было приложено письмо Вертгейма, датированное также 4 августа 1869 г.

[2]) «Маркс был великим психологом западных европейцев; лучше всего знал он немцев своего времени, а последние не представляли для революционера ничего утешительного». Таково одно из тонких психологических замечаний «товарища» Брупбахера. К сожалению, мы не знаем, показалось ли оно Мерингу столь же «поучительным», как и другие столь же глубокие и тонкие «открытия» нового психолога.

ным отцом» «клеветнических выпадов» Бебеля, которые, ведь, говорили лишь о «вероятном» агенте? [1]).

Как бы то ни было, Бакунин был вынужден написать новое письмо. Последнее датировано «Le 5 Août 1869», т. е. следующим днем.

Здесь излишне перепечатывать его. Оно идентично с первым почти во всех частях, за одним только исключенном. *Все касающееся Бебеля в этом письме опущено* [2]). Это письмо, как и первая версия, написано на случай возможного «публичного» оглашения, но не в том смысле, как понимает это слово Бакунин в первом письме. Там он отождествляет «публичность» с «присутствием Вертгейма». Даже «товарищ» Брупбахер чувствует это и осторожно говорит: Либкнехт обвинял Бакунина в кругу друзей, на «полупубличном собрании», которое, конечно, происходило «где-то и когда-то». К сожалению, даже Неттлау не «указал до сих пор протокола этого собрания, не говоря уже о его месте и времени. Бернштейн превратил друзей в «различных лиц», а Меринг смело пишет: Либкнехт *распространял!* На этот раз «товарищу» Брупбахеру с его психологическим зондом больше повезло.

Исполнил ли Беккер желание Бакунина? Мы не знаем этого, но очень вероятно, что он не показал письма Либкнехту. Публично оно в Эйзенахе не было прочитано.

Нельзя было оказать Бакунину лучшей услуги.

Либкнехт был избран делегатом на Базельский конгресс, и через несколько недель ему предстояло лично встретиться с Бакуниным в Базеле.

Итак, сам Бакунин перестал считать Бебеля «клеветником». В дальнейшем его имя уже не упоминается.

Мы надеемся, что в новом издании своего большого труда Неттлау откажется от своих любезных замечаний о Бебеле, сделанных им по этому поводу. Вряд ли можем мы ожидать того же от Гильома и от «товарища» Брупбахера.

Перейдем теперь к «реабилитации» Либкнехта.

---

[1]) К другим вероятным предположениям я еше вернусь ниже. Пока необходимо отметить, что до сих пор я нашел только одно письмо Бебеля к Беккеру шестидесятых годов.

[2]) Начиная со слов: «с другой стороны, тот же друг» и кончая словами: «ограничиться им». Остальные различия представляют лишь стилистические изменения, не имеющие никакого значения.

VII

Базельский конгресс происходил, как известно, с 5 по 11 сентябри 1869 года. К этому времени относится суд чести по делу Бакунина-Либкнехта. Но с самого начала мы должны отметить одно новое недоразумение, жертвою которого сделался Бернштейн.

Суд чести, о котором он говорит, был не судом чести *Базельского конгресса,* а просто судом чести в *Базеле.* Эго не придирка к словам. Далекому от практической жизни ученому, вроде Нетт-лау, позволительно смешивать обе эти вещи, но всякий политик, который хоть немного разбирается и в организационных вопросах, легко поймет важность этого различия. Поэтому Гильом никогда не говорит о суде чести Базельского конгресса, и «товарищ» Брупбахер, списывающий у Гильома, говорит на этот раз вполне правильно: суд чести в Базеле». Этим объясняется, почему мы не находим в подробном протоколе конгресса ни одного слова об этом суде чести.

Вся эта история известна нам исключительно со слов самого Бакунина. На него опирался Гильом, впервые опубликовавший ее в 1873 году. Либкнехт сидел тогда в тюрьме. Гильом, подобно Неттлау, не находил достаточно резких слов для порицания поведения Маркса в 1853 году, когда он якобы бесстыдно поднял против Бакунина тяжелые обвинения, хотя тот сидел в тюрьме. Гильом, конечно, не поступил бы таким же образом по отношению к Либкнехту, если бы не имел в своих руках всех доказательств против него.

В 1904 году Гильом рассказывает ту же историю, сопровождая ее столь же сильным моральным негодованием. Но на этот раз он излагает ее с одним существенным изменением, которое еще усугубляет моральную неразборчивость «солдата революции».

В 1873 году Гильом сообщал, что Либкнехт якобы не напечатал статьи Бакунина, а немедленно после этого напечатал вместо нее корреспонденции из Парижа М. Гесса, в которых были повторены те же клеветы, объявленные судом чести бесчестными. В 1904 году Гильом рассказывает, что Либкнехт был так вероломен, что скрыл от своих читателей решение суда чести. Конечно, он это сделал «по каким-то причинам».

Согласно «действующим до сих пор законам исторической критики», из двух показаний одного и того же свидетеля об одном

и том же событии, то показание, которое сделано через четыре года после события, является «более правдоподобным», чем другое, сделанное спустя 35 лет. Само собою разумеется,— caeteris paribus [1]). Если свидетель изменил за это время свои взгляды, было бы в высшей степени несправедливо уличать его на основании его прежних показаний. Но в данном случае это не имеет места. В 1904 году Гильом так же страстно ненавидит Маркса и Энгельса, как и в 1873 году. Кроме того, его главный источник остался тем же самым.

Этим источником является по прежнему одно только показание Бакунина. К счастью, мы имеем теперь, благодаря неутомимому усердию Неттлау, аутентический рассказ самого Бакунина.

Рассказ этот, очень подробный, имеет большое преимущество уже потому, что написан в первой половине октября 1869 года, т. е. спустя один месяц после Базельского конгресса.

2 октября 1869 года во французской газете «Réveil», редактировавшейся Делеклюзом, впоследствии участником Коммуны [2]), появилась статья М. Гесса: «Коммунисты и коллективисты на Базельском конгрессе», направленная против Бакунина и Швейцера.

Вне себя от ярости, Бакунин написал в редакцию длинное письмо... о махинациях евреев вообще и немецких евреев в частности:

«Я отлично знаю, что, открыто высказывая свои интимные мысли о евреях, я подвергаюсь величайшим опасностям. Многие разделяют мое мнение, но немногие достаточно смелы для того, чтобы публично высказывать его, ибо секта гораздо более опасная, чем секта католических и протестантских иезуитов, представляет ныне в Европе настоящую державу.

[1]) «Товарищ» Брупбахер усмотрит в этом недостаток. «Маркс изолировал абстрагированные (!) элементы жизни и говорил: «caeteris paribus».— Это одно из многочисленных замечаний, которые, по уверению Меринга, «всегда поучительны».

[2]) «Он (Делеклюз) жил только для одной правды, она была его талантом, его наукой, путеводной звездой его жизни. Ее он призывал, ее он исповедовал 30 лет, во время изгнания, тюрем, оскорблений, с презрением встречая преследования, которые разбили его тело. Его наградой было умереть за нее свободным, под прощальными лучами солнца, во-время, неоскорбленным в последнюю минуту видом палача». (Лиссагарэ, «История Коммуны 1871 г.», русский перев., изд. Глаголева, стр. 296—297).

«Она деспотически господствует в торговле и банковском деле, она командует тремя четвертями немецкой журналистики и очень значительною частью журналистики других стран. Горе тому, кто имеет несчастье не угодить ей».

Но Бакунин так смел, что выступает и против этой державы. Правда, он делает исключение для Иисуса, для апостола Павла и еще для двух еврейских гигантов (juifs géants), Маркса и Лассаля. Но тем хуже достается еврейским пигмеям (juifs pigmées), Гессу и Боркгейму. Он снова рассказывает историю с клеветническими обвинениями в английских газетах — о «Новой рейнской газете» он не говорит здесь ни слова [1]) — и уверяет редакцию, что во всем виноваты немецкие евреи. Он идет еще дальше. Им же приписывает он также то, что и во время его пребывания в Италии его изображали шпионом и фальшивомонетчиком. *«Его друзья верили и верят еще, что все эти клеветники подкуплены русскою дипломатиею. В этом нет ничего невозможного».* Однако он настолько милостив, что не предполагает того же о Боркгейме и Гессе. «Их инспирируют только их вероломство и глупость, voilà tout!»

Письмо продолжается дальше в том же «стиле, который со стороны образованного человека поистине поражает», как сказала бы благовоспитанная мисс или даже «ограниченный марксист», если бы он отличался хорошим тоном «товарища» Брупбахера [2]).

Но я чувствую, что Меринга начинает охватывать — и вполне справедливо — нетерпение.

«Какое отношение имеет ко всему этому Маркс! На каком основании можно возлагать на него ответственность за статью Гесса во французской газете? Разве эти господа не имеют никакого представления об отношениях между ними? Разве они никогда не читали «Социал-демократа», издававшегося в шестидесятых годах одним из наиболее талантливых немецких журналистов — Швейцером? Разве они не знают, что Гесс сохранил

---

[1]) Мы подчеркиваем это еще раз. Бакунин никогда— даже в минуты сильнейшего озлобления — не прибегал к этой истории, которую давно считал ликвидированной. *Он предоставил это своим «глупым друзьям».*

[2]) Старик Гильом восхищается этом письмом. Бакунин «рассердился — на что имел полное право — и взялся за перо, чтобы написать одни из лучших своих ответов».

верность этому человеку еще тогда, когда все остальные — не только переметная сума вроде Рейше, но и Маркс, Энгельс, Гервег, Иоганн-Филипп Беккер — давно уже от него отступились? Разве они не знают, что в своих корреспонденциях из Парижа Гесс нападал всегда на Интернационал и особенно на Маркса? Разве они не знают, что Гесс порвал со Швейцером только в конце 1868 года? На каком же основании они изображают Гесса верным учеником Маркса, пишущим свои статьи по его приказам из Лондона или представляющим их ему до напечатания? Это нелепые россказни!

Нам понятно негодование Меринга, этого, несомненно, лучшего знатока «Социал-демократа» Швейцера. Но, в оправдание Гильома, Неттлау и автора «прилежного и тщательного труда» — «товарища» Брупбахера, мы должны указать на смягчающие вину обстоятельства: подобно младенцам, они не ведают, что говорят, или говорят только то, что им известно. Конечно, это происходит «по каким-то причинам»!

Как бы то ни было, но Герцен, которому Бакунин прислал свое письмо, был не мало поражен — хотя достаточно знал Бакунина,— прочитав это его новейшее, «лучшее» произведение. Он категорически отказался передать письмо в этой форме в редакцию «Réveil». Во-первых, он никак не мог понять, какое отношение имеет еврейский вопрос ко всей этой истории. (Неттлау, быть может, объяснит это: Герцен де был вульгарным филосемитом.) Во-вторых, он был тогда еще твердо убежден в том, что Маркс — духовный отец всего этого зла, а Гесс — его послушное орудие,— ему казалось странным, что Бакунин оставляет в покое главного виновника, этого еврейского гиганта, и нападает лишь на еврейских пигмеев, играющих роль стрелочников.

Нам очень жаль, что мы не можем воспроизвести здесь полностью ответ Бакунина и должны ограничиться отдельными выдержками из него. Мы только просим читателя запомнить, что он был написан *28 октября 1869 года.*

«Насчет Маркса вот мой ответ: я знаю так же хорошо, как и ты, что Маркс точно так же виноват против вас, как и все другие, и даже,— что он был зачинщиком и подстрекателем всех гадостей, взводимых на нас».

Бернштейн может теперь видеть, с чьей стороны примирение было не вполне безусловным — со стороны ли Маркса, или Бакунина.

22 декабря 1868 года Бакунин писал Марксу о Герцене:

«Но прошу тебя поверить мне, что между им и мною нет *абсолютно* никакой солидарности С 1863 года между нами порваны все политические отношения, а теперь даже личные».

Конечно, Бакунин был «человеком без задних мыслей». А в справедливости он не уступал Соломону, несмотря на то или именно потому, что не был евреем:

«Почему же я его пощадил и даже похвалил, назвал великаном? По двум причинам, Герцен. *Первая* причина — *справедливость».*

Маркс верно, умно и энергично служит делу социализма вот уже двадцать пять лет и является одним из главных основателей, если не главным основателем, Интернационала,— так говорит Бакунин. Гильом, Неттлау, «товарищ» Брупбахер, а равно Бернштейн и Меринг видят в этих словах доказательство свойственкого Бакунину чувства справедливости, которое не могла затемнить никакая личная предубежденность. Верно и то, что Маркс был глух ко всем этим «комплиментам». Разумеется, если не позлобе, то «по каким-то причинам»!

«Вторая же причина, пишет дальше Бакунин, — *политика* и, по-моему, совершенно верная *тактика.* Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохим политиком».

Далее следует доказательство того, что это неверно. Как ни интересны эти признания для характеристики Бакунина, в особенности для его теории двойной морали, мы проходим мимо них. Мы не даем здесь портрета великого революционера.

«Я признал и превознес его (Маркса) также из тактики, из личной политики. Как же ты не видишь, что все эти господа вместе? Наши враги составляют фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученее меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказал: divide et impera. Если бы я пошел теперь открытой войною против Маркса, три четверти интернационального мира обратились бы против меня, и я был бы в наклоне, потерял бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начавши войну нападением на его сволочь, я буду иметь за себя большинство, да и сам Маркс, в котором, как тебе известно, злостной радости, Schadenfreude,— тьма тьмущая, будет очень доволен, что я задел и отделал его друзей. Ну, а когда я ошибусь в расчете и он за них вступится, то, ведь, он первый

начнет открытую войну,— ну, тогда и я покачусь назад et j'aurai le beau rôle» [1]).

Мы не знаем, читал ли это письмо так рано умерший Иекк. Если он принял слова Бакунина всерьез, то он, действительно, мог открыть в нем «чудовищную патологически-преступную натуру».

Но дело не так страшно.

Правда, все это можно только «в лучшем случае объяснить психологически», и «на всем земном шаре не найдется, кроме нескольких фанатиков, ни одного человека»,— за исключением, быть может, нескольких глупых друзей,— который после всего изложенного продолжал бы утверждать, что Бакунин был «человеком без задних мыслей».

«Поэтому мы нисколько ни обижаем Маркса, утверждая, что он начал выступать против Бакунина *вскоре после Базельского конгресса.* Но мы можем только сожалеть, что это не происходило открыто и не в области идей» *(Brupbacher,* «Marx und Bakunin», S. 71).

А когда, именно, Бакунин начал «выступать» против Маркса, почтеннейший «товарищ» Брупбахер? Обижаем ли мы Бакунина, констатируя — тоже с сожалением.— что «это не происходило открыто и не в области идей»? «Человека предают только его собственные друзья», заметил как-то насмешливо «товарищ» Брупбахер. Это сказано в слишком общей форме. Правда, это бывает, но, в виде правила, была бы верна только следующая формулировка:

— Человека предают только его «глупые друзья».

Мы должны взять Бакунина под свою защиту против этих поклонников. Если его тактика представляла настоящий маккиавеллизм, то весьма безобидный. Хотя бы потому, что основывалась на полнейшем *непонимании места и времени,* которое, соединяясь *с навязчивыми представлениями,* может иной раз иметь очень опасные последствия, но никогда не может быть вменено данному лицу в качестве моральной вины.

К сожалению, не все друзья Бакунина были так разумны, как Герцен, который, по мере всех своих сил, старался помешать опубликованию этого письма.

---

[1]) «Письма Бакунина к Герцену и Огареву», Женева, 1896 год.

Можно легко представить себе, какое впечатление оно произвело бы в то время — в конце 1869 года!

К счастью для Бакунина, письмо тогда не появилось. Герцен нашел слишком резким даже короткое письмо, в котором Бакунин выражался несколько мягче и ограничивался уведомлением о предстоящем выходе брошюры о немецких евреях [1]), Герцен написал для Бакунина письмо, появившееся в «Réveil». Конечно, с примечанием от редакции. Что же писала редакция? Извинялась ли она? Ни одним словом — и по очень простой причине. Как ни слаба была, с *нашей точки зрения,* статья Гесса, но в ней нет ни одного слова о Бакунине, как об агенте или шпионе русского правительства. Она обвиняет *Бакунина и Швейцера* в том, что первый работает в пользу панславизма, а второй — в пользу пангерманизма. Кроме того, она содержит некоторые критические замечания о взглядах Бакунина и о его тактике *на конгрессе.* Как бы ни неосновательны были все эти обвинения, но нет ничего неожиданнее того вывода, который делает из них Бакунин. По его словам, они означают и могут означать только следующее: Бакунин — agent-provocateur русского правительства, шпион [2]). А, между тем, Гесс, который только-что имел в Базеле возможность убедиться, как чувствителен был Бакунин в этом пункте, даже подчеркивает, что ни в малейшей степени не сомневается «в революционной честности» Бакунина, чего не говорит о Швейцере.

Теперь нам понятно, почему Делеклюз подумал, что он имеет дело с ненормальными людьми. Чтобы отвязаться от них, он напечатал. наконец, письмо Герцена, снабдив его примечанием, что редакция так же мало, как и Гесс, сомневается в политической честности Бакунина, хотя она борется и будет в *дальнейшем бороться* с его политическими взглядами. Да не подумает читатель, что Бакунин остался недоволен этим заявлением. Напротив, он нашел его вполне лояльным!

Но причем тут Либкнехт? Может быть, он имел к статье Гесса такое же отношение, как и Маркс?

Во всем этом письме Либкнехт ни разу не назван по имени. Он фигурирует только в качестве одного из вождей новой германской социал-демократической партии.

[1]) Под заглавием, которое даже Гильом находит «весьма странным»: «Символ веры русского социал-демократа, с приложением очерка о немецких евреях».

[2]) Ср. *M. Bakunin,* «Oeuvres», V. pp. 263—265. Paris. 1911 г.

Вся история с так называемым судом чести рассказана Бакуниным не для того, чтобы задеть Либкнехта, с ним Бакунин вполне помирился и считал его благородным противником,— а для того, чтобы показать редакции «Réveil» всю моральную нечистоплотность «маленького немецкого еврея» М. Гесса, который был якобы одним из членов суда чести.

Правда, сам Бакунин говорит: «я не вполне точно помню, был ли М. Гесс одним из них, но мне кажется, что был».

И далее он говорит еще раз:

«Я не могу точно сказать, был ли М. Гесс членом суда чести, но я, во всяком случае, почти уверен и знаю наверное, что ему было известно все то, что я Вам рассказываю. Теперь Вы можете судить о морали этого человека».

Теперь мы знаем, что если Гесс в чем-нибудь провинился, так это только в критике «русского коммунизма» Бакунина.

Мы имеем сейчас новое доказательство того, какою слабою памятью отличался Бакунин.

Несмотря на это, предположим, что в деле с Либкнехтом он вполне точно излагал факты.

Правда, Бакунин говорит теперь, что Либкнехт обвинял его не публично, а в «полупубличном собрании своих друзей». Правда, он говорит, что Либкнехт отрицал этот факт. Но он утверждает, что, несмотря на это отрицание, суд чести, в котором было пять друзей Либкнехта, решил единогласно, что Либкнехт действовал легкомысленно, обвиняя Бакунина — на основании нескольких статей буржуазной газеты — в том, что он агент русского правительства. Как ни кажется невероятною эта история, примем, что она происходила именно таким образом.

«Это решение,— писал далее Бакунин,— было выдано мне в письменной форме. Я должен, однако, сказать, что противник мой был так благороден, что перед лицом судей заявил, что он был введен в заблуждение относительно меня. Он протянул мне руку, и я сжег решение, написанное и подписанное судом чести».

После этого примирения он дал Либкнехту копию своей речи на конгрессе Лиги свободы и мира, а также своих итальянских статей, и которых он будто бы писал против панславизма в 1867 году. Два дня спустя Либкнехт пришел к нему и сказал:

Я вижу, что имел о Вас совершенно ложное представление. Вы прудонист, ибо хотите уничтожить государство. Я буду бороть-

ся с Вами в своей газете, так как мои взгляды совершенно противоположны Вашим. Но я прошу Вас оставить мне Ваши статьи. Я их опубликую, это мой долг по отношению к вам» [1]).

И Бакунин прибавляет:— «я поверил этому обещанию и жду еще по сей день».

Теперь мы знаем, в чем состояла вина Либкнехта. Бакунин не требовал, чтобы его противник напечатал в своей газете решение суда.

Он не был так «глуп», как некоторые его друзья. Ведь он сам сжег это решение в присутствии суда чести,— его друзья еще теперь восхищаются этим «красивым жестом».— не сняв с него предварительно копии.

Последнее обстоятельство видно из того, что Неттлау до сих пор не нашел этой копии. При всех его усилиях ему удалось только установить, Кропоткин слышал об этом от Элизэ Реклю, а последний от самою Бакунина,— что Бакунин не просто сжег это решение, но зажег им папироску [2]). Это аутодафе вызывает в нас сожаление, ибо благодаря ему мы никогда не узнаем,— если только нам не поможет счастливый случай,— в чем, собственно, Либкнехт провинился и что, собственно, суд чести констатировал.

Одно только подозрительно: в 1873 году Гильом ни одним сло-

---

[1]) Гильом, который еще на конгрессе в ла-Шо-де-Фон (апрель 1870 года) имел неосторожность назвать имя Либкнехта,— он был тогда еще очень молодым и увлекающимся человеком,— цитирует эту речь в своих знаменитых воспоминаниях следующим образом: *«Я заблуждался сказал он, я не понимал, что Вы — прудонист. Я содействовал распространению против вас клеветнических обвинений, я должен дать вам удовлетворение».*— Мы не станем негодующе кричать, что это наглая фальсификация и т. п. Человеку свойственно ошибаться, но нехорошо, если, убедившись в своей ошибке, он все-таки упорствует в ней. Не забудем, что, по словам Неттлау, воспоминания Гильома представляют *«важнейший исторический вклад в историю Интернационала, это — образец спокойного, делового изложения»*!— Наоборот,— рассказывает нам тот же Неттлау,— известная брошюра о бакунинском «альянсе» «совершенно лжива в самом своем существе и кишит неправильностями и фальсификациями в частностях; ни одну цитату нельзя взять из нее без проверки».— А, ведь, Неттлау, несомненно, почтенный человек!

[2]) «Когда Бакунину было передано решение, он не думал опубликовывать его, а протянул Либкнехту руку и, сжигая документ, закурил от него папиросу Известно, как отплатил ему Либкнехт за это великодушие: оно только усилило его ненависть к Бакунину».— Какая черная душа!

вом не обвинил Либкнехта за то, что он не напечатал уже несуществовавшего решения, которое Бакунин великодушно уничтожил в знак полного примирения со своим благородным противником. Нетт-лау, который выдвигает немало обвинений против Либкнехта, также ничего не говорит об этом «нарушении слова» [1]). Впервые Гильом открыл его в 1904 году. Конечно, он опирался при этом на «какие-то» источники, известные только ему одному.

Даже «товарищ» Брупбахер, при всем своем уважении к Гильому, чувствует, что здесь что-то неладно, и замалчивает это первое нарушение слова, допущенное Либкнехтом. Только Бернштейн не заметил этого и осудил своего старого товарища по борьбе, и без того подвергавшегося тяжелым обвинениям, за то, что он не напечатал навсегда уничтоженного решения суда чести.

Прежде чем перейти к разбору других преступлений вероломного и трусливого «солдата революции», мы приглашаем читателя слегка ознакомиться с тем миром, где бесчестные клеветы против Бакунина принимались за чистую монету и опубликовывались в печати.

Если Либкнехт действовал с «преступным легкомыслием», «распространяя», как выражается Меринг, эти клеветы, то люди, печатавшие их, действовали, конечно, с еще более преступным вероломством.

Но кто же были все эти субъекты, лишенные всякой морали, кто были все эти бессовестные Яго, оклеветавшие Бакунина, эту невинную Дездемону?

Что это была за шантажная «буржуазная газета», столь бесчестная и подлая?

VIII

«Товарищ» Брупбахер, отличающийся таким хорошим тоном, «стыдится» назвать «буржуазную газету», которая положила начало «оклеветанию» Бакунина, хотя ему, наверное, неизвестно, что в числе этой банды преступников находился и его благожелательный критик — вернее сказать, тот, кто открыл его [2]),— Ф. Ме-

[1]) См. большое сочинение Неттлау, примечание № 1882.

[2]) До сих пор «товарищ» Брупбахер был известен немецким товарищам только как автор брошюры «Kindersegen und kein Ende». Теперь, с легкой руки Меринга, он — светило исторической науки, одна из лучших надежд не «окостеневшего» марксизма !

ринг. Как ни кажется невероятным этот факт, но он так же установлен, как и различные другие факты, удостоверенные «согласно всем действующим до сих пор законам исторической критики».

Яркую картину деятельности этой банды преступников, столь же бессовестной, как и ославленная «банда поджигателей», дает нам не кто иной, как Август Бебель. Это одно из немногих мест, где великий мастер классовой борьбы выступает в роли полного юмора и непритязательного рассказчика и рисует хорошую жанровую картину из богатого запаса своих личных воспоминаний.

«В Берлине тогда существовала довольно значительная группа, большею частью, состоятельных людей, которые видели свой идеал в Иоганне Якоби и симпатизировали нам. Они группировались вокруг доктора Гвидо Вейса, редактора большой демократической газеты «Будущее», основанной в 1867 году богатыми «якобитами»,— как мы тогда называли приверженцев Якоби,— но прекратившейся уже весной 1871 года, так как она требовала слишком больших финансовых жертв... К ним же принадлежал, тогда еще очень молодой, Франц Меринг, с которым меня познакомил Роберт Швейхель. Если Либкнехт и я оставались в Берлине на воскресенье, то мы со многими из названных,— среди которых часто бывал и Пауль Зингер,— встречались обязательно в ресторане, где беседовали за стаканом дешевого мозельского вина. Нередко наша беседа продолжалась еще в какой-нибудь пивной. Я лично не умел много пить, но Швейхель, Либкнехт, Гвидо Вейс, Меринг могли постоять за троих. И очень часто мы возвращались, все еще крепко держась на ногах, домой, когда солнце уже давно сияло на небе» [1]).

Насколько нам известно, Меринг, который весьма критически относится к Бебелю, как историку, никогда не высказывал сомнений насчет этого рассказа. Кроме того, он сам рассказывает нам кое-что обо всей этой компании и о «Zukunft».

«Якоби не имел за собою ничего, кроме кучки буржуазных идеологов, располагавшей собственным органом в виде вновь основанной «Zukunft» («Будущность») Гвидо Вейса,— самой *честной*

[1]) *A. Bebel,* «Aus meinem Leben», Teil II, pp. 241—242. Цитировано по русскому переводу: А. Бебель.— «Мемуары», перев. Д. Рязанова, ч. II. вып. 2, 1912 г., стр. 45—46.

и остроумной, но в то же время и наименее читавшейся газеты либеральной прессы» [1]).

Но, быть может, Якоби — тоже еврейский гигант — был так же вероломен, как его соплеменник Маркс?

«У Якоби, как у всякого цельного человека, все его сильные стороны и все его слабости вытекали из одного принципа,— пишет Меринг:— он представлял собою воплощенную этику Канта, которой следовал в жизни еще чище и строже, чем тому учил сам учитель. Якоби никогда не пытался доказывать всеми правдами и неправдами, что учитель может проповедывать с кафедры учение, в которое он не верит. Таков истинный смысл жизни Якоби, и этому смыслу никто... не откажет в своем признании и восхищении [2]).

Но, быть может, фактический редактор «Zukunft» Гвидо Вейс, этот, подобно Боркгейму, маленький немецкий еврей», был способен подло оклеветать старого революционера? ?

Правда, Меринг считает Вейса лучшим политиком, чем Якоби, но утверждает, что Вейс был человеком такого же нравственного закала, как «добродетельный и мудрый» прусский демократ.

«Вообще, все некрологи периодической печати правильно указывают, что Вейс не имел ни одного личного врага. Это высокая и заслуженная, хотя для борющегося политика отчасти сомнительная похвала» [3]).

Несколько труднее обстоит дело с «тогда еще очень молодым Францом Мерингом». Мы не знаем, как велико было его влияние в газете. Он сам рассказывает, что вступил в редакцию «молодым парнем» [4]). Если припомнить еще, что, по его собственным словам, «первое, что он прочитал о Лассале», была статья в «Wanderer», появившаяся летом 1869 года, то вряд ли можно предполагать, что этот молодой парень, 23 лет, пользовался большим влиянием в

---

[1]) *F. Mehring,* «Geschichte der deutschen Sozialdemocratie». Zweite Auflage III Band, p. 312. Цитировано по русскому изданию: *Ф. Меринг,* «История германской социал-демократии», перев. М. Ландау, том III, 1906 г., стр. 328.

[2]) *F. Mehring,* «Iohann Jacoby».—«Neue Zeit», XXIII, 2. p. 171. Насколько нам известно, Меринг с тех пор не изменил этого мнения.

[3]) *F. Mehring,* «Zwei Nachrufe», «Neue Zeit», XVII, I, p. 546. Нам неизвестно, чтобы Меринг изменял с тех пор свое мнение.

[4]) *F. Mehring,* «Iohann Jacoby und die wissenschaftlichen Sozialisten». «Archiv für die Geschichte des Sozialismus» usw. 1911. p. 454.

редакции газеты, которая больше всех других буржуазных газет посвящала места социализму и рабочему движению. Он мог быть только доволен, что ему суждено было заслужить свои литературные шпоры в школе такого превосходного журналиста и стилиста, как Гвидо Вейс, «последним учеником» которого его с полным правом называют.

Ввиду этого мы склонны предполагать, что «тогда еще очень молодой» Франц Меринг ничем не виноват во всей клеветнической кампании «Zukunft» против Бакунина. В революционную эпоху, когда волны рабочего движения уже высоко поднимались, когда Лассаль был известен даже любой благовоспитанной девице, хотя бы из романа Шпильгагена, Меринг был, по его собственным словам, еще так оторван от жизни и наивен, что первою статьею, прочитанною им о Лассале, была глупая статья в одной клерикальной газете. Даже беспощадный в своем мальтузианском ригоризме Брупбахер поймет, что такой зеленый юноша не в состоянии был протестовать, когда его коллеги по редакции клеветали на бедного Бакунина.

Но мы опасаемся, что Гильом и Неттлау, которые отличаются необычайным остроумием, когда приходится проверять показания Маркса и его учеников [1]), скажут, что это только «жалкая уловка» со стороны Меринга, что у него не хватает духу открыто сознаться в своем преступлении. Вместе пойманы — вместе и повешены!

Возвратимся, однако, к Якоби. Если припомнить, что он был старым другом Бакунина, что они имели целый ряд общих друзей, что еще в апреле 1868 года Бакунин писал Якоби [2]) такое же лестное письмо, как в декабре 1868 г. Марксу, то поведение редакции «Zukunft» и Якоби становится, действительно, непонятным.

Человек, которому Бакунин пишет, что он в течение двадцати лет «убежденно, твердо и непоколебимо стоит на своем посту», что человек, подобный Якоби, «стоит иной раз целой армии»,— этот самый человек принимает в свою газету статьи, где черным по белому написано: Бакунин — русский шпион. Чем объяснить такое

[1]) Гильом по сей день еще убежден, что ученики так же невежественны, как их учитель; Неттлау убежден в том, что все марксисты «ограничены», а «товарищ» Брупбахер — в том. что только анархисты имеют царя в голове.

2)«Briefe von A. Herzen und M. Bakunin an I. Jacobu».— «Archiv für die Geschichte des Sozialismus» usw. Leipzig. 1911. Эти письма сообщены известным биографом Швейцера — Густавом Майером.

неслыханное «моральное извращение» этого,— пользуясь словами «товарища» Брупбахера о Гильоме, которые гораздо больше подходят к Якоби,— «замечательно чистого человека, по ошибке попавшего в политику»?

Бакунин, который, по словам Неттлау, уже в 1864 году точно знал, что в 1869 году дело дойдет до борьбы между ним и Марксом, а по словам «товарища» Брупбахера, обладал «художническим или инстинктивным зрением» и «созерцал мир одновременно глазами, руками и мыслями»,— легко разрешил и эту психологическую загадку:

«*Обрати внимание, что все эти враги, все эти шавки, выступающие против нас евреи: Маркс, Гесс, Боркгейм, Либкнехт, Якоби, Вейс, Кон, Утин и многие другие — евреи. Все они принадлежат к этой предприимчивой, интриганской, эксплоататорской, насквозь буржуазной нации отчасти по традиции, отчасти по инстинкту*».

Это, поистине, сущее счастье, что «тогда еще очень молодой Франц Меринг» остался неизвестен Бакунину. В противном случае, он с таким же правом, как Либкнехт [1]), попал бы в группу «маленьких немецких евреев». А так как немало людей еще твердо верят, подобно Рингу, всему тому, что «показывает сам» Бакунин, то мне пришлось бы «реабилитировать» Меринга не только от участия в безбожной банде, но и от обвинения, что он «маленький немецкий еврец». Вместе пойманы — вместе и повешены! Поистине, порядочный человек может попасть в отвратительное положение, если он водится с людьми, которые, подобно «товарищу» Брупбахеру, не могут по сей день простить Утину его еврейское происхождение.

Когда же написал Бакунин это письмо, отличающееся «действительно поражающим стилем»? *1 апреля 1870 года.* Мы покорнейше просим Меринга запомнить эту дату.

Читатель уже знаком с юдофобством Бакунина. Он видит, что это — не минутное настроение, а твердое убеждение. Здесь не место психологически объяснять эту особенность великого русского интернационалиста, мало известную европейским читателям. До-

[1]) Я очень рад констатировать, что Неттлау не во всем верит Бакунину на слово. «Бедный Либкнехт»,— говорит он,— «попал в плохую категорию евреев не без своей собственной вины, но все же неправильно». Среди немцев или славян не существует, как известно, никаких «плохих категорий».

статочно сказать, что «по каким-то причинам» Бакунин встретил в этом пункте сочувствие у юрцев, что впоследствии он перещеголял самого себя и в 1873 году в длинном послании к юрцам разразился памфлетом против евреев, которым вызвал бы крокодиловы слезы восторга всех Дрюмонов, немецких антисемитов и русских черносотенцев [1]). А что Бакунин создал целую школу, доказывают лучше всего Гильом [2]) и антисемитское течение во французском синдикализме.

Но при всем нашем преклонении перед «художественным зрением» Бакунина мы вынуждены, тем не менее, искать другого объяснения для поведения берлинской банды преступников. Уже то обстоятельство, что к этой банде принадлежали арийцы, которые легко выдержали бы перекрестный допрос не только «товарища» Брупбахера, но даже киевского прокурора Виппера, выступавшего в деле Бейлиса,— каковы Швейхель. Либкнехт, Бебель, не говоря уже о «тогда еще очень молодим Франце Мерингe»,— заставляет нас отбросить гипотезу или, как сказал бы Меринг, «нелепые россказни» Бакунина.

Но, быть может, мы найдем объяснение в «нашептывателях»? Нельзя ли думать, что Маркс через свое послушное орудие, Либкнехта, навязал инспирированную им статью Боркгейма редакции «Zukunft»? Не случилось ли этого в такой час, когда даже эти люди, умевшие в пивной «постоять за троих», шли домой нетвердо, чертя по земле мыслете?

К сожалению, и эта гипотеза не выдерживает критики, что должно быть хорошо известно Мерингу, как редактору переписки Маркса-Энгельса. Так как нас подозревают в чрезмерном покло-

---

[1]) Наиболее яркое доказательство научной добросовестности Неттлау я получил тогда, когда прочел это послание в его большом труде, к сожалению, так мало доступном. «Я так подробно привел эти слова Бакунина о евреях, дабы они не были когда-нибудь открыты к использованы противниками» (стр. 374). Напрасно только Неттлау думает, что доказательство приходится искать в «тайной» бакунинской литературе. В *русских* сочинениях Бакунина их можно найти в изобилии.

[2])Так, в своих знаменитых мемуарах он пишет: «Эта хорошо образованная особа — была госпожа Дмитриева, приятельница Утина, русская и — прибавим, ибо это характерная деталь,— еврейка, подобно ему, Марксу, Боркгейму, Моисею Гессу, Гепнеру, редактору «Volksstaat», Франкелю, члену Парижской Коммуны». Конечно! Что за странных людей находим мы иногда среди интернационалистов!

нении Марксу, то мы предоставляем слово Бернштейну. В своем введении к четвертому тому переписки он говорит:

«Что касается Бакунина, то еще в ноябре 1868 года Маркс и Энгельс отклонили попытку С. Л. Боркгейма снова использовать против Бакунина статьи Энгельса в «Новой рейнской газете» по поводу Славянского манифеста Бакунина от 1848 года (письмо от (6 и 7 ноября 1868 года) [1]). Лишь после того, как сделалась известною попытка Бакунина ввести свой «социал-демократический альянс» в качестве организации в Интернационал, тон, в котором о нем говорят, изменяется к худшему... Что они для этой цели (т. е. для защиты жизненных интересов великого движения против разлагающего вмешательства) пустили в ход все свое влияние, может быть тем менее поставлено им в упрек, что они всегда старались вести борьбу на почве статутов Интернационала. Это доказывается с неопровержимою убедительностью этими письмами. Борьба по существу носила вполне принципиальный характер, она сделалась озлобленной лишь благодаря привнесению других моментов, как местное и национальное соперничество, личные сплетни и тому подобное. И, как ни резко высказывались с тех пор Маркс и Энгельс о Бакунине.— они, правда, упрекали его в панславистских тенденциях, которые могли встречаться даже у решительного противника царизма,— но они никогда не позволяли себе заподозревать его политическую независимость. Это необходимо подчеркнуть, ибо бакунисты возлагают на Маркса и Энгельса ответственность за обвинения, распространявшиеся тогда С. Л. Боркгеймом и — вероятно, на основании его писем — Либкнехтом.

«Для неразрешенного еще спора об отношении Маркса и Энгельса к Бакунину и наоборот настоящая переписка заключает материал, который не только освещает дело, но и вносит примиряющую струю. Почти все, кто писал до сих пор об этом, должны будут исправить свои взгляды».

Итак, благодаря переписке, Бернштейн пересмотрел свои прежние взгляды «влево». Зато Меринг, под гипнотизирующим впечатлением «усердного и тщательного труда» «товарища» Брупбахера, готов пойти вправо или даже назад. Бернштейн правильно пере-

[1]) Несмотря на то, что Бакунин не счел нужным поблагодарить Маркса за авторский экземпляр «Капитала». И случалось это за месяц до получения письма Бакунина, в котором он, после почти четырехлетнего молчания, неожиданно объявил себя учеником и верным другом Маркса.

дает впечатление от переписки Маркса-Энгельса, но и на этот раз он ошибается в двух существенных пунктах.

Во-первых, неверно, что в 1864—1869 годах Маркс и Энгельс ставили Бакунину в упрек его «панславистские тенденции». Наоборот, весь спор между Марксом и храбрым, но упрямым каноником баденского восстания, действительным вождем прославленной «шайки поджигателей», маленьким немецким евреем» С. Л. Боркгеймом — весь этот спор, так ярко выступающий в переписке, объясняется именно тем, что Маркс питал слишком много доверия к Бакунину и слишком мало доверия к Боркгейму.

Мы видели, как «легковерный» Маркс был восхищен Бакуниным. Ведь последний был «одним из немногих людей», кого Маркс «по прошествии шестнадцати лет нашел ушедшим не назад, а вперед». Конечно, легковерие Маркса подвергалось тяжелому испытанию. Но ему трудно было понять, как можно так быстро и так часто менять свои взгляды, точно перчатки [1]). Ведь *в политическом* отношении Бакунин порвал Герценом с 1863 года, а Маркс нисколько не сомневался и том, что Герцен — «панславист». Для этого ему не нужно было изучать русский язык. Что касается Бакунина, то, кроме его старых вещей, Маркс знал о нем только с его собственных слов, литературная же деятельность Бакунина в годы 1862—1863 осталась ему тогда совершенно неизвестною. Что Бакунин не был другом русского правительства, Маркс мог видеть из итальянской газеты «Liberia e Giustizia». где была помещена статья против Мадзини, автором которой Маркс считал Бакунина [2])

Дело происходило в сентябре 1867 года. К этому времени относится первая встреча между «маленьким немецким евреем», и великим русским. Боркгейм, подобно Бакунину, был делегатом на конгрессе Лиги свободы и мира в Женеве и держал громовую речь против России, этого столпа европейской реакции.

[1]) «Товарищ» Брупбахер, который может в этом отношении смело выдержать конкуренцию с Фреголи, говорит, что Маркс относился к своим идеям, как к своим живым детям: *«если кто-нибудь нападал на них, он начинал нервничать, как любящая своих котят кошка, если кто-нибудь обижает их»*. Брупбахеру, конечно, симпатичнее лукавая кукушка, которая с легким сердцем кладет свои яйца в чужие гнезда.

[2]) Этим отчасти объясняется также, почему Маркс, несмотря на непонятное молчание Бакунина, послал ему «Капитал» и старался узнать его адрес. Интересы «дела» всегда стояли для него выше мелких личных соображений.

Мы не намерены останавливаться на этой речи. Из писем Маркса к Кугельмапу известно, что Маркс был не очень доволен выступлением Боркгейма [1]). По возвращении Боркгейма в Лондон между ними разгорелся горячий спор, ясные следы которого мы находим в переписке Маркса-Энгельса. Как ни покажется странным всем друзьям Бакунина наше утверждение, но в действительности Маркс, в своем пристрастии к Бакунину, заходил так далеко, что не хотел верить Боркгейму даже тогда, когда тот был безусловно прав и основывался на более близком знакомстве с обстоятельствами дела.

Боркгейм имел тогда большое преимущество перед обоими друзьями. Хотя Энгельс в начале пятидесятых годов приступил к изучению русского языка,— очевидно, с «вероломным» намерением использовать знание его против Бакунина во время ближайшей возможности революции,— но впоследствии он забросил эти занятия. Напротив, Боркгейм во время крымской войны, когда, он поставлял различные предметы для английской армии, имел возможность еще более углубить свое знание русского языка, которым он, быть может, обязан был своему другу из «банды поджигателей» [1 2]). Впоследствии он взялся за изучение русского языка со всею страстью, которая была ему свойственна и трогательную картину которой Маркс дает нам в своих письмах к Энгельсу.

Но он имел перед обоими друзьями и другое преимущество. В Женеве он встретился с «настоящим русским», от которого он узнал, что в России существуют также «республиканцы и социалисты», которые не только не имеют ничего общего с Герценом, но являются даже его противниками. От него услышал он впервые имена *Чернышевского, Добролюбова* и одного из их учеников — *Серно-Соловьевича.* После этого он нашел брошюру последнего против Герцена и немедленно же решил перевести ее на немецкий язык. Эту брошюру он еще в рукописи прочитал Марксу. Несмотря на все это, его друг не хотел понять, почему нападки против славянофильства Герцена направлены также и против Бакунина.

---

[1]) «Neue Zeit» XX, 2. pp. 93 — 96. Каутский правильно замечает: «Формально эта речь в некоторых своих оборотах обнаруживает претензию на остроумие и смелость, но не заслуживает строгого приговора, произнесенного Марксом».

[2]) То был немец Эдуард Розенблюм, уроженец Одессы, один из повстанцев. Весьма подозрителен, понеже был, кажется, немецким евреем!

Не помогло и то, что Боркгейм сообщил Марксу письмо Серно, в котором тот передавал слова Бакунина, что Серно за свою брошюру должен быть избит палками.

Ничего не помогло Боркгейму. В 1868 году он напечатал в редактировавшемся Либкнехтом «Демократическом еженедельнике». («Demokratisches Wochenblatt») некоторые статьи против Герцена [1]). Но они произвели так мало впечатления на Маркса, Энгельса и Беккера, что все трое продолжали интриговать против Боркгейма и «подкапываться» под него. Чем больше упорствовал Боркгейм. чем больше разоблачал он панславизм Бакунина, тем меньше веры находил он у Маркса и Энгельса. Возможно, что это было недоверием «литераторов» к «практику», которого они считали неспособным правильно понять и оценить русские произведения Бакунина. Так же мало доверия питали они к Серно, совершенно неизвестному им русскому, хотя в своих письмах к Боркгейму он решительно выступал *против* Бакунина. Более того, Маркс и Энгельс не только категорически воспротивились использованию Боркгеймом их старых статей против Бакунина,— так твердо были они убеждены в том, что Бакунин теперь уже не панславист и не имеет с Герценом ничего общего,— но делали все возможное для того, чтобы помешать появлению статей против Бакунина. Этим объясняется *отсутствие продолжения* статей Боркгейма в «Демократическом еженедельнике», этим же объясняется и отказ Беккера напечатать статьи Боркгейма в «Предвестнике» («Vorboten») [2]). Но справиться с упрямым канониром было не легко. Если для него закрывали «Демократический еженедельник» и «Предвестник», то он находил дорогу в «Будущность» («Zukunft»), Что он имел там хорошие связи помимо Либкнехта, известно Мерингу лучше, чем мне.

Но прежде, чем перейти к этим статьям, мы должны сказать, что в основном вопросе оказался правым «практик», а не «литероторы» Маркс и Энгельс. О нашептываниях здесь не может быть и речи. Источником Боркгейму служили писания Бакунина 1862—1863 годов и сообщения Серно.

[1]) «Russische politische Flüchtlinge in Westeuropa» S. B. «Demokratisches Wochenblatt», №№ 5, 6, 17, 20. Февраль, апрель, май 1868 г.

[2]) В бумагах Беккера я нашел статью Энгельса против Бакунина, переписанную Боркгеймом с его же вступлением. Как негодовал последний на поведение Беккера, видно из письма Маркса от 24 октября 1868 года.

Я отлично знаю, что раз навсегда подрываю добрую репутацию Серно у всех друзей Бакунина. Достаточно почитать все похвальные отзывы о нем у Гильома и Неттлау. Нам очень приятно, что в этом пункте мы сходимся с упомянутыми историками.

Серно был, действительно, одним из наиболее талантливых и деятельных представителей молодой русской эмиграции, и даже «товарищ» Брупбахер не открыл бы в нем ни одной капли еврейской крови. Несмотря на это, он выступал против Бакунина. Почему? Разумеется, по «каким-то причинам».

В своем пристрастии к Бакунину Маркс и Энгельс были очень несправедливы к молодому Серно. Лишь впоследствии они узнали, что прошли почти безучастно мимо одного из лучших представителей русской революционной интеллигенции и что этот, по ироническому выражению Маркса, открытый Боркгеймом русский вполне заслуживал их доверия [1]).

Но Боркгейм был прав и в другом пункте. Бакунин был, если угодно, революционным панславистом не только в 1848—1849 годах, но и в 1862—1863 годах. Если бы Маркс имел хотя бы слабое представление о том, что Бакунин писал в эти годы, он питал бы к нему менее доверия и никогда не возлагал бы на него таких надежд. Он избежал бы также последующего разочарования с его естественною реакцией.

Но мы должны предостеречь против того, чтобы видеть в Серно виновника всех несчастий, начиная с 1868 года. Наоборот. Именно то обстоятельство, что информатором Боркгейма был Серно, должно вызвать сомнение в том, чтобы Боркгейм обвинял когда-нибудь Бакунина в шпионстве. Против этого говорят также поведение Маркса и Энгельса. К сожалению, Бернштейн все еще ищет виновника поблизости от Маркса, и, убедившись, что Маркс и Энгельс свободны от всяких подозрений, он сваливает всю вину на Боркгейма и Либкнехта:

«Это необходимо подчеркнуть, продолжает он в своем введении,— ибо бакунисты возлагают на Маркса и Энгельса ответственность за обвинения, распространявшиеся тогда С. Л. Боркгеймом и — вероятно, на основании его писем — Либкнехтом».

Одно только обстоятельство может говорить в пользу этой гипотезы. Как видно из переписки Маркса-Энгельса, Боркгейм,

[1]) Серно покончил самоубийством осенью 1869 года.

в отличие от обоих друзей, не был такого высокого мнения о Бакунине как революционере. Но и это он узнал от Серно, который, подобно своему великому учителю Чернышевскому, никогда не мог помириться с методами политической деятельности и поведением Бакунина в Сибири. Впоследствии оба друга узнали, что они были неправы, и это опять-таки повело у обоих к слишком сильной реакции.

Но одно дело — доказывать, что Бакунин не был образцом революционной добродетели и совсем другое дело — низкая клевета, что он был агентом русского правительства. Если бы Бернштейн и Меринг внимательно прочитали переписку Маркса-Энгельса, они должны были бы спросить себя: как это могло случиться, что Маркс и Энгельс при всем своем влиянии на Либкнехта не могли убедить его в том, что. как теперь неопровержимо доказано, было их *глубочайшим* убеждением, в таком вопросе, который и не имел отношения *к германским* делам, а затрагивал честь старого революционера? А Меринг мог бы поставить себе еще один вопрос: мыслимо ли, чтобы старые друзья Бакунина Иоганн Якоби и Гвидо Вейс приняли в свою газету такое бесчестное обвинение?

Если поставить вопрос таким образом — а все действующие до сих пор законы исторической критики требуют, чтобы мы проверяли всякий факт со *всех* сторон — и если дать на него гипотетический ответ: нет, это невероятно,— ведь речь идет о таких людях, как Маркс, Энгельс, Либкнехт, Якоби, Гвидо Вейс, не говоря уже о Меринге, тогда останется одна только гипотеза.

Не является ли вся эта история вымышленною, хотя бы без всякою злого умысла? Не есть ли она продукт болезненной фантазии, который никогда не подвергался серьезной проверке и, как бы передаваясь от одною больного к другому, захватив, наконец, и совершенно здоровых людей? Не есть ли это массовый психоз, заразивший, однако, не суеверных средневековых крестьян и мелких буржуа, а образованных людей, отлично знакомых со всеми до сих пор действующими законами исторической критики ?

Ведь вопрос разрешается очень просто. Достаточно для этого пойти в берлинскую королевскую библиотеку или в библиотеку партийного архива (германской социал-демократической партии),

где любезный библиотекарь немедленно предоставит в ваше распоряжение экземпляр «Zukunft».

Мы берем толстый том in folio за 1869 год, ищем, как Нетт-лау, при помощи Бакунина, все бесчестные статьи «маленького немецкого еврея», находим их, наконец, и, как ни тяжело теперь перечитывать эти сильно устаревшие статьи в стиле барокко, так хорошо охарактеризованном у Маркса,— мы читаем их строчку за строчкою.

В первом же письме мы находим ссылку на статью Энгельса. Итак, Марксу, Энгельсу и Беккеру не удалось переубедить упрямого канонира, который был твердо уверен в том, что Бакунин панславист. Мы читаем дальше, наталкиваемся на восьмой абзац и тут-то видим страшное слово, правда, не *агент* (Spitzet), а *шпион* (Spion).

Это ужасно. Последняя надежда потеряна. Но, овладев собою, мы с замирающим сердцем прочитываем весь абзац, слово за словом:

«Как видим, сам Бакунин выставлял себя защитником панславизма. Лишь непонимание славянских дел и ненависть ко всякому движению могли и могли бы считать его русским «шпионом», состоящим на жалованьи у петербургскою правительства».

Одно слово меняет весь смысл. Мы протираем себе глаза: итак, все было ложью и вымыслом.

Но продолжим чтение дальше. Быть может, Боркгейм «оплевывает» поведение Бакунина во время дрезденского восстания и трактует его так, как Борн.

«Если даже предположить, что на суде строители саксонских баррикад выдвигали русского на передний план, дабы прикрыться за его спиною, то все-таки нельзя сомневаться ни в физическом, ни в моральном мужестве Бакунина».

Теперь Меринг поймет, почему Маркс «не опровергал», когда близкие ему политики, как Боркгейм и Либкнехт, «распространяли» обвинение, что Бакунин — подкупленный агент русского правительства. Маркс поступал так не «по каким-то причинам», а по очень простой причине: *потому, что он действительно*

читал статьи Боркгейма [1]). И это отличает Маркса не только от Меринга, но и от Неттлау, как мы сейчас увидим.

Во всех трех упоминаемых Бакуниным статьях имеется только критика — подчас очень резкая — панславизма и иллюзий, приписывающих русской земельной общине чудодейственную силу. Аргументы Боркгейма не всегда удачны, но в споре с Марксом он вполне прав, считая Бакунина на основании всех его писаний, *в том числе вышедших после его возвращения из Сибири,* панславистом; отрицать это может только тот, кто не имеет ни малейшего представления об этом вопросе и готов усматривать в такой квалификации наглую клевету».

Я только что сказал: во всех трех упоминаемых Бакуниным статьях. Теперь читатель не удивится, что сам Бакунина мог вычитать из этих статей то, чего в них не было. Но странно, что это же мог вычитать Неттлау. Если не предполагать, что он не знает немецкого языка или знает его не лучше русского, то остается только одно объяснение: он настолько верит словам Бакунина, что счел излишним читать эти статьи.

Более того, он никогда не видал их. Как он сам говорит в примечании № 1869 своего монументального труда, ему знакомы «лишь выдержки из них в лассальянском «Социал-демократе» от 4 августа 1869 года, который в приличной форме отвергает эти низкие обвинения» [2]).

К счастью для Неттлау, Бакунин правильно указывает номера «Zukunft». Из «Социал-демократа» же Неттлау известно, что статьи появились летом. Вот и все, что дало возможность этому, несомненно, «лучшему немецкому знатоку Бакунина» сообщить нам об этих статьях и что дало ему право написать о Боркгейме следующее:

[1]) В бумагах Маркса и Энгельса я нашел первую статью Боркгейма в виде отдельного оттиска, вторую и третью статьи — в виде вырезок. Они снабжены поправками Боркгейма. Кроме того, одно зачеркнутое место доказывает, что редакция очень внимательно прочитывала статьи. Но выпущенные слова не имеют никакого отношения к Бакунину. Я намерен опубликовать вскоре статьи Боркгейма, с его исправлениями, дабы дать любому читателю возможность контролировать меня. Но для этого требуется время.

[2]) К сведению Меринга: он может убедиться, что взаимные симпатии друг к другу швейцарианцев и бакунистов проявляются еще до базельского конгресса. Ничего не может быть интереснее этого союза между крайними прусскими централистами и аморфными автономистами. Мы еще вернемся к этому явлению, бросающему свет на судьбы Интернационала в Германии.

«Бесчестные обвинения против Бакунина исходили от некоего С. Л. Боркгейма, который, благодаря своей интимной близости к кругам, группировавшимся вокруг Маркса, не может быть предан вполне заслуженному им забвению... Свою деятельность он продолжал в берлинской «Zukunft», органе прусской демократии, основанном И. Якоби, №№ 167, 187, 189 за. 1869 год [1]).

Можно только удивляться этому «образцу спокойного и делового изложения» и «преступному легкомыслию», с каким столь суровый приговор произносится на основании непрочитанных статей.

Мы, как любезно называет нас Неттлау, «ограниченные марксисты», отличаемся большим недоверием даже по отношению к нашим учителям, которые, по словам «самого» Гпльома, столь же невежественны, как мы. Правда, мы нашли в их бумагах все три статьи: правда, на третьей статье (№ 189) написано: *«конец»,* но нам кажется, что и третья статья обрывается неожиданно. И нам приходит в голову мысль: не существует ли еще одной статьи, не напечатал ли все-таки Боркгейм своих «бесчестных обвинений» где-нибудь после Базельского конгресса [2])? В «Демократическом еженедельнике» мы не находим никаких следов этого. В настоящее время мы знаем, что Маркс делал все возможное для того, чтобы помешать появлению этих статей в газете Либкнехта [3]). В «Vorboten» также не находим ни малейшего следа. Таким образом, нам не остается ничего другого, как продолжать наши поиски в «Zukunft».

Мы долго ничего не находим. Последняя или третья статья появилась 15 августа 1869 года. Мы перелистываем дальше. В сентябре ничего не находим, также — в октябре. Лишь в № 256. от 2 ноября 1869 года, мы «открыли» еще одну статью о Бакунине. На этот раз мы приступили к чтению ее более спокойно. Мы

[1]) M. Nettlau, цит. соч., S. 360.

[2]) «После базельского конгресса Маркс был очень сердит на Бакунина. И, быть может, это не случайность, что из-под пера друзей Маркса появились самые клеветнические статьи против Бакунина». Так говорит «товарищ» Брупбахер (на стр. 71), «точность» которого произвела на Меринга такое огромное впечатление.

[3]) Неттлау никогда не видал и «Демократического Еженедельника». Но это не мешает ему утверждать, что в этом органе имеются в 1869 году «позорные статьи» опороченного Боркгейма, где автор «оффициозным образом» клевещет на Бакунина. Это тоже нечто в роде пророческого зрения.

знали, что вряд ли найдем что-либо худшее, чем те три статьи, за легкомысленное распространение которых Либкнехт подвергся на Базельском конгрессе такому тяжелому наказанию.

Но мы можем заверить Неттлау который будет нам, наверное, благодарен за наше открытие, что и в этой статье нет ни одного слова о Бакунине как о шпионе. Правда, теперь, после Базельского конгресса, тон статьи более резок — Боркгейм никогда не был таким «образцом спокойного и делового изложения», как Неттлау и Гильом, правда, помимо панславизма Бакунина, в статье «оплевываются» также его неожиданное превращение из ученика Прудона в «коллективиста», равно как его трансформация из друга Герцена в его врага и обратно: но и в этой статье наш фанатический враг России нигде не позволяет себе заподозревать политическую честность Бакунина. Конечно, еще одна черта отличает эту статью от прежних статей. Боркгейм пишет теперь более уверенно и, как бы желая подчеркнуть свою победу над обоими «литераторами» — Марксом и Энгельсом, так долго верившими, что Бакунин, действительно, «один из немногих людей, которые за шестнадцать лет ушли не назад, а вперед», он читает лекцию Генеральному совету или, если угодно, Марксу:

«Как только «Интернациональная ассоциация труда» займется прямыми, чисто-политическими интернациональными отношениями и официально признает это одной из своих важнейших работ,— *что она должна сделать, если захочет продолжать жить,*— цели панславистской пропаганды, дружественно расположенной к рабочим, яснее выступят наружу. Наблюдать за нею есть прежде всего, из соображений самой простой стратегии, долг немцев».

Как видим, «маленький немецкий еврей», несмотря на свои антирусские чудачества и несмотря на то, что он никогда не был «марксистом», не был так глуп, как хотят изобразить его, на основании никогда ни прочитанных ими статей, Бакунин и его друзья.

Боркгейм не только не «оплевывал» всех русских революционеров, но ему мы обязаны признательностью за то, что он обратил внимание Маркса на «великого русского ученого и критика» Чернышевского; он же побудил Маркса заняться зимою 1869 года изучением русского языка, дабы составить себе самостоятельное суждение о Бакунине и о его русских противниках.

Теперь нам остается сделать некоторые выводы. Прежде всего, мы можем сиять обвинение с тогдашних друзей Бакунина. Теперь мы понимаем, почему никто из них, и прежде всего Герцен, не заявил протеста против «бесчестных обвинений», на которые жаловался Бакунин. Как бы резко ни относиться к критике Борк-гейма, направленной против бакунистского панславизма, но ничего другого не оставалось, как написать возражение на нее, а это, конечно, должен был сделать сам Бакунин. Почему же он предпочел и в этом случае выдвинуть вперед Герцена? Лучший ответ на это дает опубликованное Густавом Майером письмо Бакунина к Якоби, в котором он «отныне» рекомендует себя противником панславизма [1]).

И если Герцен отказался протестовать против статей Борк-гейма, то он сделает это не только потому, что видел и них,— теперь мы знаем, было ли это правильно,— «старые махинации Маркса», но также потому, что, как опытный журналист, не столь болезненно чувствительный ко всякой критике, как Бакунин, он не хотел оскандалиться перед Якоби.

Во-вторых, мы очень рады констатировать, что вся берлинская банда преступников так же невинна, как открытая Фогтом «банда поджигателей». И больше всего рады мы тому, что нам удалось вполне «реабилитировать» «тогда еще очень молодого Франца Меринга» от подозрения в том, что он был укрывателем и соучастником, хотя бы несколько наивным, этой «бесчестной клеветнической кампании» против Бакунина. Ведь он последний могикан этой старой демократической гвардии [2])!

---

[1]) Очень жаль, что такой серьезный исследователь, как Густав Майер, тоже без критики считает установленными фактами все то, что сообщил ему Неттлау. Теперь он увидит, что все указания «лучшего немецкого знатока Бакунина», поскольку они опираются на показания Бакунина, совершенно беспочвенны. Он увидит также, что его гипотеза, будто Якоби не читал этих статей до их напечатания, совершенно излишня.

[2]) Откровенно говоря, мне с трудом верится, что Меринг действительно так поздно познакомился с Лассалем, как он «сам показывает». Я предполагаю здесь lapsus memoriae, который может случиться не только с Бебелем. Я готов даже сделать следующее предположение: статья в «Wanderer», появившаяся летом 1869 года, произвела на Меринга такое сильное впечатление не потому, что в ней он впервые прочитал о Лассале, а потому, что первою статьею, написанною им, тогда еще «молодым парнем», в «Zukunft», был отчет об этой статье в «Wanderer». Перечитайте ее, тов. Меринг. Вы найдете ее в номере 145, от 25 июня 1869 года.

В-третьих, мы можем теперь смело сказать, что вся история с мнимым судом чести в Базеле происходила, вероятно, совсем иначе, чем изображает ее Бакунин.

Что Вертгейм был вздорным сплетником, видно уже из письма его к Беккеру. Статьи Боркгейма обратили на себя внимание и служили предметом разговоров в партийных кругах. Когда-нибудь удастся, быть может, установить, где именно происходило это «полупубличное собрание друзей», на котором Либкнехт якобы назвал Бакунина шпионом,— в Берлине или в Вене. Первая статья Боркгейма появилась 21 июля, а вторая — 23 июля 1869 года, а Либкнехт был тогда в Вене, где он выступал на собрании: поэтому очень вероятно, что свое преступление он совершил в Вене, и Вертгейм. приехавшим немедленно после этого в Женеву, рассказал там всю эту историю.

Но Бакунин хотел, во что бы то ни стало, примерно наказать Либкнехта. Суд чести приступил к разбору дела. Нетрудно представить себе, что, вероятно, сказал Либкнехт членам суда чести, в числе которых было пять его друзей, не считая Беккера, который тоже присутствовал. Он мог сказать приблизительно следующее:

«Вертгейм неисправимый идиот и дурак, который неспособен даже придать сплетне видимость правдоподобия. Никогда я и мой друг Боркгейм не называли Бакунина шпионом. Но я был того мнения, что Бакунин панславист. Если это не так, для него остается всегда открытым путь литературной борьбы. Верно также и то, что я считаю основание «альянса» вредным для Интернационала».

Пусть читатель прочтет в письме Бакунина его собственные слова о речи Либкнехта на суде чести [1]), и он убедится, что я сделал лишь ничтожные изменения. Нельзя же быть, подобно Бакунину и Гильому, столь наивными, чтобы думать, что Либкнехт, желая спасти себя, в присутствии Беккера приписывал Боркгейму то, чего не было в его статьях.

Этим объясняется также и то, почему Бакунин так легко помирился с Либкнехтом. Только глупые друзья могут думать, что Бакунин требовал, чтобы суд чести удостоверил, что он не шпион русского правительства. В результате всех переговоров дело было,

[1]) *M. Bakunin.* «Oeuvres». Tome V, p. 274.

вероятно, ликвидировано в виде резолюции, и Бакунин был настолько умен,— в данном случае, где ему нечего было прощать, говорить о благородстве не приходится,— что сжег ее. Тот факт, что Бакунин зажег папиросу о решение суда,— факт, установленный Неттлау после нескольких лет старательных изысканий,— имеет, конечно, большое значение для этого биографа, еще более добросовестного, чем известный биограф Гете — Дюнцер. Мы, с своей стороны, охотно готовы признать, что этот факт установлен по всем действующим до сих пор законам исторической критики. Аминь!

Но по какому случаю такой шум из-за одной папиросы?

Как и Маркс, Шекспир тоже имел своих предшественников, которые подготовили его появление. В их числе был Мессинджер. Последний создал образ сэра Overrlach (Попадай-мимо), который, чтобы доказать свое утверждение, вытаскивает из кармана важный документ. Этот «документ» оказывается, однако, куском пергамента без текста и печати.

«Что за чудо!— восклицает он с негодованием,— я безмерно удивлен. Какой вероломный дух стер письмена!»

Пусть после этого говорят, что не следует верить в чудеса!

IX

Рассмотрим теперь поведение Либкнехта после Базельского конгресса. В том же письме в редакцию «Réveil», из которого Гильом и Неттлау взяли фантастический рассказ о так называмом суде чести, Бакунин пишет 1 октября 1869 года, что Либкнехт обещал опубликовать его статьи.

Как же поступил Либкнехт? «Я не имел возможности поискать в «Volksstaat,— рассказывает нам Неттлау,— но ответ дает «Мемуар» (т. е. Гильом.—Д. Р.). Что же сделал Либкнехт? Он не напечатал статей Бакунина, а вместо них напечатал корреспонденции из Парижа М. Гесса, где повторяются те же обвинения, которые базельский суд чести признал бесчестными и клеветническими».

Итак, Неттлау никогда не видал в глаза «Zukunft», и до 1898 года он не имел еще в своих руках «Volksstaat», но... если это была неправда, мог ли бы Гильом так категорически утверждать!

Но факт тот, что вся эта история не имеет никаких оснований.

Мы знаем уже, что «Réveil» нельзя найти ни одного «бесчестного» слова о Бакунине. Также не найдем мы ни малейшего следа «подобных же клевет» в корреспонденциях Гесса в «Volks-Staat». Это не удалось даже Неттлау. Более того. Так как первый номер «Volksstaal» вышел лишь 2 октября 1869 года, то не исключена была возможность, что Либкнехт еще в своем прежнем органе, «Демократическом еженедельнике» напечатал статью Гесса, содержавшую «подобные же клеветы». Но и там мы не нашли ничего подобного, а то, что мы нашли, доказывает лишь, что Либкнехт поступил по отношению к Бакунину действительно благородно. Первая корреспонденция была напечатана в «Демократическом еженедельнике» 25 сентября 1869 года, в ней нет ничего, интересующего нас теперь. Лишь во второй корреспонденции, появившейся в *последнем* номере, Гесс делает попытку рассказать «подобную же историю» Базельского конгресса. При этом он ссылается на Эккариуса, который был впоследствии большим другом Гильома и состоял также членом суда чести. Между прочим, он сообщает, что на конгрессе, среди большинства, голосовавшего за известную резолюцию, было также незначительное меньшинство — бакунистское, которое можно назвать коммунистическим в грубом смысле слова».

Но на этом «клевета» и кончается. Все то, что Гесс рассказывал в своей статье в «Réveil» зачеркнуто здесь редакционным карандашом Либкнехта. Пробел заполнен следующими словами редакции в круглых скобках:

«Наш корреспондент дает здесь некоторые детали, которые мы не печатаем из партийных соображений».

Но нам не нужен лучший свидетель, чем сам Бакунин. В цитированном нами уже письме от 1 апреля 1870 года мы читаем:

«Господин Либкнехт продолжает самым вероломным образом выступать против меня и вообще против всех русских революционеров. *Правда, он напечатал мое воззвание к русской молодежи и письмо Нечаева,* но одновременно опубликовывает против меня статью, столь же нелепую, как и бесчестную. Статью, написанную неким субъектом, по имени Боркгейм, маленьким евреем, орудием Маркса... Я начал ряд писем в ответ всем этим еврейским и немецким шавкам. Скоро я думаю их закончить; первое

письмо уже готово и переводится на немецкий язык. Оно будет послано в «Volksstaat», орган социал-демократии германских рабочих, издаваемый Либкнехтом».

Читатель, быть может, удивится, что Бакунин, констатировав все вероломство Либкнехта по отношению к русским революционерам, все же считал возможным обратиться к редакции «Volksslaat».

И, однако, это невозможное стало фактом. Мы берем «Volks-Staat» и находим там — представьте себе — статью, в виде больших писем, *Михаила Бакунина:* «Briefe über die revolutionäre Bewegung in Russland. An die Redaktion des «Volksstaat». Датирована: «Женева, 8 апреля 1870 года» [1]).

И о чем же пишет «простодушный» Бакунин «вероломному» Либкнехту? Он жалуется. Наверное, на вновь причиненную ему тяжелую обиду и на оплевывание русского революционного движения?

Нет. Не желчью — медом дышат слова Бакунина:

«Гражданин редактор! *Прежде всего примите мою благодарность за напечатание воззвания к русской молодежи и письма моего соотечественника Нечаева, а еще более за вашу сочувственную оценку происходящею ныне в России революционною движения. Это признание со стороны Германии представляется нам новым событием».*

Это то самое письмо, которое Энгельс в письме к Марксу от 29 апреля 1870 года находит «действительно очень наивным», причем Энгельс не порицает самого *факта* опубликования этого письма.

Почитаем теперь статью Боркгейма. Она называется «Der Brief Netschajeffs» и направлена против Нечаева. О Бакунине мы находим только следующие строки:

«Герцен мертв [2]); в Германии с Бакуниным покончили в берлинской «Zukunft»; и тем самым его влияние во Франции и Англии сведено к нулю. Его интриги в Италии и Испании не имеют значения».

И что же пишет Боркгейм дальше? Он ставит Нечаеву не сколько вопросов, обращаясь к нему с покорнейшею просьбою вы-

[1]) «Der Volksstaat», 1870, № 31, от 16 апреля, и № 32, от 20 апреля.

[2]) Он умер незадолго до этого, 21 января 1870 г.

яснить некоторые нелепые пункты в его письме, и кончает следующим протестом, который мы цитируем дословно, так как здесь упоминается и Бакунин.

«Мы протестуем, наконец, против обозначения господином Нечаевым русского правительства как татаро-немецкого [1]). Это обозначение имеет целью ввести в обман, и мы повторяем господину Нечаеву то, что мы уже сказали господину Бакунину в «Zukunft» от 13 августа 1869 года: «Привычка ставить русскую каторжную жизнь в вину немцам не только подогревает взаимную «расовую любовь» славян, но и щекочет их самолюбие по отношению к западным нациям. Петербургское правительство не татарское, не немецкое и не татаро-немецкое,— оно *русское».*

Мы повторяем, что маленький немецкий еврей далеко не был так «глуп», как «показывает сам» Бакунин.

По почему был так возмущен Бакунин, почему Неттлау, читавший, повидимому. эту статью Боркгейма, тоже говорит, что она содержит низкую клевету против Бакунина?

Причина этого очень проста. Ее, быть может, знал и лукавый Боркгейм. *В марте* 1870 года Бакунин и Нечаев составляли если не одно тело, то, во всяком случае, одну душу. Так называмое «письмо Нечаева» было на самом деле письмом *Бакунина,* и всякий выпад против Нечаева означал нападение иа Бакунина.

Кто был Нечаев, мы сейчас увидим. Но что Либкнехт, даже спустя шесть месяцев после «лекции», отнюдь не давал Боркгейму полной «свободы действий», видно уже из того, что он предоставлял страницы «Volksstaat» к услугам всех противников Боркгейма и друзей Бакунина и Нечаева.

Приведем только несколько выдержек из ответа Нечаева, который является вместе с тем и ответом Бакунина:

---

[1]) В том, что статьи Боркгейма были написаны не только против Бакунина, как представителя России, но и против Маркса, как представителя Англии, легко может убедиться всякий, кто прочтет исследования Маркса в области русской истории. Эти исследования были подвергнуты мною критике еще в 1908 году. Ср. «Karl Marx über der Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa», глава 5: «Das Tatarenjoch und der Absolutismus in Russland», Ergänsungshefte zur «Neuen Zeit» № 5. (Напечатано во втором томе этих «Очерков»). Что Маркс еще в шестидесятых годах сильно переоценивал татарское влияние, видно теперь из его писем к Энгельсу в 1867 г.

«Я не могу скрыть, гражданин редактор, что я был очень неприятно поражен, встретив в вашей уважаемой газете и в вашей партии подобного дурака или софиста. Я дал себе труд прочесть эти «Русские письма», и все, что я могу сказать о них,— это, что они столь же нелепы, как отвратительны, полны клевет, лжи, нелепостей и в каждой строчке обнаруживают большое невежество и бессильную злобу».

Так писал в «Volksstaat» Нечаев против Боркгейма. А Неттлау называет это «давать Боркгейму полную свободу действий»!

—Да,— скажет, может быть, Неттлау,— но в номере *от 16 июля* Либкнехт открыто принимает сторону Боркгейма, он пишет, что все, рассказанное Боркгеймом о Нечаеве, было ему «подтверждено с самой компетентной и заслуживающей доверия стороны и что Боркгейм оказал демократии большую услугу, раскрыв это скандальное надувательство».

Но кто же был на этот раз самым компетентным и заслуживающим доверия свидетелем? Не еврей ли опять, немецкий или русский, маленький или большой, подобно Боркгейму или Утину?

Нет, то был даже не купец или сын водочного откупщика, а, подобно Бакунину, дворянин [1]).

Теперь это был Лопатин, приехавший к Марксу с рекомендательным письмом от Лафарга и вскоре же ставший членом Генерального совета. Этот свидетель тем важнее для нас, что все — Маркс, Энгельс, Лафарг, Гильом, Бернштейн — отзываются о нем с большим уважением [2]).

Читатель, наверное, не посетует на нас за то, что мы несколько подробнее будем цитировать сообщение Лопатина. 5 июля 1870 года Маркс писал своему другу Энгельсу следующее:

---

[1]) Читатель уже знаком с хорошим тоном Гильома, Неттлау и «товарища» Брупбакера. Они вообще очень аристократичны. Так, например, говоря об Утине они никогда не забывают прибавить: «сын еврея — водочного откупщика». Меринг «утаивает» слово «еврей», но придает значение тому, что Утин, видимо, по испорченности характера, избрал себе в отцы водочного откупщика. Не считает ли он доказательством возвышенного образа мыслей Бакунина, что он был сыном русского рабовладельца, безжалостно эксплоатировавшего и мучившего своих крестьян?

[2]) О нем см.— *P. L. Lawroff*,— «Hermann Alexandrowitsch Lopatin». «Neue Zeit», 1898. Русская революция 1905 года освободила его после более чем двадцатилетнего заключения.

«Лафарг известил меня, что молодой русский Лопатин привезет рекомендательное письмо от него...

«Он еще очень молод, два года провел в тюрьме, а потом восемь месяцев в крепости на Кавказе, откуда убежал. Он сын бедного дворянина и, будучи студентом петербургского университета, зарабатывал себе на жизнь уроками. Теперь он живет, очень нуждаясь, переводами на русский язык...

«У него очень живой, *критический* ум, веселый характер, стоический, как у русского крестьянина, который довольствуется тем, что имеет. Его слабый пункт: *Польша.* О ней он говорит точь-в-точь как англичанин — вернее, как английский чартист старой школы — об Ирландии.

«Он рассказал мне, что вся история о Нечаеве (24 года) — наглая ложь. Нечаев *никогда* Не сидел в русских тюрьмах, русское правительство никогда не устраивало покушения на него и т. д.

«Дело было так: Нечаев (один из немногих агентов Бакунина в России) принадлежал к одному тайному обществу. Другой молодой человек X, богатый и увлекающийся, оказывал этому обществу денежную поддержку через Нечаева. В один прекрасный день X. заявил Нечаеву что не дает больше ни одной копейки, так как он не знает, куда деньги деваются. После этого господин Нечаев (может быть, потому, что он не мог представить отчет в деньгах) предложил своим сотоварищам по тайному обществу убить X., ибо он может в *будущем* изменить свои убеждения и стать предателем. *Он действительно убил его.* Русское правительство преследовало его как *простого убийцу.*

«В Женеве Лопатин прежде всего потребовал объяснений лично у Нечаева (по поводу его лживых россказней); тот оправдывался тем, что эти политические сенсации полезны для так называемого дела. Потом Лопатин рассказал эту историю Бакунину, который сказал ему. что он, «добродушный старик», всему этому поверил. Бакунин потребовал от Лопатина повторить это в присутствии Нечаева Лопатин немедленно отправился вместе с Бакуниным к Нечаеву, где повторилась та же сцена, Нечаев молчал. Пока Лопатин оставался в Женеве, Нечаев держался очень скромно, точно воды в рот набрал.

«Но едва только Лопатин уехал в Париж, как снова началась эта безобразная комедия.

Вскоре после этого Лопатин получил от Бакунина оскорбительное письмо по поводу этого дела.

Он ответил ему в еще более оскорбительном тоне.

Результат: Бакунин написал «Pater, peccavi» — письмо (оно *здесь,* в руках у Лопатина), но — il est un bon vieillard crédule (он легковерный, добродушный, старик)».

Послушаем теперь другого свидетели. В мае Нечаев отправился в Лондон с теплым рекомендательным письмом Бакунина к Таландье.

24 июля тот же Бакунин писал тому же Таландье:

«Он (Нечаев) пришел к убеждению, что необходимо основать серьезное и несокрушимое общество, взять за основу политику Маккиавелли и принять без всяких оговорок систему иезуитов: для тела — одно насилие, для души — ложь. Если Вы представите его Вашему другу, он немедленно постарается посеять между вами раздоры, сплетни и интриги.— словом, рассорить вас. Если Ваш друг имеет жену или дочь, он постарается прежде всего соблазнить ее и добиться того, чтобы она родила ребенка, с целью вырвать ее из круга официальной морали и толкнуть на революционный протест против общества... Его последнею попыткою было не что иное, как основание в Швейцарии банды воров и разбойников, разумеется, для того, чтобы достать деньги для революционных целей».

Так пишет Бакунин о том самом человеке, с которым он в течение более года действовал во всем заодно, несмотря на все предостережения с различных сторон, и для которого он еще за несколько месяцев до этого, как не без оснований полагает и Гильом, редактировал и послал Либкнехту цитированное выше и полное лжи письмо от 8 апреля, которое Нечаев оправдывал тем, что политические сенсации полезны для дела.

Между прочим, Нечаев отнюдь не был отбросом рода человеческого.

Свою несокрушимую смелость и силу убеждений он достаточно доказал во время своего процесса и заключения в тюрьме.

Мы не будем теперь заниматься вопросом, насколько Бакунин несет ответственность за «нечаевщину». Достаточно констатировать, что молодой Нечаев, при всей своей сверхчеловеческой энергии, никогда не мог бы играть такую роль, если бы за ним не стоял Бакунин, в качестве агента которого он действовал. В ум-

ственном отношении он не представлял ничего особенно выдающегося.

Бакунин порвал с Нечаевым не из-за *принципиальных* разногласий, не из-за проектированной Нечаевым революционной экспроприации [1]), а потому, что, как он убедился, этот «юноша», как называл он Нечаева, не хотел служить его орудием, а, наоборот, хотел использовать его же в качестве орудия. Повод к разрыву дал так называемый революционный фонд Бахметьева, игравший в русском революционном движении подобную же роль, как революционный фонд Кинкеля, находившийся в распоряжении Ладендорфа. Бакунин употребил все средства для того, чтобы Огарев, заведывавший этим фондом вместе с сыном Герцена, передал деньги Нечаеву. Через несколько дней после этого произошел разрыв между Бакуниным и Нечаевым.

Но Бакунину, который публично так полно отождествил себя с Нечаевым, трудно было публично порвать с ним. В том же письме к Таландье, в котором он предостерегает его против Нечаева, он настоятельно просит его не давать этого заметить Нечаеву [2]). В дальнейшем Бакунин также предпочитал молчать об этом. «Украденные» Нечаевым бумаги он и друзья его получили только после того, как Нечаев был выдан русскому правительству.

[1]) Так, на упрек одного из членов тайного «альянса» Бакунину, что он впал в противоречие с самим собою, препятствуя Нечаеву осуществить его план, Бакулин отвечает следующая образом: Что касается его последнего предприятия в Швейцарии, то ты, мой дорогой друг, ошибаешься, полагая, что я впал в противоречие с принципами и планами, которые некогда я сам защищал против Моншаля. Я никогда не отказывался от них и скоро представлю этому достаточные доказательства. Но важно, чтобы все это было проделано, во-первых, с самой полной солидарностью, во-вторых, со знанием места, обстоятельств, людей и с величайшим благоразумием. Нечаев же хотел действовать за нашею спиною, причем он пользовался нашими людьми, как, например. Анри, и действовал так глупо, что эта история покрыла бы нас всех позором в погубила бы. Именно потому препятствовал я его плану».— Это написано 19 августа 1870 г.

[2]) «По многим причинам нам нежелательно, чтобы они (Нечаев и его друг) теперь узнали, что мы ведем против них войну по всем пунктам. Необходимо, чтобы они думали, что эти предостережения исходят из лагеря моих противников, что, впрочем, будет соответствовать истине, ибо, как мне известно, о них написали в очень энергичном тоне в Лондон Генеральному совету. Не разоблачайте нас преждевременно в их глазах. Они украли у нас бумаги, и их-то мы должны сперва получить обратно». Разумеется, Бакунин был «человеком без задних мыслей»!

Теперь остается только удивляться доброму Неттлау и всем столь же добрым господам, которые в первом и в последнем счете опираются на него же, когда он со всем пафосом глубочайшего морального возмущения обрушивается на бедного Либкнехта за то, что он якобы предоставил Боркгейму полную «свободу действий» для «оплевывания» всех (?!) русских революционеров, в том числе Нечаева!

Дело обстоит как раз наоборот. Если Либкнехт встречал часто с недоверием русских революционеров следующего поколения и в каждом из них подозревал маленького Нечаева, то это было только вполне естественною, подчас очень сильною, реакциею против того большого доверия, которое он питал раньше к Бакунину и Нечаеву. Последние сами *вызвали* в Либкнехте недоверие к русским, а не нашли его в *готовом* виде.

Так обстоит дело, и свете исторической критики, со всеми «такими же клеветами», которые Либкнехт будто бы «вновь опубликовал» «вскоре» после Базельского конгресса.

Дабы «товарищ» Брупбахер не мог сказать, что я «утаил» самое «точное» из приведенных им доказательств, удостоверяющих низость Маркса и Либкнехта, я приведу читателю из его «заслуженного и полезного труда» конец рассказа о «некрасивых» и непривлекательных» махинациях Бебеля, Либкнехта и Маркса.

«Они (т. е. уже известные нам «такие же клеветы») *появились также в одной американской газете. Когда друзья Бакунина протестовали против этого, редактор заявил: «я получил эту информацию от моего друга Карла Маркса, сообщившего мне ее из Лондона»; он обещал напечатать опровержение, которое, однако, не появилось».*

Может ли быть более «точное» доказательство? В «какой-то» газете, «какие-то друзья», «какой-то» редактор, «какие-то» клеветы!

«Cacatum est, non pictum», сказал по «какому-то» поводу на Готском конгрессе в 1896 году старый грубовато-резкий «солдат революции». «Cacatum est, non scriptum», сказал бы он об этом «образце спокойного и делового обсуждения».

Разные Штиберы и Фогты нередко забрасывали наших великих мертвецов грязью. Но последних это ничуть не трогало. Кто шествуют по пути истории,— повторил однажды Маркс слова Чер-

нышевского, которому также приходилось достаточно терпеть от русских Штиберов и Фогтов,— «не должен пугаться грязи».

Но, поистине, наши великие мертвецы не заслужили того, чтобы любой «сентиментальный осел»,— как выразился бы Бакунин,— безнаказанно оскорблял их память, да еще под защитою партийного флага!

X

Но, скажут нам, вы забываете знаменитое «Конфиденциальное сообщение», которое Маркс послал своим немецким сторонникам 28 марта 1870 года и где он, бесстыдно злоупотребляя именем Генерального совета, предательски оклеветал Бакунина. Это — то самое «Конфиденциальное сообщение», которое «товарищ» Брупбахер перепечатал для того, чтобы лучше осветить всю степень простодушия Бакунина», и которое он признает позорным пятном на характере Маркса: по его мнению, это пятно «никогда не будет смыто и, в лучшем случае, сможет быть объяснено психологически».

Вот уже сорок лет это «Конфиденциальное сообщение» выдвигается против Маркса. Правда, в течение *тридцати* лет авторы этого обвинения не имели ни малейшего представления о содержании этого сообщения: они упорно повторяли слово «конфиденниальное», а ведь известно, что повторение является самою сильною риторическою фигурою, огромною гипнотизирующею силою.

Indiguatio facit poetam. И в данном случае нарисовали себе яркую картину, которая действует на читателя гораздо сильнее, чем самое убедительное логическое доказательство.

Согласно этой картине, в Лондоне сидел вероломный Маркс и рассылал свое «Конфиденциальное сообщение» если не всему миру, то, во всяком случае, Либкнехту и компании: в Локарно же сидел простодушный Бакунин и, ничего не подозревая, корпел над переводом приведшего его в восхищение «Капитала», этого сочинения высоко ценимого им учителя, с которым он горячо желал жить в полном согласии.

Подобным же образом в Берлине сидел оклеветанный Швейцер и писал свою блестящую статью о «Капитале», а в Лейпциге сидел агент Маркса Либкнехт и объявлял его агентом Бисмарка.

Эта картина была слишком соблазнительна, чтобы Меринг мог устоять против нее. Он писал:

«В марте 1870 года, когда Маркс отправил из Лондона свой первый циркуляр (т. е. «Конфиденциальное сообщение») против «крайне опасного интригана», Бакунин потел в Локарно над попыткою перевести «Капитал» на русский язык».

Как известно, Меринг — принципиальный враг кавычек. Но на этот раз он делает исключение, дабы еще сильнее оттенить привлекательность простодушного Бакунина.

Мы видели, что писал Бакунин о малых и великих немецких евреях в *октябре 1869 года,* теперь мы знаем, почему он в то время «щадил» и «любил» Маркса; теперь мы знаем его хитрый план кампании против Маркса, сообщенный им Герцену вскоре после Базельского конгресса.

К этому времени относится его попытка перевести «Капигал». Уже из статьи Бернштейна читатель мог узнать, что Бакунин предпринял эту работу не «из уважения к научной ценности» «Капитала». Лишь в декабре приступил он к этой работе. Верно только то, что он над нею «потел». И уже *в феврале 1870 года* он ее прервал.

Мы оставляем в стороне вопрос о том, почему это произошло. *3 марта 1870 года* лицо, доставившее эту работу Бакунину (то был один русский), получило знаменитый «аутентический документ», при помощи которого Маркс будто бы хотел на Гаагском конгрессе «доказать мошенничество Бакунина» на том основании, что Бакунин «не вернул своему издателю аванса». До того времени было лишь известно, что Нечаев, по поручению Бакунина, будто бы сообщил, что последний от работы отказывается.

Меринг рассказывает нам, что этот документ опубликован Бернштейном, но что он нисколько не порочит чести Бакунина. Возможно, что это так. Но мы убеждены, что не только Гильом, Неттлау и все находящиеся еще в живых друзья Бакунина, но и Бернштейн, якобы опубликовавший этот документ, были бы весьма признательны Рерингу, если бы он указал, в каком именно журнале и когда именно опубликован этот «аутентический документ», о котором он говорит столь категорически.

Пока же мне остается предположить, что Меринг взял свои новые сведения из тех же «каких-то» источников, из которых он узнал также, что Бакунин не закончил перевода потому, что

вскоре вспыхнула аранко-прусская война, она и последствия ее увлекли Бакунина в водоворот страстном агитации».

Тов. Меринг может успокоиться. Каким бы злобным характером ни отличался Маркс, но никогда не делал он попытки лишить Бакунина его честного имени, на том основании, что «он не вернул своему издателю аванса в 300 рублей». И это по очень простой причине. Маркс был тоже «литератором» и отлично знал, что «немало писателей», и в том числе знаменитейшие имена, «нередко не возвращали аванса своим издателям». Филистером и мещанином Маркс никоим образом не был. Но он был не только «литератором», а также духовным вождем и советником если не самой многочисленной, то самой разветвленной и развитой из существовавших тогда рабочих организаций. И он отличался высоким чувством моральной ответственности перед рабочим классом и перед историей!

Но если и новое утверждение Меринга также не выдерживает соприкосновения с суровыми фактами, то оно все же имеет бесспорное преимущество. Оно не является плагиатом. Честь объяснения гаагского инцидента филистерскими и мещанскими мотивами принадлежит исключительно Мерингу!

XI

Посмотрим теперь на другую половину картины, вернемся к Марксу, который «украл и скрыл прекрасную корону».

Немногие, оставшиеся еще в живых, старые партийные товарищи, современники той исторической эпохи,— в их числе, может быть, и Меринг,— помнят, что «Конфиденциальное сообщение» уже сыграло однажды роковую роль в истории германской социал-демократии. Оно послужило тем дальнобойным орудием, которое прокуратура выдвинула, чтобы доказать «подпольные действия», Интернационала и солидарной с ним германской социал-демократии (разумеется, только «эйзенахцев»). Один раз это прокуратуре не удалось, а второй раз удалось как нельзя лучше.

Начнем с последнего, с так называемого процесса по обвинению в государственной измене.

В отчете о шестом дне заседаний суда (16 марта 1872 года), напечатанном в «Volksstaat», (№ 23, от 20 марта 1872 года), мы читаем следующее:

«Далее следует чтение «Конфиденциального сообщения» Генерального совета Интернационала из Лондона от 28 марта 1870 года относительно русского Бакунина и происков его внутри Интернационала. К этому документу, составленному на немецком языке, присоединен другой, французский документ, перевод которого также оглашается...

«Из указанного сообщения Генерального совета председатель извлекает, как особо существенные, следующие три пункта: 1) в нем говорится, что Генеральный совет держит непосредственно в своих руках великий *рычаг пролетарской революции,* откуда господин председатель заключает, что Генеральный совет рассматривает самого себя как верховный революционным комитет, а подчиненные ему организации — как *подчиненные революционные комитеты*; 2) во французском документе идет речь о «серьезной *подпольной* деятельности» Генерального совета, т. е., как полагает председатель, о такой деятельности, которая имеет все основания *прятаться от лица* закона; 3) в документе сказано: «эйзенахская социал-демократическая партия принадлежит к Интернационалу, партия Швейцера не принадлежит», откуда председатель опять-таки делает вывод об официальной принадлежности этом партии к Интернационалу, как его группы».

Со стороны председателя — господина Мюке, хорошо известного теперь всем по воспоминаниям Бебеля — это был ловкий удар, подготовленный при помощи какого-нибудь Штибера или прокурора. Правда, обвиняемые знали, что «Конфиденциальное сообщение» попало в руки полиции еще 9 сентября 1870 года, при обыске у Шпира, члена брауншвейгского комитета: они знали что оно, вместе с другими письмами, приобщено к огромному обвинительному материалу; но по причинам, которые мы после узнаем, они считали этот вопрос ликвидированным.

Лишь это обстоятельство объясняет нам, почему, как видно из ответа Либкнехта, эти вопросы были неприятны для обвиняемых. Наиболее неприятным был вопрос второй. Либкнехт, очень умело показав нелепость первого вопроса, продолжал:

«Далее: выражение «серьезная подпольная деятельность», как то видно из его буквального смысла, употребляется в противоположность шарлатанской поверхностной рекламе и означает серьезное воздействие на базисе экономических отношений, в отличие от напыщенных фраз Бакунина, которые недавно подверглись

осуждению. Итак, я понимаю слово «подпольный», в соответствии с самым строгим смыслом этого слова, как противоположность слову «поверхностный». Если бы слово «подпольный» было равнозначаще «тайному», а я должен признать, что *само по себе* это выражение *может* быть понимаемо таким образом,— то Генеральный совет допустил бы нарушение статутов Интернационала, согласно которым он должен действовал, лишь *публично.* Вообще, я не могу верить, что «Конфиденциального сообщение» исходит от Маркса. Маркс — секретарь для *Германии,* а не для *Швейцарии;* между тем, нет сомнения, что секретарь для Швейцарии должен был составить документ, предназначенный прежде всего для Швейцарии. Во всяком случае, никто не имеет права подсовывать Марксу заговорщические тенденции, так как он был всегда противником заговоров и часто самым резким образом заявлял это». «Отговорки» Либкнехта нисколько не помогли ему. Прокурор Гофман заявил:

«В то время как раньше коммунисты действовали тайным образом, Интернационал изменил программу в том смысле, что проповедывал публичность. Но этой открыто выражаемой тенденции к публичности противоречит факт, указанный самим генеральным советом в «Конфиденциальном сообщении»: его деятельность *подпольная* — он держит в своих руках рычаги революции. Генеральный совет выступит в решающей роли в случае возможных революций».

Но «на далеком юге», в Швейцарии, сидел гораздо более опасный обвинитель, столь же молодой, сентиментальный и беспощадный, как Сен-Жюст: то был Гильом.

В своем «Мемуаре» он писал:

«Председатель суда присяжных говорит, что в «Конфиденциальном сообщении» Генерального совета сказано о «серьезной подпольной деятельности» Генерального совета, и спрашивает Либкнехта, что следует понимать под этим выражением. Что же ответил Либкнехт?

Далее у Гильома следует «уничтожающий» анализ всех отговорок Либкнехта. Они развиваются, рассеиваются, уничтожаются слово за словом. Гильом доказывает, как дважды два — четыре, что председатель и прокурор имели полное право говорить о серьезной подпольной деятельности Генерального совета. Да, Маркс

был конспиратор, занимавшийся «подпольной деятельностью». Но председатель и прокурор неправильно поняли эти слова. В этом таинственном «Конфиденциальном сообщении» идет речь не о «подпольной деятельности» против буржуазного общества, ведь «мы, анархисты, также смертельные враги этого общества, и гораздо более радикальные»,— а о «подпольной деятельности» марксовой клики, направленной против всего Интернационала.

«Тайная, безличная и диктаторская организация, руководимая исключительно своекорыстными интересами, извращающая моральное чувство тех, кто служит ей в качестве орудия, беспощадно сокрушающая все, что стоит на ее пути; такая организация способна на все, и все бесчестные действия, которые возмущали бы нас, если бы их совершал человек, взгляды и дела которого свободны, не удивляют нас со стороны этой иезуитской организации».

«Первое вещественное и неопровержимое доказательство подпольной деятельности марксовой клики» этот новый Сен-Жюст — последний также быстро открыл за спиною Дантона лондонского Питта — нашел в двух словах председателя лейпцигского суда» [1]).

Это не мистификация, и мы не в доме сумасшедших. Но если это безумие, то в нем есть своя система.

Подобно Гильому, Неттлау также не имел ни малейшего представления о содержании «Конфиденциального сообщения». Правда, в свет вышло отдельное издание «Процесса по обвинению в государственной измене», но Либкнехт и Бебель были так вероломны, что все еще скрывали упомянутое сообщение...

«Нам не удалось нигде достать копию «Конфиденциального сообщения»,— пишет Неттлау, — а судебная копия была бы слишком дорога».

Ввиду этого Неттлау не оставалось ничего другого, как строить «гипотезу». Опираясь на «какие-то» источники, он «установил», что весь собранный Утиным для Маркса материал о Бакунине и Нечаеве «содержался в так называемом «Конфиденциальном сообщении», *оставшемся до сих пор неизвестным»*.

К счастью, существует еще правда на земле. Маркс был ра-

[1]) «Mémoire de la Fédération Jurassienne», Sonvillier, 1873, pp. 82, 83, 241—244.

зоблачен одним из его же окостеневших учеников. 7 января 1899 года Неттлау выразил горячее пожелание, чтобы какой-нибудь «случай раскрыл глубокую тайну» «Конфиденциального сообщения», и через три года. 12 июля 1902 года, эта «глубокая тайна» была раскрыта Каутским, который извлек «Конфиденциальное сообщение» на свет божий.

И что же оказалось? Оказалось, что таинственное «Конфиденциальное сообщение», есть не что иное, как циркуляр от 16 января: «Communication privée», по-немецки «Konfidentielle Mitteilung», который Неттлау собственною рукою поместил в своем монументальном труде в тот же день 7 января 1899 года, когда выражал страстное желание, чтобы тайна была раскрыта: это «страстное желание выражено на странице 379, а в «Communication privée» напечатано на страницах 375—377!

И где же нашел Неттлау этот таинственный документ? В бумагах интимного друга Бакунина, русского Жуковского, который вместе с Гильомом был делегирован бакунистами на Гаагский конгресс.

Что же сказал после этого Гильом? Узнал ли он в «Конфиденциальном сообщении», напечатанном в «Neue Zeit», тот самый циркуляр, который он читал у Неттлау в 1900 году и которого он до того времени будто бы по видел?

Конечно, да. Достаточно почитать следующий рассказ. Нельзя представить себе более уничтожающую критику этого «образца спокойного и делового изложения», как называет Неттлау «Мемуар» Гильома. Этот рассказ, как самокритика, заслуживал бы величайшей похвалы, если бы автор его не настаивал на всех своих выводах, хотя он мог убедиться в том, что его факты ни на чем не основаны [1]) :

«На лейпцигском процессе (заседание 16 марта 1872 года) председатель суда говорил о «Конфиденциальном сообщении» Генерального совета, датированном 2S марта 1870 года и редактированном частью на немецком, частью на французском языке. Во французской части (представлявшей не что иное, как «Конфи-

[1]) Во избежание недоразумений, заметим следующее: смешно было бы видеть в «Мемуаре» значительный «исторический вклад в историю Интернационала, но нет сомнения, что это один из важнейших *документов* этой истории. Подобно всякому другому документу, он должен быть использован и подвергнут *критическому* рассмотрению.

денциальное сообщение» от 1 января 1870 года), по словам председателя, шла речь о «серьезной подпольной работе» Генерального совета. В то время весь контекст был мне неизвестен, и я *полагал что это выхваченное из текста выражение о «подпольной работе» относится к тайной и диктаторской организации, посредством которой котерия Маркса пыталась руководить Интернационалом; в таком смысле я комментировал это выражение в своем Мемуаре»* [1]).

Читатель видит, что я его не мистифицировал. Если мог ошибаться такой гигант, как Маркс, почему не ошибиться и Гильому?

Но дело в том, что этот «образец спокойного и делового изложения» составляет еще по сей день тот источник, из которого все немарксисты и даже все марксисты, не страдающие манерами «марксовых попов», черпают, прямо или косвенно, свои сведения по истории Интернационала.

XII

Но как же происходила вся эта история в действительности? Носило ли «Конфиденциальное сообщение», действительно, столь «конфиденциальный» характер, как хотят нас уверить Гильом и Неттлау?

Дело гораздо проще. «Вскоре» после Базельского конгресса газета «Egalité», руководимая в то время бакунистами, открыла поход против Генерального совета. Это произошло, как думали, под влиянием Бакунина. Так думали в Женеве, так же думали и в Лондоне. Даже Гильом вынужден сказать, что Генеральный совет имел основание так думать, и теперь находит весьма резкие слова для редакции, испортившей дело несвоевременным усердием.

От Генерального совета требовали, между прочим, чтобы он официально и публично высказался о деле Либкнехта-Швейцера: порицали Генеральный совет за превышение им полномочий в резолюциях об арестованных фениях, так как он не должен был заниматься политическими вопросами местного характера; требовали, чтобы он отказался от непосредственного контроля над

[1]) *Guillaume*, «L'Internationale». Tome premier, p.p. 265—266.

Англией и учредил, рядом с собою, особый центральный комитет для Англии.

«Egalité» была органом романской федерации. Если Генеральный совет мог игнорировать нападки газеты «Progrès» в Локле, выходившей под редакцией фанатического приверженца Бакунина — Гильома»,— то он не мог сделать того же по отношению к центральному органу швейцарских членов Интернационала, говоривших на французском языке.

Все эти вопросы подверглись обсуждению уже в заседании Генерального совета 14 декабря [1]). Решено было ответить на вопросы в ряде резолюций, которые — как то имело место почти всегда — составлялись подкомиссией из всех секретарей для отдельных стран или, если угодно Марксом. Так как Генеральный совет — или, если угодно, Маркс — держался того мнения, что ответы на эти вопросы не подлежат опубликованию, а должны быть сообщены лишь секциям Интернационала, то решено было — это был первым случай — послать ответ Генерального совета Федеральному совету романской Швейцарии в Женеве» в форме «communication privée» (по-немецки «konfidentielle Mitteilung»), т. е. как сообщение, которое, подобно всем сообщениям Генерального совета, предназначается для всех секций Интернационала, но не подлежит опубликованию.

Юнг послал указанное сообщение швейцарским комитетам. Дюпон — секретарь для Франции — французским. Маркс же, в качестве секретаря для Германии, «отправил» «Конфиденциальное сообщение» брауншвейгскому комитету. Но он находился в гораздо более затруднительном положении, чем его коллеги, секретари для Швейцарии. Бельгии и Франции. Как открыто заявил Либкнехт на процессе по обвинению в государственной измене, эйзенахцы принадлежали к Интернационалу *«идейно и фактически, но не официально и формально»*. До тех пор они могли узнавать все постановления Генерального совета из газет. Но теперь дело обстояло иначе. Впервые Генеральный совет, как *таковой,* был вынужден послать сообщение, не предназначенное для печати Маркс избрал поэтому следующий путь: он допустил «фальсификацию», превратив сообщение Генерального совета в частное сообщение, писал в нем о себе в третьем лице,

[1]) Согласно неопубликованным протоколам Генерального совета.

«утаил» все официальные формулы, как, например, фразу: «Подлежит сообщению только всем комитетам Международного товарищества рабочих», а также не подписался под ним в качестве секретаря для Германии. Документу он предпослал некоторые объяснения, как то делали все секретари, и добавил в конце кое-какие новые факты, которые стали ему известны недавно.

Маркс, считавший себя очень ловким заговорщиком, полагал, что даже прусская полиция не сможет теперь сделать из «Конфиденциального сообщения» улику против эйзенахцев.

Хотя Маркс не принимал в своих расчетах во внимание франко-прусской войны и Фогеля фон-Фалькенштейна, тем не менее мог убедиться, что он и Кугельман, который был адресатом действовали очень благоразумно. Сделанная Кугельманом копия не носила ни малейших следов происхождения от Генерального совета. И, когда она была забрана полицией у Шпира (9 сентября 1870 года), она не оказала никакого влияния иа процесс брауншвейгского комитета, происходивший в *ноябре 1871 года* [1]).

Достаточно прочесть следующие строки из отчета о процессе:

«Далее предъявляется найденная у Шпира копия «Конфиденциального сообщения о русском Бакунине», датированного: Лондон, 28 марта 1870 года.

«Прокурор замечает по этому поводу, что сообщение о Бакунине исходит, повидимому, от Шпира, Шпир говорит, что получил это сообщение для прочтения через Браке и больше ничего о нем не знает. На предположение прокурора, что сообщение исходит от «Egalilè», Шпир возражает, что ведь «Egalilè» есть орган Бакунина».

«Конфиденциальное сообщение» было «сфальсифицировано» так умело, что прокурор даже не заподозрил его происхождения от Генерального совета.

Незадолго до падения второй империи во Франции, именно в Лионе и Париже, были предприняты массовые аресты, направленные против Интернационала. Среди забранных полицией бумаг находились также несколько экземпляров «Communication privée», т. е. «Конфиденциального сообщения», из которых видно было, что Генеральный совет рассылал также частные конфиден-

[1]) *W. Bracke*. «Der Braunschweiger Ausschuss der sozialdemokratischen Partei in Lötzen und vordem Gericht». Braunschweig, 1872, pp. 155—156.

циальные циркуляры. Кто мог бы поручиться, что этот циркуляр первым или единственный? Одновременно были найдены многочисленные документы бакунинского «альянса». Французские прокуроры валили все это в одну кучу. Правда, Генеральный совет протестовал в публичном заявления против попытки изображать Интернационал обществом заговорщиков. Но это нисколько не помогло.

Пользуясь всеми забранными полицией бумагами. Тестю на писал свое известное клеветническое сочинение об Интернационале. Напечатанное уже в мае 1870 года, оно предназначалось для прокуроров и полицейских комиссаров и оказало также «ценные услуги» во время третьего процесса Интернационала в Париже. Но лишь в 1871 году это полицейское произведение приобрело европейскую известность.

Я предполагаю, что здесь кроется объяснение того загадочного факта, что прокурор Гофман догадался о происхождении «Конфиденциального сообщения» от Генерального совета. Достаточно только обратить внимание на его радость, когда он в выдержках из «частного сообщения» Генерального совета опознал то самое «Конфиденциальное сообщение», мимо которого беззаботно прошел легковерный прокурор Кох. А у Тестю он нашел все то, что ему нужно было: рычаг пролетарской революции, серьезную подпольную деятельность и прочие революционные жупелы. Достаточно сравнить «выдержки из «Конфиденциального сообщения, адресованного Генеральным советом Интернационала в Лондоне Федеральному совету романской Швейцарии» (резолюции, принятые в заседании Генерального совета 1 января 1870 г.)»,— с выдержками, напечатанными уже в первом издании «Процесса по обвинению в государственной измене»,— последние представляют собою лишь перевод первых,— чтобы сразу узнать источник, из которого черпали свою премудрость как прокурор Гофман, так и Гильом, хотя они использовали эти сведения самым различным образом [1]).

[1]) *Testat.* L'Internationale, 1-е издание, стр. 260—262, или 3-е издание, также 1871 г., стр. 237—238, и «Hochverzatsprozess», Leipzig, 1872, стр. 226—228. Гильом доставляет себе теперь удовольствие, переводя «Konfidentielle Mitteilung» словами «Communication confidentielle», с целью провести хоть не которое различие от «Communication privée». Было бы жестоко с нашей стороны лишить его этого невинного развлечения.

Уже на третьем процессе Интернационала в Париже была доказана правильность предположения Либкнехта, что слово «подпольная» исходит не от Маркса, что перевод «Конфиденциального сообщения» сделан французом,— и ведь с января по март 1870 года Маркс был опасно и почти смертельно болен [1]), на указанном процессе обнаружилось из письма секретаря для Франции, что переводчик был Дюпон. А из текста сообщения можно было легко увидеть, как мало страшного содержал он в себе, несмотря на слово «подпольная», произведшее такое большое впечатление на все полицейские умы, а также на Гильома. Именно поэтому Каутский, который к тому времени совершенно, повидимому, забыл, что «Конфиденциальное сообщение» играло такую важную роль в процессе по обвинению в государственной измене [2]), перевел соответствующее место следующим образом:

КАУТСКИЙ.	ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД.
— Если бы мы предпочитали на место серьезной и *незаметной работы* поставить шумную реклам), мы может быть допустили бы ошибку и дали публичный ответ на вопрос «Egalité» о том, почему «Генеральный совет допускает столь обременительное совмещение функций».	— Если бы Генеральный совет имел желание на место *серьезной и подпольной* деятельности поставить шумиху рекламы, он, быть может, допустил бы ошибку и дал бы публичный ответ ни вопрос «Egalité», почему Генеральным совет терпит такое совмещение своих функций.

Теперь надо представить себе тогдашнее политическое положение: Парижскую коммуну с ее «позорными деяниями», травлю против Интернационала, который постоянно смешивали — не всегда, быть может, умышленно — с «альянсом», инсценированный русским правительством осенью 1871 года так называемый Нечаевский процесс, которому был придан нарочито-публичный характер. Припомнив все это, легко понять, почему германская полиция и юстиция думали, как выразился следственный судья при допросе Гепнера, что айзенахская программа есть лишь *мнимая*

[1]) За время с 4 января по 15 марта 1870 года он из-за болезни отсутствовал на заседаниях. Этим объясняется также, почему он с таким опозданием выполнил свои обязанности секретаря для Германии.

[2])«Это верно. Я читал брошюру о процессе по обвинению в государственной измене в 1875 году и с тех пор пользовался ею лишь для справок».— Примечание *Каутского,* сделанное им к моей статье в «Neue Zeit».

программа, а партийная организация — лишь *мнимая организация.* Ведь Тестю неопровержимо доказал, что за спиною официальной организации Интернационала скрывается *тайная, подпольная.* Правда, он ставил в вину Генеральному совету все послания «альянса», но, ведь, он нашел также «Конфиденциальное сообщение» *Генерального совета,* и это особенно «важное» доказательство они имели теперь в своих руках, как Гильом имел в своих руках это «первое вещественное и неопровержимое доказательство» существования *подпольной* марксистской организации.

Итак, Либкнехту и Бебелю приходилось отдуваться, между прочим, и за дела бакунистского «альянса».

Никто не станет оспаривать того, что Маркс имел такое же право писать «конфиденциально» о Бакунине, как и Бакунин о нем. Против этого может спорить разве только «товарищ» Брупбахер, установивший с «точностью», что Бакунин никогда не писал ни одного оскорбительного слова о Марксе без того, чтобы не послать ему заранее копию в Лондон.

Но здесь появляется Гильом и. со свойственною только ему «фатальною основательностью», исправляет мои неправильные указания. Он торжественно указывает мне на слова:— «International Working Mens Association. Central Council. London»,— помещенные в «Neue Zeit» в начале «Конфиденциального сообщения»: разве это не доказывает, что Маркс посылал свои сообщения о Бакунине под фирмою генерального совета?

Да, здесь, действительно, было злоупотребление... почтовыми бланками Генерального совета. Это злоупотребление— а, быть может, и другие — допускали все секретари Генерального совета: Кремер, Эккариус, Юнг, Дюпон, Лафарг, Маркс и даже «богатый фабрикант» Энгельс!— Как мало значения придавали этому даже суды, видно из того, что они никогда не пытались доказывать более близкое отношение некоторых документов к Генеральному совету на том основании, что они написаны на бумаге с его печатью. Такой глупости нс обнаруживали даже прокуроры!

Что касается специально интересующего нас сейчас случая, то Кугельман отлично знал, что письмо Маркса к нему отнюдь еще не было письмом Генерального совета: поэтому, сделав копию для Браке, он «утаил» эту излишнюю надпись.

К сожалению, Каутский этого не заметил.

Некоторые другие письма к Кугельману также писаны на бланках Генерального совета. Например, письмо от 12 декабря 1868 года, на котором Каутский «утаил» надпись.

Но, что письма Маркса отнюдь не становились письмами Генерального совета благодари тому, что он употребил бумагу с «официальным» штемпелем, видно из письма госпожи Маркс к Беккеру, также написанного на официальном бланке.

Теперь мы намерены, для разнообразия, показать читателю нижеследующее «Конфиденциальное сообщение», однако не Маркса о Бакунине, а Бакунина о Марксе. До сих пор оно оставалось «неизвестным» даже Марксу и тем лицам, которых оно касалось; но мы не совершим никакого акта предательства, если сообщим его теперь широкой публике.

«Но вообще следует сказать, в интимном кругу Маркса можно заметить страшно мало братского чистосердечия. Напротив, там широко распространены скрытность и дипломатическое лукавство; между различными эгоизмами существует нечто вроде тайной борьбы и немого компромисса. А где вмешивается тщеславие, там для братства не остается уже никакого места. Всякий настороже, ибо, в противном случае, он опасается быть принесенным в жертву и подавленным.

«Весь круг Маркса состоит из взаимного согласования образующих его различных тщеславий. Марксу, как верховному вождю, приходится раздавать почетные должности, но одновременно он ведет травлю — всегда низким и тайным образом, никогда открыто и честно — против всех тех, которые имели несчастье проявить к нему меньше почтительности, чем он привык встречать со стороны других.

«Если он только начал против кого-нибудь травлю, он уже ни перед чем не остановится, даже перед низостью и подлостью. Сам еврей, он собирает вокруг себя в Лондоне и во Франции, особенно в Германии, кучу маленьких еврейчиков, более или менее интеллигентных, проворных, интригующих и спекулирующих, какими евреи являются повсюду,— торговых и банковских служащих, беллетристов, политиков, газетных репортеров всех направлений и всех цветов, словом, как литературных, так и биржевых маклеров. Одною ногою они стоят в банке, другою — в социалистическом движении, а задом сидят в немецкой периодической прессе. Все

газеты в их руках, и легко представить себе, как тошнит от литературы, возникающей таким образом.

«Итак, весь этот еврейский мир,— эта эксплоататорская секта, этот народ-кровопийца, эти жадные, тощие паразиты, сплоченная и крепкая организация которых преодолевает не только все государственные границы, но даже все противоположности политических верований,— этот еврейский мир в большей своей части находится в настоящее время, с одной стороны, в руках Маркса, а с другой стороны — в руках Ротшильда. Я глубоко убежден, что Ротшильд высоко ценит заслуги Маркса, а Маркс, с другой стороны, питает инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильду.

«Это может показаться странным. Что общего между коммунизмом и высшим финансовым миром? А вот что. Коммунизм Маркса стремится к мощной централизации государства, а всюду, где идет речь о централизации государства, в настоящее время необходимо должен существовать центральный государственный банк, а где существует подобный банк, там всегда найдет себе средства существования и паразитический еврейский народ, спекулирующий на народном труде.

«Но, как бы то ни было, факт тот, что большая часть этого еврейства в руках Маркса, особенно в Германии. Достаточно ему только начать против кого-нибудь травлю, как немедленно против последнего поднимается целая буря оскорблений, самых низких подозрений, смехотворства и подлых клевет во всех социалистических и несоциалистических, республиканских и монархических, газетах».

Читатель видит теперь, кому действительно принадлежит честь открытия подпольной деятельности Маркса. Незадолго до описанных событий молодой и талантливый ученый Брентано разрушил все здание «Капитала», представив «первое вещественное и неопровержимое доказательство того, что вся ученость Маркса — лишь пыль, которую он пускает в глаза. Подобно этому, молодой и талантливый ученик Бакунина Гильом представил первое вещественное и неопровержимое доказательство, того, что Интернационал Маркса служил только ширмою, за которою скрывалась безбожная банда бессовестных и морально неразборчивых иезуитов. И оба они разгласили свое открытие на весь мир, и оба с одинаковым успехом!

Теперь послушаем «товарища» Брупбахера:

«В отзывах Маркса о Бакунине и бакунистах мы найдем всякого рода ругательные выражения и инсинуации, но не встретим никаких аргументов по существу насчет федерализма. Маркс слишком презирал не только ненавистного ему Бакунина, но и публику вообще, чтобы метать бисер перед свиньями».

И к такой-то грязи, от которой, по выражению Неттлау, «тошнит», доверчиво отнесся блестящий историк германской социал-демократии, редактор литературного наследства, Маркса и Энгельса! Одно, правда, верно: «товарищ» Брупбахер — «рядовой фанатик» и питает к «марксистским формулам» не большее почтение, чем известный персонаж крыловской басни, подрывающий корни того дуба, желудями которого сам же питается!

ИСТОРИЯ БЕЗ КАВЫЧЕК
(ОТВЕТ МЕРИНГУ)

I

Меринг заявляет, что он нс читал моих статей. Во всяком случае, он не делает ни малейшей попытки ослабить или опровергнуть мои доводы. Он удовлетворился тем. что выругал меня «отъявленным спорщиком», автором многочисленных «самых рискованных искажений и извращений» и заподозрил мои мотивы.

Его ругательства, которых он не пытается обосновать ни единым словом и которые лишь свидетельствуют о бессильной ярости, так же мало трогают меня, как похвалы, которыми он еще раньше удостоил меня в своем фельетоне и удостаивает теперь, одновременно со своими ругательствами, в другом журнале. И если он приписывает мне мотивы, исходящие «не из существа дела», то я укажу ему «Вадемекум для господина пастора Ланге» Лессинга, где он найдет классический ответ на подобные полемические приемы.

Если Меринг полагает, что только реабилитацию Швейцера, но не реабилитацию Маркса, Энгельса, Либкнехта и Бебеля, можно объяснять не личными мотивами, то я не понимаю, какими мотивами по существу дела можно было бы оправдать такое различие.

Но всем этим Меринг так же мало может устранить свои исторические несообразности, как блаженной памяти пастор Ланге не мог устранить свои филологические промахи. Чтобы заставить забыть их, он хватается за испытанное полемическое оружие, которым охотно пользуется буржуазная журналистика в надежде на то, что память читателя коротка, еще короче, чем искрящиеся статьи восхищающих его блестящих стилистов.

В одном из своих «Стихотворений в прозе» Тургенев дал классическую формулировку этого полемического правила.

«Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику,— говорил мне одни старый пройдоха,— то упрекайте его

в том самом недостатке или пороке, который вы за собой чувствуете. Негодуйте... и упрекайте!

«Во-первых, это заставит других думать, что у вас этого порока нет.

«Во-вторых, негодование ваше может даже быть искренним. Вы можете воспользоваться укорами собственной совести.

«Если вы, например, ренегат, упрекайте противника в том, что у него нет убеждений.

«Если вы сами лакей в душе, говорите ему с укоризной, что он лакей... лакей цивилизации, Европы, социализма!

«— Можно даже сказать: лакей безлакейства! — заметил я.

«— И это можно,— подхватил пройдоха».

По этому рецепту действует Меринг, когда бросает мне упрек, что вся моя работа по исследованию отношений между Бакуниным и нашими учителями представляет собою лишь «литературную грызню».

Но при этом он действует как неопытный новичок в этом деле. Какой-нибудь Эдмунд Борк, Анри Рошфор или Максимилиан Гарден — мы берем трех блестящих стилистов, умело владеющих искусством излагать в очень коротеньких статьях результаты трудолюбивых исследований других авторов — никогда не дали бы своим статьям, например, таких заглавий:

«Новое ренегатство» — Э. Борка, или:

«Новая метаморфоза» — А. Рошфора, или;

«Новое сальтомортале» — М. Гардена.

Меринг же, спотыкающийся теперь на каждом шагу в костюме, ставшем для него совершенно чужим, смело пишет: «Новая литературная грызня» — Франца Меринга. Он не подозревает, что всякий, даже благосклонный к нему, читатель с трудом удержит улыбку при чтении такого заглавия. Ведь это заглавие исходит от того самого Меринга, которого ежеминутно упрекают, что он затевает новую литературную грызню, того самого Меринга, который только что оригинальнейшим образом свел всю трагедию Гаагского конгресса к весьма важному для всякого литератора вопросу о том, отработал ли Бакунин свой аванс.

Мне было бы очень легко воспользоваться его же оружием и стать в позу практика, к которому неожиданно апеллирует теперь оробевший Меринг,— практика, который поневоле занимался писанием истории, так как не может творить историю и не хочет впу-

тываться в «истории». Но и охотно предоставляю это Мерингу, а постараюсь лучше объяснить ему, почему вопрос о Бакунине, как и вопрос о Швейцере не литературная грызня, а «партийный» — да вдобавок еще не только немецкий (как вопрос о Швейцере), но и интернациональный — «вопрос», ставший в последнее время опять одним из самых жгучих для рабочего движения всех стран, кроме Германии.

II

Официальной кончине старого Интернационала предшествовала страстная борьба двух направлений, которые связываются обыкновенно с именами Маркса и Бакунина. История, казалось, давно уже ответила на вопрос кто на них вышел победителем из этой борьбы. Огромное большинство международного пролетариата высказалось в пользу Маркса.

Анархистам не оставалось ничего другого, как обвинять победителей в недобросовестности и доказывать, что Бакунин и его друзья потерпели поражение только потому, что Маркс был дьяволом в образе человека, Бакунин же — ангелом во плоти. Если бы Маркс и Энгельс — необходимо раз навсегда подчеркнуть, что в этом вопросе их нельзя отделять друг от друга — были не много более «приличными» и «честными», если бы они несколько обуздывали свои диктаторские стремления, если бы они никогда не прибегали к подлым или, как выражается Меринг, «некрасивым» средствам, в старом Интернационале дело, наверное, никогда не дошло бы до раскола.

Наиболее типичным и основательным представителем такого взгляда был до недавнего времени Неттлау, автор монументальной биографии Бакунина в трех больших томах. Нет ни одного, хотя бы самого бессмысленного обвинения против Маркса, Энгельса, Либкнехта, Бебеля. Лафарга, которого он тщательно не занес бы на страницы своей книги. Зато Бакунина он превращает в идеального героя, в светлый образ Зигфрида, который терпит поражение в борьбе потому, что ему противостоят коварные темные силы в лице вероломною Гагена. Сочинение появилось вскоре после окончательного поражения анархистов в новом Интернационале на Лондонском международном конгрессе 1896 года. Этому предшествовали менее решительные поражения их на Парижском (1889 года), Брюссельском (1891 года) и Цюрихском

(1893 года) конгрессах. В труде Неттлау анархисты усмотрели убедительное доказательство того, что банкротство бакунизма вызвано не столько объективными причинами, сколько интригами марксистской «клики». Недаром в борьбе, которая велась против них в девяностых годах, вождями были те же Энгельс. Лафарг, Либкнехт, Бебель, которые еще в шестидесятых и семидесятых годах не гнушались никакими подлыми средствами в борьбе против Бакунина.

В последнее десятилетие неожиданный расцвет синдикализма во Франции и Италии вновь оживил анархистскую историю. И лице «Confédération générale du travail» чествовали восстановление старого бакунинского Интернационала. Культ Бакунина усилился еще больше прежнего. Бакунина и его сотрудников начали считать отцами революционного синдикализма, издавали и еще издают все его сочинения, чествуют его как величайшего агитатора и величайшего мыслителя. Теперь против Маркса выступали и выступают уже не только анархисты, но все молодые «теоретики» революционного синдикализма, которые, пользуясь своеобразным положением французской, итальянской и швейцарской социал-демократии, выступают также в качестве членов социал-демократических партий и доказывают, что поражение бакунизма надо приписать клеветам и фальсификациям Маркса.

Вождем нового направления является не наивный и далекий от жизни Неттлау, а старый член Интернационала, ревностный ученик Бакунина и исключенный вместе с ним на Гаагском конгрессе из Интернационала Джемс Гильом. По смерти Интернационала в течение 25 лет, в стороне от политической жизни, он занимался историческими работами, давшими ему очень почтенное имя и в буржуазной науке. Старый педагог и филолог, он издал в шести больших томах все документы, развертывающие перед нами картину разнообразной деятельности Великой французской революции во всех областях просвещения.

Уже в начале семидесятых годов Гильом обнаружил большее понимание профессионального движения, чем Бакунин; понятно поэтому, что в лице нового синдикализма он приветствовал возрождение покойной юрской федерации. С энергией, которую можно еще найти только у революционеров старой школы, он вновь бросается в борьбу и становится одним из самых усердных и влиятельных сотрудников синдикалистской прессы. Приятно читать,

как он атакует всех своих старых врагов и расправляется с ними. Своих старых врагов — и тех, в ком он видит их новых друзей. То он обрушивается на покойного Лафарга, то — и немедленно вслед за этим — стирает с лица земли не подозревающего о том Меринга.

Можно представить себе какая радость охватила всех анархистов и синдикалистов, когда они узнали, что Гильом, почтенный историк французской революции, собирается написать большую историю Интернационала. Со всех сторон посыпались к нему журналы, документы, письма. Неттлау предоставил в его распоряжение огромный материал, собранный им в течение почти двадцати лет. Таким образом, смелому публицисту старой юрской федерации, уже написавшему, однажды, ее историю, удалось издать в течение шести лет четырехтомный труд об Интернационале (Париж, 1904—1910 годы).

Здесь не место для критики этого труда Мы сделали это в другом месте [1]) и еще вернемся к нему. Факт тот, что не только невежественные люди, вроде «товарища» Брупбахера, но и такие основательные историки, как Жорж Бурген, считают этот труд руководящим по истории Интернационала. Он задает тон во всей буржуазной науке, поскольку она занимается историей рабочего движения. Длинный ряд маленьких и больших сочинений, опирающихся в первом и последнем счете на книгу Гильома, растет с каждым днем, ибо, по мере распространения синдикализма, усиливается интерес к истории Интернационала, особенно в романских странах.

Правда, теоретический уровень этой литературы не повысился. Уже господствующая в ней историческая точка зрения делает невозможным строго-научное исследование вопроса. На первый план выдвигается, по прежнему, борьба между Марксом и Бакуниным. Авторы стараются подчеркнуть,— особенно в последнее время,— что они, собственно, ничего не имеют против *экономического* учения Маркса. Но тем сильнее нападают они на него, как на «политика», «тактика», представителя особой формы организации рабочего движения, как на человека. Ведь, молодежь легче всего привлечь к себе, если доказать ей с «документами в руках», что Маркс и его друзья во всей своей политической деятельности

[1]) В серии статей «Ein exakter Historiker der Internationale».— «Fränkische Tagespost», сентябрь в октябрь 1913 года.

были только низкими клеветниками и отъявленными фальсификаторами, которые боролись всегда «некрасивыми» средствами. Молодежь всегда останется молодежью и нелегко примирится с премудростью Меринга, который является верным и убежденным марксистом даже после того, как убедился в моральной испорченности Маркса и Энгельса.

«Конечно,— говорит Меринг в своей «Литературной грызне»,— если бы вопрос о Бакунине был только вопросом приличия и честности, то тем хуже было бы для марксистов, что они не в состоянии дать правильный ответ на этот вопрос».

И Меринг доказывает свою способность правильно ответить на этот вопрос тем, что он во всем верит на слово какому-нибудь Брупбахеру и самым некритическим образом повторяет все обвинения против Маркса, Энгельса, Либкнехта и Бебеля.

Однако в защиту Меринга можно привести два смягчающих вину обстоятельства. Во-первых, поверхностное знакомство с вопросом и полное незнакомство с соответствующею литературою, поскольку ее не имеется на немецком языке. Во-вторых, угрызения совести за то, что он был *единственным представителем* марксистской литературы, который даже по истечении тридцати лет после борьбы в Интернационале хуже отзывался о Бакунине, чем прямые противники последнего в самый разгар горячей борьбы. В этом отношении Иекк — лишь верный ученик Меринга, написавший свою книгу при «ближайшем участии» учителя. Последний еще в настоящее время пишет:

«Часто утверждали, что Бакунин был агентом русского правительства, но доказано это никогда не было; факты, которые на первый взгляд говорят в пользу такого предположения, очень хорошо объясняются панславистскими тенденциями Бакунина, из-за которых против него, уже в революционные годы, боролись его старые приятели Маркс и Энгельс... Но нельзя отрицать, *что личное честолюбие и личная зависть* к Марксу играли некоторую роль в попытках Бакунина приобрести господство над Интернационалом, *расшатать для этой цели организацию последнего и отбросить европейское рабочее движение* назад, к давно пройденной ступени его исторического развития» [1]).

[1]) *Меринг,* «История германской социал-демократии». Русский перевод. М. Ландау, издание Граната, т. IV. 1907 г., стр. 55—56. Немецкое издание 1913 года, Stuttgart,— p. 52.

III

Так Меринг, опираясь всегда на «какие-то» источники, качается взад и вперед между «честолюбивым» и «завистливым» Бакуниным и столь же «честолюбивым» и «завистливым» Марксом, каким изображает его «товарищ» Брупбахер.

По сей день ему остался еще неизвестным настоящий пункт спора между Марксом и Бакуниным, хотя это в практическом отношении гораздо важнее чисто принципиального различия и объясняет, почему Маркс, отличавшийся в *пределах Интернационала* такою исключительною терпимостью ко всем инакомыслящим элементам, необходимо должен был вести борьбу против Бакунина самым решительным образом.

Об этом пункте спора Меринг мог бы лучше всего узнать у своего старого учителя Фридриха Энгельса, которого он теперь с таким легким сердцем выдает головою в «вопросе приличия и честности». Повод к статье Энгельса подал Эритье, имевший большие заслуги перед швейцарским рабочим движением. В ряде статей в «Berliner Volkstribune» он предпринял первую попытку реабилитировать Бакунина за счет Маркса, хотя и в гораздо более приличной форме, чем то сделал «товарищ» Брупбахер. Энгельс ответил в несколько резкой форме — конечно, из «личных» мотивов — и закончил статью следующими словами:

«Довольно. Автор, точно невинный младенец,— или притворяясь таковым,— во всем верит на слово бедной оклеветанной анархистской овечке. То, о чем эти господа считали нужным не говорить, ему совершенно неизвестно; поэтому ему неизвестно и то, что скрывалось за всем спором. За *публичным,* основанным Бакуниным, «альянсом социал-демократии» скрывался *тайный* «альянс», имевший целью передать в руки анархистов господство над всем Интернационалом. Этот тайный «альянс» был очень распространен в Юре, в Италии и Испании. Доказательства этого Генеральный совет получил прежде всего из Испании, а потом он получил из Женевы статуты и многочисленные другие документы этого невинного заговора против европейского рабочего движения. Эти именно документы были приняты во внимание Гаагским конгрессом 1872 года, когда он исключил Бакунина и Гильома из Интернационала» [1]).

[1]) «Berliner Volkstribune». 19 November 1892.

А Меринг, точно «невинный марксистский младенец», повествует и теперь немецким товарищам, что на Гаагском конгрессе Энгельс и Маркс пытались обесчестить Бакунина на том основании, что он остался должен своему издателю за аванс в 300 рублей. А кто же эта «бедная анархистская овечка», которой он верит на слово? «Подробности этой некрасивой истории можно прочесть у Брупбахера».

Да, «вопрос о Бакунине — это только вопрос приличия и честности». Но разве приличие и честность, прежде всего научная честность, не требуют, чтобы мы, марксисты, не повторяли, точно попугаи, всего того, что скажет нам первый прохожий о наших учителях, которых Меринг уже чествовал в сотне статей?

Такова причина, заставившая меня выступить уже теперь против этой «приличной» и еще более «честной» манеры. До сих пор новейшее развитие анархо-синдикалистской истории было немецким читателям неизвестно. Теперь положение дел изменилось. «Товарищ» Брупбахер сделал попытку контрабандою, под флагом партийного издательства, провезти в Германию тот самый товар, который он уже много лет отпускает маленькими дозами в различных, чужих и собственных, анархистских и синдикалистских журналах. В «Neue Zeit» — который является не местным немецким журналом, а единственным научным органом всего международного марксизма Меринг сделал попытку превратить «литератора, как нельзя более чуждого марксизму», в признанного представителя «марксизма» — конечно, не «окостеневшего», а размягченного до мозга костей,— которому предстоит выполнить важную марксистскую миссию!

Я не имел возможности подвергнуть анализу все цветочки этой «точной» истории. На нескольких страницах можно наплести такую массу лжи, которую трудно будет вскрыть даже в шести томах. За коротенькою, на шести страницах, заметкою Меринга о книге Брупбахера торчит, без малейшего ведома о том Меринга, Гильом со своими приблизительно двумя тысячами страниц и Нетлау с таким же количеством страниц и еще большим количеством примечаний. С ними и приходилось считаться!

Если Меринг все еще полагает, что столь счастливо открытый им «товарищ» Брупбахер «в существенном доказал свои положения», то он обязан отложить в сторону свой страх перед кавычками и цитатами и доказать читателям «Neue Zeit», что все

мои доказательства так же негодны, как негодны, с моей точки зрения, его утверждения, списанные им — по обыкновению, без кавычек — у Брупбахера. Но подайте сюда источники и соображения! Не ссылайтесь на «какие-то» соображения или источники, известные только вам, товарищ Меринг! Дайте нам имена, даты, факты!

Свое возражение Меринг заканчивает анекдотом из истории Германии. Я хочу привести другой анекдот.

Благосостояние старых городов Балтийского побережья основывалось, между прочим, на их торговле «маленькими солеными морскими рыбками». Но селедка тоже поддается настроениям: раньше она бесконечными стаями проникала в Балтийское море, а в один прекрасный день она неожиданно, по «каким-то причинам» — тогда говорили, что по причинам известным только ей — повернула, не входя в Зунд. Своим тонко стилизованным хвостиком она помахала налево и направо и навсегда скрылась из виду. С тех пор роль Балтийского моря, как рыбного резервуара для Европы, сыграна, и весь блеск старого Висмара отошел в прошлое. Селедке удалось по сей день скрыть «причины, известные только ей», и историческая наука все еще беспомощна перед этою загадкою!

Мы надеемся, что Меринг окажется менее жестоким и не будет держать в секрете свои причины. Ведь пословица гласит: Quod licet bovi, non licet lovi. Или в переводе: то, что подобает какому-нибудь жалкому компилятору, не подобает литературному душеприказчику Маркса и Энгельса,— не подобает Рерингу!

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС КАК ШОВИНИСТЫ
(НОВОЕ ОТКРЫТИЕ Ю. ГАРДЕНИНА)

I

Интернационализм немецкой социал-демократии не выдержал испытания. Она оказалась в плену у национальной идеологии. Ее упрекают в измене Интернационалу, ее обвиняют в забвении принципов Маркса и Энгельса. В этом сходятся одинаково Плеханов и Вальян, которые, каждый на свой лад, доказывают, что немецкие социал-демократы забыли основные положения «Коммунистического манифеста», забыли клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Правда, ни один из обвинителей не вспомнил, что, стремясь *к победе* Франции, Англии и России, он тем самым желает *поражения* Германии и Австрии, что *русский* или *французский* пролетариат может в этой войне *выиграть* только за счет *немецкого* или *австрийского* пролетариата; что ни одна *часть* Интернационала не имеет права считать себя *избранной* частью или *всем* Интернационалом; что интернационалист в этой войне,— если еще может итти речь о другом *желании,* кроме желания, чтобы эта международная резня как можно скорее прекратилась,— может желать победы только *всему международному пролетариату* против *всего международного капитала.*

Правда, каждый из обвинителей доказывал при этом, что для него «Коммунистический манифест» оказался забытой книгой.

Но никто из всех нападавших на немецкую социал-демократию до сих пор не догадался искать корней ее «измены» в самом «Коммунистическом манифесте», никому до сих пор не пришло в голову искать виноватого в авторе «Гражданской войны во Франции».

Наоборот, все противопоставляют поведение Маркса и Энгельса, Бебеля и Либкнехта поведению их современных приверженцев.

И вот, против этого «установившегося мнения» выступает в «Мысли» Ю. Гардении. Он «посмотрел в корень», и пришел к выводу, что «разыгравшееся на наших глазах полное банкротство интернационализма немецких учеников не стоит изолированно, что оно своими корнями уходит во взгляды их учителей» [1]).

Доказательство он нашел в недавно изданной переписке Маркса и Энгельса, особенно в той части ее, которая касается франко-прусской войны. Так как выставленные Ю. Гарденияым положения не только на первый взгляд являются «совершенно невероятными» — Ю. Гарденин сам опасается, что их могут объявить «злостной клеветой на первооснователей научного социализма»,— то мы формулируем тезисы Ю. Гарденина его собственными словами:

«Первое, что нам приходится установить, это тот факт, что в этой войне Маркс и Энгельс занимали позицию, которая менее всего может быть названа беспристрастной. А именно:

«1) вопреки истинному положению вещей, они упорно считали виновницей воины и нападающей стороной Францию, а не Германию;

«2) они совершенно определенно желали победы Германии;

«3) они охотно обосновывали теоретически желательность этой победы «под углом зрения пролетариата»;

«4) менее всего брали они в дальнейшем столкновении сторону Французской республики, которую они совершенно не хотели брать всерьез и третировали en canaille;

«5) оппозиция их отторжению Эльзас-Лотарингии была в большой степени платонической, и спокойной, а отнюдь не «ожесточенной»;

«и, наконец, 6) к самым проектам провозглашения Парижской коммуны и т. п. революционным методам выступлений они относились в высшей степени отрицательно, пока они не воплотились в жизни и не вписали в историю одну из самых блестящих страниц классовой борьбы пролетариата».

И почему все эти преступления Маркса и Энгельса до сих пор оставались неизвестными? Да просто потому, что в своих опубликованных сочинениях Маркс и Энгельс не высказывались

[1]) *Гардении Ю.*, Неожиданное откровение. «Мысль», № 13. (Гарденин — псевдоним В. Чернова.)

так же откровенно, как в таившейся под спудом частной переписке». Хуже того. «Они находили нужным *прямо скрывать* некоторые из своих мнений». К счастью, Бебель и Бернштейн, в своей простоте, не заметили, что они выдают своих «учителей головою, и теперь Ю. Гарденин может их всенародно уличить, не рискуя оказаться «злостным клеветником», как многие из его предшественников в деле посрамления Маркса и Энгельса.

II

Прежде чем мы перейдем к изложению действительных взглядов Маркса и Энгельса на франко-прусскую войну и их отношения к Коммуне, мы должны посвятить несколько слов приемам Ю. Гарденина.

Его метод давно известен: выдернуть несколько цитат из контекста, не обращая ни малейшего внимания на «обстоятельства времени и места», в которых данное мнение было высказано, не останавливаясь перед искажением или «исправлением» текста, и начать жонглировать этими цитатами перед глазами читателя с такой быстротой, что даже друг-читатель, ослепленный этим калейдоскопом. в конце концов скажет: не все же тут ловкость рук и обман!

Можно себе представить, какое раздолье открывается для такого цитатокопателя, когда он попадает на частную переписку двух близких друзей, сообщающих друг другу все свои заветные мысли, привыкших делиться друг с другом всеми соображениями и идеями, пришедшими в голову под первым впечатлением свалившихся неожиданно событий. С каким торжеством выуживает этот, с позволения сказать, исследователь в частной переписке великого мыслителя идеи, на которых заметны еще свежие следы неотстоявшейся жизни, которые не были еще переработаны в горниле беспощадной самокритики.

При таких благоприятных условиях можно было бы ожидать, что хоть на этот раз Ю. Гарденин откажется от соблазна corriger la fortune. Но, как увидим дальше, привычка — вторая натура.

В статье «Интернационализм на ущербе» [1]) Ю. Гарденин так цитирует Энгельса:

[1]) «Мысль», № 50.

«Хочу надеяться, что люды опамятуются, очнувшись от первого удара, ибо иначе будет чертовски трудно иметь с ними какое-нибудь интернациональное общение! Вся эта республика, как и ее безбоевое происхождение, доселе — чистейший фарс. Эти господа из временного правительства и парижские буржуа, повидимому, великолепно понимают и то, что «продолжение войны» есть не более, как фразистый оборот речи... Не очень вероятной кажется мне и партизанская война, которая вынудила бы прусские войска к массовым расстрелам, но которая кое-где под первым впечатлением революции, может проявиться».

Эта цитата должна показать, что Маркс и Энгельс совершенно не хотели брать всерьез Французскую республику и третировали ее en canaille. Но как она скомпонована! За словами: *«чистейший* фарс» (курсив принадлежит Ю. Гарденину), следует еще несколько строк, которые мы восстанавливаем:

«Вся эта республика, как и ее мирное происхождение до сих пор чистый фарс. Как я уже две недели назад, и еще раньше, ожидал,— орлеанисты хотят республики на время, которая заключила бы позорный мир так, чтобы эта тягота не пала на подлежащих позднее реставрации Орлеанов. Орлеанисты имеют в своих руках действительную власть: Трошю — военное командование и Кератри — полицию: господа левые получили лишь посты, на которых можно заниматься только болтовней (Schwatzposten). Так как Орлеаны теперь единственно возможная династия, то они могут спокойно ждать до более удобного времени, пока они действительно не доберутся до власти».

Итак, республика, которую Энгельс третирует en canaille, временное правительство, которого он не хотел брать всерьез, была той самой республикой, против которой поднял знамя восстания Бланки, против которой после восстал и парижский пролетариат! А Ю. Гардении выдернувший цитату из письма, писанного 7 *сентября*, ловким движением рук скрыл от читателя те слова Энгельса, которые дают цитате совершенно другой смысл. Единственным оправданием для него может служить только полное незнание истории третьей Французской республики!

Но Ю. Гардении не только французскую историю плохо знает, он, несмотря на усердное чтение протоколов немецких конгрессов, до сих пор плохо знаком и с немецким языком! Чтобы взвести на Маркса и Энгельса облыжное обвинение, что они считали вой-

ну 1870 года в такой же степени *своей,* в какой немецкие социал-демократы считают текущую войну. Гарденин опять цитирует или «поправляет»: «Конечно, есть одна», «досадная подробность», а именно: «всегда нас будет несколько бламировать то обстоятельство, что мы ведем войну под знаменем Вильгельма».

В действительности же Энгельс пишет — и пишет *31 июля 1870 года,* когда французы вели войну под знаменем Наполеона: «Во всяком случае, нас все больше бламирует то обстоятельство, что мы ведем войну под знаменем Вильгельма. Хорошо однако, что он себя делает страшно смешным со своей божественной миссией и своим Штибером [1]), без которого, как видно, и немецкое объединение не будет готово».

И Ю. Гарденин прибавляет с торжеством:

«Маркс и Энгельс, «по своему и сами того не желая», работали «pour le roi de Prusse», явились игрушками и служили видам Бисмарка!»

Но Ю. Гардении может еще лучше. У него одна и та же цитата две службы служит,— в разных переводах! Чтобы доказать, что *Маркс и Энгельс* старались примирить французских рабочих с отторжением Эльзас-Лотарингии, он цитирует письмо Энгельса, писанное *12 сентября 1870 года,* уже после того как Интернационал, а следовательно и Маркс и немецкие социал-демократы самым решительным образом протестовали против предполагавшегося отторжения Эльзас-Лотарингии. Энгельс, который, как мы после увидим, более скептически, чем Маркс, смотрел на возможность успешной волонтерской войны во Франции, пишет: «Если рабочие победят теперь — на службе делу национальной обороны,— то они вступят в наследство Бонапарта и теперешней буржуазной республики, будут без всякой пользы побиты немецкой армией и отброшены опять на двадцать лет. При выжидании же сами они ничего не теряют. Возможное перераспределение границ и без того носит только преходящий характер».

Теперь пусть читатель сравнит, что делает с этой цитатой Ю. Гарденин сначала в статье «Интернационализм на ущербе», а затем в статье «Прямые и кривые пути» [2]).

Ю. Гардении негодует на Маркса, который собирался поме-

[1]) Начальник тайной полиции.

[2]) «Мысль», №№ 50 и 53.

шать «французской секции Интернационала» в Лондоне, стремившейся в Париж — «делать там всякие глупости» от имени Интернационала. Следует цитата, которая должна показать, что Маркс «тормозил все живые начинания и вставлял палки в колеса всякой смелой революционной инициативе».

Но знает ли Ю. Гарденин, какую роль играла эта секция? Знает ли он, что собой представлял Феликс Пиа, которого она собиралась назначить французским посланником в Лондоне? Рекомендуем ему прочесть любую — не полицейскую — историю Коммуны. Чтобы облегчить ему эту работу, напоминаю ему об истории Коммуны П. Лаврова, в которой он найдет следующие строки:

«Феликс Пиа, шатаясь между верной идеей и своей литературной эпилепсией, становился практичным лишь тогда, когда дело шло о собственной безопасности». И в примечании Лавров прибавляет цитату из Лиссагарэ: «Он предлагал почетное ружье тому, кто убьет короля прусского, и поддерживал изобретение греческого огня, который должен был изжарить немецкую армию» [1]).

На языке Ю. Гарденина это называется «живым начинанием» и «смелой революционной инициативой».

Козьма Прутков, которого так любит цитировать Ю. Гарденин. в своих «Плодах раздумья» справедливо замечает:

«Рассуждай токмо о том, о чем понятия тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?»

Не имея ни малейшего понятия об истории Интернационала, Коммуны, Франции, Германии и т. д., можно ли выступать с суждениями о Марксе и Энгельсе, да еще с нарочитою целью доказать, что они делали дело Гогенцоллернов и Бисмарка?

Можно ли до такой степени компрометировать или бламировать «этический» социализм?

III

«До сих пор думали, — пишет Маркс,—и что христианское мифотворчество могло процветать в эпоху Римской империи только потому, что тогда не было изобретено еще книгопечатание. Как раз наоборот».

---

[1]) *Лавров П.,* 18 марта 1871 года, стр. 47.

Современная война лишний раз показала, во сколько раз интенсивнее процесс мифотворчества, когда к услугам современных мифотворцев явились печать и телеграф.

Не успел еще Гарденин закончить свои «исторические изыскания», как за ним уже ковыляет Камков и уверяет тех же все выносящих читателей «Мысли», что Маркс и Энгельс так же патриотически «приняли войну 1870—1871 годов, как Плеханов и Ропшин — или как Рубанович на лондонской конференции — современную войну. А сам Гарденин, взобравшись на вершины исторической теологии, теперь считает уже «неопровержимо доказанным» — c'est mon opinion et je la partage,— что именно Маркс и Энгельс повинны в том «первородном грехе», откуда есть пошли все прегрешения теперешней немецкой социал-демократии. С каждым новым открытием он приходит во все больший раж и теперь уже заявляет, что Либкнехт собирался даже бежать в Америку,— так сильно преследовали его Маркс и Энгельс за протест против франко-прусской войны [1]).

Мы уже показали в первой главе, каким методом пользуется Гарденин и как основательны его познания в области немецкого языка. Не имея ни возможности, ни желания разобрать критически все исторические упражнения нашего русского Фогта, мы решили его «мифам» противопоставить, на основании той же переписки и других всем доступных материалов, изложение «того, что было». Но прежде, чем мы перейдем к выполнению этой задачи, мы считаем нужным представить нашим читателям новый образчик гарденинской «проницательности».

В письме от 12 августа 1870 года Маркс пишет Энгельсу: «Вместе с этим письмом посылаю тебе массу вздора (Masse Zeug), который ты, по прочтении, пришлешь мне *с твоими* замечаниями и мнением». И уже в письме от 15 августа Энгельс ему отвечает: «Когда у человека три дня сильно брюхо болит и его к тому еще трясет лихорадка, то, даже на пути к улучшению, ему вряд ли может доставить большое удовольствие подробно распространяться о политике Вильгельма. Но так как ты должен иметь назад этот хлам (den Kram), то да будет» [2]).

Гарденин «переводит» это место так:

[1]) *Гарденин Ю.,* Порвородный грех. «Мысль», № 55.

[2]) Энгельс писал свои письма, мало заботясь о «приличиях».

«Распространяться о политике Вильгельма — удовольствие небольшое, но так как ты должен иметь дело с этой чепухой, то делать нечего!

Чтобы показать, что он в области исторической критики так же силен, как в области немецкого языка, он прибавляет дальше: «Энгельс, видимо, отвечает на какое-то несохранившееся письмо Маркса»

А ларчик просто открывается! Как секретарь Генерального совета для Германии, Маркс получил от Браке и Бонгорста («некоего» Бонгорста,— говорит Гарденин,— которому остался неизвестным факт, что именно Бонгорст и Браке были «политическими друзьями» между собою и политическими противниками Либкнехта) письма по поводу конфликта между ними и Либкнехтом. Желал знать мнение Энгельса, он посылает ему всю эту «массу вздора», и Энгельс, по прочтении, отсылает ему назад весь этот Kram (хлам, ерунда).

Удивительно ли, что Гарденин так легко делает новые открытия! И еще легче творит новые легенды!

Несколько предварительных замечаний для обыкновенного читателя, которые, впрочем, небесполезно будет знать и Ю. Гарденину.

Когда вспыхнула франко-прусская война, Энгельс жил еще в Манчестере. В политической жизни он не принимал никакого активного участия.

В описываемое время он был поглощен ликвидацией своих дел и приготовлением к переезду в Лондон, куда и прибыл после 16 сентября. Членом Генерального совета Интернационала он был выбран всего лишь 4 октября, через несколько недель после избрания Лопатина. Напротив, Маркс был уже несколько лет влиятельнейшим членом Генерального совета и его секретарем для Германии. Уже одно это обстоятельство обусловливало разницу в осведомленности.

Надо принять во внимание также и то обстоятельство, что Маркс и Энгельс *не всегда во всем были согласны,* и в том случае, когда выступали *сообща публично, их общее мнение* являлось иногда результатом согласования различных концепций. Переписка Маркса и Энгельса, даже в том неудовлетворительном виде, в каком она издана, потому и представляет такой интерес, что дает возможность проследить на целом ряде вопросов, как, не-

смотря на солидарность в основной точке зрении, расходились часто взгляды Маркса и Энгельса и как часто, только в результате продолжительного обмена мыслен, выкристаллизовывалось то, что нам теперь известно как общее мнение Маркса и Энгельса.

Не надо забывать и того, на что я указывал уже в первой главе и что так упорно забывают всякие Цитовичи: мы имеем дело с частной перепиской, в которой близкие друзья делятся своими впечатлениями под влиянием «текущего момента», в которой не приходится искать, поэтому, окончательно установившегося *мнения* или *убеждения* по какому-либо вопросу. В особенности это относится к Энгельсу. Тем комичнее является Ю. Гарденин, который то и дело заставляет Энгельса обращаться к французским пролетариям, чтобы сейчас же с торжеством указать, как мало убедительна логика Энгельса для этих французских пролетариев!

Чтобы судить о действительных взглядах Маркса и Энгельса, поскольку они являются *политическими актами,* за которые должно нести «перед судом истории» политическую ответственность, необходимо обращаться к их *публичным заявлениям* или *письмам,* которые они писали с целью оказать *определенное политическое воздействие на других.* Правда, и в этом случае нужно принять во внимание то, что сам Маркс называет «die brutale Sprache von Briefen». Это уже испокон века так ведется, что страстные люди — а их среди революционеров больше, чем среди правительственных и литературных прокуроров — в своих письмах выражаются чересчур «брутально», до такой степени «брутально», что не только всякие тряпичные душонки возмущаются, но и сами авторы этих писем после сожалеют о таковой своей «брутальности». Наш легкомысленный Ю. Гардении мог бы узнать у своего приятеля Чернова, как «ловко» использовал некий прокурор письма социалистов-революционеров, в которых они друг о друге отзывались, как это только могут делать люди, всей душой преданные делу, но забывающие, что их письма могут попасть к какому-нибудь охранному историку.

Вполне понятно, что мы и в письмах Энгельса и Маркса найдем раздражительные отзывы о Либкнехте. Правда и то, что оба друга не были особенно высокого мнении о многих его политических выступлениях и часто расходились с ним очень резко. Но оба они *чрезвычайно высоко* ценили Либкнехта как политиче-

ского деятеля, и мы могли бы привести из их частной переписки многочисленные свидетельства, убедительные даже для Ю. Гарденина.

Наоборот, чтобы иметь возможность разобраться в тех немногих письмах,— от 20 июля до 16 сентября 1870 года,— в которых Маркс и Энгельс обменялись своими впечатлениями по *поводу первой фазы франко-прусской войны* [1]), надо знать, что Маркс и Энгельс были оба сильнейшим образом настроены против Либкнехта, который, начиная с Базельского конгресса Интернационала (сентябрь 1869 года), совершил, по их мнению, ряд грубейших ошибок. Так, в угоду южно-немецким демократам, он занял, в вопросе о коллективной земельной собственности, весьма двусмысленную позицию; в своем увлечении чисто политической борьбой он, в вопросе о парламентаризме, стал на точку зрения анархистов; в своей подчас слепой вражде к Швейцеру и ненависти к Бисмарку он ударяйся в совершенно неприемлемые крайности. Если бы Ю. Гарденин не ленился чаще обращаться к немецко-русскому словарю и внимательнее прочитал бы письма Маркса и Энгельса, хотя бы за 1867—1879 годы, он нашел бы в этом смысле для себя много интересного и понял бы, почему Маркс и Энгельс так неодобрительно относились к тому, что они называли у Либкнехта «Prinzipienreiterei» и что заставляло его зачастую жертвовать интересами *социальной политики* в угоду требованиям *политической агитации*. Но Маркс и Энгельс ограничились только критикой в *частных* письмах к Либкнехту, а это приводило к тому, что не только вне Германии, но и в самой Германии создавалось впечатление, что Либкнехт действует солидарно с Марксом.

В таком же положении находились и те лассальянцы, которые за несколько месяцев до франко-прусской войны откололись от Швейцера и образовали, вместе с группой Либкнехта и Бебеля, эйзенахскую партию. Со Швейцером они разошлись, главным образом, по вопросу об *организации* партии и вошли в новую партию не только с определенным credo, сильно отличавшимся от credo Либкнехта с его *австрофильскими* симпатиями, но и с определенными *социально-политическими* тенденциями. О тех разногласиях, которые существовали среди «марксистов» — между Либкнехтом и Бебелем, а также между Либкнехтом, с одной стороны, и Энгельсом и Марксом, с другой,— они не имели почти

[1]) О чем Ю. Гарденин, мимоходом сказать, упорно забывает.

никакого представления. Во всяком случае ясно, что такой крупный исторический кризис, как франко-прусская война, вновь поставивший на очередь вопрос, о *методах немецкого объединения*, разделявший германскую демократию, не мог не вызнать крупного конфликта между бывшими лассальянцами и Либкнехтом.

15 июля французское правительство объявило Пруссии войну. На другой же день брауншвейгцы (так мы будем называть членов центрального комитета эйзенахцев) созвали собрание и в принятой этим собранием резолюции всю ответственность и «позор» взвалили на Бонапарта и депутатов французского народа, с преступным легкомыслием нарушивших мир Европы, и первой обязанностью немецкого народа — «поруганного, подвергшегося нападению» — провозгласили оборонительную войну.

Согласен ли был Маркс с этим взглядом, который с самого начала отказывался от всякой критики по отношению к правительству своей страны? Ответ на этот вопрос, даст письмо Маркса от 20 июля 1870 года.

«Вместе с этим письмом посылаю письмо Кугельмана. Он прав в своей критике воззвания брауншвейгского собрания».

А что отвечает Энгельс?

Браво, Кугельман! Видно, что он недаром прошел через свою школу. Гипотеза совершенно в духе актеров и объясняет все. По если она в действительности справедлива, то она уже переросла Бисмарку через голову. Этим господам удалось вызвать в Германии настоящую национальную войну».

Будем надеяться, что Рязанову или другой «архивной крысе» удастся найти это письмо Кугельмана, и мы тогда, с достоверностью узнаем, в чем критика Кугельмана была, по мнению Маркса, права. Во всяком случае, Маркс и Энгельс уже с самого начала не стояли на политической наивной точке зрения брауншвейгцев.

Но в том же письме Маркс указывает нам на другой источник: «Генеральный совет поручил мне вчера написать воззвание». Вчера — это 19 июля, воззвание подписано 23 июля.

Оно начинается цитатой из учредительного адреса Интернационала, в котором обсуждается «внешняя политика, играющая на национальных предрассудках, преследующая преступные планы и растрачивающая кровь и достояние народа в разбойничьих войнах», и внешняя политика. Интернационала определяется как политика, которая хочет, чтобы верховной нормой в отношениях меж-

ду народами служили те же простые законы нравственности и справедливости, которые регулируют отношения между частными лицами.

Далее следует обвинительный акт против Наполеона. Маркс дает сжатую картину его борьбы с Интернационалом, которая еще более усилилась после того, как французские секции Интернационала повели ожесточенную агитацию против нового плебисцита. Он кончает филиппику против Бонапарта следующим пророчеством:

— Как бы ни окончилась война Бонапарта с Пруссией, смертный час второй империи в Париже уже прозвонил. Она кончится, как и началась, «пародией».

Следует ли из этого, что виновен один только Наполеон?— Нисколько:

«Не забудем, что именно правительства и господствующие классы Европы помогали Бонапарту в течение 18 лет разыгрывать позорный фарс реставрированной империи».

В первую голову идет Германия:

«С немецкой стороны война является оборонительной Но кто поставил Германию в необходимость обороняться? Кто вызвал в Бонапарте искушение напасть на Германию? *Пруссия.* Разве не с этим самым Бонапартом она конспирировала, чтобы у себя дома победить популярную оппозицию и аннектировать Германию к династии Гогенцоллернов? Если бы сражение при Садовой было проиграно, а не выиграно, то французские батальоны наводнили бы Германию, как союзники Пруссии. После победы думала ли Пруссия, хоть на одно мгновение, противопоставить порабощенной Франции свободную Германию? Совершенно напротив. В то время как она тщательно сохранила все прирожденные прелести своего старого режима, она, и то же время, привила ему все характерные черты второй империи, ее действительный деспотизм и ее псевдодемократизм, ее политические уловки и ее финансовые мошенничества, ее пустозвонные фразы и низкое фокусничество. Бонапартистский режим, который до того времени процветал лишь на одном берегу Рейна, получил теперь свой pendant на его другом берегу. Может ли что-нибудь другое быть следствием таких условий, кроме *войны*?»

А Ю. Гарденин хочет уверить нас что Маркс вопреки истинному положению вещей, упорно считал *виновницей* войны и нападающей стороной только Францию, а не Германию!

Конечно, мы теперь многое знаем, что Марксу и Энгельсу не было известно. Но именно, в отличие от «брауншвейгцев и лассальянцев, Маркс и Энгельс уже тогда прекрасно понимали, что *виновником* воины является не только Наполеон, но и Бисмарк, дипломатическое искусство которого в том и состояло, что войну, которой он хотел не менее усердно, чем военная партия по ту сторону Рейна, он заставил объявить себе и, таким образом, наступательную войну *Пруссии* превратил в *оборонительную* войну Германии.

«Маркс и Энгельс настойчиво утверждали, что война 1870—71 годов была со стороны *Пруссии* чисто оборонительной войной. Маркс даже отказался подписать один адрес против войны, пока в него не будет вставлена фраза, которая, хотя бы в самой сдержанной и дипломатической форме, подчеркивала оборонительный характер со стороны немцев».

Ю. Гарденин осторожен. Он не имеет ни малейшего представления, о каком адресе идет речь, он даже не знает толком, кто является его автором. Но — привычка вторая натура — он и тут не мог удержаться, чтобы не поправить цитату.

Маркс пишет в действительности: «Я прочитал этот вздор — слабо, фразисто и, из любезности по отношению к французам, которые с ним ведут это дело, никакого даже намека на оборонительный характер войны со стороны немцев (я не *говорю* — *«Пруссии»*)».

Конечно, для Гарденина, что немец, что пруссак — все едино. Марксовская диалектика для него всегда была книгой за семью печатями, и на этот раз он, вероятно, утаил конец цитаты просто потому, что в своей метафизической слепоте не заметил его.

Мы считаем нужным все же успокоить Гарденина. Маркс подписал тот адрес, но, так как он не мог подписать адреса, который говорил бы прямо противоположное тому, что он писал в адресе Интернационала, он настоял на том, чтобы к его имени сделано было примечание: «поскольку взгляды, развитые в этом протесте, совпадают с адресом Интернационала». И представьте себе, о проницательный Гарденин!— на таком же условии согласился его подписать и *француз* Talandier, большой приятель Герцена. Да и вообще адрес этот имел значение лишь постольку, поскольку он являлся *общим протестом французов и немцев* против войны.

Конечно, если бы Маркс был так же смел, как хотя бы Рубанович, он, без всяких оговорок, подмахнул бы свое имя под адресом, который всю *вину* за преступную войну возлагал бы только на одну сторону. Но он, как известно, не дорос еще до понимания высоких этических идеалов, с точки зрения которых редакция «Мысли» нам так авторитетно заявляет:

«Можно — и нужно — предпочитать победу тройственного согласим победе двойственного союза. Можно при этим мириться с фактом, что участником этой победы будет *царская* Россия. Положение крайне сложно, и из двух зол приходится выбирать меньшее. Но дойти до того, чтобы эту победу выдать за фактор, который *сам по себе* оздоровит нашу внутреннюю жизнь... это уже слишком. Надо же и стыд знать» [1]).

Надо же и стыд знать,— скажем и мы Гарденину.

Положение было крайне сложно — а для немцев и еще сложнее и в 1870 году. Мы видели, как решил вопрос о том, кто прав и кто виноват, Маркс. Французская революционная демократия решала его большей частью так, как и Либкнехт, который еще *до* 19 *июля 1870 года* был убежден, что войны хотел Наполеон и что Бисмарк, сняв кандидатуру Гогенцоллерна, самым позорным образом струсил. Именно в этом обстоятельстве Либкнехт и видел решительное осуждение всей политики Бисмарка, разорвавшей Германию на две части. А так как он преувеличивал оппозицию южно-немецких государств, то опасался новой междоусобной войны в Германии, которая послужила бы на пользу только Франции и России. И о том, что Бисмарк отступил перед угрозами Наполеона, Либкнехт писал в своей газете еще. *16* июля *1870 года.* Лучшее доказательство, как ослепляла его ненависть к Бисмарку. Статья производит впечатление, как будто Либкнехт хочет провоцировать Бисмарка на войну.

Такая точка зрения вызвала конфликт с Бебелем, который, не отрицая *исторической* вины Бисмарка, как автора войны 1871 года, все же был уверен, что Бисмарк и теперь, в 1870 году, далеко не так боится этой войны, как думал Либкнехт, а, наоборот, желает ее. По словам Бебеля, этот конфликт был улажен только при помощи Гейба, председателя контрольной комиссии, и с 20 июля «Volksstaat» занял другую позицию.

---

[1]) «Мысль», № 45.

В передовице этого номера Либкнехт нападает на Наполеона, не менее резко, чем «брауншвейгцы»: «Наши интересы требуют уничтожения Бонапарта. И наши интересы находятся в гармонии с интересами французского народа». Но он не ограничивается этим. Как Маркс в адресе Интернационала, он устанавливает и вину Пруссии и вину Бисмарка, правда при помощи других аргументов.

Поэтому Либкнехт, еще накануне тогдашнего исторического заседания рейхстага, полагал, что они должны вотировать против кредитов, так как обе стороны *одинаково виновны*. Но Бебель настоял на воздержании, ибо он опасался, что в Германии — а она тогда далеко еще не совпадала с Северо-немецким союзом, в котором распоряжалась Пруссия — их вотум против займа будет понят как вотум в пользу Наполеона.

Как отнесся Маркс к этому акту? Неодобрительно?

Наоборот. В заседании Генерального совета (26 июля) он перевел декларацию Либкнехта и Бебеля, и «Volksstaat» мог уже через неделю сообщить с торжеством, что декларация встретила чрезвычайно одобрительный прием в Генеральном совете.

Зато «брауншвейгцы» были возмущены и сейчас же ответили новым воззванием. В отличие от Либкнехта и Бебеля, они *идеализировали* войну и выражали надежду, что им удастся, путем содействия ей, помочь рождению нового «социал-демократического народного государства», что эта война принесет им то, что «народу следует von Gottes und Rechtes wegen».

Только тогда конфликт между ними и Либкнехтом-Бебелем принял еще более резкие формы. Из мемуаров Бебеля видно, что как раз после этого Либкнехт писал о своем желании эмигрировать в Америку, пока этот «национальный пароксизм», захвативший и «брауншвейгцев», не пройдет.

Именно в это время последние обратились к Марксу, которому и пришлось взять на себя роль судьи. Что точка зрения «брауншвейгцев» для него была неприемлема, об этом нечего и говорить. Но он также мало мог согласиться и со всеми теми аргументами, которыми Либкнехт защищал свою тактику *после* того, как выяснился ряд обстоятельств, остававшихся неизвестными до 21 июля 1870 года. Оказалось, что война, объявленная Пруссии, после присоединения всех *южно-немецких* государств, превратилась в общегерманскую (за исключением, конечно, Австрии). Опублико-

вание Бисмарком целого ряда документов, свидетельствовавших о притязании Наполеона на немецкие земли, вызвало взрыв «национального пароксизма» как раз в южно-немецких государствах. Сам Либкнехт в «Volksslaat'e» еще больше усилил свои нападки на Наполеона, но упорно продолжал подчеркивать различие между немецко-национальными интересами и династическими интересами Гогенцолернов. И так же упорно отказывался разделить оптимистические надежды, которые брауншвейгцы возлагали на победу над бонапартизмом

Так вот, если мы обратимся теперь к письму Энгельса (15 августа 1870 года), в котором он сообщает Марксу, по просьбе последнего, свой мотивированный ответ на письмо «брауншвейгцев», мы увидим, что шесть тезисов, в которых он резюмирует свое мнение, по существу совпадают — с одним только исключением — со взглядами Либкнехта и Бебеля.

«Я думаю, что они (товарищи в Германии) могут:

«1) Примкнуть к национальному движению, пока и поскольку оно ограничивается обороной Германии (что не исключает при известных условиях, до заключения мира, и наступления).

«2) Подчеркивать при этом различие между немецко-национальными интересами и династически-прусскими.

«3) Противодействовать аннексии Эльзаса и Лотарингии...

«4) Как только в Париже у руля правления очутится республиканское правительство, а не чиновническое, настаивать на заключении почетного мира.

«5) Все время выдвигать единство интересов немецких и французских рабочих, которые войны не желали и которые ее также не ведут.

«6) Россия — как в интернациональном адресе» [1]).

Маркс выражает свое согласие с этими тезисами по существу и отвечает Энгельсу, что именно в этом духе он ответил «брауншвейгцам». К сожалению, и этот ответ остается нам неизвестным.

Но, когда «брауншвейгцы» его получили, вторая империя уже пала. А вместе с провозглашением республики исчезли и разногласил между «брауншвейгцами» и Либкнехтом и Бебелем. Всякая видимость «оборонительной» войны исчезла, и первая же попытка

[1]) В адресе от 23 июля Маркс указал и на роди России во франко-прусской войне. Об этом после.

«брауншвейгцев» подчеркнуть это обстоятельство и приветствовать республику кончилась, как известно, для них очень печально.

К истории этого «манифеста» мы обратимся в следующей главе. Мы увидим тогда, в чем Маркс продолжал расходиться с Либкнехтом, не переставая в то же время одобрять его мужественный протест против войны.

IV

Только в одном пункте Маркс не согласен с Либкнехтом. Но это разногласие, как мы уже указали прежде,— старое, в достаточной степени выявившееся еще в периоде от 1866 до 1870 года. И характерно для «брауншвейгцев», что в своем манифесте, для которого основой им служило письмо Маркса, они могли против Либкнехта использовать один выпад, который так и цитируют целиком:

«Настоящая война,— пишет нам товарищ,— открывает собой всемирно-историческую эпоху именно потому, что Германия доказала, что, даже с исключением Немецкой Австрии, она способна, независимо от «заграницы», итти своим собственным путем. Что она сначала обрела свое единство в прусской казарме, для нее является наказанием, которое она в полной мере заслужила. Но и в этом случае непосредственно достигается определенный результат. Мелкие пакости, как, например, конфликт между национально-либеральными северо-германцами и демократическими южно-германцами, не будут уже больше, без всякой пользы, заграждать дорогу. Условия будут развиваться в большом масштабе и упростятся. Если немецкий рабочий класс не будет при этом играть выпавшую ему на долю роль, то это будет его вина. Эта война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию. А вместо с этим на немецкий рабочий класс ложится более великая ответственность».

Из переписки Маркса мы знаем теперь, что он был возмущен дословной перепечаткой целого ряда мест из его частного письма. Почему?

Во-первых, наивные «брауншвейгцы» забыли разницу между *частным* письмом и *официальным партийным документом* — разницу, которую в состоянии будет понять даже Гарденин, если он сравнит свои *частные* письма со своими *публичными* статьями.

Во-вторых, брауншвейгцы забыли «обстоятельства времени и места» и указали в своем манифесте на его действительного автора, как выражается Маркс, «вилами». А ежели Гарденин даст себе труд припомнить, какую роль в процессе Либкнехта и Бебеля играло обвинение их в том, что они действовали под влиянием «заграничной агитации», что они были орудием в руках «Интернационалки» и ее злого духа Маркса, то, вероятно, даже он сообразит, почему Маркс был так недоволен тем обстоятельством, что брауншвейгцы, вместо того чтобы *литературно* обработать данные им указания, предпочли их опубликовать на «брутальном языке» частного письма.

А наивный Гарденин даже не понимает, почему Маркс был в особенности недоволен тем, что брауншвейгцы в свой манифест включили его мысли о вероятном перемещении, в результате войны, центра тяжести рабочего движения из Франции в Германию! Единственное объяснение, которое находит наш пропитанный этикою революционный социалист, «как нельзя более просто»: Маркс и Энгельс, видите ли «находили нужным *прямо скрывать* некоторые из своих мнений!»

Бедный Гарденин, поменьше этики, побольше нравственной чуткости.— и вы найдете другое объяснение!

Если вы знаете, какое место Маркс занимал уже тогда в международном рабочем движении, если вы вспомните, что война разразилась как раз тогда, когда в Интернационале уже назревал раскол между «романо-славянскими» и «германскими» элементами,— вы поймете, что Маркс считал крайне нетактичным в такой момент констатировать публично даже не *пожелание,* а только *предположение,* что центр тяжести европейского рабочего движения переместится из Франции в Германию. Тем более, что, как он пишет Энгельсу, он писал об этом брауншвейгцам, чтобы их одушевить, чтобы указанием на их большую историческую ответственность побудить их сейчас же начать агитацию за почетный мир с французской республикой и против отторжения Эльзас-Лотарингии. Он, ведь, знал, что имел дело с людьми, которые были увлечены потоком «национального пароксизма», и боялся, что, за требованиями «защиты отечества», они забудут свои *интернациональные* обязанности.

Правда, опасения его не оправдались. Как ни были чувствительны к вопросам «национальной» обороны французские члены

Интернационала, только что пригласившие немцев *убраться к себе, но за Рейн* [1]), среди них не нашлось ни одного умника, даже среди тех, которые по-немецки понимали лучше, чем Ю. Гарденин, чтобы в мнении Маркса о *вероятных* последствиях этой войны для судеб европейского рабочего движения найти *«состав преступления».* Опасения Маркса, оказались напрасными. Честь этого «нежданного откровения» досталась на долю Ю. Гарденина!

Зато оправдались его надежды на «воодушевляющее» действие его письма на брауншвейгцев. Мы советуем Ю. Гарденину прочитать в отчете о процессе Либкнехта-Бебеля следующие места из показаний Браке, автора, брауншвейгского манифеста:

«Лейпцигцы (Либкнехт и Бебель) имели о последней войне, которую мы *ошибочно* (fälschlich) считали оборонительной войной, другое мнение. Это вызвало конфликт, и, чтобы уладить его, мы считали себя в праве апеллировать к приговору человека, которого мы все ценили. Этот человек был Маркс. Его ответ пришел накануне падения Седана и убедил меня вполне».

В чем убедил? В том, что война со стороны Пруссии была, по меньшей мере, столь же *наступательной,* как и со стороны Франции — Франции *Наполеона, а на республиканской* Франции.

Именно благодаря этому письму *Маркса* брауншвейгцы помирились с *Либкнехтом* и начали ожесточенную агитацию против отторжения Эльзас-Лотарингии и за немедленный почетный мир с Французской республикой. Правда, они не свергли Гогенцоллернов, как этого требовали от них некоторые члены *французской* секции Интернационала в *Лондоне,* но ведь и французы «свергли» Наполеона только после того, как он очутился в плену у Гогенцоллернов!

Безграничное невежество Ю. Гарденина можно оценить, только прочитав второй манифест Интернационала по поводу воины, датированный 9 сентября. Все, что он с таким торжеством выкопал «в таившейся под спудом частной переписке», пропечатано черным по белому в документе, который сейчас же был переведен и на французский язык.

Для русских читателей интересно будет узнать, что, в отличие

[1]) Авось, Ю. Гарденин хоть в этом случае поймет, как «шовинистически» звучало в устах французских членов Интернационала это требование. А оно было подписано Вальяном!

от первого манифеста, второй подписан Марксом не только в качестве секретаря Генерального совета для *Германии,* но и для *России.* В заседании 6 сентября Марксом был предложен в члены Генерального сонета Лопатин.

Уже в первом манифесте Маркс сказал, что смертный час второй империи пробил, что она кончится, как началась, пародией. Ссылкой на это пророчество начинается второй манифест.

«Если мы не обманывались на счет жизнеспособности второй империи, то было ли неосновательно наше опасение, что немецкая война потеряет строго оборонительный характер и выродится в войну против французского народа? В действительности, оборонительная война закончилась с самовыдачей Наполеона, капитуляцией Седана и объявлением республики в Париже. Но еще задолго до этих событий, с того момента, как выявилось невероятное гниение бонапартовской армии, прусская военная камарилья высказалась за политику *завоевания*».

Мы пропускаем критику немецкого либерализма, мы пропускаем также критику «материальных гарантий» прочного мира, сводившихся к необходимости расчленения Французской республики. Только Гарденины могут требовать от Маркса и Энгельса, чтобы они начали свою ожесточенную борьбу против отторжения Эльзас-Лотарингии еще до франко-прусской войны. «Таившаяся под спудом частная переписка» показывает, однако, что эту борьбу они начали *задолго до объявления Французской республики* и раньше, чем кто-либо в Германии!

«Читатель видит, что на деле было обратное: Маркс и Энгельс, «по своему и сами того не желая», работали pour le roi de Prusse, явились игрушками и служили видам Бисмарка».

Сие «утверждает» и считает «неопровержимо доказанным» наш Ю. Гарденин. Пусть же он прочтет, что писал «немецкий шовинист» Маркс.

«Но,— скажут нам глашатаи тевтонского патриотизма,— не следует смешивать немцев с французами. Чего мы требуем, так это не славы, но безопасности. Немцы по натуре народ миролюбивый. Под их трезвой охраной само завоевание превращается из условия будущей войны в залог вечного мира. Конечно, не немцы запятнали свои руки покорением Италии, угнетением Венгрии, разделом Польши! Их современная военная система, которая делит все мужское

население, способное носить оружие, на две категории — постоянную армию «на действительной службе» и другую постоянную армию — «в отпуску», обе присягой обязанные пассивно подчиняться воле монарха божьей милостью,— такая военная система, конечно, является прочнейшей гарантией мирной политики и высшим воплощением цивилизующих тенденций!»

И, вслед за этой отповедью Бисмарку и выпущенной им своре купленных или добровольных лакеев Гогенцоллернов, Маркс набрасывает следующий гениальный прогноз европейской истории:

«Как в 1865 году произошел обмен обещаний между Наполеоном и Бисмарком, так в 1870 году между Бисмарком и Горчаковым. Как Бонапарт льстил себя надеждой, что война 1866 года, вследствие взаимного истощения Австрии и Пруссии, сделает его диктатором Германии, так Александр надеялся, что война 1870 года, приведя к взаимному истощению Франции и Германии, сделает его диктатором западного континента. Как вторая империя считала существование Северо-германского союза несовместимым со своим собственным существованием, так самодержавная Россия должна будет считать, что Немецкая империя под прусским главенством грозит ей опасностью. Таков закон старой политической системы. В ее пределах выигрыш одного государства является потерей другого. Господствующее влияние царя в Европе коренится в традиционной опоре, которую он находит в Германии. И в такой момент, когда в самой России вулканические социальные силы грозят подкопать основу самодержавия, может ли царь помириться с таким ущербом его внешнего *престижа?* Московские газеты повторяют уже слова бонапартистских газет после войны 1866 года. Думают ли тевтонские патриоты всерьез, что они свободу и мир Германии «гарантируют» тем, что бросают Францию в объятия России? Если счастье немецкого оружия, опьянение успехом и династическая интрига приведут к территориальному ограблению Франции, тогда для Германии остаются открытыми две дороги. Она рискует превратиться в *сознательное* орудие русских завоевательных планов,— политика, которая находится в согласии с традициями Гогенцоллернов,— или должна, по истечении короткого времени, опять готовиться к новой «оборонительной» войне, но не какой-нибудь новомодной «локализованной» войне, а к *войне рас,* к войне с союзными славянами и романцами.

Это и есть тот мир, который «гарантируют» Германии скорбные главою (hirnkranken) патриоты буржуазии» [1]).

А Ю. Гардении «утверждает» и «неопровержимо доказывает», что Маркс и Энгельс работали pour le roi de Prusse и служили видам Бисмарка!

Во второй части Манифеста Маркс формулирует практические задачи, которые диктуются создавшимся историческим положением рабочему классу. В первую голову он обращается к немецким рабочим и требует от них, чтобы они, в свою очередь, выставили требования действительных гарантий прочного мира и свободы. Такими гарантиями являются *почетный мир с Францией и признание Французской республики.*

Гораздо сложнее и труднее задачи французского пролетариата.

«Вместе с немецкими рабочими мы приветствуем республику во Франции, *но нас смущают опасения, которые, мы надеемся, окажутся неосновательными.* Республика не свергла трона, но заняла его место, очищенное прусскими штыками. Она была объявлена не как социальное завоевание, а как мера национальной обороны. Она находится в руках временного правительства, которое состоит частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, между прочим и таких, на которых июльское восстание 1848 года наложило неизгладимое пятно. Разделение труда между ними внушает подозрение. Орлеанисты захватили центры правительственной власти, республиканцы удовлетворились говорильными постами (Schwalzposten). Некоторые акты их показывают, что они от предшественников унаследовали не только руины, но и страх перед рабочим классом. Если в диких фразах от имени республики обещаются невозможные вещи, то не делается ли это для того, чтобы подготовить агитацию в пользу «возможного» правительства? Не должна ли послужить эта республика, согласно плану некоторых ее буржуазных антрепренеров, просто затычкой и мостом для орлеанистской реставрации?»

Бедный Ю. Гарденин! Сколько времени ухлопал он, чтобы, «наморщивши чело» и походя перебирая плохо попятный текст, отыскать в «таившейся под спудом частной переписке» якобы скры-

[1]) В английском оригинале слово «оборонительный» тоже заключено в кавычки. Последняя фраза о скорбных главою немецких патриотах имеется только в немецкой редакции.

ваемые Марксом и Энгельсом мнения о французской республике и вывести их на свет божий, чтобы посрамить этих тайных пособников Бисмарка!

И что же оказывается? Маркс ни чуточки не постыдился все это высказать еще 9 сентября 1870 года и в манифесте, обращенном к французским рабочим! Более того. У него хватило «бесстыдства» в этом же манифесте выступить публично со следующими советами французским рабочим:

«Французский рабочий класс поэтому находится в чрезвычайно затруднительных условиях. Всякая попытка свергнуть существующее правительство, в разгаре страшного кризиса, когда неприятель стучится уже почти у ворот Парижа, была бы отчаянной глупостью. Французские рабочие должны выполнять свой гражданский долг, и они делают это, но они не должны дать себя ослепить национальными традициями 1792 года, как французские крестьяне дали себя ослепить национальными традициями первой империи. Они должны не рекапитулировать прошлое, а строить новое будущее. Они должны использовать республиканские свободы, чтобы быстро развить свою классовую организацию, которая дает им геркулесовскую силу для возрождения Франции и нашего общего дела, освобождения труда. От их энергии и мудрости зависит судьба республики!»

А мудрый Ю. Гарднии пишет: «Переписка Маркса и Энгельса впервые показывает нам с достаточной полнотой, что тогдашние агенты Маркса во Франции — Серрайэ и Дюпон, тормозившие все живые начинания и вставлявшие палки в колеса, всякой революционной инициативы, делали это не просто по личной неспособности, но — увы!— творя волю пославшего».

В действительности, переписка дает нам теперь возможность проследить, как вырабатывались у Маркса и Энгельса взгляды, которые нашли свое классическое выражение в обоих манифестах Интернационала по поводу франко-прусской войны. Можно «утверждать», что они ошибались в оценке тогдашнего положения, что советы, которые они давали французскому пролетариату 9 сентября, неудовлетворительны, но возводить на них «злостную клевету», «утверждать», что они скрыли эти взгляды,— для этого нужна еще вся «этическая» развязность Ю. Гарденина.

Но, чтобы оценить во всей полноте его «утверждение», что «менее всего брали Маркс и Энгельс в дальнейшем столкновении сто-

рону Французской республики, которую они совершенно не хотели брать всерьез и третировали en canaille», нужно обратиться к другим показаниям. Читатель должен помнить, что переписка Маркса и Энгельса в 1870 году прекращается сейчас же по провозглашении Французской республики. В нашей заключительной главе мы проследим их деятельность во время второй фазы франко-прусской войны, а также во время Коммуны.

V

Мы видели, что в споре, который разгорелся между брауншвтйгцами и Либкнехтом, Маркс по существу стал на сторону последнего. Более того. Именно ему удалось переубедить Браке и товарищей. И сейчас же после провозглашения республики немецкая социал-демократия начинает вести энергичную агитацию за почетный мир с Францией и признание республики.

Положение, однако, было очень неблагоприятным. Преимущество немецкой армии над французской было подавляющим. Победы продолжали следовать одна за другой. Между 13 и 19 сентября был окружен Париж, 23 сентября пал Туль, а 27 капитулировал Страсбург. Базэн со 150-тысячной армией был охвачен железным кольцом под Мецом.

А временное правительство — правительство, перед которым теnрь идолоноклонствует Гарденин — с гораздо большей энергией организовало поход против «внутреннего врага». Неудивительно поэтому, что Энгельс очень пессимистически оценивал военные шансы республики. Так, еще в письме от 12 сентября 1870 года он пишет Марксу:

«Хуже всего то, что в Париже так редки люди, которые при настоящем положении дел в состоянии видеть вещи в их истинном свете. Где тот человек в Париже, который осмелился бы только *подумать,* что активная сила сопротивления Франции в этой войне уже сломлена, и что нет никакой надежды на изгнание вторгнувшейся армии путем революции».

Но дальнейшие события изменили его настроение. А Маркс, который в отличие от Энгельса, всегда *переоценивавшего* значение военного фактора,— а во время первой фазы 1870—1871 годов в особенности — придавал, как и во время северо-американской гражданской войны, когда, он с самого начала, вопреки авторитету

Энгельса и несмотря на первые поражения северных штатов, был убежден в победе последних, гораздо большее значение внутренним силам нации,— еще до провозглашения республики не терял надежды, что Франция избавлена будет от окончательного поражения. Его оптимизм укрепляется еще больше после 4 сентября, несмотря на опасения, которые ему внушат состав временного правительства.

Решающее значение имело изменение международного политического положения. С провозглашением республики Франция освобождалась от всех невыгод политической изоляции, пустоты, созданной вокруг нее с несомненным дипломатическим искусством тем самым Бисмарком, который теперь, к своему великому огорчению, очутился лицом к лицу с совершенно новым противником.

В Англии, в которой «общественное мнение» было возмущено против Наполеона,— с неподражаемым цинизмом Бисмарк опубликовал проект договора Наполеона с Пруссией, направленного против Бельгии,— настроение сразу изменилось.

«Эта республика — одна толька фраза — повернула все дело в другую сторону», пишет Маркс Энгельсу 14 сентября.

А тут на сцену явилась еще русская дипломатия. Если не формальным договором, то иным путем Бисмарк купил нейтралитет России указанием на компенсации, которые она может получить на Ближнем Востоке. Весьма вероятно, что этот мастер политической лжи, только что так ловко опять надувший Бонапарта, надеялся, что ему удастся так же легко провести русских дипломатов. Во всяком случае, ни он, ни его патрон не думали, что Россия поспешит раскрыть карты и выложить на стол свои козыри. А всякий выигрыш России на Ближнем Востоке был тогда проигрышем для Англии. Но Россия предпочла не ждать окончания войны.

20 октября, за семь дней до капитуляции Меца, Горчаков заявил английскому министру иностранных дел, что Россия не считает более для себя обязательными постановления парижского трактата 1856 года, запрещавшие ей содержать военный флот на Черном море. Таким образом, опять был поставлен на очередь дня, и в полном объеме, восточный вопрос, как совершенно неожиданное последствие прусских побед, и «мрачная фигура России», которая, по выражению Маркса в первом манифесте по поводу войны, до тех пор скрывалась за кулисами, одним скачком очутилась опять на авансцене европейской политической жизни. Вместо того,

чтобы получить вознаграждение из рук Бисмарка, Россия предпочла создать «un fait accompli», и теперь, с добычей в кармане, она уже собиралась играть роль великодушного покровителя несчастной Франции и восстановителя европейского равновесия!

Если бы во главе Французской республики не стояли тогда такие дельцы, как Жюль Фавр и Трошю, если бы действительная власть не принадлежала, по выражению Лаврова, «злейшим врагам» народа, если бы вместо того, чтобы сеять раздор между регулярной армией и национальной гвардией, эти горе-республиканцы объединили все силы сопротивления, Франция могла бы избавиться от пятимиллиардной контрибуции и потери Эльзас-Лотарингии. Только беззастенчивая политика Бисмарка, предъявившего даже для этих господ неприемлемые требования, да страх перед угрожающим положением, которое заняло население Парижа, заставили их пока отказаться от заключения мира и нехотя продолжать войну. Это же положение дало на время Гамбетте возможность показать, что даже буржуазная республика имеет в себе достаточно сил, чтобы оказать сопротивление победоносному врагу. Ведь война против империи, приведшая к капитуляции Седана, длилась каких-нибудь пять недель, а новой пока не предвиделось конца! Энгельс, который до самого конца войны критически регистрировал все ее события в ряде статей, написанных им для английской газеты «Pall Mall Gazelle» от июля 1870 года до февраля 1871 года, очень скоро переменил свое мнение и возлагал большие надежды на хорошо организованное народное сопротивление. Более того. Не только Вальян, но и Лафарг в своих воспоминаниях об Энгельсе пишет, что у последнего были тогда одно желание и одна надежда: торжество Французской республики [1]) И то же самое приходится сказать о Марксе.

Конечно, Гарденин имеет готовый ответ: Все это не более, как благочестивая легенда. В переписке Маркса и Энгельса нет и следов ее подтверждения. Но вольно же ему chercher le midi à quatorze heures! В переписке, которая заканчивается письмом от 14 сентября и запиской от 16 сентября, мудрено найти указания на то, что случилось после 16 сентября!

К счастью, мы имеем другой источник, который Гарденину должен быть так же хорошо известен, как и мне. Это — письма

[1]) «Neue Zeit», XXI. 2, p. 561.

Маркса к Кугельману. Возьмем письмо от 13 декабря 1870 года, в котором Маркс резюмирует новое положение:

«Здесь, в Англии, общественное мнение в начале войны было ультра-прусским, теперь оно превратилось в свою противоположность. В кафэ-шантанах немецких певцов с их «Die Wacht am Rhein» освистывают, тогда как французским, поющим «Марсельезу», подпевают хором. Кроме решительных симпатии народных масс к республике и негодования буржуазии на теперь всем ясный союз между Пруссией и Россией и бесстыдный тон прусской дипломатии со времени военных успехов, всеобщее возмущение вызывает также и способ ведения войны — система реквизиций, сжигание деревень, расстрелы франктиреров, взятие заложников и тому подобные позаимствования из практики тридцатилетней войны. Конечно, англичане все это проделывали сами в Индии, на Ямайке и т. д., но французы все же не индусы, не китайцы, не негры, и пруссаки не «небеснорожденные» англичане. Это — чисто гогенцоллернская идея, что народ совершает преступление, если он продолжает оказывать сопротивление, когда его постоянная армия уничтожена... Впрочем, мы еще посмотрим, чем дело кончится. Война во Франции может принять еще очень «пакостный» оборот. Сопротивление лаурской армии явилось совершенно неожиданным, а теперешнее рассеяние немецких сил направо и налево должно только страх нагнать, в сущности же вызывает лишь к жизни новые оборонительные силы во всех пунктах и ослабляет наступление. Таким же трюком является и возвещенная бомбардировка Парижа. На самый город она, по всем правилам теории вероятности, не может произвести никакого серьезного впечатления».

В своих военных рассуждениях Маркс опирается на статьи Энгельса. Что этот оптимизм в декабре 1870 года имел за собою достаточные основания, что военное положение Франции было тогда далеко не безнадежно, показали воочию все дальнейшие разоблачения. В то самое время, когда Энгельс писал в своих статьях, что все зависит от энергии народного сопротивления и партизанской войны,— «элемент, который имеют пруссаки особый дар вызывать всюду, где они появляются»,— что Франция нуждается только во времени и резервах,— настроение в прусском генеральном штабе было далеко не розовым.

«Даже такой уверенный и смелый стратег, как Блюменталь,— пишет историк франко-прусской войны Даниэльс,— временами со-

мневался в счастливом исходе кампании, когда, он наблюдал упадок духа в главном штабе. Там говорили о мире во что бы то ни стало, об отказе от Эльзас-Лотарингии.

И в своем дневнике Блюменталь писал:

«Последний ополченец должен быть призван к оружию, чтобы сражаться против Франции, а вместе с тем и революции. Позорный мир и революция в Германии тесно связаны друг с другом»

Нет, не благочестивая легенда — цитируемые Гарденином слова Вальяна, что Маркс и Энгельс, едва только 4 сентября была она провозглашена, горячо желали победы Французской республики.

Не важно, действительно ли,— как уверяет Вальян,— свое горячее желание победы Энгельс тогда простер до того, что «написал правительству национальной обороны, предлагая в его распоряжение свои военные советы». Это утверждали всегда и другие друзья Энгельса..

Мы лично думаем, что выраженное Энгельсом желание относится к более позднему времени. Во всяком случае, советы, которые он давал в своих статьях, привлекавших к себе тогда всеобщее внимание, шли в том же направлении, что и меры, предпринимаемые Гамбеттой и его товарищами, и дышали искренним желанием победы Франции. А эта «победа» означала тогда изгнание немцев из Франции

Когда Бисмарк 9 января 1871 года в циркулярной депеше к представителям Северо-германского союза при нейтральных державах возмущался против диктатуры правительства, которое требует у народа денег, чтобы продолжать войну, и распинался за свободу прессы и слова, Маркс ответит открытым письмом в редакцию «Daily News». Оно появилось под заглавием: «Свобода печати и слова в Германии».

Мы не будем приводить все это письмо [1]), где Маркс бичует свирепствовавший тогда в Пруссии произвол, который, правда, может показаться раем в сравнении с режимом печати в современных воюющих — «культурных» и варварских — странах. Свое письмо Маркс заканчивает следующими словами:

«Франция — и ее дело, к счастью, далеко еще не безнадежно — сражается в настоящее время не только за свою национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы».

[1]) Немецкой перевод помещен в «Neue Zeit», XX. 2. p. 607.

А наш дон-Базилио — Гарденин хочет нас уверить, что Энгельс упрямо не желал принимать республику всерьез и планы поднять всю страну против прусского нашествия упорно — вопреки очевидности — называл неискренним и парадным фразерством. «Мы не только это *утверждаем*. Мы теперь имеем право считать это *неопровержимо доказанным*».

Не скажет ли нам сосед Гарденина по газете — Камков, сколько раз надо с апломбом повторить одну и ту же неправду, чтобы она сошла за правду?

Даже после капитуляции Парижа Маркс — повторяем, что в этом отношении его взгляды разделял вполне и Энгельс — не теряет еще надежды. Его письмо к Кугельману, написанное 14 февраля 1871 года, и потому еще представляет огромный интерес, что вводит нас в историю возникновении Коммуны.

«Тебе известно мое отношение к героям буржуазии. Но Жюль Фавр и К° (известный еще своей деятельностью во временном правительстве и при Кавеньяке) превзошли все мои ожидания. Сначала они дозволили Трошю, этой «правоверной сабле» или «военному кретину», как его верно характеризовал Бланки, выполнить его «план». А план этот состоял в том, чтобы продолжать *пассивное сопротивление* Парижа до крайности, т. е. до истощения, а активную оборону свести к «платоническим вылазкам», к пародии на маневры. Я говорю это не на основании «догадок». Мне известно содержание письма, которое Жюль Фавр писал Гамбетте и в котором он жалуется, что он и другие члены оставшейся в Париже части правительства тщетно побуждали Трошю перейти к более серьезным наступательным действиям. Трошю на это каждый раз отвечал, что таким образом *парижская демагогия* получит перевес. Гамбетта ответил ему: «Vous avez prononcé votre propre condamnation!» Трошю считал более важным при помощи своей бретонской лейб-гвардии, которая оказывала ему те же услуги, что корсиканцы Наполеону, сдерживать красных в Париже, чем сражаться с пруссаками. Именно это и является действительной причиной поражений не только в Париже, но и всюду во Франции, где буржуазия, в согласии с большинством местных властей, действовала, согласно тому же принципу».

Маркс надеялся, что несоразмерные требования, которые Бисмарк сначала выставил, вынудят французскую буржуазию к дальнейшему сопротивлению.

«Я надеюсь, что Бисмарк будет настаивать на своих мирных условиях! 400 миллионов фунтов стерлингов военной контрибуции — половина английского государственного долга! Это поймут и французские буржуа! Они, быть может, поймут, наконец, что, продолжая войну, они, в худшем случае, *могут только выиграть*».

И он прибавляет дальше:

«Несмотря на то, что положение пруссаков кажется благоприятным, оно, в действительности, далеко не так хорошо. Если Франция выдержит, если она использует перемирие для реорганизации своей армии и придаст, наконец, войне действительно революционный характер,— а хитроумный Бисмарк с своей стороны делает все возможное для этого, то новорожденная Прусская империя может получить еще совершенно неожиданное палочное крещение».

Но Маркс и Энгельс, не только в прессе, не только путем непосредственного воздействия на немецкое рабочее движение, действовали в пользу Французской республики. Оба они, в особенности первый, не менее энергично работали и в Англии, чтобы побудить рабочих вести борьбу за признание республики Англией. Генеральный совет, который тогда выполнял, кроме своих интернациональных функций, еще и роль одного из центров английского рабочего движения, сейчас же взялся за организацию ряда митингов, чтобы повлиять на правительство, во главе которого стоял тогда Гладстон, всегда лицемерно облекавший в красивые фразы неприглядную внешнюю политику английской олигархии. Так и теперь он увиливал от признания республики, ссылаясь на различные формальности, с которыми, однако, нисколько не считался Пальмерстон, когда на другой же день после государственного переворота 2 декабря 1851 г. приветствовал спасителя «порядка». Правда, и само правительство национальной обороны, то самое, которое Маркс и Энгельс третировали en canaille и которому Гарденин еще и теперь почтительно бьет челом, не особенно настаивало на этом признании, да и Бисмарк еще не отказался от надежды восстановить на троне Наполеона, который, по уверению самого же Бисмарка, был главным виновником этой войны [1]).

[1]) «Чем провинился Наполеон,— писал орган Бисмарка,— что в момент крайней опасности свергают правительство, которое, во всяком случае, имело то преимущество, что ему, как существующему, повиновались, тогда как новое должно еще заслужить это повиновение».

Мы не будем останавливаться на перипетиях той борьбы, которую Маркс и Энгельс вели в Англии за признание республики во Франции, хотя они знали, что во главе ее стоят люди, которым это признание было не особенно желательно. Когда Жюль Фавр, этот прообраз государственных людей третьей Французской республики, после поражения Коммуны 6 июня 1871 года обратился с предложением ко всем европейским державам начать охоту на Интернационал, Маркс ему, между прочим, ответил следующим разоблачением :

«Известно, что Генеральный совет Международного товарищества рабочих в своих двух манифестах (июльском и сентябрьском) по поводу недавней войны разоблачил завоевательные планы Пруссии. Несколько времени спустя Рейтлингер, частный секретарь Жюля Фавра, обратился к некоторым членам Генерального совета, конечно, безуспешно, с просьбой инсценировать через посредство Генерального совета демонстрацию против Бисмарка в пользу «правительства национальной обороны». Но этих членов *нарочито просили республики не упоминать».*

Рост революционного движения в Париже изменил все планы. Он, во-первых, заставил Бисмарка отказаться от надежды навязать Франции опять Наполеона и уменьшить свои требования. Во-вторых, он сконцентрировал все силы буржуазной Франции в борьбе с парижским пролетариатом и даже для монархической буржуазии сделал республику неизбежным, но все же меньшим злом.

Начиналась героическая эпопея Коммуны. Даже Гарденин знает, что Маркс «возвеличил дело Парижской коммуны красноречивее, чем кто-либо». Но — и это шестое и последнее обвинение, которое он выдвигает против Маркса и Энгельса — к самым проектам провозглашения Коммуны они относились в высшей степени отрицательно.

Мы уже знаем, как расправляется Гарденин с фактами и хронологией. Мы уже знаем, что теперь, сорок пять лет спустя после Коммуны, он еще не научился отличать действительных ее героев от таких «литературных эпилептиков» и героев революционной фразы, как Феликс Пиа.

Пусть Гардении прочтет следующие письма Маркса, писанные *не после поражения Коммуны,* а при известии о первых ее шагах. Даже он, надеемся, поймет, какое *единство* настроения

и понимания связывает эти *частные письма* со знаменитым манифестом Интернационала по поводу гражданской войны во Франции. Оба письма адресованы Кугельману. В первом (от 12 апреля 1871 года) мы читаем:

«Если ты дашь себе труд заглянуть в последнюю главу моего «18-го брюмера», то ты найдешь что я там выставляю, как ближайшую попытку французской революции, не переход бюрократически-милитарного механизма из одних рук в другие, но слом (уничтожение) его. Это — предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. В этом заключается и попытка наших героических парижских товарищей. Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность к самопожертвованию лежит в этих парижанах! После шестимесячного голодания и истощения — вследствие внутренней измены еще более, чем от внешнего врага — они восстают под прусскими штыками, как будто не было никакой войны между Францией и Германией и враг вовсе не стоит у ворот Парижа! История не знает еще другого примера подобного героизма! И если они падут, то виновно будет в этом только их «добродушие». Нужно было сейчас же итти на Версаль, после того как Винуа. а затем реакционные части парижской национальной гвардии сами очистили поле. Настоящий момент был упущен благодаря излишней скрупулезности (versäumt aus Gewissensskrupel). *Не хотели начать гражданскую войну,* как будто этот злобный выродок Тьер не начал уже сам этой войны своей попыткой обезоружить Париж. Вторая ошибка: центральный комитет слишком рано отказался от власти, чтобы уступить ее Коммуне. Опять-таки в силу той же «благородной» скрупулезности! Как бы то ни было, теперешнее восстание Парижа — если оно даже будет подавлено волками, свиньями и погаными псами старого общества — представляет самое славное дело нашей партии со времени июньского восстания. Стоит только сравнить с этими небоборцами Парижа неборабов немецко-прусской священной Римской империи, с ее посмертными маскарадами, пахнущими казармой, церковью, капустным юнкерством и больше всего филистерством!»

И пять дней спустя — *17 апреля* — в ответ на письмо Кугельмана:

«Твое письмо пришло аккуратно. У меня теперь по горло работы. Поэтому только несколько слов. Мне абсолютно непонятно,

как ты можешь сравнивать мелкобуржуазную демонстрацию à la 13 июня 1849 года с теперешней борьбой в Париже.

«Конечно, творить всемирную историю было бы очень легко, если бы приходилось начинать борьбу только под условием безошибочно благоприятных шансов. История, с другой стороны, носила бы совершенно мистический характер, если бы «случайности» не играли в ней никакой роли. Эти случайности входят, разумеется, в общий ход развития и, в свою очередь, уравновешиваются другими случайностями. Но ускорение и замедление весьма зависят от таких «случайностей», среди которых фигурирует и такая «случайность», как характер людей, которые становятся сначала во главе движения.

«Имеющую теперь наиболее решающее значение «случайность» приходится искать не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих под самым Парижем. Это хорошо было известно и буржуазной сволочи в Версале. Именно поэтому они и поставили парижан перед альтернативой: принять борьбу или подчиниться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастием, чем гибель любого числа «вождей». Борьба рабочего класса с классом капиталистов и их государством вступила теперь, вследствие парижского восстания, в новую фазу. Как бы она ни кончилась, теперь завоеван новый исходный пункт всемирно-исторического значения».

И знаете ли вы, citoyen Felix Pyat-Гарденин, чем был занят Маркс в это время? Ответ вы найдете в деятельности Варлена и его ближайших друзей. Кое-что вы можете узнать и у Вальяна.

Наша задача окончена. Все шесть пунктов, в которых Гарденин резюмировал свои обвинения против Маркса и Энгельса, превратились в свою прямую противоположность. А именно, вопреки его утверждениям, 1) Маркс и Энгельс считали виновницей войны и нападающей стороной не только Францию; 2) они совершенно определенно не желали в течение первой фазы войны поражения ни той, ни другой стороне, а во время второй фазы совершенно определенно желали поражения Германии; 3) по тому самому они не имели намерения теоретически обосновывать желательность победы Германии, да еще «под углом зрения пролетариата»; 4) в дальнейшем столкновении они взяли «сторону Французской республики», хотя третировали en canaille ее буржуазных вождей — и с пол-

ним основанием; 5) оппозиция их отторжению Эльзас-Лотарингии была именно ожесточенной, и, более того, они являлись ее главными инициаторами в самой Германии, и 6) к Парижский коммуне они отнеслись не только не отрицательно, но с самого начала разгадали ее крупное всемирно-историческое значение и, в меру сил своих, способствовали ее развитию и созданию вокруг нее благоприятной обстановки путем энергичного воздействия, в первую голову, на немецкий, а затем и на международный пролетариат.

Значит ли это, что Гарденин — злостный клеветник, что его тезисы действительно заслуживают той квалификации, которую он сам им дал на тот случай, если ему докажут, что они так же далеки от истины, как его опрошенный социализм от науки?

Нет, Гардении — не злостный клеветник Нет, он — лишь злостная клевета на революционный социализм.

Он просто не устоял против соблазна использовать это подлое время, когда всякие хамы справляют свой дикий танец по поводу последнего поражения пролетариата, чтобы нанести из-за угла новый удар первооснователям научного социализма. С аффектированной наивностью восьмилетнего ребенка он протягивает русским марксистам руку примирения. И со свойственным ему литературным благородством будет «нравственно» возмущаться, когда его протянутая рука повиснет в воздухе.

ВАЛЬЯН И МАРКС

Вместе с Лафаргом прошедший через школу Прудона, Вальян точно так же, как и первый, отвергает после легализм и мютюэлизм автора «Философии нищеты», чтобы стать последовательным коммунистом и революционером. Но в то время как Лафарг переезжает (в 1866 году) в Лондон, под личным влиянием Маркса быстро проходит те фазы умственной эволюции, через которые прошел и Маркс, претворив и переработав прудонизм в реальный гуманизм Фейербаха; в то время как Лафарг уже с 1866 года как член Генерального совета Интернационала попадает в самую гущу международного рабочего движения. Вальян, наоборот, проводят всю вторую половину шестидесятых годов в Германии, изучает там естественные науки и философию, вступает в близкие сношения с Фейербахом, чтобы только после близкого контакта с немецким и австрийским рабочим движением сделать дальнейшие выводы из системы Фейербаха, выводы, которые Маркс и Энгельс сделали еще за 25 лет перед этим. Так, 25 декабря 1869 года Вальян писал Фейербаху [1]), спеша поделиться с ним впечатлениями, вынесенными из последнего пребывания на родине:

«Я возвращаюсь из Франции, где имел возможность убедиться, что все мои надежды готовы осуществиться, что революция близка и что если она еще не вспыхнула, то только потому, что цель ее, более великая, чем когда-либо, требует большей подготовки и согласованности в действиях, чем когда-либо... Рабочий класс находится теперь по отношению к буржуазии в таком же положении, в каком она сама в 1789 году находилась по отношению к дворянству и духовенству. Завоевав равенство, низший общественный слой, современный пролетариат, создаст раз навсегда республику.

---

[1]) Во втором томе переписки Фейербаха имеются в другие письма Вальяна. Самое раннее из них относится к маю 1864 года.

Вы показали ему пример. Вы низвергли богов христианства и теизма; пролетариат следует за вами и разрушает последнее воплощение зла: бога — Капитал, Кроме того, я надеюсь, что эта революция, столь же радикально-политическая, сколько и социальная, не встретит вражды соседних народов, а, напротив, революционное соревнование, которого до сих пор не хватало и отсутствие которого, изолируя французское движение, лишало его успеха. В тот же день, когда вспыхнет во Франции революция, республика обеспечена в Италии, Испании, Бельгии. Я питаю большие надежды на движение в Германии: мне кажется, что с тех пор, как Вы начали свою проповедь, Ваши мысли должны были проникнуть в массы и научить их, что пора освободиться от символов и обратиться к действительности».

В июне 1870 года Вальян присутствует в Штутгарте на конгрессе энзенахцев и приветствует их от имени французских социалистов. Объявление франко-прусской войны захватило его в Тюбингене. Сначала он думал остаться в этом городе, но шовинистическое настроение тамошних университетских кругов заставляет его уехать в Швейцарию, а оттуда в Париж. Сейчас же после провозглашения республики он вместе с членами парижской секции Интернационала выпускает прокламацию к немецкому народу, написанную в духе якобинских традиций 1792 года, и вместе с Бланки принимает самое деятельное участие в попытках заменить трусливое и блудливое правительство национальной обороны более надежным революционным и становится после неудачи этих попыток одним из наиболее решительных членов Коммуны [1]). Ему удалось спастись от преследований версальцев, и уже в июле 1871 года мы находим его опять в Лондоне, где вместе с другими бланкистами он становится немедленно членом Генерального совета Интернационала.

Свои мотивы Вальян объясняет нам в одном документе, изданном после Гаагского конгресса. Вспомним, что, во время второй империи бланкисты относились очень отрицательно к деятельности французской секции Интернационала и только незадолго до

[1]) Собственно к краткому периоду между 4 сентября 1870 г. и началом марта 1871 года относится его совместная работа с Бланки. Как известно, последнему не пришлось принимать участия в Коммуне, а когда Вальян вернулся после амнистии 1880 года, Бланки уже доживал последние дни: он умер 1 января 1881 года.

войны начали сближаться с интернационалистами. Больше всего привлекла их решительная и последовательная тактика Генерального совета в 1870—1871 годах.

«С самого начала войны 1870 года Генеральный совет нападал на политику грабежа и завоеваний, для которой вооружалась Пруссия, и указывал на опасность установления на развалинах бонапартистской империи не менее гнусной, но более молодой империи, поддерживаемой менее истаскавшейся буржуазией, лучше вооруженной против революции и представляющей самое крупное препятствие на пути к последней: Прусской империи.

«В то время, когда социальная революция была разбита в Париже, в то время, когда Парижская коммуна пала под ударами свирепой буржуазии, которая хотела отомстить представителям пролетарского дела столь же кровавыми, сколь и безумными репрессиями за весь тот страх, который она испытала при виде опасности, грозившей ее социальным привилегиям,— Генеральный совет опубликовал свой манифест о гражданской войне, в котором, заявляя от имени Интернационала свою солидарность со всеми актами Коммуны, он объяснял, о самой возвышенной точки зрения, смысл и величие революции 18 марта».

Так судил француз и горячий патриот Вальян о деятельности Генерального совета во время франко-прусской войны, а всякие Ласкины всех наций и языков хотят нас уверить, что Маркс того времени был «пангерманистом» и немецким шовинистом!

Наоборот, ни в ком не нашел «пангерманист» Маркс такого верного союзника по борьбе с «романско-славянским» анархизмом, по борьбе с Гильомом и Бакуниным, как именно в Вальяне. На Лондонской конференции (16—23 сентября 1871 года) именно бланкисты — в особенности Вальян — являются главными застрельщиками при проведении той резолюции, в которой старый Интернационал впервые формулировал не только необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, но и конституироваться в особую политическую партию с целью добиться торжества социальной революции.

На Гаагском конгрессе (2—7 сентября 1872 года), на котором произошел решительный бой с бакунистами, кончившийся исключением Гильома и Бакунина, именно Вальян энергичнее всего отстаивал те предложения, в которых, по словам бакунистов, особенно ярко выразился обуревавший Маркса дух «бисмаркизма» и

«пангерманизма». Предложение внести резолюцию, принятую на Лондонской конференции.— резолюцию, которая именно довела до последней крайности борьбу между Марксом и Бакуниным, в *устав* Интернационала,— это предложение было обосновано Вальяном. Оно гласит:

«В своей борьбе против коллективной власти имущих классов пролетариат может действовать, как класс, только конституировавшись. в свою очередь, как обособленная политическая партия, принципиально противоположная всем старым, партиям, которые были образованы имущими классами. Это конституирование пролетариата в политическую партию необходимо для того, чтобы обеспечить торжество социальной революции и ее конечной цели: уничтожение классов. Объединение рабочих сил, уже достигнутое путем экономической борьбы, должно послужить в руках рабочего класса рычагом в его борьбе против политической власти его эксплоататоров. Так как владельцы земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями, чтобы защищать и увековечивать свои экономические монополии и порабощать труд, то завоевание политической власти превращается в главную обязанность пролетариата».

Это предложение принято было 29 голосами против 5 при 8 воздержавшихся. После присоединили свои подписи и некоторые (6) из делегатов, которые были заняты в комиссиях и не могли принимать участия в голосовании, в том числе Маркс.

И из этих 35, при 11 немцах, на долю французов приходится 16 голосов и среди них такие «пангерманисты», как Дерэр, Лафарг, Лонге, Курнэ, Ранвье и сам Вальян.

II

Но на том же Гаагском конгрессе между Вальяном, с одном стороны, Марксом и Энгельсом, с другой, вспыхнул конфликт по совсем иному поводу. В силу целого ряда соображений, на которых мы теперь не будем останавливаться. Энгельс внес предложение перенести Генеральный совет в Нью-Йорк, и это предложение прошло, несмотря на энергичный протест Вальяна и его ближайших товарищей. Теперь вопрос о том, кто был прав, имеет только исторический интерес. Во всяком случае перевод Генерального совета в Нью-Йорк, в страну, которая находилась вне

арены наиболее развитого рабочего движения, означал более или менее близкую смерть Интернационала. Действительно, через четыре года последний и официально прекратил свое существование.

Вальян и его товарищи протестовали против этого решения в особой брошюре «Интернационал и революция», которую мы выше уже цитировали. Но они не ограничились одним лишь протестом: они заявили также о своем выходе из Интернационала, и таким образом, в той борьбе, в которой проходит последний период существования Интернационала в Европе и в которой они — в течение 1870—1872 годов — стояли на стороне Маркса, они не принимали больше никакого участия, стараясь создать новую, именно национальную организацию, Commune Révolutionnaire, которая должна была действовать во Франции,— этой, как они выражаются в том же документе, стране par excellence вооруженной революции.

Но, разойдясь с Марксом политически. Вальян нисколько не изменил своих личных отношений к тому, кого Гильом и теперь еще, стараясь использовать благоприятную политическую конъюнктуру, изображает как агента Бисмарка,— рецепт, прекрасно усвоенный и русскими подражателями «старца с Юрской горы».

Лучше всего свидетельствует об этом следующее письмо Вальяна к Марксу, до сих пор не опубликованное. Оно писано 10 октября 1872 года.

«Дорогой гражданин! Я настолько опоздал со своим ответом, что даже не знаю, как мне извиниться, хотя я не повинен ни в индиферентности, ни в халатности. Я до такой степени был поглощен личными делами, что со времени моего возвращения не мог найти ни одной свободной минуты. Все это усложнилось переездом на новую квартиру и новым устройством, до сих пор еще незаконченным, так что я и теперь еще не знаю, когда смогу зайти к Вам. В ожидании я горячо благодарю Вас за присылку первого выпуска Вашего труда и сожалею, что не мог этого сделать сейчас же устно. Но что мне в особенности хочется Вам высказать, так это то, что я не хотел бы, чтобы вы думали, что события на Гаагском конгрессе оставили малейший след в моей душе с точки зрения личной. Что бы ни случилось, я никогда не забуду ни Вашего благожелательства, ни благожелательства Вашей семьи по отношению ко мне и прошу Вас быть уверенным в уважении

и искренней привязанности совершенно Вам Преданного *Эд. Вальяна.*

«Передайте мой горячий привет Вашей жене и дочерям. Сердечно жму руку Лонге».

Отношения эти и позже продолжали быть хорошими. Оставаясь формально в Commune Révolutionnaire, Вальян все больше втягивался в круг влияния идей марксизма. Вот почему Энгельс, подвергая всесторонней критике выпущенное бланкистами в 1874 году воззвание, прибавляет:

«Это — первый манифест, в котором французские рабочие присоединяются к учениям современного *немецкого* коммунизма. И к тому же еще рабочие, которые считают французов избранным народом революции, а Париж революционным Иерусалимом. Эта заслуга принадлежит, бесспорно, Вальяну, одному из авторов этого воззвания и, как известно, основательному знатоку немецкого языка и немецкой социалистической литературы».

Вальян и дальше продолжал эволюционировать в сторону марксизма, но и до конца дней своих он оставался верен старому убеждению, что Франция — избранная страна революции. И когда безжалостная история поставила опять на карту существование его отечества, старый революционер пошел, как ему казалось, по следам своего любимого учителя, великого «узника». Но история не повторяется. Если борьба, которую Бланки вел под лозунгом «отечество в опасности», могла еще питаться иллюзиями Великой французской революции: если убеждение, что, не будь французская буржуазия до такой степени трусливой и подлой, Франция могла бы так же, как в 1792 году, прогнать les cohortes étrangères, дало французскому пролетариату возможность возместить недостаточную организованность силой революционной страсти, классовой ненависти к Тьерам и Трошю,— то новая борьба под тем же лозунгом велась и ведется в совершенно другой исторической обстановке, поглощая все силы и затрачивая всю энергию, накопленную французским пролетариатом со времени Коммуны. Великая «прекрасная Франция», которая в конце XVIII столетия, — с Вандеей в тылу, с «гражданской войной» между буржуазией и феодальной аристократией внутри страны,— справилась почти со всей Европой, теперь, несмотря на «union sacrée», едва справляется с делом обороны. И тот самый Вальян, который служил для Второго интернационала живым олицетворением револю-

ционной коммуны, который на Амстердамском конгрессе заявил в полемике с Жоресом, что он никогда не откажется от классовой борьбы, чтобы соединиться с буржуазией, теперь со всей энергией отчаяния зовет на помощь товарищей по Интернационалу, с которыми он хотел перестроить мир, и, не находя «отклика», разражается проклятиями по адресу тех, кто не спешит выручать стра- ну, подарившую миру Коммуну.

«Как мало нужно иметь критического отношения к Коммуне,— писал Энгельс по поводу бланкистской программы,— чтобы канонизировать ее, чтобы объявить ее непогрешимой, чтобы утверждать, что каждый дом, который был сожжен, каждый заложник, который был расстрелян, заслужили вполне свою участь?»

Так Вальян хотел и в 1915 году, чтобы его товарищи по Интернационалу канонизировали его отечество, забывая, что время избранных народов прошло безвозвратно, забывая, что необходимой предпосылкой union sacrée между пролетариатом всех стран является «священная война» внутри каждой отдельной страны... забывая, что национальный лозунг — «мир своим дворцам и война чужим» — является только карикатурой на боевой клич Великой французской революции: война *всем* дворцам и мир *всем* хижинам.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 16. В 1926 г. в Берлине, в собрании автографов, хранящемся в Национальной библиотеке, я нашел письмо Энгельса. Случайно ускользнувшее от внимания Густава Майера и других исследователей, оно не только точно устанавливает, кто является действительным автором спорной брошюры, но дало также возможность найти еще одну, вызвавшую в свое время большую сенсацию, брошюру о Шеллинге, автором которой оказался опять-таки Энгельс. Вот перевод этого письма:

Уважаемый доктор! Вместе с этим письмом я посылаю вам статью для «Немецких летописей». Работу о Данте я пока отложил в сторону. Я бы прислал свою статью раньше, если бы имел хоть сколько-нибудь времени.

Ваше письмо я получил после того, как оно проделаю немало злоключений. Вы спрашиваете, почему я не послал «Шеллинг и откровение» в «Летописи»? Во-первых, потому что я рассчитывал написать книгу в 5—6 листов и только в процессе переговоров с издателем вынужден был ограничиться объемом в 3 $^{1}/_{2}$ листа; во-вторых, «Летописи» до сего времени были все еще сдержанны по отношению к Шеллингу, в-третьих, потому что мне отсоветывали нападать на Шеллинга и дальше в журнале, а лучше сразу выпустить против него брошюру «Шеллинг, философ во Христе» тоже записанную мною.

Кстати, я вовсе не доктор и никогда не стану им, я всего только купец и прусский артиллерист. Избавьте меня поэтому от такого титула.

Я надеюсь скоро послать Вам новый манускрипт, а пока остаюсь с совершенным почтением

Ф. Энгельс (Освальд).

Берлин, 15 июня 1842 г.
Доротеенштрассе, 56.

Обе брошюры Энгельса мною были напечатаны в русском переводе в собрании сочинений Энгельса за 1839—1844 гг.

Стр. 20. О гимназических работах Маркса имеется теперь сообщение проф. К. Грюнберга, напечатанное в третьем томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса». К. Грюнберг также отказы-

вается видеть в этой фразе больше, чем отголосок французского материализма. В только-что вышедшем первом томе собрания сочинений Маркса и Энгельса мы поместили все гимназические работы Маркса.

Стр. 23. Письма о Вуппертале, вместе с другими ранними произведениями и письмами Энгельса, опубликованы нами во втором томе собрания сочинений Маркса и Энгельса, вышедшем в 1923 г. В дополненном виде они будут напечатаны во втором томе нашего нового издания.

Стр. 25—29. Брошюра Энгельса «Шеллинг и откровение», вместе с другой открытой нами работой о Шеллинге напечатаны в только что названном томе собрания сочинений Маркса и Энгельса. Обе брошюры были хорошо известны и «русским людям сороковых годов».

Стр. 30. Ковалевский писал два раза воспоминания о своем знакомстве с Марксом. В первый раз в «Русской Мысли» за 1895 г. январь («Мое литературное и научное скитальчество») и второй раз — в «Вестнике Европы» за 1909 г., июль и июль («Две жизни»). Писанные в различные эпохи и под влиянием различных настроений, воспоминания эти не всегда совпадают как по «тону», так и по содержанию.

Стр. 35. Статьи Маркса о мозельских крестьянах напечатаны теперь в первом томе сочинений Маркса, как в международном издании, так и в русском.

Стр. 69. В первом томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса» напечатана часть «Немецкой идеологии», посвященная критике Фейербаха.

Стр. 89—94. Излагаемые нами статьи Энгельса напечатаны теперь в собрании сочинений за 1839—44 гг.

Стр. 107. Письмо Бланки к Лакамбру

Консьержери, 16 июля 1861 г.

Сегодня утром я прибыл из Мазаса *), дорогой мой Лекамбр, и очутился в общей камере с четырьмя или пятью подследственными и осуж-

*) Дом предварительного заключения в Париже.

денными по делам уголовным,— двор полон ими до того, что не повернуться,— каторжниками, отбывающими тюремное заключение и пр. и пр., я это предвидел и не знаю, куда направят меня после окончательного приговора, вероятнее всего — в какой-нибудь централ, ибо я не сомневаюсь в желании правительства со мной покончить. Был задержан вечером 10 марта в половине десятого на улице Двух мостов (rue des Deux Ponts) агентами сыскного отделения, бросившимися на меня, когда я проходил по этой улице, я оставался 80 дней в одиночном заключении в Мазасе. Вы узнали из газет о приговоре трибунала первой инстанции.

Завтра дело троих из нас будет рассмотрено вторично; один из наших сообвиняемых или, вернее, соосужденных покинул нас: он не обжаловал приговора. После вторичного осуждения я подам на кассацию, я хочу, чтобы на них всех тяготела ответственность за содеянную гнусность. Впрочем, общественное мнение единодушно, раздается один вопль — гнусность! Во всех слоях, со всех точек зрения, чувство было одно и то же. Всеобщее неодобрение — тем паче злобится правительство, — у мена отобрано 700 франков, т. е не меня, а у моей сестры. При мне была лишь третья часть этой суммы. Отправились с обыском к моей сестре, чтобы отобрать остальное. Вероятно, эти деньги они конфискуют. Это все, что у меня оставалось. Бедный мой друг, невозможно нам с Вами освободиться, если деньги будут конфискованы, все предвещает, что, по видимому, оно будет так. Их отказались возвратить до окончательного приговора, и отказ этот заставляет явно предчувствовать конфискацию. Вы будете предупреждены, если совершится эта кража, ибо это и есть попросту кража. — у меня из кармана взяли кошелек и присваивают его себе. Штрафы и издержки взимаются лишь по отбытии наказания. У моей сестры из ящика вытащили деньги, уверяя, будто бы они принадлежат мне.— Я только что виделся с Баком, моим защитником, который ясно мне подтвердил, что это будет кражей в полном смысле слова. Он прибавил, что в суде ходят достоверные слухи, будто наше дело затушуют. На тот же день председатель назначил еще *восемнадцать* дел; это более, чем достаточно, чтобы доказать, что с нашим собираются покончить в несколько минут. Теперь, дорогой друг, Вам известно мое положение; уже теперь — в куче с отбывающими заключение: что же будет после? — можете догадаться сами: у меня зато остается по крайней мере утешение в виде Вашей энергической дружбы. Отчет о нашем процессе будет опубликован в Париже, но бледно, бледно. В Бельгии о нем напечатают отчет подлинный и полный Вам пришлют несколько экземпляров его. Может быть. Вы бы дали перевести его на испанский язык? Это было бы лучше всего; газеты тоже могли бы оказать сильную поддержку — в Валенсии, в Мадриде и в прочих местах. Европейское общественное мнение находит отклик в Испании. Убедительно прошу Вас, дорогой мой Лакамбр, вступить в прямые и постоянные сношения с Ватто (Watteau), подобно Вам, доктором медицины, подобно Вам, другом преданным и пылким, делающим в Брюсселе такие же усилия, как Вы в Валенсии, в пользу погребенного заживо друга. Это — ценнейший человек, в высшей степени сердечный и очень способный. Он знает Вас

по моим рассказам, и Ваши совместные усилия могут оказаться действительнее, нежели если станете действовать в разбивку. Единение всегда имеет шансы на успех. Предупреждаю Вас, что все имела наших друзей в Испании — как в Валенсии, так и в Мадриде — находятся в руках у полиции. Они не могут больше служить конспиративными адресами. Все они были подписаны на «Bien être social» («Общественное благоденствие»), а адреса подписчиков — в Испании и в Швейцарии, в Англии и в Португалии — все захвачены. Обзаведитесь новыми конспиративными адресами и сообщите их Ватто. Совершенно необходимо, чтобы переписка Ваша с ним происходила кружным путем на Англию; никоим образом не направляйте ее через Францию. Ватто в письме к Вам укажет Вам адреса и сообщит, каким путем действовать. Он Вам перешлет и настоящую записку. Вам небезызвестно, что величайшим препятствием для нас всегда была затруднительность переписки. Если я окажусь в централе, затруднения эти еще возрастут. Действуйте в согласии с Ватто. Ваш сговор многое облегчит. Вы внесете единение в действия.

Поддерживайте частые сношения. Привет Шапону, который, вероятно, тоже был очень огорчен, узнав о новой беде, со мной приключившейся. Передайте также поклон от меня Тюрмелю. — Я не распространяюсь о подробностях нашего дела. Вы почерпнете их достаточно из брошюры; знайте только, что я осужден за принадлежность к тайному сообществу и что нет ни тени, ни следа тайного сообщества. Сами судьи нисколько в таковое не верят. В деле есть даже доказательства противного. Впрочем, судьба меня действительно преследует,— были совершенно безжалостные случайности. Если бы не обладать разумом, было бы от чего поверить в рок, но ничто и никогда не сделает меня фаталистом.— В полицейских дознаниях, имеющихся в деле, о Вас не упоминается; это весьма странно, так как выведено на сцену множество выдуманных лиц, фигурирующих в качество моих пособников. Прямо поразительно. Вы увидите. Укажите Ватто вернейший и удобнейший способ доставить Вам брошюры. Я полагаю, что он Вам вскоре перешлет настоящую записку. Меня тревожит мысль о том, какими способами установить между Вами верную и частую переписку. Приложите к этому все усилия.— Возвращаюсь к общественному мнению: во Франции, во всех слоях, единодушно откликнулись на наше дело. Приговор отвратителен для всех, без различия партий. Это уж нечто. Это хорошая основа для дальнейших действий. Когда публика на твоей стороне, чувствуешь себя сильным. Надо только не дать захлопнуться крышке гроба. Правительство рассчитывает на забвение. Поболтают с недельку, а там после погребения займутся другим. Между тем враг, которого стремятся поразить, задыхается в могиле; надо отнять у них выгоды молчания и забвения, но сможете ли Вы это сделать? Станут ли газеты Вас постоянно поддерживать? Вот в чем вопрос. Больше я ничего не прибавлю. Я принужден писать в обществе четырех товарищей по заключению, в комнатушке, где все сгрудились вместе. Это в моем положении страшнее всего. Я значительно предпочитал Мазас из-за тамошнего

обособления. — Прощайте, напишите или, вернее, отвечайте поскорее Ватто, который на основании моих слов сильно рассчитывает на Ваше содействие. Рассчитывайте и Вы на него, ибо он столь же деятелен, сколь и сердечен. Повторяю, по брошюре Вы познакомитесь со всем делом. В частности Вы встретите там весьма поучительное полицейское донесение. Что за ужасающая наглость! Что за безумцы!

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы для биографии К. Маркса и Ф. Энгельса.

К. Маркс и Ф. Энгельс в их переписке до революции 1848 г.
Очерк первый 3
Очерк второй (1844— 1845) 13
Очерк третий (1846—1847) 63
Юношеские работы Энгельса 88
Страничка из жизни Маркса 96
К вопросу об отношениях между Марксом и Бланки 104
К. Маркс и «Нью-йоркская Трибуна» 110
К. Маркс и венская «Пресса» 152
«Исповедь» Карла Маркса 168

II.

Из литературного наследства Маркса и Энгельса.

Новые данные о литературном наследстве К. Маркса и Ф. Энгельса 189
От «Рейнской газеты» до «Святого семейства» 208
Из истории «Немецкой идеологии» 260
Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» 273
Маркс и Энгельс о диалектике природы 280

III.

Карл Маркс и Ф. Энгельс в эпоху Первого Интернационала.

Анархистский товар под флагом марксизма (Маркс и Бакунин в 60-х годах) 321
История без кавычек. (Ответ Мерингу) 409
К. Маркс и Ф. Энгельс как шовинисты. (Новое открытие Ю. Гарденина 418
Вальян и Маркс 452
Примечания 459

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ МАРКСИЗМА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Д. РЯЗАНОВ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА. ИСТОРИЯ И КОММЕНТАРИЙ

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

А. ДЕБОРИН

ОЧЕРК ИСТОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

2 р. 75 коп.

20